

Евангелос СИСКОС

**ГЛОБАЛЬНЫЕ
СТРАТЕГИИ
ЕВРОПЕЙСКОЙ
ИНТЕГРАЦИИ**

Монография

Евангелос СИСКОС

ГЛОБАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Монография

НБ ПНУС

746853

**Тернополь
Астон
2008**

Сискос Евангелос. Глобальные стратегии европейской интеграции: Монография / Под ред. проф. О. Г. Белоруса. – Тернополь: Астон, 2008. – 384 с.

Рекомендовано

*Национальной академией наук Украины,
Институтом мировой экономики и международных отношений*

- Автор:** *Сискос Евангелос,*
профессор Отделения Международной Торговли
Технологического Института (ТЕИ) Западной Македонии,
Кампус Кастория, Греция
- Рецензенты:** *Е. В. Савельев,*
докт. экон. наук, профессор, Тернопольский национальный
экономический университет
А. И. Рогач,
докт. экон. наук, профессор, Институт международных отношений
Киевского национального университета им. Т. Шевченко
- Научный редактор:** *О. Г. Белорус,*
докт. экон. наук, профессор, член-корреспондент НАН Украины
- Обложка:** *Константина Долкира*

Монография посвящена исследованию европейской интеграции и ее влияния на экономические отношения стран Организации Черноморского экономического сотрудничества (ЧЭС). Обоснованы концептуальные подходы к качественному и количественному анализу развития Европейского Союза (ЕС), раскрыта его роль как антикризисного стабилизатора глобальной экономики и показана необходимость дальнейшего расширения ЕС с принятием восточноевропейских, балканских и кавказских стран и прежде всего Украины. Предложены новые методы оценки национального производственного и торгового потенциала, определены основные направления оптимизации экономической политики стран ЧЭС в глобальной конкурентной среде. Особое внимание уделено трансформациям в сфере международной энергетической и экологической безопасности.

Для преподавателей и студентов экономических высших учебных заведений, а также специалистов-практиков в сфере внешнеэкономической деятельности.

ISBN 978-966-308-273-8

Воспроизведение всей книги или любой ее части
запрещается без письменного разрешения автора

МАУКОВА БІБЛІОТЕКА
746853

© Сискос Евангелос, 2008.

Инв. №

Evangelos SISKOS

**GLOBAL
STRATEGIES
OF EUROPEAN
INTEGRATION**

Monograph

**Ternopol
Aston
2008**

Siskos Evangelos. Global Strategies of European Integration: Monograph /
Edited by Academician, Professor O. G. Bilorus. – Ternopil: Aston, 2008.
– 384 p.

Recommended

*by the Institute of World Economy and International Relations,
Ukrainian National Academy of Sciences*

Author: **Siskos Evangelos,**
Ph. D. (economics), Professor, Technological Educational Institute
(TEI) of Western Macedonia, Department of International Trade,
Campus Kastoria, Greece

Reviewers: **E. V. Savelyev,**
Doctor of economic sciences, Professor, Ternopol National
Economic University

A. I. Rogach,
Doctor of economic sciences, Professor, Institute of the International
Relations, Kiev National University n. T. Shevchenko

**Scientific
editor**

O. G. Belorus,
Doctor of economic sciences, Professor, Correspondent member
of the Ukrainian National Academy of Sciences

Designer of cover: Konstantina Dolkira

This monograph is devoted to studies of European integration and its influence on economic interaction between the Organization of Black Sea Economic cooperation (BSEC) member-states. Conceptual approaches to qualitative and quantitative analysis of the European Union (EU) development process are suggested; EU role as anticrises stabilizer of global economy are substantiated and necessity of the EU further enlargement with accession of East-European, Balkans and Caucasus countries and Ukraine first of all are shown. New methods for estimation of national productive and trade potential are proposed; main trends of BSEC countries economic policy optimisation in the global competition environment were analysed. A particular attention is given to transformations in sphere of the international energy and ecological security.

ISBN 978-966-308-273-8

*Reproduction of this book in whole or in any parts
without written permission of author is prohibited*

**Αφιερώνεται στην αγαπημένη μου σύζυγο
Κωνσταντίνα και στις λατρευτές μου κόρες
Ελένη και Χαρά.**

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	9
ГЛАВА 1.	
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ И ДОКТРИНЫ	
ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ.....	11
1.1. Развитие европейских интеграционных процессов и теория экономической интеграции.....	11
1.2. Роль и место Европейского Союза в мировой экономике и глобальных интеграционных процессах.....	33
1.3. Концептуальные основы дальнейшего расширения и углубления интеграции в постконфронтационной Европе.....	54
1.4. Общее и особенное в механизме разработки и реализации региональной и субрегиональной интеграции.....	82
<i>Выводы</i>	103
ГЛАВА 2.	
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ	
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ	
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ.....	105
2.1. Формирование Европейского Экономического и Валютного Союза и вызовы трансформационного периода для стран Восточной Европы.....	105
2.2. Проблемы становления новых механизмов регулирования внешней торговли и денежно-кредитных отношений в постсоциалистических странах Причерноморского бассейна.....	124
2.3. Особенности обеспечения динамического равновесия между общими и национальными интересами стран ЕС.....	178
<i>Выводы</i>	204

ГЛАВА 3.	
СПЕЦИФИКА СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ	
ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА	
СТРАН ПРИЧЕРНОМОРСКОГО БАССЕЙНА.....	206
3.1. Национальные стратегии экономического сотрудничества	
Греции, Украины и России.....	206
3.2. Динамика и структура внешней торговли стран	
Причерноморского бассейна.....	214
3.3. Проблемы сотрудничества на региональном	
и субрегиональном уровне и институционализация	
механизма их разрешения.....	231
<i>Выводы.....</i>	<i>244</i>

ГЛАВА 4.	
ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ГРЕЦИИ	
И УКРАИНЫ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ	
ПРОЦЕССОВ В ПРИЧЕРНОМОРСКОМ БАССЕЙНЕ.....	245
4.1. Приоритеты внешнеэкономических связей Греции	
и Украины и расширение регионального сотрудничества.....	245
4.2. Греческая модель развития и потенциал украинской	
экономики.....	252
4.3. Участие Греции, Украины и России в реализации	
региональных экономических проектов.....	274
4.4. Региональные экологические программы и экономические	
основы международных механизмов изменения климата.....	292
<i>Выводы.....</i>	<i>311</i>

ГЛАВА 5.	
БУДУЩЕЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА	
СТРАН ПРИЧЕРНОМОРСКОГО БАССЕЙНА	
В ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОМ КОНТЕКСТЕ:	
ПОПЫТКА ГЛОБАЛЬНОГО ПРОГНОЗА.....	313
5.1. Глобальные трансформации и эволюция	
внешнеполитической и внешнеэкономической	
ориентации стран ЧЭС.....	313
5.2. Будущее экономического сотрудничества стран	
Причерноморского бассейна в общеевропейском контексте.....	340

5.3. Новая стратегия ЕС и перспективы европейской и глобальной интеграции.....	349
<i>Выводы</i>	354
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	355
ЛИТЕРАТУРА.....	361

ВВЕДЕНИЕ

В начале XXI века Причерноморский бассейн стал одним из наиболее динамично развивающихся регионов, а его стратегическое значение в мировой экономике как макротранзитной зоны, через которую проходят энергетические и транспортные коридоры, связывающие три континента – Европу, Азию и Африку, постоянно возрастает. Двенадцать стран – членов Организации Черноморского экономического сотрудничества (ЧЭС) – Азербайджан, Албания, Армения, Болгария, Греция, Грузия, Молдова, Россия, Румыния, Сербия, Турция и Украина в 2000–2007 гг. вошли в число тридцати пяти экономик мира с наивысшими темпами роста валового внутреннего продукта.

Доминирующим направлением международных экономических отношений стала глобализация как исторически продолжительный процесс объединения национальных экономик в целостное мировое хозяйство с единым рынком товаров, услуг, капитала, рабочей силы, технологии и информации. Отражая объективное единство мира, глобализация обусловлена необходимостью решения стоящих перед человечеством острых социальных и экологических проблем путем вовлечения всех стран в процесс устойчивого экономического роста. Углубление интернационализации товарных и финансовых рынков, расширение транснациональной кооперации и повышение международной мобильности факторов производства закономерно приводят к возрастанию взаимозависимости национальных экономик и формированию региональных интеграционных объединений с их последующим превращением в системные социально-экономические комплексы с межправительственными и надгосударственными органами управления. Лидером глобальных интеграционных процессов является Европейский Союз (ЕС), влияние которого на мировую экономику и политику усиливается с каждым этапом расширения и углубления интеграции.

Реализация стратегического курса Украины и других постсоциалистических и постсоветских стран ЧЭС на демократические преоб-

разования, рыночную трансформацию народного хозяйства, расширение внешнеэкономических связей и активное участие в международном разделении труда с последующей интеграцией в ЕС требует использования научно обоснованных и проверенных мировой практикой форм международного сотрудничества для скорейшего решения проблем переходного периода. Выбор иерархии экономических приоритетов и оптимального сочетания рыночных саморегуляторов с государственными механизмами макроэкономического управления на каждом этапе реформирования должен иметь всестороннее научное обоснование и учитывать влияние специфических особенностей национальной экономики на ход и результаты реформ. В этих условиях особо актуальными становятся исследования путей повышения эффективности сотрудничества ЧЭС и ЕС, а также изучение проблем разработки и реализации глобальных экономических стратегий Украины и других причерноморских стран, избравших курс на европейскую интеграцию.

ГЛАВА 1.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ И ДОКТРИНЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

1.1. Развитие европейских интеграционных процессов и теория экономической интеграции

Экономическое развитие современного мира характеризуется глубокими структурными преобразованиями национальных и международных производственных, торговых и финансовых систем в процессе формирования глобального комплекса, призванного объединить все страны в целостное мировое хозяйство.

В конце XX века низкие темпы роста валового внутреннего продукта (ВВП) в большинстве развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки, а также длительный спад производства в процессе рыночной трансформации в постсоциалистических странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) и новых независимых государствах, образовавшихся в результате дезинтеграции Советского Союза, Чехословакии и Югославии, негативно отразились на создании, перемещении и использовании национальных и международных ресурсов экономического роста. Значительно усилилась конкуренция на мировых рынках товаров и услуг, осложнились условия привлечения прямых иностранных инвестиций. Общий рост мировой экономики тормозится также из-за наличия многочисленных очагов военных конфликтов и активизации международного терроризма. В этих условиях интенсификация взаимовыгодного международного производственного и торгового сотрудничества способна в исторически корот-

кие сроки обеспечить подъем слаборазвитых экономик, снизить уровень социальной напряженности и предотвратить возникновение локальных и региональных войн.

Научно-технический прогресс многократно повысил эффективность общественного труда. Совокупный мировой ВВП за последние полвека увеличился в пять раз при росте численности населения Земли в два раза, однако, общее поступательное развитие мирового хозяйства отличалось крайней неравномерностью, что привело к углублению экономического неравенства государств и обострению глобальной проблемы бедности.

В мире сложилась трехуровневая межгосударственная экономическая стратификация: постиндустриальный инновационный технологический центр – индустриальная развивающаяся сервисная периферия – доиндустриальная транспериферийная зона слаборазвитых экономик. Страны с высокоразвитой экономикой вышли на стадию формирования технотронно-информационного сообщества, в котором основу производительных сил составляют инновационные высокие технологии и информационные системы. Достигнутое новое качество экономической базы дает возможность странам постиндустриального центра, где проживает шестая часть населения планеты – «золотой миллиард», производить три четверти совокупного мирового ВВП. Страны среднего уровня развития находятся на стадии трансформации национальных экономик, реформируя системы организации общественного труда и модернизируя индустриальную производственную базу путем внедрения передовых национальных и импортируемых из постиндустриального центра технологий. Индустриальные страны, где проживает половина населения Земли, производят только пятую часть мирового ВВП. Наименее развитые аграрные страны, где в условиях крайней бедности проживает треть человечества, производят лишь двадцатую часть мирового ВВП из-за своей глубокой научно-технологической отсталости и отсутствия достаточных собственных ресурсов для структурного реформирования и модернизации национальных экономик.

Декларация Тысячелетия, принятая 8 сентября 2000 г. Генеральной Ассамблеей ООН, в качестве приоритетов мирового сообщества в XXI веке определила укрепление мира, искоренение бедности и защиту окружающей среды. Достижение поставленных целей в исторически короткие сроки требует максимально полной реализации потенциала всех национальных экономик в рамках единой стратегии,

разработанной на основе новой парадигмы мирового развития, соответствующей фундаментальным общечеловеческим ценностям и адекватной изменившемуся геополитическому устройству [1, с. 504–511].

Эффективность использования потенциала экономики страны зависит от масштабов и полноты системообразующих институциональных и структурных трансформаций производительных сил и производственных отношений и степени интегрированности в мировое хозяйство. Как показал более чем полувековой опыт самого развитого экономического объединения в мире – Европейского Союза, использование факторных преимуществ в системе международного разделения труда в рамках интеграционных организаций является одним из наиболее эффективных путей обеспечения устойчивого роста национальной экономики [2].

После распада мировой социалистической системы закончилась эпоха полуавтаркического развития отдельных стран и регионов и сформировались основы глобального хозяйственного комплекса, объединяющего постиндустриальные, переходные и развивающиеся экономики. Демократические реформы и рыночные преобразования в странах ЦВЕ, Балтии и Содружества Независимых Государств (СНГ) открыли новые перспективы европейской интеграции, выведя ее за пределы западноевропейского региона. В этой связи особо актуальными становятся исследования путей и форм интенсификации экономического, политического, социального и экологического сотрудничества Европейского Союза и постсоциалистических и постсоветских стран – вероятных членов будущего общеевропейского интеграционного объединения.

Образование Европейского Союза (ЕС) было обусловлено объективными законами социально-экономического развития, поскольку именно в Западной Европе в первой половине XX века наиболее остро проявились противоречия между интернациональным характером экономики и национально-государственными рамками ее функционирования.

Одним из важнейших итогов Второй Мировой войны для народов Европы стало осознание необходимости коренного изменения существующей системы экономически и политически обособленных национальных государств, которая не в состоянии ни предотвратить возникновение новых войн, ни обеспечить разрозненным европейским странам возможность самостоятельного развития в новом геополитическом и геоэкономическом устройстве, где подлинной неза-

висимостью смогут обладать только субъекты континентального масштаба.

Построение прочной системы международной безопасности в Европе требовало создания принципиально новой экономической и политической структуры, способной прекратить извечное франко-германское противостояние и обеспечить взаимовыгодное сотрудничество двух великих стран. Общая заинтересованность народов континента в укреплении мира и безопасности придала сильный импульс стремлению воплотить в жизнь гуманистические идеи построения «Единой Европы», выдвинутые такими выдающимися философами, экономистами и политиками, как У. Пенн, И. Кант, А. Сен-Симон, Ш.-Л. Монтескье, Ф. Лист, К. Франц, П. Дехи, А. Бриан и др. [3, с. 11–15]. Длительный и сложный процесс реализации этих идей начался после речи У. Черчилля в Цюрихе 19 сентября 1946 г., в которой он призвал создать «Объединённые Государства Европы» или «Соединённые Штаты Европы» как добровольный союз демократических стран континента при лидирующей роли Франции и Германии и учредить для проведения согласованной политики в правовой, социальной и гуманитарной сферах специальный общеевропейский орган – Совет Европы [4, р. 6].

Послевоенное восстановление европейских стран требовало координации их экономической политики при сотрудничестве с США в рамках принятого в 1947 г. плана Маршалла [4, р. 6, р. 238]. Однако Албания, Болгария, Венгрия, Польша, Румыния и Югославия, а позже Чехословакия и Финляндия под давлением СССР отказались от участия в этом плане. План Маршалла сыграл решающую роль в восстановлении западноевропейской экономики, возрождении Германии и укреплении ее связей с другими странами-участницами: Австрией, Бельгией, Великобританией, Грецией, Данией, Ирландией, Исландией, Италией, Люксембургом, Нидерландами, Норвегией, Португалией, Турцией, Францией, Швейцарией и Швецией [3, с. 54–55].

В первые послевоенные годы интересы большинства западноевропейских стран объективно требовали проведения протекционистской торговой политики, а также ограничения экспорта материалов, необходимых для восстановления национальных экономик, что препятствовало созданию зон свободной торговли (ЗСТ) и других интеграционных объединений. Только Бельгия, Нидерланды и Люксембург образовали 1 января 1948 г. таможенный союз БЕНИЛЮКС, остальные страны регулировали внешнюю торговлю на основе двусто-

ронных соглашений. Организация Европейского Экономического Сотрудничества (ОЕЭС), созданная по Парижскому Договору от 16 апреля 1948 г., выполняла функции координатора работ по плану Маршалла и не имела интеграционной направленности.

У. Черчилль, Ш. де Голль, К. Аденауэр, Л. Эрхард, А. де Гаспери и другие западноевропейские лидеры всегда рассматривали создание «Единой Европы» как перспективную стратегическую цель, несмотря на то, что начавшееся вскоре после войны идеологическое и военное противостояние СССР и США привело к разделению континента на два конфронтационных лагеря с несовместимыми экономическими и политическими системами.

По мере укрепления советского блока возрастала поддержка идеи объединения западноевропейских государств со стороны США, заинтересованных как в усилении военно-стратегического потенциала своих союзников в Европе, так и в создании большого рынка для американской экономики. В странах Западной Европы объединение рассматривалось как инструмент ускорения экономического роста и укрепления национальной безопасности.

Проблемы экономической и политической интеграции западноевропейских стран были беспрецедентными по своим масштабам и сложности. Потребовались десятилетия, чтобы построить институциональную систему межправительственных и надгосударственных органов для разработки согласованной стратегии развития интеграционного объединения и создать эффективные механизмы ее реализации.

Отметим основные этапы интеграции, рассматривая их в контексте геополитических и геоэкономических изменений и в связи с развитием теории экономической интеграции. Историческое знание и объективная оценка причинно-следственных связей в интеграционных процессах необходимы для прогнозирования тенденций развития ЕС и других экономических объединений на континенте в XXI веке. Хронология событий приведена по справочному изданию Европейской Комиссии «Europe from A to Z» [4, pp. 252–260].

Следует подчеркнуть, что процесс европейского строительства не был жестко привязан ни к заранее определенной концепции построения политико-экономической надгосударственной структуры, ни к единой для всех стран модели интеграции. Интеграционные инициативы возникали и реализовывались под воздействием геополитических и геоэкономических изменений.

В первые послевоенные годы усиление международной напряженности обусловило ускоренное формирование системы коллективной безопасности стран Запада. 17 марта 1948 г. Бельгия, Великобритания, Люксембург, Нидерланды и Франция подписали в Брюсселе Договор о создании Западного Союза (ЗС) – первой в Европе многосторонней организации военно-политического характера. В мае 1948 г. в Гааге состоялся Конгресс, организованный международным Комитетом национальных движений за европейское единство. Принятое Конгрессом «Обращение к европейцам» призвало к созданию союза, которому национальные государства постепенно будут передавать часть своих суверенных прав. 4 апреля 1949 г. была образована Организация Северо-Атлантического Договора (НАТО), в которую вошли двенадцать государств: США, Канада, все пять членов ЗС, а также Дания, Исландия, Италия, Норвегия и Португалия [5, pp. 527–530]. 5 мая 1949 г. в Лондоне Бельгия, Великобритания, Дания, Ирландия, Италия, Люксембург, Нидерланды, Норвегия, Франция и Швеция учредили Совет Европы как межгосударственный институт разработки и проведения единой политики в сфере прав человека, социальных стандартов, образования и развития национальных культур [4, p. 7, p. 235].

Деятельность этих военно-стратегических и общественно-политических организаций укрепляла в Западной Европе поддержку инициатив создания межгосударственных экономических объединений с участием стран – недавних противников по Второй Мировой войне. Большинство сторонников интеграции разделяло разработанные еще до войны концепции построения политического объединения суверенных государств, которое должно предшествовать их экономическому объединению. В опубликованном правительством Франции в 1930 г. «Меморандуме об организации федеративного европейского союза» предлагалось образовать политическое объединение, в котором впоследствии будут созданы общий рынок и таможенный союз, обеспечено свободное движение товаров, капиталов и граждан и защита экономически отсталых регионов. Однако после войны в основу строительства «Единой Европы» была положена прагматическая концепция функциональной интеграции, в соответствии с которой организационно оформленное сотрудничество европейских стран в решении общих социально-экономических проблем объективно будет способствовать их постепенному политическому объединению. Созданию политического союза должно предшествовать эволюционное по-

строение интегрированной экономики, осуществляемое поэтапно и по отраслевому принципу.

Французский Национальный Институт Планирования под руководством Ж. Монне разработал план объединения угольной и сталелитейной промышленности Франции и Федеративной Республики Германии (ФРГ) в международную организацию, открытую для вступления и других европейских государств. Устранение межстрановых барьеров и координация экономической политики должны были обеспечить успешное функционирование объединенных отраслей, а затем по принципу «сцепления» («engrenage») привести к распространению процессов интеграции на смежные отрасли, способствуя переходу национальных экономик на более высокую ступень конвергенции. План Ж. Монне был обнародован 9 мая 1950 г. в Декларации министра иностранных дел Франции Р. Шумана [3, с. 14–15, с. 63–64; 6, с. 24–31, с. 157–158].

Интеграционная инициатива Ж. Монне – Р. Шумана создавала новые возможности не только для повышения экономической эффективности и увеличения производства угля и стали в обеих странах, но и для укрепления европейской безопасности. Контроль над производством и распределением этой стратегически важной в тот период продукции обеспечивал Франции возможность принятия превентивных мер против попыток возрождения германского милитаризма, а участие ФРГ в межгосударственном объединении способствовало повышению ее ограниченного в то время суверенитета и укрепляло в западногерманском обществе стремление к примирению и сотрудничеству с Францией, Бельгией и другими участниками недавней антинацистской коалиции. Инициатива соответствовала также тенденции установления многосторонних торгово-экономических связей между государствами Западной Европы, что обусловило создание 19 сентября 1950 г. Европейского Платежного Союза как межгосударственного института либерализации режима международных платежей и ускорения многосторонних расчетов [7, р. 506].

Странники концепции функциональной интеграции опирались также на теоретические работы Дж. Вайнера (J. Viner) в области международной торговли. Дж. Вайнер определил условия, при которых таможенный союз позитивно влияет на экономический рост не только его участников, но и третьих стран, и открыл два типа эффектов интеграции: статические, проявляющиеся сразу же после объединения (создание или отклонение торговли и др.), и динамические, возни-

НАУКОВА БИБЛИОТЕКА
ИНВ. № 746853

кающие в ходе развития интеграции (снижение издержек за счет увеличения масштаба производства; увеличение иностранных инвестиций и др.) [8; 9].

18 апреля 1951 г. шесть стран-лидеров угольной и металлургической промышленности Западной Европы – ФРГ, Франция, Италия, Бельгия, Нидерланды и Люксембург подписали в Париже Договор о создании Европейского Объединения Угля и Стали (ЕОУС), вступивший в силу 23 июля 1952 г. Первостепенной задачей Договора, заключенного на 50-летний период, было образование общего рынка угля и стали в странах «Шести».

Впервые в истории управление в одной из центральных сфер экономики и политики, прежде являвшееся исключительной прерогативой государства, переходило к наднациональному институту – Высшему Правлению ЕОУС, наделенному правом автономного принятия решений, обязательных для исполнения во всех странах объединения. ЕОУС стало краеугольным камнем европейской экономической интеграции, и дата обнародования плана создания этого объединения – 9 мая отмечается в странах ЕС как День Европы.

Углублению экономической интеграции должно было способствовать политическое и военно-стратегическое сближение стран ЕОУС. 27 мая 1952 г. был подписан Договор о Европейском Оборонительном Сообществе (ЕОС), предусматривавший создание объединенной армии стран ЕОУС под командованием Европейского Министра обороны. В дополнение к Договорам ЕОУС и ЕОС планировалось заключить политическое соглашение, определяющее конституционную модель будущего объединения. 10 марта 1953 г. был представлен план создания Европейского Политического Сообщества (ЕПС), которому предполагалось передать полномочия, определенные Договорами ЕОУС и ЕОС, а также возложить на него координацию внешней политики государств-участников. Несогласие с планами дальнейшей передачи суверенных прав наднациональным органам привело к отклонению Договоров ЕОС и ЕПС Национальным Собранием Франции, и заложенные в этих договорах принципы начали реализовываться лишь после заключения Маастрихтского Договора Европейского Союза.

Дальнейшему расширению интеграционных процессов в направлении создания ЗСТ и проведения общей таможенной политики в отношении третьих стран способствовало не только позитивное влияние общего рынка угля и стали на рост экономик стран ЕОУС (за пять лет

объемы внутриотраслевой торговли продукцией угольной и металлургической промышленности стран «Шести» увеличились на 130% [3, с. 66]), но и развитие теории экономической интеграции. Дж. Мид (J. Meade) доказал, что единственным вариантом торговой политики, безусловно ведущей к росту совокупного благосостояния всех участников международного товарообмена, является свобода торговли. Однако в реальных условиях повсеместного применения тарифных и нетарифных ограничений таможенный союз как региональная модель свободы торговли является субоптимальным («вторым лучшим») вариантом экономической политики [10, с. 377–379; 11, с. 228–238].

25 марта 1957 г. страны ЕОУС подписали в Риме Договоры о создании еще двух интеграционных объединений: Европейского Экономического Сообщества (ЕЭС) и Европейского Сообщества по Атомной Энергии (Евратом), вступившие в силу с 1 января 1958 г. ЕЭС представляло собой наднациональную организацию, наделенную суверенными государствами-основателями правом международного представительства и правоспособностью устанавливать договорные связи с третьими странами [12].

Некоторые государства, разделяя цели и основополагающие принципы концепции Ж. Монне – Р. Шумана, придерживались иных взглядов на формы и методы объединения Западной Европы. Это относилось прежде всего к Великобритании, создавшей в 1960 г. вместе с Австрией, Данией, Норвегией, Португалией, Швейцарией и Швецией Европейскую Ассоциацию Свободной Торговли (ЕАСТ), в которую впоследствии вошли также Исландия, Ирландия, Лихтенштейн, Мальта и Финляндия. В отличие от географически единого пространства ЕЭС, зона свободной торговли ЕАСТ была территориально разобщенной. Кроме того, для стран ЕАСТ торговля с ЕЭС играла значительно большую роль, чем с партнерами по Ассоциации, и в дальнейшем члены ЕАСТ, кроме Исландии, Лихтенштейна, Норвегии и Швейцарии, вступили в ЕС.

Расширение экономического сотрудничества и последующее членство в ЕЭС становилось стратегической целью все большего числа государств. 9 июля 1961 г. было подписано первое в истории ЕЭС Соглашение об ассоциации, открывшее Греции путь к будущей интеграции. С заявками на вступление в ЕЭС обратились в 1961 г. Ирландия, Великобритания и Дания, а в 1962 г. – Норвегия. Расширились интеграционные связи Сообщества со странами других континентов. 20 июля 1963 г. в Яунде была заключена Конвенция об ассоциации

между ЕЭС, 17 странами Африки и Мадагаскаром. 12 сентября 1963 г. было подписано Соглашение об ассоциации между ЕЭС и Турцией.

22 января 1963 г. в Париже был подписан Елисейский Договор о Дружбе и Сотрудничестве между Францией и ФРГ, открывший перспективы координации действий двух крупнейших стран Западной Европы и ставший важным этапом процесса формирования политических институтов и механизмов европейской интеграции, которые в конечном итоге должны были обеспечить проведение общей внешнеполитической и оборонной стратегии государств ЕЭС.

Вступление в силу Римского Договора ЕЭС позволило создать в Западной Европе в 1958–1969 гг. обширную ЗСТ. Однако несовпадение интересов членов ЕЭС в отдельных секторах экономики привело к затруднениям в имплементации Договора, в котором не были регламентированы многие аспекты координации внешнеэкономической политики и валютного регулирования. Осложнения возникли и в координации деятельности трех Сообществ. Подписание 8 апреля 1965 года Объединительного Договора о слиянии руководящих органов ЕОУС, ЕЭС и Евратома должно было содействовать ускорению реализации интеграционных программ. До вступления Договора в силу предполагалось принимать решения по вопросам экономической политики квалифицированным большинством Совета Министров стран «Шести». Такое положение могло привести к принятию решений в интересах какой-либо группы стран ЕЭС без учета позиций меньшинства, и отстаивавшая принцип консенсуса Франция с 1 июля 1965 г. отказалась принимать участие во встречах Совета Министров. 27 января 1966 г. в Люксембурге был достигнут компромисс, по которому каждая страна ЕЭС фактически получила право вето на решения, противоречащие ее интересам. В итоге впоследствии многие перспективные проекты более динамичного развития интеграции были надолго отложены из-за отсутствия консенсуса в Совете Министров стран ЕЭС.

1 июля 1967 г. Объединительный Договор вступил в силу. Закончился первый этап создания системы межгосударственных органов, обеспечивающих проведение согласованной экономической политики интегрирующихся стран. К международным институтам, учрежденным одновременно с образованием ЕЭС – Европейскому Парламенту и Европейскому Суду, добавился единый руководящий орган ЕОУС, ЕЭС и Евратома – Комиссия Европейских Сообществ, или Европей-

ская Комиссия. 1 июля 1968 г. в ЕЭС был установлен единый внешний таможенный тариф. Завершилось формирование таможенного союза шести стран и начался новый этап развития интеграционного объединения – создание общего рынка товаров, а с введением 29 июля 1968 г. свободного передвижения рабочей силы между всеми странами ЕЭС началось формирование единого рынка труда.

Новый импульс интеграции придали резолюции саммита ЕЭС в Гааге 1–2 декабря 1969 г., на котором для преодоления экономической стагнации было признано необходимым расширить Сообщество за счет стран Северной Европы, реформировать его институты и создать к 1980 г. экономический и валютный союз, а также ввести прямые выборы в Европейский Парламент, делегировав ему дополнительные полномочия.

22 января 1972 г. в Брюсселе были подписаны Договоры о вступлении в ЕЭС Великобритании, Ирландии, Дании и Норвегии. На референдуме 25 сентября 1972 г. Норвегия отказалась от членства в ЕЭС. С 1 января 1973 г. Великобритания, Дания и Ирландия стали членами ЕЭС. Тогда же полномочия по проведению общей торговой политики девяти интегрирующихся государств были делегированы ЕЭС.

Сообщество расширяло интеграционные связи на уровне преференциальных торговых договоров и соглашений об ассоциации со всё возрастающим числом стран. В 1969 г. Соглашения об ассоциации были заключены с Тунисом и Марокко, в 1970 г. – с Мальтой. В 1971 г. был подписан исключительно важный для стран «третьего мира» Договор о Генерализированной Системе Преференций (ГСП) в торговле ЕЭС с 91 развивающейся страной. Статус участника ГСП благодаря значительному снижению или полной отмене пошлин на импорт в ЕЭС улучшал условия торговли развивающихся стран со странами Сообщества.

В 1972 г. было заключено Соглашение об ассоциации с Кипром, а в 1975 г. – Соглашение о сотрудничестве с Израилем. Соглашения о свободе торговли ЕЭС со странами ЕАСТ – Австрией, Исландией, Португалией, Швейцарией и Швецией были подписаны в 1972 г., а с Норвегией и Финляндией – в 1973 г.

28 февраля 1975 г. в Ломе была подписана Конвенция о финансовой и технической помощи и предоставлении торговых льгот ЕЭС 46 развивающимся странам Африки, Карибского и Тихоокеанского бассейнов (страны АКТ). В дальнейшем число участников Конвенций

Ломе увеличилось до 71. Конвенции предоставляли странам АКТ статус ассоциированных членов ЕЭС и за счет увеличения их экспорта в Сообщество способствовали накоплению финансовых ресурсов для программ развития.

Совершенствовалась институциональная структура ЕЭС. С марта 1975 г. саммиты стран Сообщества стали проходить дважды в год на регулярной основе в качестве нового высшего органа ЕЭС – Европейского Совета.

В 1973–1974 гг. четырехкратное увеличение цен на нефть странами ОПЕК привело к ухудшению глобальной экономической конъюнктуры. Начавшийся спад в экономике США и обесценивание доллара по отношению к европейским валютам обусловили значительное сокращение экспорта на основной внешний рынок ЕЭС – американский [13, pp. 574–576]. Сократился и межгосударственный товарооборот внутри ЕЭС. Во второй половине 1970-х гг. в ЕЭС вдвое снизились темпы прироста ВВП по сравнению с прошлым десятилетием и началось быстрое сокращение занятости, особенно в Дании, Нидерландах и ФРГ, где безработица в 1975 г. возросла более чем в пять раз по сравнению с 1970 г. [14, p. 164].

Эти кризисные явления привели к росту экономического национализма в ЕЭС и стремлению каждой страны решать свои социально-экономические проблемы в одиночку, не сообразуясь с интересами Сообщества в целом, что замедлило интеграцию, особенно в валютно-финансовой сфере. Изоляционистские тенденции особенно остро проявились в Великобритании, где приверженцы самостоятельного пути развития считали, что углубление интеграции страны в ЕЭС с его наднациональными институтами управления и стремлением к федерализации затруднит проведение независимой британской экономической политики. Изоляционизму способствовало и принципиальное отличие между прецедентным правом Великобритании и нормативным правом континентальных государств, положенным в основу законодательства ЕЭС [15]. Тем не менее, преимущества участия страны в общем рынке были очевидными, и на референдуме 5 июня 1975 г. большинство граждан Великобритании проголосовало за продолжение ее членства в Сообществе [4, p. 255].

Интегрирующаяся западноевропейская экономика становилась всё более влиятельным фактором развития мирового хозяйства, и возрастающую заинтересованность в сотрудничестве с ЕЭС стали проявлять и страны социалистического лагеря. В 1976 г. Совет Экономиче-

ской Взаимопомощи (СЭВ) – интеграционное объединение, созданное в 1949 г. СССР и другими социалистическими странами, предложил установить договорные отношения между СЭВ и ЕЭС. Однако заключению договора о признании и подписанию экономического соглашения между двумя группировками воспрепятствовали правовая несовместимость их институциональных основ и опасения руководства ЕЭС, что установление официальных отношений будет способствовать поддержке коммунистических режимов и укреплению гегемонии СССР в Восточной Европе [16, pp. 125–133].

Рост цен на нефть и трудности структурного реформирования экономик ЕЭС наряду с усилением протекционизма в США и возрастающей активностью японских экспортеров на традиционных рынках сбыта ЕЭС обусловили увеличение объемов торговли со странами СЭВ, в основном, за счет импорта энергоносителей. Этому способствовали также разрядка напряженности и укрепление политического взаимодействия стран СЭВ и ЕЭС в рамках Совещания по Безопасности и Сотрудничеству в Европе (СБСЕ) [24, с. 43–47].

Несмотря на замедление темпов экономического развития ЕЭС в середине 1970-х гг., положительное влияние интеграции на повышение благосостояния и укрепление демократии и стабильности в странах Сообщества было несомненным [14, pp. 178–179]. Интеграция в ЕЭС стала притягательной и для стран Южной Европы после падения в них авторитарных режимов и установления демократических систем правления. Процесс расширения Сообщества на юг начался в 1975 г., когда Греция подала заявку на вступление в ЕЭС. В 1977 г. с подобными заявками обратились Португалия и Испания.

Отметим, что экономическая целесообразность расширения ЕЭС за счет этих южноевропейских стран была далеко не очевидной ввиду недостаточно высокого уровня их развития. В 1970-х гг. ВВП на душу населения в Греции и Испании был в полтора раза меньше среднего по ЕЭС и лишь немногим превышал этот показатель в беднейшей из девяти стран Сообщества – Ирландии, а в Португалии был вдвое меньше среднего по ЕЭС [14, pp. 176–177].

Предстоящее расширение неизбежно влекло за собой увеличение расходов девяти стран ЕЭС на субсидирование аграрного сектора и финансирование Фонда Регионального Развития и Социального Фонда. Решения о вступлении новых членов в Сообщество были приняты из соображений политической целесообразности, которые возобладали над опасениями возможных негативных экономических последст-

вий расширения. Расширение ЕЭС в южном направлении придавало необратимый характер процессам демократизации в странах-кандидатах и способствовало укреплению мира и стабильности в Европе.

1 января 1981 г. Греция стала десятым членом ЕЭС. Завершился второй этап расширения Сообщества. После согласования общей политики в сфере сельского хозяйства и промышленного рыболовства 12 июня 1985 г. были подписаны Лиссабонский и Мадридский Договоры о принятии в ЕЭС Португалии и Испании, вступившие в силу 1 января 1986 г. Третий этап расширения привел к образованию географически единого пространства интегрирующихся государств Западной и Южной Европы. С расширением на Юг доминировавшая прежде тенденция развития ЕЭС в направлении создания политического союза сменилась более экономически ориентированной стратегией с акцентом на решение региональных проблем, в первую очередь, в странах Средиземноморья. Ранее недостаточное внимание к экономическим интересам отдельных регионов оказывало негативное влияние на ход интеграционных процессов. Так, Гренландия, пользуясь своим статусом самоуправляемой территории, после референдума 23 февраля 1982 г. вышла из ЕЭС [4, pp. 12–14; p. 256].

Завершение создания общего рынка требовало проведения реформ, расширяющих полномочия ЕЭС в экономической сфере и устанавливающих правовую базу и механизмы координации внешне-торговой политики стран-участниц для эффективной конкуренции с Японией и США на мировых рынках. В 1985 г. Комиссия ЕЭС представила «Белую Книгу» – программу из 270 пунктов, предусматривающих конкретные меры для ликвидации оставшихся препятствий на пути свободного передвижения товаров и факторов производства внутри ЕЭС. Разработанные на основе программы дополнения и поправки к Договору ЕЭС вошли в подписанный в 1986 г. Единый Европейский Акт. Была определена и дата завершения формирования общего рынка – 31 декабря 1992 г. [4, p. 197; 17].

Единый Европейский Акт установил общую правовую суперструктуру для трех европейских экономических Сообществ и Европейского Политического Сообщества. Со вступлением Акта в силу с 1 июля 1987 г. начался процесс устранения физических (таможенный и паспортный контроль на внутренних границах), технических (различия в стандартах; приоритет национальных товаров при государственных закупках; непризнание дипломов об образовании) и фискальных (различия в налогообложении) барьеров внутри ЕЭС. Стала про-

водиться также единая политика в области регулирования ряда секторов энергетики и транспорта и в вопросах социального и регионального развития.

Формирование общего рынка ЕЭС происходило в период коренных изменений в геополитическом и геоэкономическом устройстве. СССР в конце 1980-х гг. существенно сократил свое военное присутствие в Германской Демократической Республике (ГДР), Польше и Чехословакии [18]. Новая внешняя политика СССР больше не препятствовала свободному волеизъявлению народов Восточной Европы, что дало возможность осуществить воссоединение Германии. 3 октября 1990 г. вступил в силу Договор Объединения двух государств, и ГДР как пять новых восточных земель в составе ФРГ стала частью ЕЭС.

Демократические преобразования и переход СССР и социалистических стран ЦВЕ к рыночной трансформации экономик получили поддержку ЕЭС. Европейский Совет в Дублине в июне 1990 г. принял решение об увеличении финансовой помощи реформам в СССР, Венгрии, Польше и других странах СЭВ. Соглашения между отдельными странами ЕЭС и СССР, заключенные в октябре–ноябре 1990 г., также предусматривали расширение экономического и политического сотрудничества [19; 20].

Появление новых независимых государств (ННГ), образовавшихся после распада в 1991 г. СССР и Социалистической Федеративной Республики Югославии (СФРЮ), потребовало разработки новой стратегии интеграции в постконфронтационной Европе и поиска путей совместного развития обеих частей континента, ранее разделенных «железным занавесом». Нерешенными оставались и многие экономические и социальные проблемы ЕЭС. Прежде всего необходимо было снизить уровень безработицы, выросший более чем вдвое за 1981–1990 гг., и повысить эффективность производства, уменьшив отставание от Японии и США по темпам роста ВВП на одного работающего [14, p. 165; p. 181]. Нуждались в совершенствовании институты управления и механизмы реализации политики в области международных отношений, безопасности и охраны окружающей среды [4, p. 15; p. 213].

7 февраля 1992 г. в Маастрихте был подписан Договор Европейского Союза, расширивший правовую базу для углубления экономической, политической и военной интеграции стран ЕЭС, включив основные принципы Торжественной Декларации о Европейском Союзе, принятой в июне 1983 г. в Штутгарте [4, pp. 245–246; 22].

Маастрихтский Договор предусматривал введение таких атрибутов федеративного государства, как единое европейское гражданство и общая валюта. Принципиально менялась и военно-стратегическая концепция. Главным инструментом оборонной политики ЕЭС должен был стать Западно-Европейский Союз (ЗЕС), созданный по Парижскому Договору 1954 г. на базе Западного Союза пяти государств и включивший затем в число участников ФРГ, Италию, Грецию, Испанию и Португалию. Будучи договорно связанной с НАТО оборонительной структурой, ЗЕС в то же время имел более широкую сферу ответственности в Европе. Маастрихтский Договор также расширил полномочия Европейского Парламента и наднациональных институтов управления ЕЭС [4, р. 16, р. 249; 22, pp. 1–180].

Роспуск в 1991 г. ОВД и СЭВ и дезинтеграция СССР ослабили позиции сторонников углубления западноевропейской военной и политической интеграции [23]. Созданные в начале 1990-х гг. Содружество Независимых Государств (СНГ), Черноморское Экономическое Сотрудничество (ЧЭС), «Вышеградская группа» и другие экономические и политические организации с участием бывших республик Советского Союза и постсоциалистических стран ЦВЕ не имели антизападной направленности [3, с. 324; 24, с. 91–92; 25, р. 50–53]. В то же время федералистский характер Маастрихтского Договора, а также масштаб и глубина предложенных политических и экономических преобразований осложнили процесс его ратификации из-за сопротивления националистических сил в ряде стран ЕЭС. На референдуме в июне 1992 г. 50,7% датчан высказались против Договора Европейского Союза, а во Франции в сентябре 1992 г. предлагаемые изменения были одобрены незначительным большинством в 51,05%. Только после того, как Европейский Совет в декабре 1992 г. принял предложения о предоставлении Дании особых «прав на исключения» («opt-out»), включая необязательность ее участия в будущих оборонительных структурах ЕС и валютном союзе, Маастрихтский Договор был одобрен на повторном референдуме в мае 1993 г. Договор вступил в силу почти на год позже планируемого срока – с 1 ноября 1993 г. Тогда же Европейские Экономические Сообщества были официально переименованы в Европейский Союз (ЕС).

В 1987–1994 гг. заявки на членство в ЕЭС/ЕС подали последовательно Турция, Австрия, Кипр, Мальта, Швеция, Финляндия, Швейцария, Норвегия, Венгрия и Польша, однако, в силу различных политических и экономических причин соглашения о вступлении в ЕС

были заключены 16 марта 1994 г. лишь с четырьмя странами – Австрией, Финляндией, Швецией и Норвегией. На референдуме в ноябре 1994 г. большинство норвежцев вновь проголосовало против вхождения в ЕС. 1 января 1995 г. со вступлением Австрии, Финляндии и Швеции завершился четвертый этап расширения ЕС, и главной задачей пятнадцати стран стало формирование валютного союза [4, pp. 253–259].

Развитие ЕЭС/ЕС сопровождалось интенсификацией исследований влияния интеграционных объединений на международную экономику. Отметим наиболее значимые теоретические работы, которые стали классическими и послужили основой современных практических методик планирования и оперативного управления инвестиционной и торговой деятельностью в условиях развития региональной интеграции в контексте экономического глобализма.

П. Кругмен (P. Krugman) разработал теорию международной торговли в условиях несовершенной конкуренции и показал, что при олигополии устранение участниками интеграционных объединений таможенных тарифов приводит к значительному снижению цен и увеличению объемов продаж продукции мировых фирм-монополистов, производящих различные товары одинакового назначения. Так, после создания ЗСТ между США и Канадой объем внутриотраслевой торговли автомобилями всего за шесть лет вырос в десять раз. В целом за счет статических эффектов интеграции (создание торговли и пр.) ВВП интегрирующихся стран может увеличиться на 2–3% [26; 27].

Б. Баласса (B. Balassa) разработал методику измерения эффектов создания и отклонения торговли. Используя показатель эластичности спроса на импорт в странах ЕЭС в 1953–1959 гг., т. е. до отмены внутренних торговых ограничений, и сравнив его с таким же показателем в 1959–1970 гг. по семи основным отраслям экономики, Б. Баласса подтвердил возникновение эффекта создания торговли после устранения таможенных пошлин и квот внутри ЕЭС. Эффект отклонения торговли в целом по ЕЭС отсутствовал [28; 29].

Р. Липси (R. Lipsey) и П. Ллойд (P. Lloyd) показали, что таможенный союз способствует улучшению совокупных условий торговли стран экономического объединения в отношении с третьими странами и ускоряет структурную и технологическую модернизацию национальных производственных систем [30; 31].

Г. Грубел (G. Grubel) и П. Ллойд исследовали влияние отмены тарифов на изменения объемов и структуры товарооборота внутри

ЗСТ и выявили во всех развитых западноевропейских странах устойчивую тенденцию опережения роста объемов внутриотраслевой торговли по сравнению с межотраслевой, причем этот рост был основан на сравнительных, а не абсолютных преимуществах [32].

Х. Грабл (H. Grable), К. Хьюз (K. Hughes) и М. Ландесман (M. Landesman) показали, что сотрудничество с транснациональными корпорациями (ТНК) и интенсивное внедрение в производство передовых технологий и результатов научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) позволило ряду постсоциалистических стран ЦВЕ в 1989–1996 гг. значительно увеличить объемы внутриотраслевой торговли с ЕС [33, p. 209].

Д. Эллисон (D. Ellison) предложил рассматривать показатели внутриотраслевой торговли как один из критериев конкурентоспособности в интеграционном взаимодействии между странами [34].

Е. Николаидис (E. Nicolaidis) показал, что процессы интеграции переходных экономик в ЕС сопровождаются ростом объемов двусторонней торговли за счет более низких издержек в секторах со стандартизированной технологией в относительно менее развитых странах [35].

Исследованиям влияния экономической интеграции на образование ТНК и рост прямых иностранных инвестиций положили начало работы Дж. Даннинга (J. Dunning), П. Бакли (P. Buckley), М. Кэссона (M. Casson) и Р. Вернона (R. Vernon).

Дж. Даннинг в развитие теории «экономики масштаба» показал, что интеграция приводит к интенсивному росту внутрикорпорационной торговли между филиалами ТНК, расположенными в различных странах экономического объединения [36; 37].

П. Бакли и М. Кэссон показали, что в странах с высоким уровнем экономической интеграции ТНК обладают большей независимостью в вопросах оперативного управления производством, что позволяет им гибко реагировать на изменения мировой конъюнктуры. В интеграционном объединении упрощается также процесс межстрановой передачи и использования инновационных технологий в рамках замкнутой структуры ТНК. Поэтому уже в 1974 г. из 100 крупнейших ТНК мира 38 базировались в странах ЕЭС и ЕАСТ, по сравнению с 29 в США и 16 – в Японии [10, с. 305; 38].

Р. Вернон разработал теорию «жизненного цикла продукта», в соответствии с которой при возрастании международной мобильности факторов производства высокий уровень развития интегрирующихся стран с общим рынком способствует ускорению перемещения

процессов изготовления высокотехнологичных товаров между странами [39].

Влияние протекционизма на экономическое развитие исследовал М. Корден (M. Corden), труды которого стали основой современной методологии, используемой Международным Валютным Фондом (МВФ) и Всемирным Банком для анализа международной торговой политики. Исследуя особенности протекционизма в развитых государствах и их интеграционных объединениях, М. Корден показал, что вне зависимости от степени открытости внутреннего рынка для участников интеграции в отношении третьих стран по-прежнему применяются все известные формы протекционизма [40; 41].

Р. Лукас (R. Lucas) и Н. Стоки (N. Stokey) исследовали влияние перемещения рабочей силы между странами на их экономическое развитие. В объединениях с общим рынком рабочей силы миграция из трудоизбыточных в капиталозыбыточные страны способствует росту совокупного ВВП вследствие более эффективного использования трудовых ресурсов и производственных мощностей. Происходит также постепенное выравнивание межстрановых различий в уровне оплаты труда и общее сокращение безработицы [42; 43].

Дж. Бхагвати (J. Bhagwati) показал, что отток квалифицированных кадров («утечка мозгов») негативно влияет на экономический рост трудоизбыточных стран, снижая их потенциал человеческого капитала – важнейшего эндогенного фактора развития. В интеграционных объединениях, достигших уровня общего рынка или экономического союза, негативные последствия такой миграции в значительной степени компенсируются специальными программами ускорения экономического роста в отстающих трудоизбыточных регионах [44].

Б. Верспаген (B. Verspagen) исследовал модель «догоняющего развития» и показал, что высокое качество человеческого капитала является одним из главных факторов ускорения экономического роста в постсоциалистических странах за счет инновационного изменения структуры производства путем использования «эффектов перелива» и «диффузии технологий» [45, pp. 31–32].

Р. Манделл (R. Mundell), анализируя влияние мобильности факторов производства на экономический рост и международную торговлю, показал, что межстрановое передвижение капитала внутри интеграционного объединения способствует повышению эффективности использования инструментов денежно-кредитной и бюджетно-налоговой политики для одновременного достижения требуемого

объема ВВП и нулевого сальдо торгового баланса при естественном уровне безработицы и низкой инфляции. Исследуя проблемы глобального денежного обращения после кризиса Бреттон-Вудской системы, Р. Манделл разработал новую теорию монетарной и финансовой политики в условиях меняющихся обменных курсов и показал, что создание валютных союзов может быть эффективным для всех участников только при отсутствии принципиальных различий в уровне их экономического развития и правовой структуре. Основываясь на принципе примата экономики над валютной политикой, Р. Манделл разработал теорию валютных зон и определил закономерности перехода интегрированных экономик к единой валюте. Необходимыми условиями для создания оптимальной валютной зоны являются открытость экономик потенциальных стран-участниц, высокая степень диверсификации производства и мобильность факторов экономического роста. Труды Р. Манделла стали теоретическим фундаментом современной валютной системы ЕС [46–48].

С началом рыночной трансформации актуальным направлением стало исследование процессов расширения экономического сотрудничества развитых и постсоциалистических стран и перспектив их интеграции. Ограниченный объем диссертации позволяет лишь вкратце рассмотреть наиболее значимые труды, являющиеся опорными для данного исследования.

Разрядка международной напряженности, расширение сотрудничества между странами Западной и Восточной Европы в рамках процесса СБСЕ и начавшееся в 1985 г. в СССР и государствах СЭВ реформирование политического и экономического устройства обусловили необходимость разработки новой стратегии отношений между странами обеих частей континента, адекватной изменившимся условиям. Исследования научных школ в странах Западной и Восточной Европы и США были сконцентрированы на изучении процессов, принципиально меняющих характер связей между двумя ранее несовместимыми экономическими системами.

С. Константинидис (*Σ. Κωνσταντινίδης*, Греция), изучая проблемы совместимости экономик ЕЭС и стран ЦВЕ с государственным регулированием внешней торговли, показал неизбежность общеевропейской экономической интеграции, объективно отвечающей интересам всех стран континента [16].

В. Барановский, Д. Маклейн, Д. Мельников, С. Перегудов, Г. Томашевский и Ю. Шишков (Россия), анализируя влияние геополитиче-

ских изменений на развитие европейской интеграции, спрогнозировали дальнейшее усиление роли ЕЭС как коллективного лидера западноевропейских стран [49].

Исследуя проблемы общего рынка и создания экономического и политического союза стран ЕЭС в новых условиях, Ж. Вальбрук (J. Valbruck, Бельгия), С. Балмер и У. Петерсон (S. Balmer; W. Petersson, Великобритания), Л. Менес (L. Menes, Нидерланды), Л. Маттес (L. Mattes, ФРГ), П. Майне и Ж. Вижье (P. Mainet; J. Vigier, Франция) указали приоритетные направления сотрудничества ЕЭС с Советским Союзом и странами Восточной Европы после установления официальных отношений между ЕЭС и СЭВ и отметили появление позитивных перспектив расширения европейской интеграции [50].

О. Белорус (Украина) раскрыл особенности функционирования механизма интеграции в меняющейся целостной системе мировой экономики. О. Белорус и А. Скаленко разработали концепцию изучения экономического процесса как сочетания механизмов стихийного рыночного саморазвития с организованным социально и экологически направленным трансформационным цивилизационным движением. Чрезвычайно важным в методологическом отношении является предложенный О. Белорусом системный подход к исследованию путей выхода переходных экономик из кризисов, основанный на представлении о взаимодействии конечной материально-энергетической первоосновы экономической структуры и социально-психологического потенциала общества, нарастаемого в ходе научно-технического прогресса [51; 52].

К. Михалопулос и Д. Тарр (K. Michalopoulos & D. Tarr, США) обнаружили отчетливо выраженный эффект отклонения торговли после дезинтеграции СССР во всех пятнадцати постсоветских ННГ [53, с. 17–18]. Анализируя модели постепенной рыночной трансформации, принятые в Украине, Узбекистане и Грузии в 1992–1994 гг., К. Михалопулос и Д. Тарр показали, что различная скорость и некомплексный характер реформ в странах-участницах являются одними из главных причин экономического спада и препятствуют эффективному функционированию интеграционных объединений, создаваемых в ННГ, подчеркнув, что «стратегия медленной реализации реформ обычно приводит в новых независимых странах к получению результатов, обратных тем, на которые рассчитывали» [54, с. 245].

А. Ангелопулос (Α. Αγγελόπουλος) [55], С. Бабанасис (Σ. Μπαπανάσις) [56], Л. Бальцерович (L. Balcerowicz) [57], Дж. Брада (J. Brada) [58],

В. Геец [59], Я. Корнаи (J. Kornai) [60], М. Лавинь (M. Lavigne) [61], П. Лиаргovas (P. Liargovas) и Д. Чёнис (D. Chionis) [62], Ю. Пахомов и Д. Лукьяненко [63], В. Унгерер (W. Ungerer) [64], Н. Цунис (N. Tsounis) [220] А. Шипке (A. Schipke) и Э. Тейлор (A. Taylor) [65] исследовали проблемы рыночной трансформации и перспектив интеграции в ЕС государств с переходной экономикой и пришли к выводу, что в силу объективных причин переходный период для достижения требуемого для вступления в ЕС уровня развития в ряде стран будет весьма продолжительным. Обобщение опыта «шоковой терапии» позволило прийти к важному для теории и практики постсоциалистической трансформации заключению: либерализация цен, стимулирование производства и финансовая стабилизация должны проводиться синхронно и комплексно.

1.2. Роль и место Европейского Союза в мировой экономике и глобальных интеграционных процессах

ЕС является единственным в мире объединением, прошедшим в своем развитии пять стадий интеграционного процесса и достигшим уровня экономического и валютного союза. Переход стран ЕС–15 к постиндустриальному этапу в экономике сопровождался в социально-политической сфере построением развитого гражданского общества (*civic society*). Модель экономического и социального развития ЕС стала мировым эталоном интеграции.

Эволюционный переход на все более высокий уровень конвергенции национальных экономик сопровождался ростом влияния интеграционного объединения на европейскую и мировую экономику и политику, и членство в ЕЭС/ЕС становилось стратегической целью все большего числа государств.

В 1960 г. ВВП всех пятнадцати стран, вошедших впоследствии в ЕС, составлял 62,5% ВВП США. С каждым этапом расширения ЕЭС/ЕС этот разрыв сокращался, и в 1990-х гг. ЕС–15 стал одним из двух лидеров мировой экономики, сравнявшись по величине ВВП с США [14, р. 169]. Однако к концу XX века темпы роста ВВП в ЕС снизились, и новое расширение интеграционного объединения стало объективно необходимым.

Демократические реформы и рыночные преобразования, проведенные в 1989–2003 гг. в ряде постсоциалистических стран ЦВЕ и Балтии, открыли новые перспективы интеграции, выведя ее за пределы западноевропейского региона.

В 2004 г. состоялось самое масштабное за всю историю пятое расширение ЕС, членами которого стали десять государств – Венгрия, Кипр, Латвия, Литва, Мальта, Польша, Словакия, Словения, Чехия и Эстония. Шестое расширение состоялось в 2007 г., когда членами ЕС стали Болгария и Румыния.

Становление и развитие ЕЭС/ЕС происходило в период принципиальных изменений геополитического и геоэкономического устройства, что обусловило различную скорость и глубину интеграции европейских стран в экономической, социальной, гуманитарной и политической сферах на каждом этапе развития.

Этап зоны свободной торговли (1952–1968 гг.)

Реализуя цели ЕОУС и ЕЭС, страны-участницы избрали вариант создания ЗСТ путем синхронного ступенчатого снижения таможенных тарифов, а затем и полной отмены пошлин, квот и нетарифных ограничений, препятствующих свободному товарообмену внутри ЕЭС, при сохранении их самостоятельности в торговой политике по отношению к третьим странам. В 1953 г. начал функционировать общий рынок угля, стали, железной руды и металлолома. В 1961 г. был установлен единый таможенный тариф. С 1962 г. стала проводиться общая сельскохозяйственная политика и действовать единые Правила финансового регулирования и конкуренции. Одновременно шел процесс унификации национальных тарифов в отношении третьих стран.

Этап таможенного союза (1968–1986 гг.)

В 1968 г. был введен общий внешний тариф и свободное передвижение рабочей силы в пределах ЕЭС. С 1972 г. страны ЕЭС стали координировать свою монетарную политику в рамках системы «валютной змеи». С 1974 г. интеграция распространилась на сферу научно-технологического развития и охраны окружающей среды. В 1974 г. была принята Общая Социальная Программа, а в 1975 г. был учрежден Европейский Фонд Регионального Развития, задачей которого стало уменьшение дисбалансов между регионами ЕЭС путем предоставления беднейшим из них финансовых грантов для реализации локальных проектов. С 1975 г. национальные полномочия в сфере внешнеторговой политики были делегированы Европейской Комиссии. В 1979 г. начала функционировать Европейская Валютная Система и была введена Европейская Валютная Единица – ЭКЮ. С 1983 г. стала проводиться единая политика в области промышленного рыболовства.

Этап общего рынка (1987–1992 гг.)

Со вступлением в силу с 1 июля 1987 г. Единого Европейского Акта начался процесс устранения всех физических и фискальных барьеров внутри ЕЭС. Страны ЕЭС приступили также к разработке общей политики в области энергетики и транспорта.

Этап экономического союза (с 1993 г. по настоящее время)

К 1993 г. между странами ЕС были ликвидированы все тарифные и нетарифные ограничения во взаимной торговле товарами и услугами, а также ограничения на межгосударственное передвижение капитала. Национальные ограничения на импорт промышленных товаров из третьих стран были заменены общими для всех стран ЕС механизмами квотирования импорта. Были введены единые технические требования по контролю качества, стандартизации и сертификации продукции.

ЕС с 1 января 2007 г. объединяет 27 стран с населением 493 млн. человек и территорией 4318 тыс. кв. км, составляющей 46% площади США и более чем в одиннадцать раз превышающей площадь Японии. На ЕС–27 приходится более 30% мирового ВВП и 39% экспорта товаров, в то время как у США эти показатели составляют соответственно 28 и 9%, а у Японии 10 и 6%. Доля экспорта в ВВП, характеризующая степень интегрированности ЕС в мировую экономику, значительно превышает соответствующие показатели США и Японии. Восемнадцать стран ЕС входят в группу экономик с наивысшим в мире годовым ВНД на душу населения, причем Люксембург возглавляет этот список (табл. 1.1).

Проанализируем влияние интеграционных процессов на динамику экономического роста ЕЭС/ЕС в 1961–2003 гг., рассматривая изменения ВВП США и совокупного ВВП всех пятнадцати стран ЕС (независимо от даты получения каждой страной официального членства в Союзе). Для исключения случайных факторов и сопоставимости данных за столь продолжительный период рассмотрим изменения реального ВВП ЕС и США, дефлированного в рыночных ценах базового 1995 г. [14, р. 179; 66, pp. 260–261].

Выбор базы для сравнения определен лидирующей ролью США в мировой экономике и относительно низкой степенью интеграции с другими странами, не превышающей уровня ЗСТ («Предприятие Американской Инициативы», Северо–Американское Соглашение о Свободе Торговли – NAFTA и др.) [10, с. 368].

За каждым этапом углубления и расширения интеграции следовало ускорение роста ВВП ЕС по сравнению с предшествующим периодом. Так, установление с 1 января 1961 г. единого сниженного внутреннего таможенного тарифа привело (наряду с другими факто-

Таблица 1.1

ВВП, экспорт и ВНД США, Японии и стран ЕС в 2005 г.

Страна, регион	ВВП		Экспорт товаров		ВНД на душу населения, PPP\$*
	Всего, US\$ млрд	% от миро- вого	Всего, US\$ млрд	% от ВВП	
1	2	3	4	5	6
Весь мир (W)	44384,9	100,00	10392,6	23,41	9420
США	12455,1	28,062	904,3	7,26	41950
Япония	4505,9	10,15	595,8	13,22	31410
Страны Европейского Союза					
Австрия	304,5	0,69	123,3	40,50	33140
Бельгия	364,7	0,82	329,7	90,39	32640
Великобритания	2192,6	4,94	377,9	17,24	32690
Венгрия	109,2	0,25	62,2	56,95	16940
Германия	2781,9	6,27	970,7	34,89	29210
Греция	213,7	0,48	17,2	8,05	23620
Дания	254,4	5,73	85,7	33,69	33570
Ирландия	196,4	0,44	109,5	55,75	34720
Испания	1123,7	2,53	186,1	16,56	25820
Италия	1723,0	3,88	366,8	21,29	28840
Кипр	13,4	0,03	2,9	21,32	22230
Латвия	15,8	0,04	5,1	32,42	13480
Литва	25,5	0,06	11,8	46,33	14220
Люксембург	29,9	0,07	9,3	31,10	65340
Мальта	5,5	0,01	4,8	87,27	18960
Нидерланды	594,8	1,34	401,3	67,47	32480
Польша	299,2	0,67	88,9	29,73	13490
Португалия	173,1	0,39	37,9	21,87	19730
Словакия	46,4	0,10	32,0	68,91	15760
Словения	34,0	0,08	18,7	54,99	22160
Финляндия	193,2	0,44	66,0	34,16	31170
Франция	2110,2	4,75	459,2	21,76	30540
Чехия	122,3	0,28	78,5	64,17	20140
Швеция	354,1	0,80	129,9	36,69	31420
Эстония	12,2	0,03	8,1	66,39	15420
ЕС-25	13293,7	29,95	3983,5	29,97	-
Страны – члены ЕС с 1 января 2007 г.					
Болгария	26,6	0,06	11,7	44,08	8630
Румыния	98,6	0,22	27,7	28,12	8940

Примечание. В долларах США по паритету покупательной способности.

Рассчитано по источнику: [66, pp. 288–289, pp. 294–297].

рами) к увеличению темпов прироста ВВП ЕС с 3% в 1960 г. до 5,9% в 1964 г. Завершение формирования таможенного союза и введение единого внешнего тарифа в 1968 г. обусловило достижение в 1969 г. наивысшего в истории ЕС темпа прироста ВВП в 6,1%.

Как видно из рис. 1.1, первое расширение с включением в ЕЭС третьей в Европе Британской экономики во многом определило сохранение в 1973 г. высокого темпа прироста ВВП в 6%, несмотря на ухудшение мировой конъюнктуры из-за многократного увеличения цен на нефть. Последующие расширения также приводили к ускорению роста ВВП с лагом в один – два года. Высокие темпы экономического роста за рассматриваемый период позволили ЕС уже в 1997 г. достичь уровня ВВП США [14, р. 169].

Следует особо подчеркнуть, что ни длинные, ни короткие экономические циклы в ЕС и США не совпадали по фазам, за исключением периода первого резкого повышения мировых цен на нефть в 1970-х гг., когда в ЕС и США синхронно наблюдались пики цикла в 1973 г. и в 1976 г. и нижние точки спада в 1975 г. и в 1977 г. Наибольшее в современной истории США падение ВВП в 1982 г. на 1,9% (при уменьшении ВНД на 2,5%), сравнимое с аналогичным показателем 2,1% в кризисном 1933 г., не привело к острой дестабилизации мировой экономики. В глобальном масштабе спад в США был в определенной степени компенсирован ростом ВВП ЕЭС в 1982 г. на 0,9% [13, форзац; 14, р. 179].

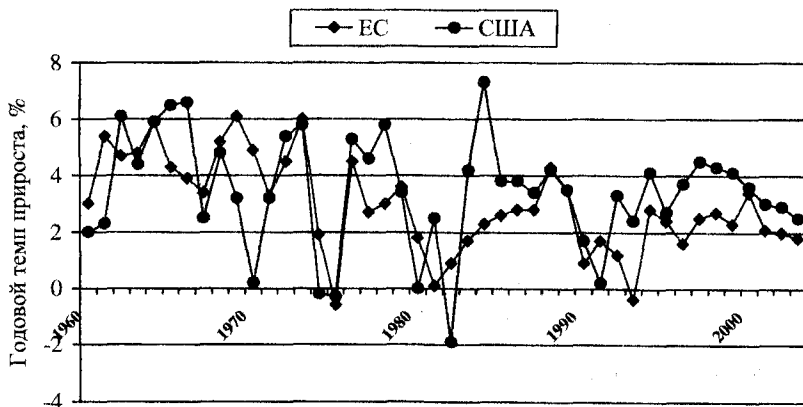

Рис. 1.1. Рост реального ВВП ЕС-15 и США в 1961–2003 гг.
(график построен по данным [14, р. 179; 67, pp. 260–261])

Исторически сложившиеся отличия в обеспеченности ЕС и США основными факторами производства – имущественными ресурсами (капитал в производительной, товарной и денежной формах и территория с запасами полезных ископаемых, землей, лесами, водами и др.) и человеческими ресурсами (количество и качество рабочей силы, уровень достигнутого научно-технического прогресса, сумма накопленной технологической информации и др.) объективно предопределяют различный характер реакции экономических систем ЕС и США на изменения внешних и внутренних условий хозяйственной деятельности [68].

Так, рост расходов на производство вооружений во время военных действий США во Вьетнаме в 1960-х гг. и в Персидском Заливе в 1991 г. способствовал заметному, хотя и кратковременному, оживлению американской экономики, однако, те же периоды отмечены рецессией в ЕЭС. Рост инфляции в США в конце 1960-х гг. и в середине 1980-х гг. привел к рецессии в американской экономике, тогда как в ЕЭС рост ВВП продолжался [14, р. 179; р. 207].

Анализ динамики ВВП ЕС и США в сопоставлении с основными геоэкономическими изменениями в течение рассматриваемого периода позволяет сделать вывод, что ЕС в конце XX века не только сравнялся с США по степени влияния на мировое производство и торговлю, но и стал антикризисным стабилизатором глобальной экономики. Особенно отчетливо стабилизирующая роль ЕС проявилась после 11 сентября 2001 г., когда в США из-за террористических актов произошло падение курсов акций, превысившее показатели «Великой Депрессии» 1929–1933 гг. На Нью-Йоркской бирже индекс Доу-Джонса за неделю с 14 по 21 сентября 2001 г. упал на 14,26% по сравнению со снижением на 13,52% в период с 1 по 8 ноября 1929 г. [69]. В целом за сентябрь 2001 г. индекс Доу-Джонса снизился более чем на 20%, а потери акционеров превысили \$2,5 трлн [70, pp. 42–43]. Биржевой кризис в США начал распространяться на мировой рынок акций и других титулов собственности, поставив перед угрозой банкротства тысячи фирм в ЕС, Японии и других развитых странах с высоким уровнем рыночной капитализации. В особенно тяжелом положении оказались авиакомпании и отрасли производства товаров и услуг, связанные с пассажирскими перевозками, прежде всего, международный туризм.

По нашему мнению, во многом благодаря проведенной в ЕС быстрой корректировке денежной, бюджетной и валютной политики

была сохранена устойчивость мировой экономической и финансовой системы и не произошло глобального кризиса. Беспрецедентная по масштабу интервенция ЕЦБ в €69,3 млрд для снижения стоимости кредитных ресурсов и нейтрализации возникшего дефицита ликвидности в финансовой системе; реализация программы поддержки авиаиндустрии, утвержденной Европейским Советом 21 сентября 2001 г., и другие экстренные меры, незамедлительно принятые в ЕС, предотвратили кризисное развитие событий [71; 72].

Этому способствовала и уникальная структура механизмов управления ЕС, обеспечивающая незамедлительную корректировку политики Союза с учетом динамичных геополитических и геоэкономических изменений. Так, в 2002 г. был учрежден Фонд Солидарности ЕС, средства которого могут быть безвозмездно предоставлены любой стране ЕС в случае возникновения форс-мажорных обстоятельств.

ЕС представляет собой сложную развивающуюся политико-экономическую систему. Изменения внутренних экономических и социальных факторов саморазвития Союза и возрастающее сопротивление глобальной конкурентной среды приводят к периодической корректировке структуры и полномочий институциональных органов ЕС. Амстердамский Договор, вступивший в силу 1 мая 1999 г., расширил полномочия надгосударственных и межправительственных органов ЕС в сферах экономики, общей внешней и оборонной политики, правосудия и внутренних дел [73].

Высшим институциональным органом ЕС является Европейский Совет в составе глав государств и правительств и президента Европейской Комиссии. Совет принимает обязательные для всех исполнительных органов ЕС решения по ключевым вопросам развития интеграции (принятие новых членов; реформирование валютной системы; отношения с третьими странами и пр.). Равенство прав больших и малых стран-участниц обеспечивается их поочередным председательством в Совете. Президент Совета полномочен принимать оперативные решения при возникновении споров между странами ЕС. Деятельность Европейского Совета находится вне юрисдикции Суда ЕС [75, р. 12; 4, pp. 113–116].

Высший представительный, законодательный и консультативный орган ЕС – Европейский Парламент, разрабатывающий общие для стран-членов законодательные акты, наделен также правом принятия совместно с Европейским Советом решений по основным вопросам экономического и политического развития Союза. Парламент утвер-

ждает состав Европейской Комиссии, а также контролирует исполнение общего бюджета ЕС и его Фондов [75, pp. 16–17].

Высший межправительственный орган – Совет Европейского Союза собирается по мере необходимости на уровне министров соответствующих ведомств для решения неотложных вопросов внешней, экономической, региональной, технологической или социальной политики. Число голосов страны зависит от ее экономического «веса». Решения по важнейшим вопросам принимаются консенсусом [4, pp. 53–57].

Высшим надгосударственным исполнительным органом ЕС является Европейская Комиссия (ЕК). Президент ЕК избирается Европейским Советом после согласования с Европейским Парламентом (ЕП), остальные члены назначаются национальными правительствами после консультаций с будущим президентом ЕК, после чего весь состав Комиссии рассматривается на сессии ЕП. Эта процедура обеспечивает отбор в состав ЕК наиболее авторитетных и компетентных специалистов и способствует повышению эффективности работы ЕК, полномочия которой во многих сферах превышают полномочия национальных правительств. ЕК от имени ЕС как субъекта международного права осуществляет сношения с третьими странами и контролирует проведение государствами ЕС единой политики во внешней торговле и реализации международных программ Союза. Деятельность ЕК обеспечивает аппарат Генеральных Директоратов и других специализированных департаментов (Секретариат, Статистическое Управление, Юридический Отдел и пр.), а также представительства ЕК в международных организациях и третьих странах. В имплементации решений ЕК по конкретным направлениям участвуют национальные отраслевые комитеты, работающие под руководством ЕК и имеющие консультативные, управленческие и регуляторные функции. Сочетание централизованного надзора за проведением единой политики и децентрализация управления представительствами на региональном уровне способствует ускорению реализации интеграционных проектов на местах [4, pp. 107–112].

Верховная судебная инстанция – Суд ЕС состоит из судей и генеральных адвокатов, назначаемых по соглашению правительств стран ЕС. В юрисдикции Суда ЕС и Суда Первой Инстанции ЕС находится принятие решений по спорным вопросам интерпретации и применения учредительных договоров ЕС, правовых актов Совета ЕС и ЕК, если такие вопросы передаются на их рассмотрение национальными

судами. Возбудить дело в Суде ЕС могут также физические и юридические лица из стран ЕС [75, p. 18].

Амстердамский Договор расширил полномочия Комитета Регионов (участие в разработке и реализации локальных проектов развития), Экономического и Социального Комитета (защита интересов рабочих, работодателей и представителей других социальных групп) и Суда Аудиторов (контроль доходов и расходов бюджета ЕС и реципиентов средств из Фондов ЕС) [75, pp. 25–26].

Совершенствование структуры и механизмов управления ЕС обеспечило их высокую эффективность при сравнительно небольших финансовых издержках. На содержание всех институциональных органов ЕС ежегодно расходуется менее 5% бюджета Союза [75, p. 28].

Рост ВВП, снижение безработицы и инфляции в объединяющихся западно-европейских странах оказывали стимулирующее воздействие на создание в различных регионах мира экономических группировок в силу известного из теории интеграции «демонстрационного эффекта» [10, с. 362–363]. В 1960 г. была образована Латино-Американская Интеграционная Ассоциация (девять крупнейших стран Южной Америки и Мексика), в 1961 г. – Центрально-Американский Общий Рынок пяти стран, в 1964 г. – Арабский Общий Рынок семи стран [10, с. 368–369]. Сотрудничество ЕС с развивающимися странами в рамках Конвенций Яунде и Ломе способствовало созданию к середине 1990-х гг. более 20 объединений только с участием государств АКТ [10, с. 367–369].

После 1990 г. в ЦВЕ и на постсоветском пространстве начали создаваться различные группировки интеграционной направленности, в которые входили страны с близкими уровнями развития и одним типом экономики (СНГ, Балтийская зона свободной торговли и др.). Исключением стала Организация Черноморского экономического сотрудничества (ЧЭС), созданная в 1998 г., в которую вошли две страны с рыночными и девять стран с переходными экономиками [25].

Маастрихтский Договор в разделе «Сотрудничество в развитии» определил помощь развивающимся странам как обязательную комплементарную составляющую политики каждого государства ЕС [22, Articles 130u-y]. Впервые в правовом документе такого высокого уровня были зафиксированы добровольные обязательства постиндустриальных государств, направленные на стимулирование экономического роста и преодоление бедности в развивающихся странах. Усиление договорно-правовой базы сотрудничества в соответствии с

дополнениями, внесенными в Амстердамский Договор, позволило ЕС увеличить объем помощи до 3,5% бюджета и стать крупнейшим финансовым донором развивающихся стран. Объем помощи ЕС «третьему миру» в конце XX века превысил суммарный объем помощи, оказанной США, Японией, Канадой, Австралией и другими развитыми странами вне ЕС, вместе взятыми [4, pp. 66–69].

Конвенции Ломе и Котону позволяют беспощинный ввоз в ЕС 99% номенклатуры экспортных товаров стран АКТ без взаимных обязательств по либерализации импорта из ЕС. Если бы все государства ОЭСР в такой же степени открыли свои рынки, совокупное благосостояние развивающихся стран могло увеличиваться по меньшей мере на \$20 млрд в год [76, p. 11].

ЕС содействует глобальной экономической интеграции, оказывая финансовую и материально-техническую поддержку тем развивающимся странам и региональным объединениям, где имеет место прогресс в демократических преобразованиях и экономическом росте. Европейский Фонд Развития и Европейский Инвестиционный Банк финансируют сельскохозяйственное производство для самообеспечения стран-реципиентов продовольствием. Приоритетными являются также программы совершенствования экономического управления, образования и науки, системного использования природных ресурсов, восстановления и сохранения экологического баланса [4, p. 68].

Опыт сотрудничества ЕЭС/ЕС со странами АКТ, Азии и Латинской Америки показал, что безвозмездная финансовая, материально-техническая и информационная помощь, предоставление льготных кредитов, международное финансирование образовательных, медицинских и экологических программ и прямые иностранные инвестиции могут обеспечить экономический рост развивающихся стран только при условии наличия в них ответственного и компетентного государственного управления, внутренней стабильности и соблюдения прав человека. Экономический и социальный регресс в 40 беднейших странах Суб-Сахарской Африки с населением 600 млн человек (их совокупный ВВП не превышает ВВП Австрии с населением 8 млн человек) в первую очередь обусловлен клановыми интересами и коррупцией правящих авторитарных режимов, межэтническими вооруженными конфликтами и некомпетентным регулированием экономики. К тому же темпы роста численности населения, значительно превышающие темпы роста объемов внешней помощи, приводят к уменьшению ее размера на душу населения (в среднем в странах Суб-

Сахарской Африки с \$40 в 1990 г. до \$36 в 2004 г.) [66, р. 297; 77, р. 271].

9 июля 2002 г. на саммите Организации Африканского Единства в Дурбане лидеры всех стран континента подписали Договор о создании Африканского Союза (АС). Основной целью АС является объединение ресурсов для совместного решения экономических, социальных и экологических проблем, для чего предполагается создать по типу ЕС надгосударственные и межгосударственные институты и механизмы, включая единый Парламент и общую валюту.

Заметим, что ставшие своего рода «брэндом» диктаторских африканских режимов беспрецедентные масштабы ограбления собственных народов делают проблематичными перспективы завершения даже к концу первой четверти XXI века начального этапа создания экономического союза стран, входящих в АС. Реальный экономический союз с его жесткими механизмами бюджетного и валютного контроля и необузданная коррупция правящих кланов несовместимы. Между тем, нет сомнения, что только интеграция африканских стран способна сдвинуть с мертвой точки проблему нищеты и отсталости «черного континента».

Устранение торговых барьеров после вступления в силу Единого Европейского Акта с 1 июля 1987 г. способствовало не только росту товарообмена внутри ЕЭС/ЕС, но и расширению внешней торговли. Проанализируем динамику товарного импорта и экспорта за пределы ЕС-15 в 1988–2000 гг. Как видно из табл. 1.2 и рис. 1.1, темпы роста внешней торговли значительно превышали темпы роста ВВП. Основными торговыми партнерами ЕС в течение многих лет были США, Япония и страны ЕАСТ, однако, в конце 1990-х гг. благодаря высоким темпам экономического развития и роста объемов внешней торговли доля Польши, Венгрии, Чехии и других стран-кандидатов во внешнеторговом обороте ЕС превысила долю Швейцарии и Норвегии, вместе взятых. В число основных торговых партнеров ЕС вошли и крупнейшие страны ЧЭС – Россия и Турция.

Росту торговли ЕС с постсоциалистическими странами способствовали начавшаяся в них либерализация торговых режимов и политика поощрения инвестиций частного капитала в трансформирующиеся экономики стран Европы и Азии, проводимая в ЕС с 1990-х гг. [4, pp. 155–157]. Особо важное значение для развития торговли ЕС и государств с переходной экономикой имели «Европейские Соглашения», подписанные в 1991–1996 гг. с Польшей, Венгрией, Чехией, Сло-

Таблица 1.2

**Динамика внешней торговли ЕС
с основными зарубежными партнерами в 1988–2000 гг.
(ранжирование по объему экспорта в 2000 г.)**

Страна, регион	Млрд ЭКЮ/евро				Среднегодовые темпы прироста, %	
	Экспорт ЕС		Импорт ЕС		Тэксп	Тимп
	1988	2000	1988	2000		
1	2	3	4	5	6	7
США	78,0	232,7	73,3	197,0	9,5	8,6
Швейцария	39,1	70,2	32,1	58,2	5,0	5,1
Япония	18,4	44,6	46,9	84,7	7,7	5,0
Польша	3,3	33,8	4,1	23,1	21,4	15,5
Турция	5,6	29,7	4,6	17,5	14,9	11,8
Норвегия	13,3	25,4	15,4	45,4	5,5	9,4
Китай	6,2	25,3	7,5	69,7	12,4	20,4
Чехия	...	23,8	...	21,4	18,9 ¹	21,2 ¹
Венгрия	3,0	23,0	2,8	17,4	18,5	16,4
Россия	...	19,7	...	45,0	13,6 ²	19,4 ²
Страны-кандидаты	...	150,4	...	117,0	15,0 ³	8,0 ³
Страны Средиземноморья	37,9	108,8	31,6	88,1	9,2	8,9
Динамичные экономики Азии ⁴	24,1	81,1	31,5	108,0	10,6	10,8
Страны ОПЕС	33,3	53,7	32,9	85,2	4,1	8,3
Латинская Америка	14,8	48,4	25,0	46,9	10,4	5,4
Страны АКТ	16,1	38,0	12,5	42,9	7,4	10,8
СНГ	...	27,6	...	54,2	0,9 ³	21,5 ³
Всего по ЕС	343,5	937,5	368,9	1022,2	8,7	6,0

Примечания:

1. В 1993–2000 гг.

2. В 1992–2000 гг.

3. В 1996–2000 гг.

4. Гонконг, Малайзия, Сингапур, Таиланд, Тайвань, Южн. Корея.

Рассчитано по источникам: [6; 78].

вакией, Болгарией, Румынией, Эстонией, Латвией, Литвой и Словенией. Главной целью этих соглашений, предоставлявших странам ЦВЕ статус ассоциированных членов ЕС, было всестороннее содействие рыночной трансформации и созданию условий для их последующей интеграции в ЕС.

В частности, предусматривалось образование в течение десяти лет ЗСТ (за исключением торговли продукцией аграрного сектора) [4, р. 228]. Сразу же после восстановления независимости Латвия, Литва и Эстония получили в торговле с ЕС статус участников ГСП, а в 1992–1993 гг. заключили с Норвегией, Финляндией, Швецией и Швейцарией двусторонние соглашения о свободной торговле, предоставившие странам Балтии «второй по уровню свободы» (после ЕС) доступ на рынок ЕАСТ, что обеспечило быстрый рост их экспорта в Западную Европу [78, с. 236–237].

Торговый режим ЕС в отношении двенадцати других бывших советских республик, вошедших в СНГ, до 1993 г. определялся Соглашением 1989 г. о торговом и экономическом сотрудничестве между ЕЭС и СССР. Соглашение устанавливало дискриминационно высокие тарифы и нетарифные ограничения для товаров из Советского Союза как страны с централизованным планированием экономики. Тарифы на импорт из постсоветских государств продукции обрабатывающих отраслей промышленности более чем в три раза превышали тарифы на товары из развивающихся стран, а нетарифные ограничения закрывали рынок ЕС для черных металлов, текстиля, одежды и сельскохозяйственной продукции из стран СНГ. Это усугубляло спад производства и внешней торговли в постсоветских государствах на первом этапе рыночной трансформации. Предоставление странам СНГ с января 1993 г. временного статуса участников ГСП способствовало некоторому снижению тарифов [49; 79, с. 230–236]. Однако в целом, по мнению директора Центра изучения посткоммунистических обществ Мэрилендского университета (США) Б. Камински (B. Kaminski), «...распад Советского Союза остался как бы незамеченным теми, кто отвечает за защиту внутренних рынков в странах ОЭСР... Большой доступ на рынки, реализация новыми государствами (при поддержке МВФ и МБРР) программ стабилизации и структурной перестройки, а также предоставление новым странам возможности членства в создаваемой Всемирной торговой организации продемонстрировали бы заинтересованность Запада в успешном построении рыночной демократии в новых странах» [79, с. 239].

С 1994 г. ЕС начал заключать со странами СНГ двусторонние Соглашения о Партнерстве и Сотрудничестве (СПС), предусматривающие взаимное предоставление статуса наибольшего благоприятствования в торговле, национальных режимов в сфере налогообложения, обеспечение свободы транзита товаров и постепенное устранение нетарифных торговых ограничений по мере прогресса рыночной трансформации. Первое СПС было подписано в июне 1994 г. с Украиной [80]. Из-за противодействия влиятельных промышленных групп в странах ЕС – конкурентах Украины на европейских рынках металлопроката, минеральных удобрений и текстиля ратификация СПС задержалась почти на четыре года, и СПС вступило в силу лишь в марте 1998 г. В СПС, заключенных с Украиной, Россией и другими странами СНГ, не оговорены условия допуска на рынок ЕС товаров особо важных групп (сталь, текстиль, ядерные материалы и пр.), и торговля этой продукцией по-прежнему регулируется на основе квот, определяемых отдельными соглашениями.

По нашему мнению, слишком медленная либерализация торгового режима ЕС в отношении Украины и других стран СНГ, продиктованная эгоистическим стремлением сохранить сверхвысокий уровень доходов западноевропейских производителей конкурирующей продукции, в долгосрочном плане является экономически и политически ошибочной. Ограничение импорта дешевых товаров из стран СНГ объективно снижает эффективность экономики ЕС за счет сохранения высокого уровня затрат западноевропейских потребителей (в том числе и на производство экспортной продукции) и в той же мере препятствует увеличению объемов экспорта ЕС в страны СНГ, что в конечном итоге замедляет процессы реформирования их экономических и политических систем.

Отметим, что реализованная в рамках ЕС региональная модель свободы торговли на внутреннем общем рынке сочетается с чрезвычайно высоким уровнем протекционизма в отношении ряда импортных товаров из третьих стран, прежде всего, сельскохозяйственной продукции. По данным Продовольственной и Сельскохозяйственной Организации ООН (FAO), средний уровень протекционизма в отношении зерна, молочных продуктов и сахара в ЕС составлял в 1990-х гг. 100–300% [79, с. 234]. Еще на этапе создания общего рынка сельскохозяйственному сектору ЕЭС была оказана значительная финансовая поддержка (96% бюджета ЕЭС в 1970 г.), направленная на повышение уровня доходов работников агропромышленного

комплекса. Такая политика уже к середине 1980-х гг. обусловила превращение ЕЭС из импортера в одного из крупнейших в мире экспортеров продуктов питания. В дальнейшем доля расходов на субвенции аграрному сектору падала и в 1997 г. составила 49,2% бюджета ЕС, однако, суммы субвенций значительно возросли [75, р. 25]. На поддержку недостаточно конкурентоспособной по сравнению с США сельскохозяйственной продукции (при сопоставимых объемах производства в аграрном секторе ЕС–15 было занято 5,3% рабочей силы, а в США 2%) с середины 1990-х гг. из бюджета ЕС ежегодно выделялось не менее 40 млрд ЭКЮ/евро, что более чем вдвое превышало объемы финансирования аналогичных федеральных программ в США [4, pp. 22–32; 13, с. 623–640].

Аграрный протекционизм США и ЕС привел к экономическим деформациям глобального масштаба. Недоступность рынков развитых государств препятствует увеличению производства сельскохозяйственной продукции в развивающихся и постсоциалистических странах с абсолютными почвенно-климатическими преимуществами и более дешевой рабочей силой. В результате эти страны практически лишены возможности увеличивать доходы от продажи своей более конкурентоспособной продукции и осуществлять за счет экспорта технологическую модернизацию экономики. В развитых странах предоставление аграрных субвенций и установление высоких импортных барьеров объективно поощряет собственное неконкурентоспособное сельскохозяйственное производство. Вместе взятые, эти факторы снижают эффективность мирового хозяйства, замедляя процессы перераспределения ресурсов экономического роста между отраслями и странами [13, с. 634–640].

Аграрный протекционизм препятствовал росту экономики ЕС, ограничивая расширение торговых связей с развивающимися странами, несмотря на существенную одностороннюю либерализацию торгового режима ЕС в соответствии с заключенными в 1990-х гг. Конвенциями Ломе и соглашениями с государствами АСЕАН, странами Средиземноморья, Центральной и Восточной Европы и Китаем. В ходе Уругвайского раунда ГАТТ по инициативе ЕС было найдено поэтапное решение проблемы расширения доступа сельскохозяйственной продукции на рынки развитых государств. В ЕС было предусмотрено к 2000 г. более чем на треть снизить импортные пошлины и экспортные субвенции, уменьшить объем субсидированного экспорта, обеспечить рост беспошлинного импорта аграрной продукции,

уменьшить посевные площади зерновых и масличных культур и увеличить финансирование лесоразведения на высвобождающихся из сельскохозяйственного оборота территориях [4, pp. 25–27].

Следует отметить, что достижение экономического паритета между ЕС и США привело к ликвидации имевшей место в прошлом фактической монополии США на установление правил международной торговли. На современном этапе развития мирового хозяйства лидерство во внешней торговле и единая согласованная позиция стран-участниц определяют ведущую роль ЕС как основного фактора либерализации торговой политики на двусторонних и многосторонних переговорах. В ходе Уругвайского раунда ГАТТ, завершившегося в 1994 г. подписанием Марракешского Соглашения о создании Всемирной Торговой Организации (ВТО), ЕС фактически представлял интересы не только непосредственных членов Сообщества, но и десятков других государств, связанных с ЕС ассоциативными соглашениями и договорами о торгово-экономическом сотрудничестве. ВТО как институциональная основа международной торговли заняла ведущее место в глобальной системе межгосударственных организаций и механизмов управления мировым экономическим развитием [80, с. 281–289]. Базовый принцип «одна страна – один голос» и необходимость консенсуса при утверждении новых многосторонних соглашений или поправок и дополнений к ГАТТ 1994 и другим ранее принятым документам способствует соблюдению интересов каждого члена ВТО.

Заключительный этап переговоров 123 стран-участниц Уругвайского раунда ГАТТ 1986–1994 гг. проходил в условиях мирового экономического спада. Только в ЕС в 1993 г. ВВП снизился на 0,4%, а уровень безработицы в 1994 г. составил 11,1% и был наивысшим с 1960 г. [8, p. 165, p. 179; 82]. Достигнутое соглашение о снижении тарифов и частичном устранении нетарифных ограничений в международной торговле способствовало преодолению экономического спада. Темпы роста национального дохода и торговли в развивающихся странах увеличились в 1990-х гг. вдвое по сравнению с предыдущим десятилетием. При этом темпы роста доходов и торговли в развивающихся странах, входящих в интеграционные экономические объединения, в три раза превысили аналогичные показатели неинтегрированных стран [83, p. 153].

Анализ деятельности 108 региональных интеграционных группировок, зарегистрированных ГАТТ/ВТО с момента создания ЕЭС в

1957 г. (80 из них были образованы в 1990-х гг.), подтвердил положительное влияние объединения государств с близкими уровнями развития на их экономический рост, если условия интеграционных соглашений не препятствуют торговле участников с более эффективными внешними партнерами. Положительное воздействие интеграции на рост производства и торговли в наибольшей степени проявилось в объединениях стран со значительными структурными различиями экономик. Интеграция по линии «Север – Юг» (ЕС, NAFTA и пр.) привела к большему эффекту создания торговли, чем интеграция по линии «Юг–Юг» (Общий Рынок Южного Конуса, Западно-Африканский Экономический и Валютный Союз и пр.), что подтверждается существенным увеличением доходов менее развитых членов экономических объединений (Греция, Ирландия, Португалия, Мексика и др.) при ускорении роста ВВП всей интеграционной группировки [83, pp. 154–158].

Системное решение проблемы глобального экономического неравенства требует еще большей открытости рынков государств с высоким и средним уровнем доходов для доступа трудоемкой продукции из развивающихся стран и стран с переходной экономикой. В то же время и в самих развивающихся странах остаются неиспользованными многие возможности ускорения экономического роста, реализация которых зависит от реформирования их государственных и общественных институтов [84, pp. 9–10]. Устранению внутренних препятствий для расширения производства и внешней торговли в наименее развитых странах мира способствует международная программа «Интегрирующая Основа» (Integrated Framework), осуществляемая под руководством ЕС [83, pp. 157–158].

Влияние региональных интеграционных объединений на глобальное экономическое развитие за последние десятилетия значительно возросло. Совет Сотрудничества арабских стран Персидского Залива, объединивший Бахрейн, Катар, Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты, Оман и Саудовскую Аравию, стал играть ключевую роль в определении цены и количества добываемой странами ОПЕК нефти. ЕС и три страны NAFTA – США, Канада и Мексика обеспечивают свыше 90% мирового экспорта авиатехники и более трех четвертей экспорта автомобилей, промышленного и энергетического оборудования, компьютеров, средств связи и другой высокотехнологичной продукции.

Рассмотрим изменения в мировой торговле товарами высоких технологий в течение двух последних десятилетий. Проведение реформ, направленных на создание условий для иностранного инвестирования и расширения деятельности ТНК в рамках международного производственного кооперирования, позволило Китаю, Сингапуру, Малайзии, Мексике и ряду других бывших колониальных и зависимых стран войти в число лидеров мировой торговли высокотехнологичной продукцией. Если в 1980-х гг. среди лидеров в экспорте машин и оборудования была только одна страна Азии – Япония, то в 2005 г. на долю семи азиатских экономик приходилось свыше 44% мировой торговли товарами высоких технологий (табл. 1.3).

Как было отмечено на саммите Организации Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) в Брунее 15–16 ноября 2000 г., укрепление интеграционных связей способствовало быстрому подъему экономик стран региона после финансового кризиса 1997 г. Темпы годового прироста ВВП в странах Восточной Азии составили 7,8% по сравнению с 5,6% по всему региону АТЭС.

Особенно динамично росло производство и экспорт в Китае, где системное реформирование экономики позволило стране интенсивно использовать свой крупнейший в мире территориально-демографический потенциал. Среднегодовые темпы прироста ВВП в Китае (без Гонконга, Макао и Тайваня) за 1980–1999 гг. превысили 10%, а за 2000–2005 гг. составили 9,6%.

Вступив в 2001 г. в ВТО, Китай получил дополнительные возможности для развития внешней торговли и вскоре может стать экономическим лидером Азии. На саммите АСЕАН в Пномпене в ноябре 2002 г. Китай выступил с инициативой создания в регионе ЗСТ, которая объединит страны, где проживает четверть населения планеты, а объем внешней торговли приблизился к триллиону долларов. В 2005 г. Китай по величине ВВП вышел на 4-е место в мире, опередив такие страны «Большой Семерки», как Великобритания, Франция, Италия и Канада [66, р. 294; 84, р. 294; 85, р. 232].

Развитию китайской экономики способствовало и постоянное расширение торгово-экономических связей со странами ЕЭС со времени подписания Соглашения об установлении официальных отношений между ЕЭС и Китайской Народной Республикой 16 сентября 1975 г.

Таблица 1.3

Лидеры мирового экспорта высокотехнологичных товаров

Страна, регион	Экспорт ¹ , млрд долл. США		Доля в мировом экспорте, %	
	2000	2005	2000	2005
США	227,3	237,3	21,6	14,8
Китай	37,3	208,0	3,5	13,0
Германия	78,8	138,6	7,5	8,7
Япония	121,7	133,0	11,6	8,3
Сингапур	72,4	113,8	6,9	7,1
Гонконг	40,4	90,7	3,8	5,7
Южная Корея	50,3	86,4	4,8	5,4
Нидерланды	48,9	81,5	4,6	5,1
Франция	55,5	72,4	5,3	4,5
Великобритания	69,7	69,8	6,6	4,4
Малайзия	46,4	58,9	4,4	3,7
Мексика	29,7	35,9	2,8	2,2
Ирландия	30,8	32,0	2,9	2,0
Канада	27,9	30,2	2,6	1,9
Италия	16,7	25,8	1,6	1,6
Швейцария	16,3	25,8	1,5	1,6
Таиланд	16,3	24,8	1,5	1,5
Бельгия ²	11,6	21,4	1,1	1,3
Швеция	15,8	17,9	1,5	1,1
Венгрия	5,5	16,0	0,5	1,0
Весь мир	1053,5	1600,5	100,0	100,0

Примечания: 1. Включая реэкспорт комплектующих в составе конечной продукции.

2. Включая Люксембург.

Рассчитано по источникам: [66, pp. 296–297; 67, pp. 238–239].

Либерализация экономического режима и углубление региональных и глобальных торговых связей обусловили ускоренное развитие крупнейших государств Латинской Америки – Бразилии и Мексики, занявших в 2005 г. по величине ВВП 10-е и 13-е места в списке лидеров мировой экономики [66, pp. 294–295]. С 1990-х гг. Бразилия и Мексика постоянно входят в число двадцати пяти крупнейших торговых партнеров ЕС [85, pp. 1–3].

Дальнейшему укреплению торгово-экономических отношений со странами Америки служит Соглашение о свободе торговли между ЕС и Мексикой, подписанное 23 марта 2000 г. на саммите ЕС – Мексика в Лиссабоне.

Рост экономического влияния стран азиатского региона обусловил разработку новой стратегии отношений ЕС–Азия, утвержденной на саммите ЕС в Эссене 9–10 декабря 1994 г. Стратегия предусматривает расширение правовой и финансовой поддержки производственного, торгового и научно-технического сотрудничества западноевропейских и азиатских стран и экономических объединений в рамках двусторонних и многосторонних программ. Среди многих факторов, обеспечивших интенсивное экономическое развитие Китая и группы «динамичных азиатских экономик» – Гонконга, Малайзии, Сингапура, Таиланда, Тайваня и Южной Кореи, следует выделить значительный приток частных инвестиций из развитых стран, в том числе при поддержке специальной программы ЕС «Инвестиционные Партнеры Европейского Сообщества» (ЕСIP) [4, p. 226].

В марте 1996 г. на первом саммите «ЕС – Азия» в Бангкоке десять стран – экономических лидеров Азии приняли в качестве основы Евро-Азиатского партнерства предложенную ЕС концепцию «открытого регионализма», направленную на недискриминационную либерализацию международной торговли, а также решение о совместных консультациях сторон для выработки общей позиции на переговорах в ВТО [4, p. 149].

Экономический рост стран Азии и Латинской Америки в 1990-х гг. привел к обострению конкуренции на мировых рынках стали и текстиля. В этих условиях США не только сохранили уровень протекционизма 1980-х гг., но и в нарушение договоренностей Уругвайского раунда ГАТТ стали расширять перечень иностранных товаров, облагаемых неприемлемо высокими импортными пошлинами либо подпадающих под действие нетарифных ограничений [13, с. 721–723].

«Антидемпинговые» ограничения, вводимые в США на импорт стали и текстиля, замедляют экономический рост и процессы демократического реформирования в России, Украине и других постсоциалистических государствах и развивающихся странах. Усиление протекционизма в США негативно сказывается и на развитии американо-европейских торгово-экономических отношений. Между тем, от проведения всеми постиндустриальными странами прозрачной и предсказуемой торговой политики, основанной на единых правилах рыночной конкуренции, в первую очередь зависит достижение глобальной экономической стабильности.

Инициированное ЕС соглашение «Трансатлантическая Повестка дня» (Transatlantic Agenda), подписанное 2 декабря 1995 г. в Мадриде, предусматривало повышение уровня организованности и управляемости международной торговли путем проведения регулярных консультаций ЕС и США для ускорения имплементации решений Уругвайского раунда ГАТТ, гармонизации сторонами правил конкуренции, постепенного взаимного устранения торговых барьеров и создания в будущем трансатлантического общего рынка [4, р. 148].

ЕС подписал в декабре 1995 г. Мадридское Соглашение о свободе торговли с государствами Общего Рынка Южного Конуса (MERCOSUR) – Аргентиной, Бразилией, Парагваем и Уругваем [4, р. 259]. В июле 2006 г. в МЕРКОСУР вступила Венесуэла, и в настоящее время на пять стран объединения приходится 65% населения и 75% ВВП Южной Америки.

Ключевая роль в международной торговле и создании ВТО подтвердила определяющее воздействие ЕС на построение нового мирового экономического порядка. Решение проблем глобального экономического неравенства в XXI веке во многом будет зависеть от самого ЕС, первоочередной задачей которого стала реализация планов развития после очередного расширения.

1.3. Концептуальные основы дальнейшего расширения и углубления интеграции в постконфронтационной Европе

Проанализируем влияние геополитических изменений на расширение и углубление экономической интеграции, акцентируя внимание на процессах двух последних десятилетий и рассматривая Европейский Союз как один из базовых элементов евроатлантической системы.

Объективно предопределенная неизбежность взаимного отказа НАТО и ОВД от туликового пути конфронтации двух общественно-политических систем и переход СССР и США в 1970-х гг. к политике мирного сосуществования привели к началу глобальной разрядки международной напряженности. Ограничение стратегических вооружений СССР и США в соответствии с Московским Договором 1972 г. и Венским Договором 1979 г., а также ликвидация сторонами более чем по 2500 ракет малой и средней дальности в соответствии с Вашингтонским Договором 1987 г. снизили уровень военного противостояния двух сверхдержав и риск ядерного конфликта в Европе [18]. Укреплению безопасности способствовала активизация политических и экономических отношений ЕЭС с Советским Союзом и другими странами СЭВ. Важным фактором упрочения мира на континенте стал новый общеевропейский институт – Совецание по Безопасности и Сотрудничеству в Европе (СБСЕ). Заключительный Акт СБСЕ, подписанный 1 августа 1975 г. в Хельсинки руководителями тридцати трех европейских государств, США и Канады зафиксировал обязательства сторон соблюдать нерушимость послевоенных границ и принцип недопустимости применения силы против территориальной целостности или политической независимости государств [86].

Развитие процессов СБСЕ и кардинальный пересмотр советской военной доктрины в соответствии с начатой в 1985 г. в СССР перестройкой, направленной на демократизацию политической системы и либерализацию экономики, привели к прогрессу на переговорах НАТО и ОВД в Вене об ограничении обычных вооружений, где было решено уменьшить численность вооруженных сил более чем на один миллион человек с каждой стороны и вывести из Европы значитель-

ное количество танков и самолетов тактической авиации. 30 января 1989 г. СССР обязался в одностороннем порядке вне связи с переговорами ОВД – НАТО в течение двух лет сократить свои вооруженные силы в Европе на 500 тысяч человек и существенно уменьшить количество боевой техники – на 10 тысяч танков, 8,5 тысяч артиллерийских систем и 800 самолетов, а также вывести из ГДР, Венгрии и Чехословакии шесть танковых дивизий [87, с. 29].

Изменения военно-политической обстановки нашли отражение в новой концепции строительства оборонительной системы ЕЭС. Утвержденная в 1986 г. в Гааге «Платформа европейских интересов в области безопасности» отводила ЗЕС роль главного инструмента оборонной политики ЕЭС при сохранении евроатлантических обязательств НАТО [88, pp. 1–5]. Вступление в силу Единого Европейского Акта, принятого в развитие Платформы, позволило с 1987 г. использовать уникальную структуру и механизмы ЗЕС для координации позиций НАТО и ЕЭС по экономическим и политическим аспектам безопасности, что способствовало прогрессу на переговорах НАТО – ОВД и США – СССР.

Процессы преобразований на востоке Европы активизировались после саммита ОВД в июле 1989 г. в Бухаресте, на котором СССР подтвердил право социалистических стран на выбор собственного пути развития, трансформацию политических и экономических систем и выход из Варшавского Договора. Проведению реформ в странах ОВД способствовало и установление двусторонних дипломатических отношений ЕЭС с шестью странами ЦВЕ и СССР.

Как отметил С. Ф. Крамер (S. Ph. Kramer), восстановление реальной независимости восточноевропейских государств было воспринято на Западе как «беспрецедентный шанс положить конец периоду междоусобиц, начавшемуся в 1914 г., и создать подлинно свободную Европу» [89, pp. 212–214].

На встрече «Большой Семерки» в Париже в июле 1989 г. было решено учредить программу PHARE для помощи в реформировании экономик Польши и Венгрии и привлечении этих стран к процессу европейской интеграции. Решение поддержали и другие государства ОЭСР, образовавшие для финансирования программы PHARE «Группу 24» (12 стран ЕЭС, 6 стран ЕАСТ, США, Канада, Япония, Австралия, Новая Зеландия и Турция) [90, p. 42].

Объединение Германии 3 октября 1990 г. и начавшийся вывод советских войск из Венгрии и Чехословакии положили начало пре-

кращению деятельности ОВД как военной организации. 18 ноября 1990 г. в Париже были подписаны Договор об обычных вооруженных силах в Европе и Декларация 22 государств НАТО и ОВД, зафиксировавшая взаимные обязательства сторон о ненападении. Договор предусматривал значительное уменьшение военного потенциала обоих блоков, причем наибольшие сокращения обязались осуществить СССР (на две трети по танкам, бронированным машинам, артиллерийским системам, боевым самолетам и ударным вертолетам) и объединенная Германия (сокращение наступательных вооружений на 50%) [91].

Радикальные перемены на Востоке Европы перевели проблему общеевропейской интеграции из плоскости отдаленной перспективы в сферу практических действий. Президент Франции Ф. Миттеран в октябре 1989 г. изложил в Европейском Парламенте концепцию «Единой Европы от Атлантики до Урала» как конфедерации независимых государств, объединенных стремлением к созданию всеобъемлющей системы европейской безопасности и взаимовыгодного экономического сотрудничества. Тогда же президент Комиссии ЕЭС Ж. Делор представил архитектуру будущей новой Европы как «концентрическую систему государств», поэтапно присоединяющихся к ЕЭС по мере достижения ими необходимого уровня экономического и политического развития, и предложил в качестве первого шага к общеевропейской интеграции расширять и углублять ассоциативные связи ЕЭС со странами Восточной Европы и СССР [91].

19–21 ноября 1990 г. состоялась Парижская встреча глав государств и правительств стран-участниц СБСЕ – первый саммит после Совещания в Хельсинки в 1975 г. На открытии встречи Ф. Миттеран подчеркнул, что строительство новой Европы потребует от Запада коллективных усилий для ликвидации экономического и технологического отставания стран с нерыночной экономикой и создания общего правового пространства, и особо отметил, что создание демократической Европы мира и процветания требует вхождения социалистических стран в Совет Европы, ЕЭС и другие континентальные структуры [93, с. 82–87]. Ж. Делор отметил вклад ЕЭС в поддержку демократических преобразований в СССР и государствах ЦВЕ и указал на необходимость заключения «европейских соглашений» для проведения регулярного политического диалога сторон и содействия ЕЭС переходу СССР и стран ЦВЕ к современной эффективной экономике, что

позволит им внести «вклад в создание архитектуры Великой Европы» [93, с. 104–105].

В «Парижской Хартии для Новой Европы» констатировалось окончание эры раскола континента и подчеркивалось, что движение социалистических стран к рыночной экономике отвечает интересам всех народов, расширяет межгосударственное экономическое сотрудничество и способствует реализации идеи строительства Единой Европы [93, с. 165–169].

Экономика Советского Союза была одной из самых милитаризованных в мире [94; 95]. В 1985 г. военный бюджет СССР составлял 22% ВВП [96, с. 168]. Однако значительное сокращение военных расходов, вызванное разрядкой международной напряженности, не могло в короткий срок изменить структурно деформированную советскую экономику, и попытки перейти от централизованного управления народным хозяйством к модели социализма с элементами рынка при крайне медленных темпах реформирования не предотвратили кризисного спада производства. Предоставление союзным республикам экономического суверенитета с правом выхода на внешний рынок в определенной степени дезорганизовало международную торговлю СССР, что также усугубляло экономический спад в стране [49].

Принципиальные изменения политических и экономических отношений между СССР и государствами ЦВЕ обусловили нецелесообразность продолжения их сотрудничества в рамках ОВД и СЭВ. 28 июня 1991 г. было подписано Соглашение о роспуске СЭВ, а 1 июля 1991 г. – Протокол о прекращении действия Варшавского Договора.

В самом Советском Союзе проявились две противоположные тенденции – стремление республик к суверенитету и стремление Центра к сохранению единого федеративного государства. Страны Запада оказывали СССР политическую и экономическую поддержку, поскольку существование Советского Союза со стабильной и предсказуемой политикой демократических реформ и расширения международного сотрудничества в наибольшей степени отвечало интересам укрепления безопасности. Позиции лидеров стран Запада и СССР по ключевым принципам европейского строительства практически совпадали. Идею «Европы от Атлантики до Урала» Ф. Миттерана поддерживали президент США Дж. Буш («Новая Архитектура Европы»), канцлер ФРГ Г. Коль (план «Большой Европы») и президент СССР М. Горбачев (концепция «единого европейского дома» на основе замены политики «баланса сил» политикой «баланса интересов») [93].

В то же время Запад не препятствовал и суверенизации республик, устанавливая «параллельные» отношения с СССР и провозгласившими независимость балтийскими государствами [97; 98].

Реформы в федеративных социалистических государствах Европы привели к децентрализации управления и передаче значительной части полномочий в союзные республики. Отмена конституционного закрепления монополии коммунистической партии на руководящее положение в государстве и обществе способствовала распространению в национальных республиках идей реализации права на самоопределение. К тому же успешные попытки самостоятельного выхода на зарубежные рынки породили в промышленно развитых республиках СФРЮ (Словения, Хорватия) и СССР (Латвия, Литва, Украина, Эстония) достаточно обоснованные оптимистичные представления о возможности ускорения экономического роста после их отделения от федеративного государства. Большое влияние на рост тенденций самоопределения оказали также и межэтнические и межконфессиональные противоречия.

2 июля 1990 г. парламент Словении принял Декларацию о суверенитете, а 23 декабря 1990 г. состоялся плебисцит, на котором 88,5% избирателей высказалось за отделение страны от СФРЮ. 25 июня 1991 г. о выходе из Югославии заявила Хорватия. Эти события положили начало распаду СФРЮ и привели к вооруженному конфликту между Сербией и Хорватией и гражданской войне в Боснии и Герцеговине. Внезапная дезинтеграция СФРЮ – некогда одной из самых благополучных в экономическом отношении социалистических стран дестабилизировала обстановку в обширном регионе Юго-Востока Европы и ухудшила положение национальных и конфессиональных меньшинств в новых независимых балканских государствах. ЕЭС инициировал проведение совместных акций ОБСЕ, Совета Европы, НАТО, ЗЕС и ЕЭС по урегулированию военных конфликтов на территории бывшей СФРЮ мирными методами [99, р. 2].

Еще более неожиданным для Запада оказался распад СССР. В 1990 г. Литва, Эстония и Латвия провозгласили независимость, остальные союзные республики, включая Россию и Украину, приняли в 1990–1991 гг. Декларации о государственном суверенитете [100]. В этих условиях руководство СССР подготовило Договор о создании Союза Суверенных Государств (ССГ), который должен был заменить Договор об образовании СССР от 30 декабря 1922 г. На референдуме 17 марта 1991 г. большинство населения девяти республик (Армения,

Грузия, Латвия, Литва, Молдова и Эстония не принимали участия в голосовании) высказалось за создание обновленного Союза. 19 августа 1991 г., за день до подписания Договора ССГ, реакционные силы в высшем руководстве СССР совершили попытку государственного переворота с целью восстановления в стране недемократической системы правления. Несмотря на быстрое подавление этого путча, опасность повторения попыток реставрации тоталитаризма обусловила провозглашение в августе 1991 г. Актов государственной независимости в Азербайджане, Киргизии, Латвии, Молдавии, Узбекистане, Эстонии и крупнейшей после России союзной республике – Украине [3, с. 324; 101].

1 декабря 1991 г. народ Украины подавляющим большинством голосов одобрил провозглашение независимости, и Украина стала суверенной державой. Результаты референдума были незамедлительно признаны ЕЭС [102]. Как нами было отмечено в 1992 г., «движущей силой создания самостоятельного государства – Украины, а также процессов интеграции государств Западной Европы и дезинтеграции или трансформации тоталитарных государств Восточной Европы явилось стремление народов к возможно более полной реализации международно признанных прав человека на основе обеспечения политических, экономических и гражданских свобод. Стадии интеграции в силу объективных законов общественного развития неизбежно предшествует стадия формирования государственности этносов» [103, с. 7].

8 декабря 1991 г. руководители России, Украины и Беларуси подписали Соглашение о создании Содружества Независимых Государств (СНГ) [104, с. 7]. Дезинтеграция СССР коренным образом меняла характер отношений между Западом и Востоком Европы. Стало очевидным, что реализация планов строительства «Единой Европы от Атлантики до Урала» в рамках одобренных Парижской Хартией концепций отодвигается на неопределенный срок. Процесс подготовки новых договоров между ЕЭС и СССР, предусматривающих переход к ассоциативным отношениям в экономической сфере, не получил дальнейшего развития. «Европейские Соглашения», устанавливающие более высокий уровень взаимодействия ЕЭС с постсоциалистическими странами для ускорения их последующей интеграции в Сообщество, были подписаны в Брюсселе 16 декабря 1991 г. только с Польшей, Венгрией и Чехословакией [4, р. 228].

21 декабря 1991 г. руководители трех стран СНГ и восьми из двенадцати союзных республик (кроме трех прибалтийских и Грузии)

подписали Алма-Атинскую Декларацию о целях и принципах СНГ, констатировавшую прекращение существования СССР. Состав СНГ расширился до одиннадцати стран [104, с. 3–5]. Грузия стала двенадцатой страной СНГ в 1993 г.

Оставляя вне рамок данного исследования подробный анализ последствий дезинтеграции Югославии и СССР, отметим три обстоятельства:

- разделение федеративных государств нарушило производственные и торговые связи между бывшими союзными республиками, что явилось одной из основных причин экономического кризиса в большинстве ННГ;
- дезинтеграция вызвала обострение сепаратизма, межэтнических и межконфессиональных конфликтов, что замедлило постсоциалистическую трансформацию в ряде ННГ и до сих пор препятствует их участию в формировании общеевропейского экономического пространства;
- Европейский Союз стал после распада СССР единственным центром экономического влияния на континенте.

Радикальная трансформация европейского политического и экономического пространства потребовала разработки новых концепций развития интеграции. Решения саммита ЕС в Лиссабоне в июне 1992 г. подтвердили, что «... принцип открытости Союза для европейских государств <...> представляет фундаментальный элемент европейского строительства» [105, с. 48]. Европейский Совет в Эдинбурге в декабре 1992 г. одобрил расширение сотрудничества со странами ЦВЕ и Балтии путем заключения с ними «европейских соглашений» и выдвинул идею партнерства ЕС и ННГ [106].

Перемены на востоке Европы уменьшили число сторонников расширения ЕС. Позиции западноевропейских политических лидеров, экономистов и общественных деятелей в отношении перспектив строительства «Большой Европы» после 1991 г. разделились по трем основным направлениям: «европессимизм», умеренный прагматизм и «еврооптимизм».

«Европессимисты», учитывая продолжающиеся с 1989 г. спад производства, рост безработицы и обострение социальных проблем, утверждали, что расширение за счет принятия восточноевропейских и балканских стран ухудшит экономическое положение ЕС. Противники быстрого расширения ЕС за счет постсоциалистических стран указывали на негативное влияние воссоединения Германии на ее эконо-

мический рост. Хотя ГДР была наиболее развитой несоветской страной социалистического лагеря, реформирование экономики пяти новых восточных земель ФРГ потребовало непредвиденно больших расходов федерального бюджета, что привело к спаду производства в объединенной Германии. Годовой темп роста ВВП ФРГ в 1992 г. снизился до 2,2% по сравнению с 5,7% в 1990 г., а уровень безработицы поднялся с 4,8% до 6,6% [14, р. 164, р. 178].

Приоритетными задачами ЕС, по мнению «европессимистов», должны были стать совершенствование институциональной структуры и повышение эффективности экономики самого Союза как «твердого ядра» будущего постепенно расширяющегося интеграционного объединения, в которое по «гибкой» схеме сможет вступать ограниченное число новых участников по мере достижения ими требуемого уровня развития. Позицию «европессимистов» выразил министр иностранных дел Франции А. Жюппе, заявивший, что «Большая Европа, безусловно, будет большой, но не включит в себя весь европейский континент и его средиземноморский обвод» [105, с. 22].

Позицию прагматиков сформулировал Ж. Делор: «...границы объединенной Европы проходят по границам Советского Союза, а это значит, что к объединенной Европе могут принадлежать страны ЦВЕ. Нельзя забывать и о трех балтийских государствах. А затем и о бывшей Югославии... У Европейского Союза нет выбора. Интеграция является единственным способом, который даст возможность выжить в этом новом мире, полном опасностей, но также и надежд» [105, с. 22].

«Еврооптимисты», ссылаясь на положительный опыт ускорения роста ВВП ЕЭС после вступления менее экономически развитых Ирландии, Греции, Испании и Португалии, выступали за скорейшее принятие в ЕС всех выразивших такое намерение европейских государств. Президент ЕБРР Ж. Аттали заявил: «Европа состоит не из двенадцати, а из сорока государств, и даже в 2000 г. будет уже слишком поздно включать их в ЕС... И если этого не произойдет в нужный момент, то Запад станет главным виновником крушения демократии на Востоке» [105, с. 42–43].

В конечном итоге в ЕС был выбран умеренно-прагматический путь одновременного углубления и расширения интеграции и одобрена стратегия поэтапного сближения с государствами ЦВЕ. В июне 1993 г. в Копенгагене Европейский Совет определил условия, которым должны соответствовать претенденты на членство в ЕС, и сформулировал пять критериев для отбора потенциальных кандидатов на

вступление, не установив при этом конкретных сроков и показателей соответствия этим критериям [4, р. 93]:

- стабильность демократии и ее институтов (верховенство закона; многопартийная система; соблюдение прав человека; защита интересов меньшинств и др.);
- функционирующая рыночная экономика, способная противостоять конкурентному давлению в общем рынке ЕС;
- способность принять права и обязанности, вытекающие из законодательства ЕС;
- приверженность целям политического союза;
- приверженность целям экономического и валютного союза.

Демократические преобразования и переход к рыночной трансформации экономики способствовали укреплению договорной базы сотрудничества постсоциалистических государств ЦВЕ с ЕС. В 1992–1993 гг. были подписаны «европейские соглашения» с Болгарией и Румынией и с Чешской Республикой и Словакией (вместо договора 1991 г. с Чехословакией) [4, р. 228].

Решения эдинбургского саммита ЕС 1992 г. об установлении особых партнерских отношений со странами СНГ начали реализовываться с июня 1994 г., когда ЕС подписал с Украиной [80], а затем и с Россией Соглашения о Партнерстве и Сотрудничестве (СПС). Главными целями СПС были оказание помощи в развитии рыночной экономики этим двум важнейшим из постсоветских партнеров ЕС и образование ЗСТ с ЕС к концу столетия [90, р. 46].

Следует отметить особую роль Греции, оказавшей Украине значительную политическую поддержку при подготовке и подписании СПС [105, с. 50–51].

Укажем, что предложенный ЕС формат сотрудничества с Украиной принципиально отличался от формата «европейских соглашений» со странами ЦВЕ. СПС не содержит положений о возможном членстве или ассоциации с ЕС. В законодательстве Европейского Союза нет четкого определения понятия «ассоциированный статус», и ЕС взаимодействует с каждым ассоциированным государством на индивидуальной основе [106]. Вместе с тем, если соглашение об ассоциации определяет отношения сторон внутри межгосударственного объединения особого рода (в зависимости от метода классификации можно выделить 6–7 различных типов ассоциативных связей ЕС с другими странами), то СПС является международно-правовым документом, регламентирующим отношения между внешними партнерами.

В декабре 1994 г. Европейский Совет одобрил расширение программ помощи ассоциированным с ЕС государствам ЦВЕ для ускорения процессов трансформации и стабилизации их экономических систем и реформирования административных структур в соответствии с копенгагенскими критериями [4, р. 93, р. 242]. Совет также утвердил Средиземноморскую стратегию отношений партнерства между ЕС и странами средиземноморского кольца (за исключением Албании, Ливии и бывших республик СФРЮ) [4, pp. 173–175].

12 июня 1995 г. были подписаны Соглашения об ассоциации между ЕС и тремя бывшими советскими республиками – Эстонией, Латвией и Литвой [4, р. 253]. Реализуя Средиземноморскую стратегию, ЕС заключил 18 июля 1995 г. Соглашение об ассоциации с Тунисом, 20 ноября 1995 г. – Соглашение об ассоциации с Израилем, а 27–28 ноября 1995 г. подписал Соглашение о долгосрочном партнерстве со странами Северной Африки и Ближнего Востока, предусматривающее создание Европейско-Средиземноморской ЗСТ к 2010 г.

Подчеркнем, что инициированные ЕС вышеперечисленные договоры и соглашения заложили в 1995 г. правовой фундамент для строительства «суперзоны» свободной торговли – обширного экономического пространства от Исландии до России и от Норвегии до Северной Африки.

Концептуальные основы расширения и углубления интеграции в постконфронтационной Европе стали одним из главных объектов исследований экономистов и правоведов после того, как трудности в процессе ратификации Маастрихтского Договора обнаружили возросшую противоречивость взглядов западноевропейцев на структуру ЕС, его приоритетные цели и способы их достижения. В дополнение к «первой опорной колонне» интеграционного объединения – Европейскому Сообществу с таможенным союзом, единым рынком, общей сельскохозяйственной, структурной и экологической политикой, экономическим и валютным союзом, Маастрихтский Договор ввел еще две «опорных колонны» – институт общей внешней и оборонной политики и институт кооперации государств-членов ЕС в сфере правосудия и внутренних дел [4, pp. 138–139]. Предлагаемое Договором расширение полномочий наднациональных институтов трактовалось в Дании, Ирландии и Великобритании как «федерализация», угрожающая потерей национальной самобытности и суверенитета [107]. Во Франции, где против ратификации Маастрихтского Договора проголосовали 49% избирателей, концепцию углубления интеграции

восприняли как отклонение идеи «Европы Отечества» Ш. де Голля. Напротив, в Германии, Италии и странах Бенилюкса, где с самого начала интеграционных процессов в 1950-х гг. будущая единая Европа представлялась как федеративное государство, маастрихтская концепция оценивалась как недостаточно наднациональная [4, р. 177].

Конституционный Суд ФРГ, вынося вердикт в пользу ратификации Маастрихтского Договора, 12 октября 1993 г. квалифицировал Европейский Союз как «ассоциацию государств», а не как федерацию или конфедерацию [4, р. 138].

После вступления в ЭЭС в 1973 г. Великобритании – сторонницы максимального сохранения государственного суверенитета развитие Сообщества шло в направлении слияния элементов двух основных конкурирующих концепций европейского строительства: «единого государства» и «федерации государств», прагматично подчиняясь необходимости решения неотложных экономических и политических проблем, возникающих перед ЭЭС. Маастрихтский Договор воплотил черты обеих концепций: «федеративного государства» с наднациональными институтами разработки и утверждения общей стратегии ЕС и «союза национальных государств» с межправительственными органами управления и системой межгосударственных механизмов реализации решений, принятых на наднациональном уровне. Преамбула Договора определяет ЕС как «союз между народами Европы». Вместе с тем введение общеевропейского гражданства, дающего право участвовать в местных и европейских выборах органов власти по месту жительства, независимо от подданства, усилило концепцию ЕС как государства. Включенный в Договор принцип субсидиарности, ограничивающий сферу исключительных полномочий наднациональных институтов ЕС и предоставляющий национальным правительствам и администрациям региональных автономий самостоятельность в использовании средств, выделяемых из бюджета и структурных фондов ЕС для решения внутренних проблем регионов, а также расширяющий возможности участия граждан в принятии общеевропейских решений (через депутатов в Европейском Парламенте или непосредственно на референдумах), оставляет концепцию ЕС открытой и для федеративной интерпретации [4, pp. 137–141; 22].

Маастрихтский Договор не регламентировал принципы взаимодействия между экономическими структурами ЕС и механизмами предлагаемого института проведения общей внешней и оборонной политики. Это затруднило осуществление акций ЕС при урегулирова-

нии возникших в Европе кризисных ситуаций (война в Югославии в 1992–1993 гг. и др.) и явилось одной из причин, по которым Европейский Совет на о. Корфу 24–25 июня 1994 г. принял решение начать процесс подготовки нового Договора ЕС [4, pp. 41–42].

Ратификация Маастрихтского Договора подтвердила, что углубление интеграции отвечает интересам большинства западноевропейцев. Однако то, что с федералистской точки зрения было лишь ступенькой на пути к высшей наднациональной политико-экономической формации, многими было воспринято как завершение западноевропейской интеграции. К тому же за вступлением Австрии, Финляндии и Швеции последовал экономический спад. Темпы роста ВВП в этих странах в 1995 г. снизились по сравнению с 1994 г. соответственно с 2,4; 4,0 и 4,1% до 1,7; 3,8 и 3,7%, а в целом по ЕС с 2,8 до 2,4%, что умножило число противников дальнейшего углубления и расширения интеграции [14, pp. 178–179].

ЕС объективно был заинтересован в дальнейшем расширении, прежде всего, в целях упрочения мира и безопасности на континенте. Европейский Совет в Мадриде в декабре 1995 г. подтвердил, что «расширение является как политической необходимостью, так и исторической возможностью для Европы» [4, p. 90].

Анализируя преобладающие в странах ЕС представления о возможных путях дальнейшего развития Союза, исследователи из Института Европейской Политики (ФРГ, г. Кёльн) В. Вессельс (W. Wessels) и У. Дидрихс (U. Diedrichs) выделили три основных концепции расширения и углубления интеграции: расширение без углубления интеграции; углубление интеграции перед расширением; одновременное расширение и углубление интеграции [4, p. 140].

Первая концепция предполагала принятие новых членов при сохранении на начальном этапе интеграции неизменного институционального устройства ЕС. Вторая концепция, напротив, предусматривала необходимость глубокого реформирования ЕС перед принятием новых участников. Наконец, третья концепция исходила из того, что процессы одновременного расширения и углубления интеграции будут взаимно усиливать друг друга. Противники принятия в ЕС менее развитых государств называли и четвертую, негативную, концепцию «расширения для ослабления», утверждая, что такое расширение приведет к обострению социальных проблем, снизит уровень общественно-политического единства и ослабит способность Союза к углублению интеграции [4, p. 140].

Развитие ЕС в 1990-х гг. показало, что в основу реализующейся политико-административной стратегии была положена прагматическая концепция одновременного углубления и расширения интеграции, отличающаяся от чисто академической формулы только в деталях. Углубление интеграции внутри ЕС шло с различной степенью участия отдельных государств в системе Европейского Политического Сотрудничества и Европейском Валютном Союзе [4, р. 180].

По нашему мнению, реальное расширение интеграции за пределы западноевропейского региона началось после вступления в силу ассоциативных соглашений со странами ЦВЕ. Реализованная стратегия «фазовой» интеграции была основана на синтезе модели расширения ЕС вокруг наиболее развитого «твердого ядра» государств-участников Валютного Союза и моделей «вступления волнами», «Европы концентрических кругов», «Европы с изменяемой геометрией» и «Европы нескольких скоростей» [3, с. 357; 105, с. 30–45].

К моменту завершения в июне 1997 г. работы Амстердамской Межправительственной Конференции (МПК), созванной для подготовки нового «консолидированного» Договора ЕС, на различных стадиях рассмотрения находились обращения четырнадцати государств о вступлении в Союз. Заявки подали (в хронологическом порядке) четыре страны с рыночной экономикой: Турция (14.4.1987), Кипр (3.7.1990), Мальта (16.7.1990), Швейцария (20.5.1992) и десять стран с переходной экономикой: Венгрия (31.3.1994), Польша (5.4.1994), Румыния (22.6.1995), Словакия (27.6.1995), Латвия (27.10.1995), Эстония (28.11.1995), Литва (8.12.1995), Болгария (14.12.1995), Чехия (17.1.1996) и Словения (10.6.1996) [3, р. 90]. МПК констатировала необходимость углубления и расширения интеграции для эффективного противодействия деструктивным силам ультра национализма в Европе [4, pp. 179–180]. МПК предстояло ревизовать базовые документы ЕС и подготовить для включения в новый Договор дополнения и изменения, создающие правовую основу для более эффективного проведения общей оборонной, экономической, социальной и экологической политики с учетом возрастающей ответственности расширяющегося Союза за укрепление мира и экономическое развитие континента. МПК признала целесообразным ускорить создание новой системы взаимодействия европейских политических, экономических и военных структур – ЕПС, ЕС и ЗЕС для подкрепления дипломатических и экономических акций ЕС поддержкой ЗЕС (в случае необходимости и по согласованию с ОБСЕ, НАТО и ООН). Предметом дискуссий на

Амстердамской МПК (29.3.1996 – 17.6.1997) было и включение ЗЕС в качестве «четвертой опорной колонны» в структуру ЕС, однако, из-за противоположных позиций Великобритании и ФРГ относительно процедуры принятия стратегических решений в будущем Союзе, расширенном до двадцати и более государств, решение вопроса было отложено [4, pp. 40–45].

Новый Договор Европейского Союза, подписанный в Амстердаме 2 октября 1997 г. и вступивший в силу 1 мая 1999 г., значительно повысил роль Европейского Парламента в разработке и утверждении решений в сфере общей внешней и оборонной политики, выборе стратегии экономического развития и внешнеторговых отношений. Договор расширил права граждан ЕС в сфере занятости, социальных гарантий и судебной защиты, усовершенствовал правовые основы обеспечения открытости исполнительных органов ЕС и усиления общественного контроля над их деятельностью, а также укрепил правовую и экономическую базу для расширения программ защиты среды обитания и развития здравоохранения в странах Союза [73].

Сохранив три маастрихтских «опорных колонны» ЕС, Амстердамский Договор вместе с тем впервые констатировал, что «ЗЕС является составной частью развития Союза». Договор «...допускает при соответствующих условиях полную интеграцию ЗЕС в Европейский Союз» [75, p. 20].

По нашему мнению, в Амстердамском Договоре в таком виде было в неявной форме зафиксировано состоявшееся де-факто «фазовое» расширение ЕС, по крайней мере, в части сотрудничества в области обороны и безопасности, поскольку среди двадцати восьми входящих в ЗЕС государств в качестве ассоциированных членов или партнеров находились и все страны ЦВЕ, заключившие с ЕС «европейские соглашения» [75, p. 19]. Включение стран ЦВЕ в систему общей внешней и оборонной политики ЕС явилось по сути реализацией предложения «поменять местами экономический и политический этапы» воссоединения Европы, которое выдвинул в 1991 г. французский политолог А. Менк (A. Mink) [108].

Амстердамский Договор оставил открытой проблему реформирования ЕС для обеспечения эффективного функционирования его структур и механизмов после расширения до двадцати пяти и более государств. Прилагаемый к Договору «Институциональный протокол» содержал лишь перечень неотложных реформ [75, p. 29]. Масштабность проблем и противоречивость интересов как ряда госу-

дарств-членов ЕС, так и стран-кандидатов обусловили длительность процесса подготовки к договорному оформлению пятого расширения Союза.

Формально процесс расширения начался после Европейского Совета в Люксембурге 12–13 декабря 1997 г., утвердившего решение открыть странам ЦВЕ доступ в ЕС. Предусматривалось проводить расширение «по этапам, со скоростью, подходящей каждому из будущих государств-членов в зависимости от степени его подготовленности» [90, р. 42]. Еще ранее, 16 июля 1997 г., Комиссия ЕС представила на утверждение Европейского Парламента документ «Повестка дня 2000», подробно регламентирующий подготовку стран ЦВЕ к вступлению в ЕС. Совет отметил неполное соответствие Турции политическим и экономическим критериям присоединения, хотя и пригласил ее принять участие в Европейской Конференции стран-кандидатов в ЕС. В число кандидатов «первой волны» расширения не вошла Швейцария, рассмотрение заявки которой было приостановлено в 1992 г. после отказа от вхождения в Европейское Экономическое Пространство (ЕС плюс ЕАСТ).

30 марта 1998 г. в Лондоне первая Европейская Конференция стран-членов ЕС, Кипра и государств ЦВЕ (Турция отказалась участвовать) утвердила рамочный механизм порядка получения членства в Союзе. Кандидаты должны были перед вступлением расширить и углубить свое участие в сфере общей внешней и оборонной политики ЕС и гармонизировать национальное законодательство с законодательством Союза. Комиссия ЕС предложила в дополнение к программам PHARE выделить странам ЦВЕ также и средства из специальных Фондов ЕС. В целом был предусмотрен пакет финансовой помощи новым членам ЕС в 45 млрд ЭКЮ до 2006 г., в том числе 7 млрд ЭКЮ на этапе подготовки к вступлению [90, р. 44].

Заметим, что столь гигантская на первый взгляд сумма составляла лишь 0,6% ВВП ЕС–15, объем которого в 1998 г. достиг 7598 млрд ЭКЮ [14, р. 169]. Для сравнения: выделенные для Западной Европы в рамках плана Маршалла средства превысили 1,5% ВВП США в соответствующий период [4, р. 238].

Анализ результатов участия ЕС в военной операции НАТО в Югославии в 1999 г. выявил необходимость реформирования механизмов общей внешней и оборонной политики Союза. 23 ноября 1999 г. на Европейском Совете министры иностранных дел и обороны 28 государств ЗЕС, в том числе и стран-кандидатов на вступление в

ЕС, приняли Люксембургскую Декларацию о совместных действиях в области обороны, профилактики и урегулирования локальных конфликтов в Европе. Шагом к постепенной интеграции ЗЕС в структуру ЕС стало решение обеспечить прямой доступ руководящих институтов ЕС к военным возможностям ЗЕС. На саммите ЕС в Хельсинки в декабре 1999 г. было принято решение о совмещении постов Верховного Представителя ЕС по внешней политике и безопасности, Генерального Секретаря ЗЕС и Секретаря Европейского Совета.

Одним из обязательных условий для получения членства в ЕС является гармонизация законодательства стран-кандидатов с нормативно-правовыми документами ЕС (*acquis communautaire*) [4, р. 93]. Приоритетные направления подготовки к членству определяются в документе «Партнерство в период вступления», составляемом Советом ЕС отдельно для каждой страны, в соответствии с которым страна-кандидат разрабатывает «Национальную программу имплементации» с перечнем мероприятий и графиком их выполнения, а также «Национальную программу развития» с детальным изложением стратегии и плана действий по приближению к экономическим и социальным стандартам ЕС.

Следует отметить индивидуализированный и гибкий подход ЕС к разработке и реализации странами-кандидатами национальных программ имплементации и развития. Все страны свободны в выборе средств и методов достижения критериев членства в ЕС. В зависимости от конкретных особенностей национальной экономики каждой стране для достижения определенного критерия может быть предоставлен более продолжительный переходный период. «*Acquis communautaire*» сведены в 31 раздел, и ход выполнения указанных программ контролируется Европейской Комиссией по каждому из них.

На переговорах ЕС с государствами-кандидатами обнаружились существенные противоречия в позициях участников по условиям вступления. Отметим лишь наиболее сложные проблемы экономического характера.

Первой и самой трудной для решения стала проблема конвергенции в экономическое пространство ЕС аграрного сектора стран ЦВЕ, на долю которого в конце 1990-х гг. приходилось 7,8% ВВП и 26,7% рабочей силы по сравнению с 2,5% и 5,7% соответственно у ЕС [4, р. 95]. Крупнейший получатель аграрных субсидий – Франция выступала против предоставления новым членам Союза равных прав на субсидирование, так как при этом ее доля могла значительно умень-

шиться. Греция, Испания, Италия и Португалия, получающие большую часть средств из Фонда развития регионов, также настаивали на сохранении прежнего уровня субсидирования. Страны-кандидаты со значительной долей аграрной продукции в ВВП и неравномерно развитыми регионами, в частности, Польша, где в сельском хозяйстве было занято свыше четырех миллионов человек, считали такой подход дискриминационным. В конечном итоге Франция согласилась начать после 2006 г. пересмотр соглашений, оговаривающих предоставление ей привилегированных условий субсидирования, а Комиссия ЕС разработала программу финансирования сельского хозяйства стран ЦВЕ и Балтии в течение десятилетнего периода после их вступления в объеме 25% от уровня 2004 г. с увеличением до 40% в 2006 г. и затем с ежегодным ростом на 10% с тем, чтобы к 2013 г. достигнуть 100%. Новая система целевых субсидий направлена на реформирование аграрного сектора и снижение загрязнений окружающей среды. В целом по ЕС с 2004 г. было предусмотрено сокращение субсидий из бюджета на 3% ежегодно, что к 2010 г. даст экономию в €1,5 млрд.

Отметим, что ЕС принял обязательство полностью отменить аграрные субсидии к 2013 г. только в декабре 2005 г. на саммите ВТО в Гонконге.

Второй не менее сложной проблемой стало несогласие стран ЕС-15 на предоставление новым членам права свободного доступа их граждан к общему рынку труда ЕС с момента вступления. Характерные для начала 1990-х гг. «прозрачные» границы в большинстве государств ЕС, упрощенная процедура получения въездных виз и отсутствие контроля за перемещениями иностранцев привели к тому, что в ЕС проникли миллионы нелегальных иммигрантов. По приблизительным оценкам, в 2000 г. они занимали не менее 15–20 млн рабочих мест, производя свыше 15% ВВП ЕС. Нелегальная иммиграция способствовала росту «теневой» экономики и сокрытию доходов от налогообложения, что увеличивало нагрузку на государственные бюджеты и препятствовало реализации социальных и экологических программ, а также ухудшила криминогенную обстановку в странах ЕС и стала причиной участвовавшихся конфликтов на расовой, этнической и профессиональной почве.

В ЕС укрепилось мнение, что появление на общем рынке труда миллионов легальных претендентов на рабочие места еще более осложнит положение. Поэтому в Австрии, Германии и других странах с высоким уровнем оплаты труда опасались наплыва дешевой рабочей

силы из Польши и других государств ЦВЕ, и требовали отсрочить предоставление их гражданам права на свободное трудоустройство на территории ЕС–15 по крайней мере на семь лет.

Заметим, что такой подход представляется нам ошибочным. Прежде всего, демографическая ситуация в ЕС уже с начала 1990-х гг. не позволяет в полной мере обеспечивать имеющиеся рабочие места только за счет местного населения, не говоря о будущих потребностях растущей экономики. Кроме того, в любой стране иммигранты в первую очередь занимают вакансии, непривлекательные для коренных жителей (неквалифицированный труд в строительстве, сельском и коммунальном хозяйстве и пр.). Однако при легальном трудоустройстве вклад иммигрантов в рост экономики сопровождается увеличением доходов бюджета, а предоставление им официального статуса способствует укреплению правопорядка и общественного согласия.

Отметим, что вышеупомянутые проблемы носили скорее правовой, а не экономический характер. Нет сомнения, что применительно к согласованно управляемым экономикам интеграционного объединения в целом и каждой входящей в него страны в отдельности расширение само по себе не нарушает критерия оптимума В. Парето, в соответствии с которым «благосостояние общества достигает максимума, а распределение ресурсов становится оптимальным тогда, когда любое изменение в этом распределении не ухудшает благосостояния хотя бы одного участника» [109, с. 145]. Разумеется, новые члены ЕС не вправе претендовать на немедленное улучшение экономического положения за счет изъятия в свою пользу средств из бюджета ЕС, и должны повышать свое благосостояние прежде всего собственными силами.

Здесь уместно подчеркнуть, что противники принятия в ЕС менее развитых стран ЦВЕ в качестве «неопровержимого» довода приводят существенное уменьшение среднего дохода на душу населения в расширенном Союзе. Однако расширение не означает обобществления с последующим уравнительным распределением, и реальные, а не среднестатистические, доходы всех участников в момент расширения не изменяются. В то же время разрыв в экономическом уровне ЕС–15 и постсоциалистических стран является одновременно и движущей силой их развития, что подтверждено опытом Греции, Ирландии, Испании и Португалии. Кроме того, с учетом опыта 1970-х гг. и тенденции повышения цен на энергоносители можно предположить, что в этих условиях вновь станет выгодным использовать трудоемкие тех-

нологии, что снизит остроту проблемы наплыва дешевой рабочей силы [13, с. 389].

Наконец, многие новые члены ЕС не в состоянии в короткие сроки перейти на энергетические стандарты и нормативы Союза по охране окружающей среды. Болгария и Литва в течение 2004–2009 гг. должны закрыть свои АЭС, оборудованные устаревшими реакторами советского производства, чтобы достичь требуемого ЕС уровня ядерной безопасности. Между тем, на АЭС в этих странах вырабатывается значительная часть электроэнергии (в Болгарии 40%, в Литве – более 80% – первое место в мире по доле атомной энергии в электроэнергетике). Подсчитано, что Болгарии для возмещения энергетических потерь от закрытия АЭС необходимо будет построить несколько тепловых электростанций и дополнительно импортировать 4 млн т нефти ежегодно, что значительно превышает реальные возможности национальной экономики [109]. Существенное повышение в ближайшем будущем уровня использования возобновляемых источников энергии и рост энергетической эффективности ВВП в постсоциалистических странах ЕС представляются маловероятными. Решение этих общеевропейских проблем может быть найдено только при условии финансирования большей части необходимых затрат из бюджета и специальных фондов ЕС.

Принятая в 2000 г. в Ницце «Декларация о будущем Союза» подчеркнула, то в ЕС демократическому развитию и соблюдению прав человека в странах–кандидатах придают большее значение, чем экономическим показателям. Особое внимание уделяется положению этнических и конфессиональных меньшинств, поскольку одним из базовых принципов ЕС является сохранение национальной идентичности и разнообразия культур в интегрирующихся странах [111].

Совет и Комиссия ЕС считают вполне реальной возможность расширения Союза в первой четверти XXI века до 35–37 членов за счет вступления не только балканских и восточноевропейских стран-претендентов, но и Швейцарии и Норвегии, в прошлом неоднократно подававших заявки на членство в Союзе. Возможное членство в ЕС России и Украины рассматривается лишь в качестве отдаленной перспективы. Преобладающее в ЕС мнение выразил П. Фонтен (P. Fontaine) из Парижского института политических исследований, отметив, что «... эти страны не имеют в настоящий момент реального желания стать членами Европейского Союза из-за отсутствия адекватных инфраструктур, и они должны сконцентрироваться на своем собствен-

ном восстановлении» [90, р. 46]. Однако Украина по мере продвижения рыночных преобразований стала рассматриваться как потенциальный кандидат на повышение своего статуса в ЕС, и Европейский Совет в Гётеборге 14–15 июня 2001 г. принял решение включить Украину в состав участников МПК. Примечательно, что в итоговых документах саммитов ЕС отношения с Украиной рассматриваются в разделе «Будущее Европы», а с Россией – в разделе «Внешние отношения».

После террористических актов в США 11 сентября 2001 г. укрепилось понимание возрастающей ответственности ЕС за обеспечение международной безопасности. Объединяющаяся Европа как лидер глобальных цивилизационных процессов должна стать не только экономическим лидером, но и равновеликой США «второй силой» в формирующейся мировой многополярной системе, укрепив свои оборонительные структуры, чтобы иметь возможность политического противодействия попыткам США решать глобальные проблемы без мандата ООН, ОБСЕ и других авторитетных международных институтов. Для достижения этой цели расширяющийся ЕС должен стать самой крупной и динамично развивающейся экономикой мира.

Отметим, что в условиях обостряющейся конкуренции на мировых рынках такое стремление ЕС встречает достаточно сильное сопротивление, проявляемое в усилении протекционизма, прежде всего, со стороны США, Японии и Китая. Поэтому для упрочения своих позиций в глобальной экономике ЕС должен достичь по крайней мере паритета с США по уровню обеспеченности собственными материальными и трудовыми ресурсами.

Оценим в общем виде условия достижения такого паритета, что позволит также внести большую определенность в поисках ответа на вопрос о пределах расширения ЕС. Применяв методологический подход О. Белоруса к исследованию механизма прогрессирующей экономической структуры и учитывая взаимосвязь между ее материально-энергетической первоосновой и социально-психологическим потенциалом общества, будем рассматривать две основные категории экономических ресурсов – материальные (земля и капитал) и человеческие (труд и технология) [10, с. 23; 51, с. 10–11; 52].

Потенциальный объем всей совокупности материально-энергетических ресурсов при прочих равных условиях в первую очередь определяется размерами территории страны A , а трудовых и интеллектуальных ресурсов – численностью населения P . Таким обра-

зом, при полном использовании всех ресурсов экономического роста потенциально достижимый объем общественного продукта Y_F можно представить в виде

$$Y_F \equiv A \times P. \quad (1.1)$$

Знак ($\equiv$) указывает на отсутствие прямой зависимости между входящими в выражение (1.1) величинами. Наличие территории и населения является абсолютно необходимым, но далеко не достаточным условием экономического развития страны. Очевидно, что на каждом этапе объем валового продукта страны будет определяться достигнутым уровнем научно-технического развития и степенью использования материальных и трудовых ресурсов.

По экономическому смыслу выражение (1.1) тождественно производственной функции Д. Кобба – П. Дугласа $Y = F(K, L)$, положенной в основу теории экономического роста Р. Солоу (R. Solow) и описывающей зависимость между объемом продукции Y , капиталом K и трудом L [112, р. 77–117].

Отметим, что если сомножитель A в выражении (1.1) есть по определению конечная величина, то сомножитель P , кроме конечной составляющей (максимальная численность населения как в отдельной стране, так и в целом на планете), содержит информационную составляющую, увеличивающуюся по мере развития науки и культуры и не имеющую предела, благодаря чему возможен непрерывный рост социально и экологически ориентированной постиндустриальной инновационной экономики, основанной на знании и высоком качестве человеческого капитала.

Для сопоставления экономических перспектив различных стран удобно привести правую часть выражения (1.1) к виду

$$Tdp = A \times P, \quad (1.2)$$

где Tdp – территориально-демографический потенциал – наиболее общая количественная характеристика страны, базирующаяся на двух статистических величинах: площади территории и численности населения [103, с. 15–16].

Ранжирование по Tdp определяет такие «тройки» потенциальных экономических лидеров: в глобальном масштабе – «Китай – Россия – США»; в Европе – «Франция – Германия – Украина» (без учета евра-

зийской России и преимущественно азиатской по своему географическому положению Турции). Очевидно, что Китай и Украина смогут войти в число реальных лидеров, только завершив рыночные реформы и построив конкурентоспособные экономики постиндустриального типа.

Экономика интеграционного объединения после создания общего рынка труда и капитала переходит в новое качество и перестает быть простой суммой национальных экономик. По нашему мнению, в число факторов экономического роста объединившихся стран входит и многократное увеличение территориально-демографического потенциала интеграционной группировки как единого экономического пространства. Разумеется, не только величина *Tdp* определяет характер отношений между странами. Партнерские отношения существуют между Францией и Люксембургом, хотя их *Tdp* практически несопоставимы, а крупнейшая из всех стран-кандидатов в ЕС Турция из-за объективно обусловленного отставания в экономическом развитии в настоящее время является лишь спутником на германской или французской экономической орбите.

Использование *Tdp* при сравнительном анализе стран позволяет отказаться от громоздких и неточных многофакторных методов оценки, требующих определения многих поправочных коэффициентов на основе неполной информации, что зачастую приводит к абсурдным результатам. Например, Р. Кляйн (Центр стратегических и международных исследований Джорджтаунского университета, США), используя субъективно определяемые коэффициенты «стратегии» и «воли», составил следующую «тройку» государств с наивысшими «показателями могущества»: «США – Бразилия – Германия», отодвинув Китай на шестое место [113, с. 626]. Между тем, очевидно, что Бразилия с почти десятикратно меньшим, чем в Китае, населением, при всех прочих равных условиях объективно лишена возможности превзойти Китай по объему ВВП в обозримом будущем. Применение *Tdp* позволяет также дать количественную оценку достигнутой степени эффективности национальных экономик в сопоставимых по размерам странах. Так, в 2005 г. в Дании и Литве отношение ВНД к *Tdp*, т. е. удельная производительность на единицу площади территории страны, составило соответственно 0,78 и 0,21 PPP\$/чел. кв. км [66, р. 288].

Как видно из табл. 1.4, для достижения паритета с США по величине *Tdp* ЕС–27 нуждается в новом расширении с включением в него

Таблица 1.4

**Территориально-демографические характеристики
ЕС и США**

Страна, регион	Площадь A_i , тыс. кв. км	Население P_i , млн чел (2005 г.)	Территориально- демографический потенциал, $Tdp = A_i \times P_i$
1	2	3	4
Европейский Союз ¹			
Австрия	83,8	8,3	695,5
Бельгия	30,5	9,6	292,8
Болгария	110,9	8,1	898,3
Великобритания ²	244,1	60,2	14694,8
Венгрия	93,0	10,2	948,6
Германия	357,0	82,5	29452,5
Греция	132,0	11,2	1478,4
Дания ³	43,1	5,4	232,7
Ирландия	70,3	4,1	288,2
Испания	504,7	43,4	21904,0
Италия	301,2	57,3	17258,8
Кипр	9,3	0,8	7,8
Латвия	63,7	2,4	152,9
Литва	65,2	3,5	228,2
Люксембург	2,6	0,5	1,3
Мальта	0,3	0,4	0,1
Нидерланды	41,5	16,3	676,5
Польша	312,7	38,5	12039,0
Португалия	92,0	10,7	984,4
Румыния	237,5	21,6	5130,0
Словакия	48,8	5,4	263,5
Словения	20,3	2,0	40,6
Финляндия	338,1	5,2	1758,1

Продолжение таблицы 1.4

Страна, регион	Площадь A_i , тыс. кв. км	Население P_i , млн чел (2005 г.)	Территориально- демографический потенциал, $Tdp = A_i \times P_i$
1	2	3	4
Франция ²	552,0	61,1	33727,2
Чехия	78,9	10,4	820,6
Швеция	450,0	9,1	4095,0
Эстония	45,1	1,4	63,1
ЕС-27	$\Sigma A_{27} =$ = 4328,6	$\Sigma P_{27} =$ = 489,6	$\Sigma_{27} = \Sigma(A_i \times P_i) =$ = 148132,9
			$\Sigma_{ЕС27} = \Sigma A_{27} \times \Sigma P_{27} =$ = 2119282,6
США	9363,2	296,2	2773379,8

Примечания: 1. Включая Болгарию и Румынию – членов ЕС с 1 января 2007 г.

2. Без заморских территорий и департаментов.

3. Без Гренландии и Фарерских островов.

Рассчитано по источнику: [66, pp. 288–289].

стран с большой территорией и населением, поэтому принятие Украины и Турции в ЕС является экономически целесообразным. Не рассматривая весь комплекс турецко-европейских отношений, отметим только, что со времени обращения Турции с заявлением о принятии в ЕЭС (14 апреля 1987 г.) проблема интеграции в ЕС этой не европейской по своей глубинной сути страны стала предметом острых политических и экономических дискуссий.

Очевидно, что в основе достаточно распространенного среди европейцев негативного отношения к принятию Турции в ЕС лежит не географическая принадлежность государства, 95% территории которого находится в Азии, а опасения «столкновения цивилизаций» (The Clash of Civilizations) ввиду высокой вероятности возникновения конфликтов, обусловленных глубокими различиями между фундаментальными европейскими и исламскими ценностями, после вхождения Турции в интеграционное объединение христианских стран [114].

С точки зрения ментально-психологической, исторической и культурной общности крупнейшая страна в центре Европы – Украина

по сравнению с Турцией является для ЕС значительно более приемлемым кандидатом на вступление, и ее евроинтеграционные перспективы всецело зависят от прогресса украинских экономических и политических реформ. Об этом свидетельствуют принятые 12 июля 2007 г. рекомендации Европейского Парламента, в которых Совету ЕС предлагается предоставить Украине перспективу членства, зафиксировав это в новом «усиленном» соглашении о сотрудничестве с ЕС после истечения срока действия СПС.

С другой стороны, в ЕС крепнет понимание стратегически важного значения для развития Союза принятия в обозримом будущем Турции, благодаря определенному прогрессу в повышении уровня обеспечения гражданских прав и свобод в стране и приближению к экономическим критериям вступления. Показательно, что на саммите в Брюсселе в октябре 2002 г. именно «локомотив» европейской экономики – Германия предложила повысить уровень отношений ЕС с Турцией и установить дату начала переговоров о вступлении.

Сложность проблем расширения ставит под сомнение целесообразность принятия в будущем стратегически важных для развития ЕС решений на референдумах в отдельных странах. При сохранении существующих правил любая страна может воспрепятствовать новому расширению ЕС, если какой-либо политической или финансовой группе удастся добиться на референдуме необходимого для обеспечения своих узких интересов результата.

Обсуждение проблем устройства расширенного Союза на саммитах, межправительственных конференциях и в специально созданных комитетах и комиссиях не привело к появлению согласованного проекта новой политической структуры ЕС. Сторонники «британской» концепции выступают за расширение сфер применения принципа субсидиарности для предотвращения федерализации ЕС и дальнейшей централизации управления экономическими процессами. «Британская» консервативная модель, поддерживаемая не вошедшими в зону евро Данией и Швецией, по сути, означает сохранение существующей структуры ЕС. «Французская» концепция предполагает создание конфедерации суверенных государств с единым экономическим правительством, независимым Европейским Центральным Банком, а также общевропейскими полицейскими и судебными ведомствами. Французская доктрина исходит из того, что интенсификация экономической и социальной интеграции приведет к созданию наднациональных механизмов управления в континентальном, а затем и в гло-

бальном масштабе, а человечество поднимется на более высокую ступень эволюционного развития. «Германская» концепция предусматривает образование Европейской Федерации – единого государства с собственной Конституцией и двухпалатным парламентом (по типу США или ФРГ).

Несмотря на отсутствие единой концепции изменения институционального устройства ЕС, понимание большинством западноевропейцев объективной необходимости расширения Союза предопределило во всех пятнадцати странах ЕС общественную поддержку подписанных на МПК в Ницце в июне 2001 г. «Декларации о будущем Союза» и Договора об условиях вступления (Treaty of Accession) в ЕС новых членов с 1 мая 2004 г. [111]. Только в Ирландии, где по конституции любые затрагивающие общегосударственные интересы решения должны быть одобрены на референдуме, в июне 2001 г. 54% избирателей высказались против этого Договора, содержащего пункт о создании общих сил быстрого реагирования ЕС, противоречащий нейтральному статусу страны. Однако гибкость Маастрихтского Договора и возможность предоставления стране таких же особых прав, как Дании в 1992 г. («Эдинбургский компромисс»), оговаривающих необязательность участия в оборонительных структурах ЕС и валютном союзе, способствовали тому, что в Ирландии на повторном референдуме 19 октября 2002 г. расширение ЕС было одобрено 63% голосов.

Хотя в течение подготовительного периода страны-кандидаты из ЦВЕ не смогли существенно сократить отставание от ЕС в экономическом развитии (ВВП на душу населения составил в Латвии 33%, а в наиболее благополучной Словении 69% от среднего по ЕС–15 показателя), на саммите 28 стран в Копенгагене в декабре 2002 г. было принято решение о предоставлении с 1 мая 2004 г. полноправного членства восьми постсоциалистическим государствам ЦВЕ – Венгрии, Латвии, Литве, Польше, Словакии, Словении, Чехии и Эстонии и двум странам с рыночной экономикой – Кипру и Мальте. Вступление отставших по экономическим показателям кандидатов – Болгарии и Румынии было отложено до 2007 г., а Хорватии – на неопределенный срок. Было принято решение более чем вдвое увеличить объем финансовой помощи Турции для ускорения реформ и приближения страны к копенгагенским критериям. Саммит пошел на удовлетворение требований Польши и других государств-кандидатов из Восточной Европы, увеличив начальный уровень субсидирования аграрного сектора для новых членов Союза с 25% до 50% от среднего по ЕС–15 зна-

чения, начиная с 2004 г., и предоставив их гражданам право на трудоустройство в Великобритании, Греции, Дании, Ирландии, Нидерландах и Швеции с 2004 г., а в остальных девяти странах ЕС–15 с 2009 г.

Специальный Конвент в составе 102 представителей высших органов ЕС под председательством экс-президента Франции В. Жискард'Эстена, созданный в декабре 2001 г. по решению саммита ЕС–15 в г. Лакене (Laëken), подготовил проект Конституции, которая должна была заменить учредительные Договоры ЕС. 18 июня 2004 г. саммит ЕС–25 в Брюсселе одобрил этот проект. Подписание Конституции главами государств и правительств 25 стран ЕС состоялось 29 октября 2004 г. в Риме. В церемонии подписания приняли участие также представители Хорватии. Конституция ЕС должна была вступить в силу после ратификации в парламентах или утверждения на референдумах во всех странах ЕС [2].

Структура ЕС должна была стать менее бюрократизированной за счет дальнейшего развития субсидиарности и расширения полномочий местных органов власти. Децентрализация не исключала появления в системе надгосударственного управления дополнительных ступеней, необходимых для принятия оперативных решений в промежутках между заседаниями Европейского Совета и Совета ЕС.

Состоявшееся в 2004–2007 гг. масштабное количественное расширение ЕС предопределило объективно неизбежное качественное изменение структуры интеграционного объединения и стало началом перехода от стадии экономического и валютного союза суверенных государств к общеевропейскому политико-экономическому образованию принципиально нового типа. В отличие от США, где развитие государственности происходило под внешненациональным девизом «*e pluribus unum*» («единство из множества»), для ЕС, основанного на идее взаимообогащающего сотрудничества европейских народов при сохранении их национальной самобытности, остался актуальным фундаментальный принцип «*in varietate concordia*» («единство в разнообразии»).

Конституция ЕС была ратифицирована в восемнадцати странах, однако, встретила неожиданное противодействие в двух из шести стран-инициаторов европейской интеграции – Франции и Нидерландах.

13 декабря 2007 г. на саммите ЕС–27 в Лиссабоне был подписан новый Договор Европейского Союза, в который вошли основные положения проекта Конституции, за исключением статей о флаге и гимне, позволяющих трактовать ЕС как государственное образование. В

Договор включен также раздел, регламентирующий процедуру выхода страны из ЕС. Лиссабонский Договор должен вступить в силу в 2009 г. после ратификации во всех странах ЕС [2].

Нет сомнения в том, что институциональное строительство «Единой Европы» будет продолжаться, и конструкция расширенного ЕС, обладая многими признаками традиционных государств, будет принципиально отличаться от всех существующих типов (нация – государство; федерация; конфедерация и пр.) в силу качественно иной природы интеграционного объединения. Уникальность ЕС – политико-экономического союза суверенных государств, не имеющего аналогов в истории, приведет к появлению столь же уникального надгосударственного образования, вобравшего в свою институциональную структуру лучшие черты «британской», «германской» и «французской» концепций.

1.4. Общее и особенное в механизме разработки и реализации региональной и субрегиональной интеграции

В течение четырех десятилетий после 1945 г. мировое экономическое развитие характеризовалось относительно устойчивым ростом ВВП и объемов международной торговли как в развитых странах с рыночной экономикой во главе с США, так и в государствах социалистического лагеря с централизованно-плановой экономикой во главе с Советским Союзом. Народнохозяйственные комплексы США и СССР, обладавших богатыми и широко диверсифицированными ресурсными базами и емкими внутренними рынками, меньше зависели от колебаний мировой конъюнктуры, вызываемых такими кризисообразующими факторами, как многократное повышение цен на нефть в 1970-х гг.

Реальный ВНД США после резкого спада в 1946 г. (на 19%), вызванного конверсией оборонной промышленности, в дальнейшем рос практически непрерывно. Наибольший темп прироста ВНД составил 10,3% в 1951 г. за счет масштабных экспортных поставок машин, оборудования и продовольствия из США для реализации программ послевоенного восстановления Западной Европы и Японии. Спады в экономике США были кратковременными и незначительными (от 0,2 до 1,3% ВНД), за исключением спада ВНД на 2,5% в 1982 г. [13, форзац]. Повышению устойчивости экономики США способствовало повсеместное внедрение в промышленности, аграрном секторе и других отраслях народного хозяйства инновационных технологий, разработанных за счет государственной поддержки развития фундаментальных и прикладных наук, использования передовых зарубежных достижений и целенаправленной политики аккумуляции мирового интеллектуального и кадрового потенциала путем массового привлечения в США ученых и высококвалифицированных научно-технических работников из всех стран мира, включая слаборазвитые (проблема «утечки мозгов») [44].

До 1985 г. темпы прироста экономики СССР и других социалистических государств были в 1,2–1,5 раза выше, чем в развитых странах, но отставание в объеме производства от западных стран сокращалось крайне медленно. По мере исчерпания возможностей экстен-

сивного роста все более очевидной становилась неэффективность централизованно-плановой экономики. Объем национального дохода (НД) СССР, составлявший в 1960 г. 58% НД США, к 1980 г. возрос до 67% НД США, а с 1985 г. вновь начал уменьшаться. В 1985 г. «Большая Семерка» – США, Япония, Германия, Франция, Великобритания, Италия и Канада и двенадцать индустриально развитых европейских стран произвели 53% мирового ВВП, располагая лишь 12,3% населения и 8,1% территории планеты. В то же время СССР, Китай, Польша, Югославия, Румыния и другие социалистические страны с 32,1% населения на 26,2% территории Земли произвели 40% мирового ВВП. На долю стран «третьего мира» с 55% населения и 65,7% территории планеты приходилось лишь 7% мирового валового продукта. Важную роль в мировом экономическом росте сыграло увеличение объемов международной торговли. Даже в таких практически полностью самообеспеченных странах, как США и СССР, в послевоенный период в течение сорока лет наблюдалось увеличение как абсолютных объемов внешнеторгового оборота, так и доли экспорта и импорта в ВНД [13; 96].

Распад социалистической системы привел в начале 1990-х гг. к появлению в Европе и Азии двадцати двух новых независимых государств (ННГ), возникших в результате дезинтеграции Югославии, Советского Союза и Чехословакии. Разрыв традиционных экономических связей между бывшими социалистическими странами и медленный ход рыночной трансформации в большинстве ННГ привел к падению их совокупного ВВП, что отразилось и на уменьшении годовых темпов роста мировой экономики после 1990 г. по сравнению с предшествующим десятилетием. Если в 1980–1990 гг. темпы прироста ВВП в европейско-центральноазиатском регионе составляли 2,4%, то в 1990–1999 гг. произошел кризисный спад со среднегодовыми темпами снижения ВВП в –2,7%, а темпы прироста мирового ВВП соответственно снизились с 3,2 до 2,5%. В то же время во всех регионах мира увеличились темпы роста объемов международной торговли. В европейско-центральноазиатском регионе в 1990–1998 гг. темпы прироста внешнеторгового оборота составили 7%, превывсив среднемировой уровень 6% [84, pp. 232–237].

Возрастающая взаимозависимость национальных экономик, интернационализация и глобализация товарных рынков обусловила необходимость согласования внешнеторговой политики каждой страны с политикой ее основных партнеров. Как показал мировой опыт, эф-

фактивными механизмами такой координации являются интеграционные объединения различного уровня (от преференциальных торговых соглашений до экономического и валютного союза).

Рассмотрим механизм интеграции как многоуровневую систему политико-экономических и хозяйственно-правовых форм, методов и инструментов организации и регулирования экономических отношений двух и более стран, объединяющихся под воздействием объективных процессов углубления международного разделения труда, интернационализации и глобализации мирохозяйственных связей.

При анализе механизма региональной интеграции как структурно целостной сложной системы примем во внимание взаимодействие и взаимовлияние ее трех составных частей: подсистемы существующих форм экономических отношений между странами-участницами; подсистемы методов и инструментов организации и регулирования этих отношений и формирующейся подсистемы институционально-правового обеспечения межгосударственных экономических отношений. Сложившиеся в стране формы внешнеэкономических отношений, составляющих первую подсистему (международные операции по обмену товарами в материально-вещественной форме; обмену научно-техническими знаниями, техническими и другими услугами; производственная кооперация и пр.), являются объектами воздействия со стороны методов и инструментов национального и межгосударственного экономического регулирования, составляющих вторую подсистему и меняющихся по мере развития интеграционных процессов. Третья подсистема представляет собой комплекс межгосударственных договоров, международных и национальных законодательных норм и правил и является нормативной базой экономических отношений между участниками интеграционной группировки, юридически закрепляя институциональные и законодательные основы многостороннего экономического сотрудничества. Являясь производной от первых двух подсистем, институционально-правовая база механизма интеграции в то же время оказывает существенное влияние как на формы экономических отношений между странами объединения, так и на инструменты и методы регулирования этих отношений.

Для выявления закономерностей функционирования механизмов экономической интеграции будем анализировать совокупности частных эмпирических данных, соблюдая принцип единства трех основных аспектов исследования: логического, методологического и организационно-методического, применяя как эмпирико-теоретические,

так и логико-теоретические методы и аппарат индуктивной, дедуктивной и вероятностной логики [115].

Выявление, систематизация и математическая обработка статистически репрезентативной совокупности разрозненных данных по рассматриваемому вопросу позволяет затем применить метод индукции для проверки соответствия полученных результатов положениям экономических теорий. Изучая интеграционные тенденции в европейской и мировой экономике с помощью категорий «возможность» и «действительность», отметим, что механизм интеграции как система конкретных форм, методов и инструментов организации и регулирования экономических отношений внутри интеграционного объединения может реализовываться только в процессе развития уже сложившихся производственных, торговых и финансовых отношений между объединяющимися странами. Рассматривая связь между категориями «сущность» и «явление», примем во внимание, что одна и та же сущность объективных экономических законов может иметь множество различных субъективных проявлений, равно как и всякое достаточно сложное явление может определяться несколькими сущностями.

Определим основные закономерности формирования механизмов интеграции, рассматривая развитие двух крупнейших после ЕС экономических группировок на континенте – Содружества Независимых Государств (СНГ) и Организации Черноморского экономического сотрудничества (ЧЭС) и сравнивая ход интеграционных процессов в периоды становления ЕС, СНГ и ЧЭС. Выделяя повторяющиеся признаки анализируемых явлений, проследим с помощью категорий «единичное», «особенное» и «всеобщее» основные тенденции, проявляющиеся под воздействием объективных экономических законов в специфических для каждого интеграционного объединения условиях.

Анализируя общее и особенное в механизме разработки и реализации региональной и субрегиональной интеграции, используем предложенную О. Белорусом методологию, рассматривая глобальный объективный процесс экономического развития как сочетание двух принципиально различных форм – стихийного эндогенного саморазвития и гносеологического социально опосредованного организованного развития. Данный подход есть основа познания механизма перехода от стихийного к управляемому цивилизационному социальному и экономико-экологическому развитию человечества и каждого общества [51; 52]. По нашему мнению, такая концепция дает возможность определить западноевропейскую интеграцию как высшую современную фор-

му организованного и гуманистически целенаправленного экономического и социального развития объединяющихся государств.

Отмечая необходимость ликвидации исторически сложившегося разделения человечества на богатый «золотой миллиард» и население так называемых отсталых стран, О. Белорус указал, что «глобальный эгоизм стран-лидеров – одна из величайших современных угроз человечеству», и подчеркнул: «Главная проблема глобальной интеграции для Украины, России и других новых независимых стран состоит в справедливом решении социальной судьбы человека – гражданина этих стран в новом глобальном мире. Наибольшая угроза – превращение миллионов граждан бывшего СССР в батраков глобального мира «золотого миллиарда»» [116, с. 14, с. 723].

Социально-экономический прогресс во многих странах-участницах интеграционных группировок в Европе и в мире показал, что в условиях глобализации региональная интеграция при наличии политической воли руководства и поддержке народа может стать для объединяющихся стран эффективным инструментом противодействия проявлениям экономического эгоизма со стороны стран – мировых лидеров.

Интеграция как высшая форма развития международных экономических отношений исключает в рамках объединения протекционизм и другие формы дискриминации национальных экономик и способствует эффективному решению проблем экономической и экологической безопасности стран-участниц. В конце XX века стремление к региональной интеграции стало одной из доминирующих тенденций развития глобальной экономики. Процессы создания экономических объединений различного уровня распространились и на постсоциалистические страны.

Для всех ННГ, образовавшихся на территории бывшего Советского Союза, был характерен высокий уровень экономической взаимозависимости. В начале 1990-х гг. торговля между республиками СССР составляла подавляющую часть общего объема их внешней торговли – от 60,6% для России до 92,5% для Туркменистана [53, с. 15]. По экспертным оценкам, в начале 1990-х гг. падение производства в постсоветских государствах было на 60% вызвано распадом единого экономического пространства СССР и еще на 20% – прекращением экономического сотрудничества со странами СЭВ после его роспуска [117, с. 349].

Необходимость восстановления хозяйственных связей обусловила решение руководителей двенадцати постсоветских ННГ создать экономическое объединение на базе образованной в декабре 1991 г. политической структуры – СНГ. Предполагалось, что управляемая интеграция по схеме «сверху – вниз», эффективность которой была подтверждена тридцатипятилетним опытом развития ЕЭС с момента подписания в 1957 г. Римского Договора, ускорит процесс вхождения постсоветских государств в систему мирового хозяйства. Однако значительные расхождения в методах и темпах рыночной трансформации, стремление ряда стран к экономическому сепаратизму и другие объективные и субъективные факторы осложнили процесс реальной интеграции.

Восстановление общего экономического пространства требовало от стран СНГ проведения единой внешнеторговой политики. Однако, как отметил директор Программы расширения торговли Всемирного Банка/ООН Дж. Нэш (J. Nash), нестабильность макроэкономической среды, нереструктурированность валютных систем, различный уровень налогообложения и множество ограничений на импорт и экспорт, характерные для стран СНГ в 1990-х гг., препятствовали разработке межгосударственных механизмов реализации такой политики, несмотря на заинтересованность большинства постсоветских государств [118].

В 1993 г. было подписано Соглашение о создании Межгосударственного Банка СНГ, однако, этот проект не был реализован. Основной причиной был отказ России, имевшей положительное сальдо в торговле со всеми странами СНГ, продолжать предоставление дешевых энергоносителей и льготных кредитов бывшим советским республикам после введения ими национальных валют и выхода из рублевой зоны [119].

В сентябре 1993 г. главы государств и правительств восьми стран – Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, России, Таджикистана и Узбекистана подписали в Москве Договор о создании Экономического Союза стран СНГ. Украина вошла в союз на правах ассоциированного члена. Договор предусматривал поэтапное продвижение к более высоким уровням интеграции: зона свободной торговли – таможенный союз – общий рынок товаров, услуг и капиталов – платежный и валютный союз. Реализации этого договора воспрепятствовали многие факторы, и прежде всего принципиальные различия между избранными в странах СНГ моделями реформирования внешнеторговых отношений. Полная либерализация внешней торгов-

ли в Кыргызстане и Узбекистане, следовавших экспортостимулирующей гонконгско-сингапурской модели при одновременном снятии ограничений на импорт, контрастировала с сохранением жестких мер валютного контроля и нерыночных методов регулирования импорта и экспорта в России и Украине [118, с. 204–205].

В этих условиях страны СНГ развивали экономическое сотрудничество на базе двусторонних и субрегиональных союзов. В 1993 г. Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан подписали Договор об экономическом союзе для проведения единой политики цен на экспортируемый природный газ, осуществления совместных проектов строительства межгосударственных транспортных коммуникаций и рациональному использованию водных ресурсов субрегиона, а также учредили Центрально-Азиатский Банк для финансирования совместных проектов [53, с. 19].

Отметим, что Кыргызстан стал первой страной СНГ – членом ВТО, в то время как и в России, и в Украине процесс приведения режимов внешней торговли в соответствие со стандартами ВТО активизировался только в 2007 г.

В 1994 г. страны СНГ заключили Соглашение о создании зоны свободной торговли, однако, впоследствии оно не было ратифицировано Россией. Россия и Беларусь в 1994 г. подписали Договор об экономическом союзе и в 1995 г. – Соглашение о таможенном союзе, предусматривавшие интеграцию Беларуси в рублевую зону и координацию денежной и финансовой политики обеих стран. К таможенному союзу в 1995 г. присоединились Казахстан и Кыргызстан, а в 1998 г. – Таджикистан.

Ни один из проектов интеграции ведущих отраслей экономики двенадцати стран СНГ (создание Евро-Азиатского объединения угля и стали и т. п.) не был реализован. Одни страны стремились развивать торгово-экономическое сотрудничество в рамках многосторонних союзов или ассоциаций, другие избрали путь заключения двусторонних договоров и соглашений. В 1997 г. был подписан Договор о Союзе России и Беларуси, предусматривающий создание единого государства или конфедерации двух суверенных стран с единой валютой и общей внешней и внутренней политикой. В 2000 г. пять членов Таможенного союза – Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия и Таджикистан заключили Договор о создании Евразийского Экономического Сообщества (ЕврАзЭС) для формирования единого экономического пространства Сторон и обеспечения свободы передвижения то-

варов, капиталов и рабочей силы внутри объединения, а также либерализации внешнеторгового режима в соответствии с требованиями ВТО. Украина в 2002 г. получила в ЕврАзЭС статус наблюдателя. В октябре 2007 г. на саммите ЕврАзЭС в Душанбе Беларусь, Казахстан и Россия подписали Договор о создании Таможенного союза трех стран с наднациональным органом управления, в котором Россия располагает 57% голосов, а Беларусь и Казахстан – по 21,5%.

Заметим, что членов ЕврАзЭС связывает еще и Договор о коллективной безопасности. Таким образом, фактически было создано не только экономическое объединение, но и новый евроазиатский военно-политический блок «5 + 1» (с учетом Армении) [120, с. 162].

Абстрагируясь от политических оценок возможного участия Украины в ЕврАзЭС, подчеркнем, что это сообщество не является непосредственным продуктом развития, а точнее, распада СНГ, хотя негативный опыт СНГ несомненно учитывался при разработке концепции ЕврАзЭС. Присоединение к ЕврАзЭС может принести любой из постсоветских стран экономические выгоды – от снятия Россией многочисленных торговых ограничений до возобновления ряда прежних межреспубликанских кооперационных связей советского периода в ракетно-космической и авиационной промышленности, машиностроении, станкостроении и других отраслях народного хозяйства.

В то же время нельзя не учитывать и то обстоятельство, что получение полноправного членства страны в ЕврАзЭС, учредители которого, и прежде всего, Россия, никогда не ставили перед собой в качестве стратегической цели вхождение в Европейский Союз, может осложнить процесс интеграции Украины в европейские структуры. В этом плане странам, имеющим статус наблюдателей в ЕврАзЭС, равно как и другим постсоциалистическим и постсоветским претендентам на вступление в ЕС, предпочтительнее использовать опыт стран СЕФТА, изначально ориентированных на полноправное участие в западноевропейской интеграции.

Россия, Казахстан и Беларусь намерены к 2010 г. создать Единое Экономическое Пространство (ЕЭП) с образованием таможенного союза. Украина и ряд других стран СНГ готовы войти в ЕЭП на уровне ЗСТ без изъятий и ограничений. Однако в мае 2007 г. на саммите глав правительств в Ялте Украина, а также Азербайджан, Грузия, Молдова, Туркменистан и Узбекистан не подписали Соглашение о создании единого рынка электроэнергетики СНГ.

Некоторые страны СНГ стремятся проводить независимую от России внешнюю политику. Туркменистан обрел статус постоянно нейтрального государства (резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 12 декабря 1995 г.) [24, с. 64]. Грузия, Украина, Азербайджан и Молдова образовали в 1997 г. неформальную группу ГУАМ, а в 1999 г. в состав участников группы вошел Узбекистан. Пять стран планировали создать экономическое объединение ГУУАМ на уровне ЗСТ для реализации проекта транспортирования энергоносителей из прикаспийского региона в обход России по маршруту «Центральная Азия – Каспий – Закавказье – Черное море – Украина» с дальнейшими ответвлениями на Южную, Западную и Северную Европу. Другие экономические цели объединения были значительно менее масштабными, что обусловлено малыми объемами межстранового торгового оборота (в 2000 г. экспорт в четыре страны ГУУАМ составил 2,5% общего экспорта Украины, а импорт из этих стран – 1,8%).

Перспективность ГУУАМ при объединении потенциала участников для реализации поддерживаемых ЕС и США проектов строительства систем доставки энергоносителей обусловила подписание 7 июня 2001 г. Ялтинской Хартии ГУУАМ, определившей цели, принципы, направления сотрудничества и структуру новой субрегиональной международной экономической организации [121, с. 74–76]. Узбекистан, не имеющий общих границ с другими странами ГУУАМ, был мало заинтересован в развитии этой организации и в 2005 г. вышел из ее состава. Приоритетность торгово-экономических отношений с Казахстаном и Кыргызстаном обусловила инициативу Узбекистана создать Организацию Центрально-Азиатского сотрудничества – вторую после ГУАМ субрегиональную экономическую структуру в СНГ без участия России.

Уровень институционализации ГУАМ невысок: Комитет национальных координаторов, межправительственные советы и специализированные комиссии по различным направлениям сотрудничества пребывают в стадии формирования, а отсутствие политической воли руководства тормозит реализацию уже достигнутых договоренностей. В результате соглашение о свободной торговле между странами ГУАМ ратифицировала в 2002 г. только Украина. Фактическая стагнация ГУАМ усугубляется и негативной позицией России, расценивающей образование этого субрегионального объединения как деструктивный шаг по отношению к СНГ. В 2006 г. неформальная группа

ГУАМ была преобразована в международную организацию «За демократию и экономическое развитие ГУАМ».

Следует отметить, что создание несколькими государствами экономических союзов более высокого уровня внутри крупных интеграционных группировок является следствием объективно обусловленной неравномерности развития интеграционных процессов в странах объединения. Так, фактически состоявшаяся интеграция экономик обусловила создание Бельгийско-Люксембургского Экономического Союза (BLEU) задолго до образования Европейского Валютного Союза, и пример эффективного взаимодействия двух стран в немалой степени способствовал вхождению государств ЕС в «зону евро» после достижения ими той же глубины интеграции. Однако, если достаточно четко структурированное ЕврАзЭС является экономическим объединением более высокого уровня развития, чем аморфное СНГ, то ГУАМ пока что представляет собой лишь перспективную идею некой «Каспийско-Черноморской Инициативы» (по аналогии с Центрально-Европейской Инициативой, членом которой Украина стала в 1996 г. [3, с. 325]). Реализация целей ГУАМ может поднять на более высокий уровень как двусторонние, так и многосторонние экономические отношения между странами, входящими одновременно и в СНГ, и в ЧЭС, если участники ГУАМ смогут создать функционирующую зону свободной торговли.

Особое значение укреплению двусторонних отношений со странами ГУАМ придает Украина, о чем свидетельствует такой беспрецедентный в современной истории новых независимых государств шаг, как добровольная уступка Молдове участка украинского побережья Дуная возле молдавского селения Джурджулешть в обмен на пролежавший по территории Молдовы участок автомобильной дороги между Одессой и Рени. Такой обмен позволил Молдове стать дунайской и морской державой.

Наряду с созданием новых объединений внутри СНГ получила распространение и такая форма международного экономического сотрудничества, как образование трехсторонних консорциумов в составе двух стран Содружества и государства – не члена СНГ. Украина в обмен на поставки природного газа из Туркменистана принимала участие в строительстве в Иране авиационного и вагоностроительного заводов и поставляла для них комплектующие изделия, а также локомотивы и другое оборудование, а Иран с 1996 г. компенсировал расходы украинской стороны, расплачиваясь с Туркменистаном товара-

ми по оговоренному торговым соглашением списку. С 2002 г. Туркменистан оплачивал поставками газа участие украинских компаний в строительстве трансафганского газопровода Туркменистан – Пакистан [122].

Система межгосударственных органов координации экономической политики стран СНГ по ряду формальных признаков строилась по образцу аналогичных структур ЕЭС на стадии формирования ЗСТ. В соответствии с принятым в 1993 г. Уставом СНГ (Украина воздержалась от его подписания и ратификации), высшим органом Содружества является Совет глав государств, встречи которых проходят дважды в год. Ротация председателя Совета должна была происходить ежегодно, однако, в течение десяти лет этот пост неизменно занимали только президенты России. Для координации сотрудничества исполнительной власти государств-членов в экономической, социальной и других сферах дважды в год созывается Совет глав правительств. Решения Советов принимаются на основе консенсуса. Разработка общей экономической политики стран-участниц возложена на Межгосударственный Экономический Комитет (МЭК СНГ). Координация в сфере внешней политики осуществляется Советом министров иностранных дел, а в сфере военной политики – Советом министров обороны (Украина имеет статус наблюдателя). Постоянно действующим органом СНГ является Координационно-Консультативный Комитет в составе координатора и полномочных представителей (по два от каждой страны СНГ), курирующий сотрудничество в торговой, бюджетной, налоговой, денежно-кредитной, валютной и таможенной областях и в сфере создания общих рынков рабочей силы, капитала и ценных бумаг. Исполнительный секретариат осуществляет организационно-техническое обеспечение работы органов СНГ. Межпарламентская Ассамблея разрабатывает предложения по совместной деятельности национальных парламентов для развития сотрудничества в рамках СНГ [10, с. 382–383; 120, с. 150–154].

Отсутствие межгосударственного Договора СНГ с зафиксированными правами и обязанностями Сторон привело к тому, что руководящие органы СНГ в силу рекомендательного характера принимаемых решений не оказывают реального влияния на ход интеграционных процессов. Несостоятельность организационных и исполнительных структур СНГ дополняется и дискриминационным характером механизма разработки интеграционных проектов, который в автоматическом режиме обеспечивает принятие решений, инициированных

крупнейшей страной Содружества – Россией, зачастую игнорирующей интересы остальных государств. В МЭК СНГ Россия располагает 50% голосов и в состоянии заблокировать любое решение, поддерживаемое остальными одиннадцатью странами СНГ.

В конце 1990-х гг. трансформационный спад в странах СНГ прекратился, а в 2000–2005 гг. темпы прироста ВВП значительно превысили среднемировой показатель 2,8%. Доля СНГ в 2005 г. превысила 2,2% мирового ВВП. Армения, Азербайджан, Грузия, Казахстан, Молдова, Россия, Таджикистан и Украина поднялись на более высокие места в мировом рейтинге по величине ВВП по сравнению с 2000 г., причем Россия переместилась с 17-го на 14-е место (табл. 1.5).

Таблица 1.5

Место стран СНГ в мировой экономике

Страна, регион	ВВП, млн долл. США				Место среди 208 экономик*	
	2000		2005		2000	2005
	Всего	% ВВП _W	Всего	% ВВП _W		
1	2	3	4	5	6	7
Весь мир (w)	31336893	100,000	44384871	100,000	–	–
Содружество Независимых Государств						
Азербайджан	4904	0,016	12561	0,028	106	96
Армения	1914	0,006	4903	0,011	134	129
Беларусь	35940	0,115	29566	0,067	54	66
Грузия	3048	0,010	6395	0,014	126	117
Казахстан	18264	0,058	56088	0,126	66	56
Кыргызская Республика	1304	0,004	2441	0,005	142	143
Молдова	1285	0,004	2906	0,007	144	138
Россия	251092	0,801	763720	1,721	17	14
Таджикистан	987	0,003	2326	0,005	146	144
Туркменистан	4404	0,014	6774	0,015	110	114
Узбекистан	13517	0,043	13667	0,031	74	91
Украина	32171	0,103	81664	0,184	56	52
СНГ–12	368830	1,177	983011	2,215	–	–

Примечание. Ранжирование по величине ВВП.

Источники: [66, pp. 294–295; 84, pp. 236–237].

По ВНД на душу населения Россия вошла в группу экономик со средними доходами высшего уровня (от \$3466 до \$10725), Армения, Азербайджан, Беларусь, Грузия, Казахстан, Молдова, Туркменистан и Украина – в группу со средними доходами низшего уровня (от \$876 до \$3465), Кыргызстан, Узбекистан и Таджикистан остались в группе с низкими доходами (\$875 и менее).

Динамичный рост ВВП способствовал значительному увеличению объемов внешней торговли, и по сравнению с 2000 г. доля СНГ в мировом товарообороте в 2005 г. возросла с 2,3 до 3,3% в экспорте и с 1,2 до 2,0% в импорте.

В Армении, Беларуси и Узбекистане рост экспорта опережал рост импорта, в остальных странах коэффициент покрытия импорта экспортом уменьшился (табл. 1.6).

Таблица 1.6

Динамика внешней торговли стран СНГ в 2000–2005 гг.
(стоимостные показатели в млн долл. США в текущих ценах)

Страна, регион	Экспорт <i>E</i> (<i>fob</i>)		Импорт <i>I</i> (<i>cif</i>)		Коэффициент покрытия, <i>E/I</i>	
	2000	2005	2000	2005	2000	2005
Весь мир	6350105	10392567	6550720	10652542	–	–
Содружество Независимых Государств						
Азербайджан	1750	4346	1390	4202	1,26	1,03
Армения	290	950	850	1768	0,34	0,54
Беларусь	7575	15992	8960	16699	0,85	0,96
Грузия	320	867	645	2491	0,50	0,35
Казахстан	9140	27849	5100	17353	1,79	1,60
Кыргызская Республика	505	672	565	1108	0,89	0,61
Молдова	470	1091	780	2312	0,60	0,47
Россия	105200	245255	44200	125123	2,38	1,96
Таджикистан	785	909	710	1330	1,11	0,68
Туркменистан	2700	4935	1400	3588	1,93	1,38
Узбекистан	3010	4706	2810	3640	1,07	1,29
Украина	14550	34287	14000	36141	1,04	0,95
СНГ–12	146295	341859	81410	215755	1,80	1,58

Расчитано по источникам: [66, pp. 296–297; 84, pp. 238–239].

С переходом к мировым ценам существенно изменились товарные условия торговли (ToT, terms of trade) стран СНГ – от улучшения ToT на 30% в России до ухудшения более чем в два раза в Молдове [123].

Бизнес-интересы правящих элит, стремившихся к быстрому накоплению капитала в начале перехода к рынку, обусловили доминирование в странах СНГ стратегически бесперспективной торгово-посреднической модели ВЭД, основанной на увеличении экспорта продукции малой глубины переработки в ущерб развитию внутреннего рынка. За редкими исключениями, машины и промышленные товары из стран СНГ были неконкурентоспособными на мировых рынках, а торговля только сырьем не могла обеспечить приток валюты, необходимой для оплаты критического импорта. В экспорте стран СНГ преобладают энергоносители, черные и цветные металлы, минеральное и сельскохозяйственное сырье. Однако в долгосрочном плане конкурентоспособность национальной экономики обеспечивается не временными ценовыми преимуществами на полуфабрикаты и сырье, а созданием производственных инновационных комплексов и расширением сотрудничества с ТНК – лидерами рынка постиндустриальных технологий. Реализация такой стратегии конкурентоспособности невозможна без перехода к принципиально иной модели ВЭД – инновационно-инвестиционной, адекватной доминирующим тенденциям развития европейской и мировой экономики.

Отметим, что хотя в научных исследованиях СНГ рассматривается как единое образование (по географическому признаку, а также ввиду наличия общих для стран-участниц проблем рыночной трансформации), однако, Содружество лишь формально является объединяющей все страны экономической группировкой, и не стало ни их политическим союзом, ни военным блоком. Не совпадающие экономические интересы и различный характер политического устройства стран-участниц (несмотря на декларируемую приверженность демократическим ценностям) замедляют интеграционные процессы в СНГ.

Для уменьшения зависимости от России, которая была монопольным транзитером природного газа, Туркменистан в 1997 г. ввел в эксплуатацию первый в Центральной Азии газопровод в обход России в Иран и планирует строительство ряда новых газопроводов в Турцию, Пакистан и Китай. В 2005 г. Туркменистан на саммите в Казани фактически понизил свой статус в СНГ до уровня ассоциированного

членства, а в октябре 2007 г. на саммите в Душанбе не подписал Концепцию развития СНГ.

При отсутствии политической воли правящих элит к развитию управляемой интеграции «сверху – вниз» процессы распада СНГ на несколько сепаратных группировок, крупнейшими из которых по числу участников стали ЕврАзЭС и ГУАМ, происходили наряду с процессами сближения хозяйственных механизмов отдельных стран Содружества благодаря расширению международных связей на уровне финансово-промышленных групп (интеграция «снизу – вверх»).

Одновременно усиливалось влияние ЧЭС на развитие торгово-экономических отношений в Причерноморском бассейне.

Общность проблем реформирования государственного сектора экономики, господствовавшего то время в Турции, Болгарии, Румынии и СССР, обусловила выдвижение в 1990 г. турецким дипломатом Ш. Элекдагом (Sükrü Elekdag) инициативы многостороннего сотрудничества для «создания благоприятных условий и установления институциональных связей между странами Черного моря для развития и диверсификации их экономических отношений» как важного фактора укрепления европейской безопасности [124, р. 158]. Инициативу создания международной организации по сотрудничеству Турции с Болгарией, Румынией и СССР поддержали видные турецкие политики и экономисты Я. Башкурт (Yaman Baskurt), Т. Озал (Turgut Ozal), Д. Сезер (Duyugu Sezer), О. Ючер (Okan Üçer) и др. Расширение сотрудничества черноморских стран, экономики которых были во многом взаимодополняющими, могло ускорить реформирование национальных народнохозяйственных комплексов в условиях принципиальных геополитических и геоэкономических изменений [125; 126].

Приоритетные направления взаимодействия причерноморских стран для совместного решения экономических, социальных и экологических проблем региона были определены в Декларации Черноморского экономического сотрудничества (ЧЭС), подписанной в Стамбуле 25 июня 1992 г. главами государств и правительств Албании, Армении, Азербайджана, Болгарии, Грузии, Греции, Молдовы, Румынии, России, Турции и Украины [25, р. 50–53].

В силу ряда причин объективного и субъективного характера процесс организационного закрепления качественно новых принципов экономических отношений между государствами ЧЭС затянулся. Основополагающий документ ЧЭС – Устав, определяющий правовой статус новой региональной экономической организации интеграцион-

ной направленности и регламентирующий ее структуру, принципы и области сотрудничества, был подписан в Ялте только 5 июня 1998 г., через шесть лет после Босфорского Заявления и Стамбульской Декларации. В преамбуле Устава отмечено, что государства-учредители разделяют «общее видение своего регионального сотрудничества как части интеграционного процесса в Европе» и преисполнены «решимости развивать экономическое сотрудничество, внося тем самым вклад в достижение более высокой степени интеграции в мировую экономику» [127]. Экономическая Программа ЧЭС была утверждена на саммите в Москве 27 апреля 2001 г. [25, р. 71–101].

Институционализация ЧЭС была обусловлена стремлением государств-учредителей к более эффективному использованию потенциала экономик Причерноморского региона в международном разделении труда.

Подчеркнем, что на момент создания эта региональная организация представляла собой не имеющее аналогов объединение стран с различными типами экономик, уровнями развития и степенью интегрированности в мировое хозяйство. Кроме стран с рыночной экономикой – Греции и Турции, в ЧЭС вошли девять постсоциалистических стран с переходной экономикой. В состав учредителей входила единственная страна с высоким уровнем доходов – член ЕС Греция. Отметим, что вхождение Греции в ЧЭС противоречило канонам теории и практики создания экономических организаций интеграционной направленности, в соответствии с которыми обязательной предпосылкой создания такого объединения является сопоставимость уровней развития стран-участниц [10, с. 386]. Греция же по социально-экономическим показателям в 1998 г. входила в число двадцати пяти наиболее развитых государств мира, многократно опережая любую из десяти остальных стран – учредителей ЧЭС [120, с. 35].

Заявки на вступление в ЧЭС подавали Иран, Б. Ю. Р. Македония, Сербия и Черногория и Узбекистан, однако, только Сербия и Черногория в 2004 г. была принята в организацию. Отсутствие в Уставе четких критериев, которым должны удовлетворять претенденты на вступление в ЧЭС, в определенной степени препятствует дальнейшему расширению сферы влияния организации за пределы Причерноморского региона.

Статус наблюдателей в ЧЭС получили Австрия, Беларусь, Хорватия, Чехия, Египет, Франция, Германия, Израиль, Италия, Польша, Словакия, Тунис и США, а также Европейская Комиссия и ряд меж-

правительственных организаций (Конференция Энергетической Хартии и др.).

Причерноморский регион как потенциальный источник энергоресурсов и естественный мост во взаимодействии христианского Запада и мусульманского Востока играет все более важную роль в строительстве новой Европы в XXI веке [128]. Повышение энергетической безопасности ЕС обуславливает необходимость расширения сотрудничества со странами ЧЭС, где запасы углеводородных энергоносителей многократно (в 7 раз по нефти и в 15 раз по газу) превышают ресурсы ЕС [129]. Территориально-демографический и экономический потенциал позволяет ЧЭС стать крупнейшим экономическим партнером ЕС на континенте.

Расширение связей ЧЭС со странами Северной Европы и Балтии, заинтересованными в импорте нефти и природного газа из Черноморско-Каспийского региона, а также возрождение на качественно новой основе торговых и транспортных маршрутов древности – «из варяг в греки» и «Великого Шелкового Пути», будет способствовать реализации инициативы создания нового регионального экономического объединения – Балтийско-Черноморского сотрудничества с участием балтийских, центрально-европейских и черноморских стран, выдвинутой в начале 1990-х гг. [103, с. 19].

Либерализация экономики и выход на рынки развитых стран наряду с частичным восстановлением кооперационных связей между бывшими союзными республиками и партнерами по СЭВ способствовали динамичному росту ВВП в постсоциалистических странах ЧЭС. Доля ЧЭС в мировом ВВП в 2005 г. возросла более чем на 50% по сравнению с 1998 г. – с 2,4 до 3,6% (табл. 1.7).

Темпы прироста импорта и экспорта в 1998–2005 гг. в странах ЧЭС превысили темпы прироста ВВП в два-четыре раза (табл. 1.8).

Институциональное оформление ЧЭС как региональной организации способствовало повышению уровня официальных отношений ЧЭС и ЕС. Координация их взаимодействия осуществляется на основе «Платформы сотрудничества между ЧЭС и ЕС», в соответствии с которой специализированные совместные группы экспертов обеспечивают подготовку региональных проектов, финансируемых при участии ЕС и направленных на развитие транспортной и энергетической инфраструктуры; телекоммуникаций; трансграничной торговли; инвестиций; реформирование в институциональном и социальном секторах; научно-техническое сотрудничество, защиту окружающей среды и др. [131; 132].

Таблица 1.7

**Место стран Организации Черноморского
экономического сотрудничества в мировой экономике**

Страна, регион	ВВП, млн долл. США				Место среди 208 экономик *	
	1998		2005		1998	2005
	Всего	% ВВП _W	Всего	% ВВП _W		
Весь мир (w)	29638130	100,000	44384871	100,000	–	–
Организация Черноморского экономического сотрудничества						
Азербайджан	4446	0,015	12561	0,028	108	96
Албания	2737	0,009	8379	0,019	127	105
Армения	1894	0,006	4903	0,011	133	129
Болгария	12737	0,043	26648	0,060	77	73
Греция	121258	0,410	213698	0,482	28	28
Грузия	3620	0,012	6395	0,014	116	117
Молдова	1699	0,006	2906	0,007	135	138
Россия	270953	0,914	763720	1,721	17	14
Румыния	42116	0,142	98559	0,222	51	49
Сербия и Черногория	11917	0,040	27059	0,061	...	72
Турция	199580	0,673	363300	0,819	22	19
Украина	41883	0,141	81664	0,184	52	52
ЧЭС–12	714840	2,412	1609792	3,627	–	–

Примечание. Ранжирование по величине ВВП.

Рассчитано по источникам: [66, pp. 294–295; 77, pp. 252–253; 130].

Одной из целей сотрудничества является образование особого экономического пространства «ЕС–ЧЭС» с последующей трансформацией в ЗСТ. Формированию ЗСТ способствует участие стран ЧЭС в таких региональных и субрегиональных инициативах, как Пакт Стабильности для Юго-Восточной Европы, Роймонтская Инициатива, Инициатива Сотрудничества в Юго-Восточной Европе, Адриатическо-Ионическая Инициатива и Процесс Стабилизации и Ассоциации

**Динамика внешней торговли стран
Организации Черноморского Экономического Сотрудничества
в 1998–2005 гг.**

(стоимостные показатели в млн долларов США в текущих ценах)

Страна, регион	Экспорт (<i>fob</i>)		Импорт (<i>cif</i>)		Средние тем- пы прироста, 1998 – 05, %	
	1998	2005	1998	2005	<i>Тэксн</i>	<i>Тимп</i>
Азербайджан	545	4346	1075	4202	34,5	21,5
Албания	135	654	650	2650	25,3	22,2
Армения	235	950	875	1768	22,1	10,6
Болгария	4275	11725	4980	18181	15,5	20,3
Греция	9709	17192	23470	54031	8,5	12,7
Грузия	195	867	1095	2491	23,8	12,5
Молдова	680	1091	1075	2312	7,0	11,6
Россия	73900	245255	59500	125123	18,7	11,2
Румыния	8295	27730	11820	40463	18,8	19,2
Сербия и Черногория	1727	5142	3698	11558	16,9	17,9
Турция	26140	73275	46400	116352	15,9	14,0
Украина	12825	34287	14746	36141	15,1	13,7
ЧЭС–12	138661	422514	169384	415272	17,3	13,7

Рассчитано по источникам: [66, pp. 296–297; 77, pp. 268–269].

Западных Балкан. Стратегия ЕС «Расширенная Европа – Соседство: Новая основа отношений с нашими восточными и южными соседями» предусматривает предоставление балканским и восточноевропейским странам доступа ко всем преимуществам Европейского Союза (без участия в его институтах), включая единый рынок, свободную торговлю, открытый инвестиционный режим, взаимосвязь инфраструктурных сетей и применение евро как основной и резервной валюты в двусторонних отношениях [133].

Устойчивое развитие СНГ, ЧЭС и других региональных и субрегиональных объединений с участием постсоветских и постсоциалистических балканских, восточноевропейских и кавказских стран

может быть обеспечено в XXI веке только при укреплении их связей с ЕС как наиболее развитой совокупностью социально и экологически ориентированных общественных производств. Подчеркнем особую роль членов ЕС Великобритании и Франции, способных, как великие державы, через механизмы Совета Безопасности ООН оказать влияние на преодоление конфликтных ситуаций в ЧЭС. Решение проблем Абхазии, Нагорного Карабаха, Косово, Курдистана, Приднестровья и других нестабильных национальных образований не терпит отлагательств. Поддержка со стороны США, Великобритании и Франции путем поощрения участия компаний из этих стран в создании консорциумов для реализации международных проектов в регионе ЧЭС (транзит нефти по маршруту «Баку – Супса – Одесса – Броды – Плоцк – Гданьск» и др.) также оказала бы существенное воздействие на ускорение интеграционных процессов в регионе. Как отметил Г. Курт (Бюро Фонда Ф. Эберта в Украине, Беларуси и Молдове), «региональные объединения в Азии, Африке или другой части мира всегда имели трудности, как только делались попытки не приобщать к этому непосредственно какую-либо из великих держав» [134, с. 15].

Создание ЧЭС, ЕврАзЭС, ГУАМ и других объединений на евроазиатском пространстве является одним из путей преодоления противоречий между общими и сепаратными экономическими интересами стран региона. Региональная интеграция в силу своего созидательного по глубинной сути характера не направлена против какой-либо страны или другого экономического объединения. Образование любой группой стран ЧЭС или СНГ зоны свободной торговли по стандартам ВТО с последующим присоединением к общеевропейскому пространству во главе с ЕС объективно неизбежно, поэтому оправдано членство страны в нескольких ЗСТ одновременно, и встречающаяся в практике экономических и политических дискуссий постановка вопроса об альтернативном выборе («ЕС или ЕврАзЭС», «СНГ или ГУАМ» и т. п.) принципиально ошибочна. Проблема совмещения обязательств, вытекающих из членства страны в экономических объединениях, решается на основе симметрии предоставляемых преференций, а сотрудничество стран в рамках нескольких ЗСТ, дополняемое расширением трансрегионального взаимодействия, вносит весомый вклад в укрепление глобальной экономической безопасности.

Подводя итоги краткого анализа общего и особенного в механизме разработки и реализации региональной и субрегиональной интеграции, отметим, что ЕС, СНГ, ЧЭС, ГУАМ и другие группировки в Европе и на постсоветском пространстве представляют собой различные субъективные проявления единой сущности объективного закона интернационализации экономики. Образование относительно замкнутых региональных объединений, на первый взгляд кажущееся противоречащим глобализации, является одним из промежуточных этапов построения глобального высокоинтегрированного экономического комплекса, а региональная интеграция является эффективным инструментом демпфирования негативного воздействия глобализации на слабые экономические системы.

Выводы

Анализ развития европейских и мировых интеграционных процессов позволяет сделать следующие выводы:

- Развитие ЕС отражает объективную необходимость объединения ресурсов всех европейских стран для обеспечения устойчивого экономического роста в глобальной конкурентной среде.
- ЕС стал наряду с США одним из двух равновеликих мировых экономических центров и стабилизатором глобальной экономики.
- Расширение усиливает геополитические и геоэкономические позиции ЕС и укрепляет основы формирующейся многополярной системы мирового устройства.
- Состав интеграционного объединения определяется общностью стратегических целей, совместимостью политико-правовых основ государств-участников и, в меньшей степени, сопоставимостью уровней экономического развития и социально-культурной идентичностью.
- Развитие интеграционной группировки осуществляется за счет одновременного действия «горизонтальных» механизмов на уровне создания межстрановых корпораций и финансово-промышленных групп и «вертикальных» механизмов наднационального регулирования и межправительственной координации экономического сотрудничества стран объединения.
- Образование любой группой стран ЧЭС или СНГ зоны свободной торговли по стандартам ВТО с перспективой последующего присоединения к общевропейскому экономическому пространству во главе с ЕС объективно неизбежно.
- Механизмы интеграции на современном этапе отличаются рядом особенностей, имеющих субъективную природу:
  - вхождение в интеграционные организации стран с неурегулированными межгосударственными конфликтами (Азербайджан и Армения; Греция и Турция в ЧЭС; Сомали и Эфиопия в Африканском Союзе и др.);
  - параллельное развитие процессов частичной реинтеграции (СНГ как воссоздание части дезинтегрированного

экономического пространства СССР) и внутренних дезинтеграционных процессов (образование внутри СНГ Союза России и Беларуси, ГУАМ, ЕврАзЭС и др.);

- расширенная реинтеграция (ЧЭС как воссоздание части пространства СЭВ с расширением за счет включения Греции, Турции и Сербии).

ГЛАВА 2.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

2.1. Формирование Европейского Экономического и Валютного Союза и вызовы трансформационного периода стран Восточной Европы

Создание Европейского Экономического и Валютного Союза (ЭВС) было одной из наиболее трудноразрешимых задач за всю историю ЕС. Изучение последовательности разработки институциональных основ и рабочих механизмов интеграции национальных валютных систем позволяет выявить основные закономерности этого процесса, что представляет интерес для экономической теории и может найти практическое применение при использовании опыта ЕС в других интеграционных объединениях.

Развитие международной торговли по мере восстановления экономик стран-участниц плана Маршалла способствовало образованию в 1950 г. Европейского Платежного Союза (European Payments Union). Новый межгосударственный орган дал возможность перейти от двусторонних расчетов по внешнеторговым операциям к более эффективным многосторонним, что способствовало увеличению объемов торговли между членами союза. Межгосударственные расчеты осуществлялись на основе Бреттон-Вудской золотодевизной системы валютных курсов. Курсы валют фиксировались по отношению к золоту

и двум резервным валютам – доллару США и британскому фунту стерлингов, и отклонения рыночного курса от установленного паритета не должны были превышать $\pm 1\%$ [7, p. 506; 135, с. 420–424].

Бреттон-Вудская валютная система становилась все менее эффективной по мере увеличения разрыва в темпах роста объемов производства и внешней торговли и значительных различий в уровнях инфляции в странах – лидерах мировой экономики. К тому же, все большее число стран стало практиковать проведение финансово немотивированной ревальвации или девальвации для получения конкурентных преимуществ на международных рынках.

Американские экономисты Э. Дж. Долан, К. Д. Кэмпбелл и Р. Дж. Кэмпбелл отмечали: «Предполагалось, что паритетные обменные курсы валют будут устанавливаться исходя из реалистических равновесных уровней, отражающих эквивалентность покупательной силы различных валют...». Однако на практике «...правительственные органы всеми способами придерживались неизменных паритетных обменных курсов валют» [135, с. 421–422].

Хотя МВФ совместно с развитыми странами Запада неоднократно предпринимал попытки реформирования Бреттон-Вудской системы (разделение в марте 1968 г. официальных и частных мировых рынков золота и др.), ее отмена была объективно неизбежной, и на саммите ЕЭС в Гааге в декабре 1969 г. было принято решение создать к 1980 г. экономический и валютный союз на принципиально иной, не золотодевизной базе [4, p. 253].

Начавшееся в 1970 г. падение курса доллара относительно валют основных торговых партнеров США – Германии и Японии, обусловленное нарастанием инфляционных процессов (темпы инфляции в США поднялись с 5,5% в 1969 г. до 11% в 1974 г.) актуализировало проблему создания собственной европейской валютной системы, не зависящей от фактически единственной «мировой» валюты – доллара США [135, с. 416]. Ослабление доллара затрудняло экспорт европейских товаров на американский рынок, что явилось одной из причин спада в ЕЭС в 1970–1971 гг.

В 1970 г. премьер-министр Люксембурга М. Вернер (M. Werner) представил Совету ЕЭС план поэтапного присоединения стран-участниц к экономическому союзу, основанному на «корзине», составленной из валют государств-участников. Фундаментальные разногласия во взглядах лидеров ЕЭС на методы реформирования валютных систем затрудняли координацию монетарной политики стран

объединения и создание эффективного механизма регулирования обменных курсов. Кроме того, в большинстве стран ЕЭС начался стремительный рост цен, и первостепенной задачей стало обуздание инфляции при сохранении темпов роста производства. В этих условиях в 1972 г. для снижения риска резких колебаний обменных курсов в качестве наиболее приемлемой для всех стран ЕЭС прагматической временной схемы была принята так называемая «валютная змея» – система, при которой правительства стран-участниц обязывались удерживать отклонения обменных курсов национальных валют в пределах $\pm 2,25\%$ [4, р. 254].

В марте 1973 г. Великобритания, Ирландия и Италия вышли из «валютной змеи», поскольку высокая инфляция (7,2; 15,8 и 13,7%), сопровождавшая в этих странах быстрый рост номинального ВВП (соответственно на 15,0; 20,7 и 21,1% в 1973 г.), затруднила удержание обменных курсов в пределах, требуемых валютным соглашением, и фиксация курсов валют была сохранена только по отношению к доллару США [4, р. 254; 14, pp. 172–173, pp. 206–207].

В июле 1978 г. Европейский Совет в Бремене утвердил разработанный по инициативе канцлера ФРГ Г. Шмидта (H. Schmidt) и президента Франции В. Жискара д'Эстена (V. Giscard d'Estaing) план учреждения Европейской Валютной Системы (ЕВС) как центрального механизма регулирования обменных курсов валют стран ЕЭС. ЕВС начала функционировать 13 марта 1979 г. Вводилась новая европейская валютная единица ЭКЮ (European Currency Unit – ECU) вместо применявшейся ранее для расчетов по многосторонним внешнеторговым операциям между участниками Европейского Платежного Союза условной европейской расчетной единицы – ЕУА (European Unit of Account). Участниками ЕВС стали все государства-члены ЕЭС (на первом этапе Греция не была включена в механизм установления обменных валютных курсов). Курс ЭКЮ определялся как взвешенное среднее курсов «корзины» пятнадцати валют стран-участниц ЕПС с учетом их экономической роли в союзе. Основу «корзины» составляли германская марка (30,4%), французский франк (19,3%) и британский фунт стерлингов (12,6%). В ЭКЮ были деноминированы бюджет Сообщества, кредиты и субсидии, получаемые странами в рамках программ и фондов ЕЭС. Для повышения эффективности новой валютной системы был создан Европейский Фонд Валютного Сотрудничества (ЕФВС). Высший орган Фонда – Совет управляющих Центральными Банками принимал решения об использовании аккумулированных в ЕФВС

средств для предоставления финансовой поддержки странам-участницам для покрытия дефицита платежного баланса и расчетов по валютным интервенциям, проводимым в целях регулирования валютных курсов. Капитал Фонда состоял на 20% из золота и на 80% из долларов США. Члены Фонда взамен получали соответствующее количество новой валюты – ЭКЮ [4, pp. 126–128]. В капитале Фонда преобладал относительно нестабильный доллар США, поэтому многие европейские коммерческие банки стали использовать безналичные ЭКЮ в качестве одной из самых надежных резервных валют мира.

Отличительной особенностью механизма регулирования курсов валют в ЕВС было обязательное проведение симметричных интервенций как Центральным Банком (ЦБ) страны, укрепление валюты которой по отношению к паритету превысило 75% установленного соглашением отклонения, так и ЦБ той страны, курс валюты которой падал по отношению к валюте первой страны. Взаимные продажи валют осуществлялись через ЕФВС, действующий совместно с Банком Международных Расчетов. Жесткие ограничения пределов допустимых колебаний обменных курсов валютной системы «змея в туннеле» («snake in tunnel») обусловили необходимость частого вмешательства Центральным Банкам для удерживания курсов в рамках установленных параметров [81, с. 32–33]. ЕВС обеспечила координацию проведения совместной политики поддержки стабильных курсов валют стран-участниц по отношению к доллару США, что способствовало как началу долговременного роста ВВП в ЕЭС с 1981 г. (рис. 1.1), так и укреплению позиций европейских валют на международных рынках.

Со времени обнародования плана Вернера произошло существенное сближение позиций стран-членов ЕЭС по вопросу об очередности этапов интеграции. Если в начале 1970-х гг. в Германии и Нидерландах господствовали представления о том, что введение единой валюты должно стать венцом полной конвергенции экономик стран ЕЭС, а во Франции и Бельгии были убеждены в необходимости скорейшего перехода к такой валюте как фактору ускорения конвергенции, то в 1980 гг. после коллапса Бреттон-Вудской системы фиксированных обменных курсов, нефтяного кризиса и длительной рецессии в мировой экономике большинство экономистов и политиков в странах ЕЭС стали приверженцами концепции «параллельной» экономической и валютной интеграции [4, pp. 126–128].

В 1985 г. президентом Комиссии ЕЭС стал авторитетный экономист – приверженец идеи перехода к общей валюте Ж. Делор

(J. Delors). Единство взглядов руководителей «локомотивов европейской экономики» – Германии и Франции относительно необходимости ускорить создание ЭВС нашло отражение в «Меморандуме о создании европейского валютного пространства и Европейского Центрального банка», обнародованном Г.-Д. Геншером (H-D. Genscher) в феврале 1988 г. [4, p. 15].

Отметим, что планы создания ЭВС опирались не только на политическую волю руководителей ЭЭС, но и на теоретическую базу достижений мировой экономической науки. К концу 1980-х гг. были выявлены закономерности, устанавливающие взаимосвязь между состоянием экономики и характером изменений основных макроэкономических показателей под воздействием различных средств и методов регулирования. В центре внимания исследователей – приверженцев двух главенствующих концепций: кейнсианской, доминировавшей во всех странах с индустриальной рыночной экономикой после Второй Мировой войны, и стремительно развивающейся с начала 1970-х гг. монетаристской концепцией находилась проблема выбора оптимальных соотношений между степенью государственного вмешательства в ход макроэкономических процессов и либерализацией экономики.

Кейнсианцы, исходя из представлений об отсутствии в реальной экономике «чистой» конкуренции вследствие господствующего положения монополий и олигополий на основных рынках товаров и услуг, считали, что государство может и должно играть активную роль в обеспечении стабильного роста экономики, воздействуя на уровень производства и занятости путем регулирования совокупных расходов. Монетаристы рассматривали экономику развитых стран как систему с устоявшейся рыночной средой, в которой гибкость цен и ставок заработной платы, обеспечиваемая конкуренцией, автоматически приводит к тому, что колебания совокупных расходов влияют на уровень цен продукции и ресурсов [13, с. 320].

Основополагающее уравнение кейнсианской теории исходит из того, что совокупный объем расходов покупателей равен общей стоимости проданных товаров и услуг. В состоянии равновесия совокупные расходы (левая часть уравнения 2.1) равны объему производства в стране (правая часть уравнения 2.1):

$$C_a + I_n + X_n + G = N_{NP}, \quad (2.1)$$

где C_a – абсолютный уровень потребительских расходов; I_n – нетто-объем инвестиционных расходов; X_n – чистый экспорт; G – государственные (правительственные) расходы и N_{NP} – чистый национальный продукт.

Согласно монетаристской концепции, общие расходы есть предложение денег M , умноженное на скорость их обращения V , а производство MV является монетаристским эквивалентом общей суммы затрат ($C_a + I_n + X_n + G$) и должно быть равно номинальному чистому национальному продукту. В свою очередь, номинальный чистый национальный продукт N_{NP} представляет собой сумму физического объема производства различных товаров и услуг Q , умноженную на соответствующие им цены P , то есть $N_{NP} = PQ$. С учетом изложенного кейнсианское уравнение (2.1) будет записано в монетаристских терминах как уравнение обмена:

$$MV = PQ. \quad (2.2)$$

Указав, что «в самом прямом смысле два подхода являются двумя взглядами на одно и то же», К. Макконнел и С. Брю сделали принципиальное замечание: «Следует обратить внимание на то, что между левой стороной кейнсианского уравнения $C_a + I_n + X_n + G$ и левой стороной уравнения обмена MV существует важное концептуальное различие, а именно: если первая показывает планируемые или *предполагаемые* расходы, то вторая отражает *действительные* расходы» [13, с. 322].

Выполненные в США в 1970-х – 1980-х гг. исследования эффективности влияния различных методов и инструментов регулирования на объем производства, уровень инфляции и другие макроэкономические показатели обнаружили положительную корреляцию между увеличением предложения денег и ростом валового национального продукта (ВВП), а также между изменениями банковской процентной ставки и скоростью обращения денег. Монетаристы утверждали, что денежное предложение есть причина роста ВВП, кейнсианцы были убеждены в обратном [13, с. 325–326].

Таким образом, по-прежнему открытым оставался «...принципиальный вопрос: какая макроэкономическая теория точнее отображает действительность и, следовательно, является лучшей основой экономической политики?» [13, с. 322].

Несмотря на альтернативные взгляды на характер причинно-следственных связей между количеством денег и объемом валового продукта, все авторитетные макроэкономические теории (кейнсианская; монетаристская; рациональных ожиданий; экономики предложения) сходятся в том, что для каждого состояния экономики существует свое оптимальное соотношение между ВВП и денежной массой (уровень монетизации) [13, с. 360]. Чрезмерное увеличение денежной массы порождает инфляционный бум, однако, ее резкое ограничение неизбежно приводит к экономическому спаду и росту безработицы, хотя и способствует уменьшению инфляции [13, с. 155]. Результаты исследований влияния количества находящихся в обращении денег на ВВП поставили под сомнение саму возможность ускорения роста объемов производства путем простого увеличения предложения денег (не путать с необеспеченной эмиссией дополнительного количества денежных знаков!). Важным для практики экономической стабилизации стал вывод о том, что изменение денежно-кредитной политики в силу сложной структуры длинного передаточного механизма не может быть единственным инструментом для быстрой и точной «настройки» экономики [13, с. 320–335; 112, с. 364].

В конце 1980-х гг. экономисты пришли к выводу, что монетаристская теория позволяет создать аппарат для анализа уже состоявшихся макроэкономических процессов и разработки на основе такого анализа рекомендаций по выбору будущей экономической политики, реализация которой, в свою очередь, требует применения некейнсианских механизмов регулирования, доказавших на практике свою эффективность, с обязательным государственным вмешательством в стихийные рыночные процессы.

Значительный вклад в теорию целенаправленной макроэкономической корректировки открытой экономики внес Т. Суон (T. Swan), разработавший метод диагностики состояния экономики и выбора инструментов регулирования для достижения поставленных целей (уменьшение безработицы; снижение инфляции; улучшение торгового баланса и т. д.). Р. Манделл (R. Mundell) и Дж. Флеминг (J. Fleming) в развитие метода Суона разработали более полную и пригодную для практического применения модель целенаправленной корректировки экономики с механизмом одновременного достижения внутреннего и внешнего баланса путем использования инструментов денежной и бюджетной политики с учетом режима международного движения капитала. Я. Тиньберген выявил наличие жесткой взаимо-

связи между количеством целей и инструментов проведения макроэкономической политики. В соответствии с *Правилом Тинбергена* (J. Tinbergen's Rule) для достижения определенного количества целей необходимо использовать такое же или большее количество инструментов [81, с. 234–273].

Мадридский саммит ЕЭС в июне 1989 г. одобрил план Ж. Делора по созданию ЭВС путем последовательной реализации комплекса мероприятий на трех этапах реформирования. На первом этапе, начиная с 1 июля 1990 г., одновременно с полной либерализацией движения капиталов внутри ЕЭС страны-участницы обязывались координировать свою макроэкономическую, финансовую и региональную политику. К ЕВС после достижения определенных критериев финансовой стабилизации должны были присоединиться греческая драхма и португальский эскудо [4, р. 15, р. 71, р. 257]. После принятого в октябре 1990 г. решения о расширении до $\pm 6\%$ допустимых пределов колебаний курсов валют к ЕВС присоединились британский фунт стерлингов и испанская песета.

Углубление начавшегося в 1989 г. экономического спада затруднило поддержание обменных курсов итальянской лиры и фунта стерлингов в предписанных ЕВС рамках, и в сентябре 1992 г. Великобритания и Италия вышли из ЕВС, что замедлило процесс валютной интеграции в ЕЭС. Для сохранения способности ЕВС эффективно влиять на проведение скоординированной валютной политики стран ЕЭС пределы возможных колебаний валют были расширены до $\pm 15\%$. Наиболее сложной проблемой реализации комплекса изложенных в плане Делора мер на втором этапе создания ЭВС стало учреждение Европейской Системы Центральных Банков [4, с. 71]. Только после оформления в Маастрихтском Договоре Европейского Союза правовых основ валютной интеграции и конвергенции национальных экономик и создания механизма многостороннего контроля за этими процессами стали возможными проведение единой денежной политики, образование Европейского Центрального Банка и начался практический процесс перехода к общей европейской валюте.

Отметим, что на этапе перехода к единой валюте в экономиках стран-участниц будущего валютного союза происходят сложные и неоднозначные процессы, обусловленные различным влиянием предстоящей унификации денежных систем на весь описываемый уравнением (2.1) комплекс «потребление – инвестиции – внешняя торговля – правительственные расходы – производство».

Уменьшение транзакционных издержек, обусловленное использованием ЭКЮ в межстрановых экономических отношениях в ЕС, способствовало удешевлению европейских товаров и привело в начале 1990-х гг. к увеличению объемов их продаж не только внутри самого интеграционного объединения, но и на американском и мировом рынках. Рост чистого экспорта ЕС стал опережать по темпам общий рост ВВП. Однако в это же время начался отток прямых иностранных инвестиций в предвидении усиления конкуренции на внутреннем рынке ЕС после перехода к единой валюте. В результате в 1993 г. при неизменном объеме инвестиций I_n , уменьшении на 0,4% потребительских расходов C_a и увеличении правительственных расходов G на 0,95% реальный ВВП ЕС уменьшился на 0,4%, несмотря на рост чистого экспорта X_n (экспорт товаров и услуг увеличился на 1,8% при снижении объемов импорта на 3,1%) [14, р. 193, р. 233, р. 240].

Маастрихтский Договор определил критерии конвергенции для претендентов на вступление в Валютный Союз и дату начала его функционирования – 1 января 1999 г. [22, Articles 102a–109m]. Следует отметить реалистичность и достаточную гибкость маастрихтских критериев. Хотя были установлены жесткие рамки (бюджетный дефицит не более 3% ВВП; общий государственный долг не более 60% ВВП; ограничения предельного уровня инфляции, колебаний курсов валют и процентных ставок и пр.), тем не менее всем странам были предоставлены шансы стать членами Валютного Союза даже в случае невыполнения всего комплекса требований, но при устойчивых положительных тенденциях развития экономики по основным направлениям конвергенции [4, р. 72].

Для разработки и координации программ обеспечения к 1999 г. ценовой стабильности и достижения неизменных соотношений между валютами стран ЕС, без чего было бы невозможным введение новой валюты – евро, в соответствии с дополнениями к Договору Европейского Союза [22, Article 109f] был учрежден Европейский Валютный Институт (ЕВИ). С 1 ноября 1993 г. ЕВИ под контролем Совета ЕС стал координировать валютную политику стран Союза и вести подготовку к созданию Европейской Системы Центральных Банков (ЕСЦБ) и Европейского Центрального Банка (ЕЦБ) [4, р. 125].

Одним из решающих доводов в пользу перехода к единой европейской валюте было стремление снизить инфляцию и уменьшить процентные ставки, что позволило бы увеличить приток инвестиций в реальный сектор и повысить темпы роста ВВП ЕС по крайней мере на

1% в год. Кроме того, ожидался существенный выигрыш за счет отмены трансакционных издержек при обмене валют ЕС (по оценкам Комиссии ЕС, не менее 18–26 млрд долларов США ежегодно). Переход к евро планировалось осуществить в три этапа. Вначале после институционального оформления отношений между будущими участниками валютного союза должны были прекратить функционирование ЕВС и все ее механизмы, а ЭКЮ на всех счетах переведены в безналичные евро в соотношении 1 : 1. Координация денежной политики передавалась ЕСЦБ под руководством и контролем ЕЦБ, независимость которого от высших органов ЕС была закреплена в Договоре ЕС [22, Article 107]. Предполагалось, что при скоординированной денежной политике стран-участниц ЕЦБ в течение двух-трех лет сможет определить объективно равновесный уровень валютных курсов, который и будет зафиксирован к концу первого этапа. На втором этапе все операции ЕСЦБ должны осуществляться только в безналичных евро, хотя в наличном обращении по-прежнему останутся национальные валюты. Третий этап должен был начаться не позднее 1 января 2002 г. введением в странах ЕВС в наличное обращение евро в виде банкнот и монет.

Принципиально важной институциональной особенностью механизма образования ЭВС была обусловленная Маастрихтскими соглашениями возможность поэтапного одновременного присоединения отдельных стран ЕС к валютному союзу. На состоявшемся в Мадриде в декабре 1995 г. саммите ЕС было подтверждено решение о начале функционирования Валютного Союза в ранее намеченный срок – с 1999 г., даже если в его состав войдут лишь три – четыре государства. Тогда же было официально утверждено и название новой валюты – евро [4, p. 259]. Новая стратегия углубления интеграции исходила из того, что демонстрация преимуществ, получаемых первыми членами валютного союза, вынудит «отстающих» активизировать выполнение своих программ конвергенции.

В 1996 г. двенадцать стран ЕС стали проводить совместную гибкую политику установления обменных курсов валют с отклонениями в пределах $\pm 2,25\%$ от центрального расчетного курса ЭКЮ. Великобритания и Швеция придерживались независимо плавающего валютного курса, определяемого на основе соотношения спроса и предложения на валютном рынке при невмешательстве государства в этот процесс, а Греция – управляемо плавающего валютного курса, периодически устанавливаемого Центральным Банком в зависимости от со-

стояния платежного баланса страны, объема золотовалютных резервов и других макроэкономических показателей. Во всех странах ЕС использовались только унифицированные эффективные обменные курсы для всех видов валютных операций.

В декабре 1996 г. Европейский Совет в Дублине принял Пакт Стабилизации и Развития Экономического и Валютного Союза. Для предотвращения возможного разделения общего рынка вследствие фактически состоявшегося размежевания стран ЕС на участников ЭВС (the «ins») и аутсайдеров (the «outs») в дополнение к существующей Европейской Валютной Системе (ЕВС) была создана «ЕВС–II», предназначенная для проведения расчетных операций между членами будущего валютного союза и странами, не вошедшими в зону евро [4, р. 73].

Следует отметить, что в скорейшем создании ЭВС были заинтересованы не только лидеры европейской экономики Германия и Франция, но прежде всего государства с относительно слабыми и неустойчивыми валютами, неоднократно подвергавшимися спекулятивным атакам на международных валютных рынках, что порождало рост инфляции и создавало трудности в соблюдении установленных ЕВС пределов колебаний валют (Греция, Испания, Италия и Португалия).

К концу XX века все страны ЕС достигли существенного прогресса в решении внутренних финансовых и бюджетных проблем и приближении к маастрихтским критериям конвергенции. Средний уровень бюджетного дефицита снизился в целом по ЕС почти вдвое (с 6,5% в 1993 г. до 3,4% в 2000 г.) [14, р. 252].

Проанализируем особенности регулирования обменных валютных курсов в ЕС во взаимосвязи с изменениями международной экономической обстановки в период 1960–2000 гг. Заметим, что уже с начала 1960-х гг., когда экономика ЕЭС в составе шести государств-основателей стала доминирующей в Европе, центральные банки западноевропейских стран объективно были вынуждены проводить скоординированную политику регулирования обменных курсов национальных валют независимо от перспектив будущего членства в ЕЭС. Это относится и к Великобритании, несмотря на предпринимавшиеся там попытки поставить фунт стерлингов в особое положение и вернуть ему статус второй резервной валюты мира.

Механизмы создаваемой европейской валютной системы обеспечивали координацию изменений обменных курсов валют стран-участниц относительно друг друга, а также по отношению к доллару

США, японской иене и валютам Швейцарии и других развитых индустриальных государств мира. В наибольшей степени такая координация имела место в одиннадцати странах, впоследствии первыми вошедшими в «зону евро», в том числе и задолго до официального оформления некоторыми из них членства в ЕС. Это дает основания рассматривать колебания обменных курсов условной «общеевропейской» расчетной единицы, основанной на «корзине» валют одиннадцати стран (EUA, применявшейся для расчетов между участниками Европейского Платежного Союза, а затем ЭКЮ и евро) [14, р. 271].

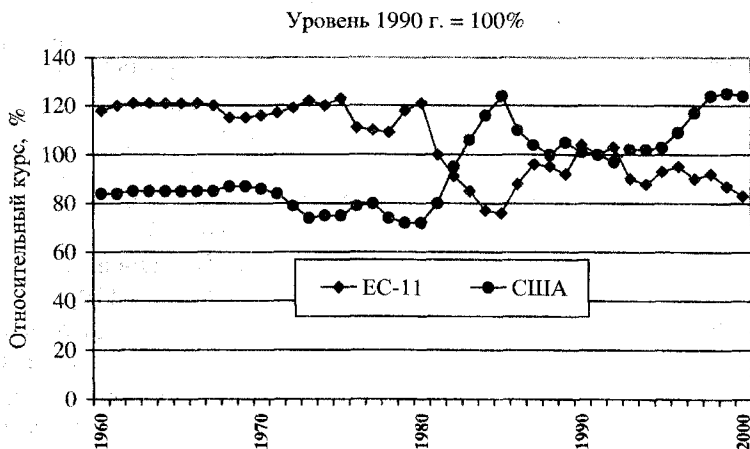
Представляет интерес сопоставление колебаний «общеевропейской» и американской валют, поскольку США в течение всего рассматриваемого периода были лидером мировой экономики и главным внешнеторговым партнером ЕЭС/ЕС.

Рассмотрим динамику номинальных эффективных обменных курсов EUA (позже ЭКЮ/евро) и доллара США в 1960–2000 гг., сравнивая изменения их взвешенных экспортных средних значений, вычисленных по отношению к валютам других крупнейших двенадцати индустриальных стран-членов ОЭСР, являвшихся в течение рассматриваемого периода основными торговыми партнерами ЕЭС/ЕС и США [14, р. 271].

Сопоставим изменения обменных курсов EUA, ЭКЮ/евро и доллара (рис. 2.1) с изменениями реального ВВП ЕС и США за тот же период (рис. 1.1).

Как видно из рис. 2.1, различия в характере долговременных изменений обменных курсов европейской и американской валют стали отчетливо проявляться с начала 1970-х гг. Заметно отличающиеся по общей структуре и степени самообеспеченности ресурсами экономики ЕС и США по-разному реагировали на изменения конъюнктуры мировых рынков. Различными были и применяемые в ЕС и США методы регулирования платежного баланса.

Экономический спад 1973–1974 гг., вызванный резким повышением мировых цен на нефть, сокращение спроса на импорт и рост ставок рефинансирования привели к нарастанию инфляционных процессов в экономике США. Курс доллара США относительно других твердых валют начал падать и в 1979–1980 гг. достиг самой низкой отметки за весь послевоенный период. Для стабилизации экономики и поддержки курса доллара США предприняли масштабные интервенции на внешних валютных рынках. Правительство США прибегло к займам в МВФ, продало часть своих активов, сосредоточенных в МВФ

Рис. 2.1. Динамика относительных номинальных эффективных обменных курсов общей европейской валюты и доллара США в 1960–2000 гг.

(Графики построены по данным Eurostat [14, p. 271]).

в форме специальных прав заимствования (SDR) и заключило ряд своп-соглашений (с Бундесбанком Германии и другими иностранными центральными банками). Впервые Казначейство США продало в 1979–1980 гг. ценные бумаги в иностранных девизах: на \$5,2 млрд, деноминированных в марках ФРГ, и на \$1,2 млрд, деноминированных в швейцарских франках [135, с. 416].

Жесткая дефляционная политика сокращения предложения денег, проводимая в 1980-х гг. Федеральной Резервной Системой (ФРС) США, способствовала замедлению роста цен в стране и одновременно обусловила значительный подъем курса доллара.

В 1985 г. номинальный эффективный обменный курс доллара относительно валют основных индустриальных стран – главных торговых партнеров США вырос почти в два раза по сравнению с 1980 г. (рис. 2.1). Благодаря принятым ФРС мерам удалось быстро снизить уровень инфляции с 13,5% в 1980 г. до 3,2% в 1983 г. [13, с. 359]. Однако недостаточно сбалансированная политика ФРС привела к сокращению американского экспорта продукции обрабатывающей промышленности и создала благоприятные условия для увеличения им-

порта, в том числе из стран ЕЭС [135, с. 408]. Непредвиденным следствием дефляционной политики ФРС стал кратковременный спад производства – ВВП США в 1982 г. уменьшился на 1,9% (рис. 1.1). Вслед за этим в США понизился общий уровень цен на нефть, цветные и черные металлы, станки, производственное оборудование и другие импортируемые товары, что способствовало преодолению спада и стало одной из причин долговременного экономического роста в последующем десятилетии [135, с. 408–410]. Как видно из рис. 1.1, в 1984 г. прирост ВВП США составил 7,3% – наивысший показатель со времени окончания вьетнамской войны [14, р. 179].

Анализ динамики относительных номинальных эффективных обменных курсов ЕУА, ЭКЮ (евро) и доллара показывает, что в течение 1960–2000 гг. устойчивость общей европейской валюты превышала устойчивость доллара США. Как видно из рис. 2.1, амплитуды колебаний европейской валюты были существенно меньше амплитуд колебаний доллара. Введение евро было также одним из факторов, обусловивших рост реального ВВП ЕС в 2000 г. (рис. 1.1).

Отметим, что пики циклических колебаний американской и европейской валют в течение всего рассматриваемого периода находились в противофазе, что свидетельствует о стабилизирующем влиянии Европейского Союза на международную валютно-финансовую систему.

Учет положительных и отрицательных сторон примененных в США методов дефляции и проведение странами ЕС научно обоснованной денежно-кредитной политики, соответствующей особенностям интегрированной европейской экономики и согласованной с их фискальной и социальной политикой, позволили в условиях быстро меняющейся глобальной экономической конъюнктуры осуществлять адекватную корректировку валютных курсов в интересах всех членов интеграционного объединения и обеспечить устойчивость ЭКЮ (евро), не прибегая, как в США, к экстраординарным методам регулирования и сохраняя положительные темпы роста ВВП.

Проиллюстрируем применимость основных положений монетаристской теории для описания зависимости обменных курсов валют в развитых рыночных экономиках от изменений в объемах ВВП и темпах инфляции. Следуя логике монетаристского уравнения (2.2) и учитывая существование в течение последнего десятилетия примерного паритета между ВВП ЕС–15 и США, а также практически одинаковую скорость обращения денег в экономических системах с сопоставимыми уровнями развития, получим соотношение, в котором должен

был измениться обменный курс евро к доллару США в 1999 г. по сравнению с обменным курсом ЭКЮ в предшествующем введению безналичного евро 1998 г.:

$$1\text{€} : 1\text{US\$} = Q_{\text{USA}} : Q_{\text{EU}}$$

В 1998 г. ВВП (в текущих рыночных ценах) составил: в США $Q_{\text{USA}} = \text{€}7758,8$ млрд и в ЕС-15 $Q_{\text{EU}} = \text{€} 7597,9$ млрд; в 1999 г. соответственно $Q_{\text{USA}} = \text{€}8592,3$ млрд и $Q_{\text{EU}} = \text{€}7966,7$ млрд при годовых темпах прироста инфляции 1,6% в ЕС-15 и 1,5% в США [14, р. 169, р. 207].

В соответствии с монетаристским уравнением (2.2) следовало ожидать, что средневзвешенный обменный курс в 1998 г. 1 ЭКЮ = US\$1,12 изменится в 1999 г. с учетом абсолютных уровней инфляции в США $I_{99\text{ USA}} = 1,015$ и в ЕС $I_{99\text{ EU-15}} = 1,016$ в таком соотношении:

$$(Q_{99} / I_{99} / Q_{98})_{\text{USA}} : (Q_{99} / I_{99} / Q_{98})_{\text{EU-15}}$$

т. е. в $(8592,3/1,015/7758,8) : (7966,7/1,016/7597,9) = (1,0910604) / (1,0320272) = 1,0572$ раз, или, с учетом 1 ЭКЮ = 1 € (условие введения евро) до расчетного значения

$$1\text{€} = 1,12/1,0572 = \text{US\$}1,0594.$$

Фактический средневзвешенный годовой курс евро в 1999 г. составил $1\text{€} = \text{US\$} 1,070$ [136, р. 46].

Столь малое расхождение (1%) между значениями расчетного и фактического среднегодового обменного курса евро и доллара США подтверждает применимость основного монетаристского уравнения для анализа изменений курсовых соотношений валют развитых стран с устойчивой рыночной экономикой.

Высокий обменный курс общей валюты по отношению к доллару является в странах зоны евро одним из антиинфляционных факторов, стимулирующих внутренний спрос и позволяющих поддерживать на достаточно низком уровне краткосрочные банковские учетные ставки. С другой стороны, в среднесрочном плане поддержка высокого курса евро ставит под угрозу сохранение и тем более увеличение доходов стран ЭВС от экспорта за пределы зоны евро.

Отметим, что стремление любой из занимающих лидирующее положение в мировой экономике страны или экономической группировки к получению долговременных односторонних преимуществ за счет искусственно удерживаемого курса своей валюты относительно валют своих конкурентов в конечном итоге оказывает дестабилизирующее воздействие на всю мировую валютно-финансовую систему и экономический ущерб вследствие такой дестабилизации может существенно превысить ранее полученные прибыли.

Представляется, что введение евро укрепило основы складывающейся в последнее десятилетие трехполюсной структуры глобальной экономики (США – ЕС – Восточная Азия), и новая валюта в самом недалеком будущем станет одним из наиболее эффективных инструментов обеспечения устойчивости глобального хозяйственного комплекса. По нашему мнению, в интересах развития мировой экономики ЕС и США должны перейти к согласованной политике валютного регулирования. В противном случае чрезмерное ослабление доллара США приведет к сокращению объемов американского импорта, что в условиях недостаточного роста внутреннего спроса в европейских странах вызовет заметный спад производства в ЕС. Такая же перспектива ожидает и американскую экономику при значительном снижении курса евро, поскольку ЕС и в обозримом будущем останется главным торговым партнером США. Наиболее благоприятным для глобальной экономики станет положение, при котором колебания обменных курсов евро/доллар будут происходить естественным образом пропорционально изменению отношения реальных (с учетом инфляции) объемов ВВП ЕС и США. Кроме того, это усилит защиту международного валютного рынка от спекулятивных атак.

Формирование Европейского Экономического и Валютного Союза по времени совпало со стадией реформирования валютно-финансовых систем стран ЦВЕ и Балтии – кандидатов на вступление в ЕС. В 1996 г. двенадцать стран ЕС перешли к режиму ограниченно гибкого валютного курса в рамках совместного регулирования (*limited flexible within cooperative arrangements*), а все страны-кандидаты приняли унитарную структуру обменных курсов своих валют. При этом в Болгарии и Румынии был избран независимо плавающий валютный курс, в Литве, Словакии, Чехии и Эстонии – курс привязки к «корзине» валют основных торговых партнеров – стран ЕС (фактически к ЭКЮ, в композицию которого не входили только австрийский шиллинг, финская марка и шведская крона), в остальных

странах – управляемо плавающий курс [81, с. 39]. Официальные и рыночные курсы валют совпадали, за исключением Болгарии, Румынии и Словакии, где отношение заниженного официального курса доллара США к рыночному курсу составляло соответственно 0,8; 0,8 и 0,9 [137, table 5.6].

Переход от множественных валютных курсов к унифицированным в странах ЦВЕ и Балтии сопровождался поисками такого соотношения между национальными денежными единицами и свободно конвертируемыми «твердыми» валютами, которое в наибольшей степени соответствовало бы решению актуальных проблем переходного периода в интересах всего народно-хозяйственного комплекса. В результате во всех восточноевропейских и балтийских странах-кандидатах были установлены заниженные (недооцененные) курсы национальных валют, что стимулировало рост производства в экспортноориентированных отраслях и защищало внутренний рынок от более дешевых импортных товаров. Особенно высокой была покупательная способность твердых валют в Болгарии и Румынии, что обеспечивало приток валюты от миллионов туристов, ежегодно приезжающих из Германии и стран Северной Европы на курорты Черного моря.

Сопоставим динамику официальных обменных курсов валют стран ЕС и кандидатов на вступление в ЕС, приняв в качестве базы для сравнения изменение отношения реальной покупательной способности доллара США $\$_{PPP}$ к его номинальному обменному курсу $\$_{USA}$ в этих странах в 1996–2003 гг. (табл. 2.1).

Величины $\$_{PPP}/\$_{USA}$ вычислены как отношение ВД_{PPP} страны, измеренного с учетом реальной покупательной способности доллара (purchasing power parity), к номинальному ВД в национальной валюте, конвертированному по методике Всемирного Банка (World Bank Atlas method) в доллары США по средневзвешенному обменному курсу с поправками на дефляторы ВД за рассматриваемый период в данной стране и в США [67, p. 300].

Несмотря на очевидные недостатки теории относительного паритета покупательной способности (ППС), не учитывающей неизбежные искажения цен «корзин» товаров и услуг в различных странах из-за отсутствия чистой конкуренции, наличия торговых барьеров и транспортных издержек, влияния доли неторгуемых товаров и других причин, такое сопоставление позволяет обнаружить доминирующую тенденцию изменения официальных обменных курсов национальных валют. Мировая практика управления валютными курсами подтвер-

Таблица 2.1

**Изменение покупательной способности доллара США
в странах ЕС и государствах-кандидатах в 1996–2003 гг.**

Страна	Отношение $\$/PPP / \$USA$		Прирост $\$/PPP / \$USA,$ 2003/1996,%
	1996	2003	
1	2	3	4
Европейский Союз			
Австрия	0,774	1,108	43,2
Бельгия	0,854	1,120	31,1
Великобритания	1,000	0,975	-2,5
Германия	0,750	1,088	45,1
Греция	1,063	1,452	36,6
Дания	0,682	0,925	35,6
Ирландия	1,000	1,129	12,9
Испания	1,046	1,296	23,9
Италия	0,957	1,241	29,7
Люксембург	0,760	1,239	63,0
Нидерланды	0,810	1,087	34,2
Португалия	1,291	1,482	14,8
Финляндия	0,780	1,003	28,6
Франция	0,810	1,109	36,9
Швеция	0,691	0,923	33,6
Страны – кандидаты в Европейский Союз			
Болгария	3,927	3,573	-9,0
Венгрия	1,580	2,177	37,8
Кипр	1,538	1,585	3,1
Латвия	2,000	2,489	24,5
Литва	2,105	2,470	17,3
Мальта	1,442	2,518	74,6
Польша	1,688	2,173	28,7
Румыния	2,949	3,091	4,8
Словакия	2,117	2,728	28,9
Словения	1,288	1,626	26,2
Турция	2,065	2,398	16,1
Чехия	2,069	2,322	12,2
Эстония	1,558	2,516	61,5

Рассчитано по источникам: [67, pp. 256–257, p. 264; 137, table 5.6].

дила, что теория относительного ППС соблюдается в долгосрочной перспективе для торгуемых товаров [81, с. 90].

Как видно из табл. 2.1, в 2003 г. только в неприсоединившихся к «зоне евро» Великобритании, Дании и Швеции сохранились отношения $\$/PPP/\$/USA < 1$.

В «зоне евро» реальная покупательная способность доллара практически сравнялась с номинальной в Австрии, Германии, Нидерландах, Финляндии и Франции ($\$/PPP/\$/USA \approx 1$).

В странах-кандидатах официальные курсы национальных валют были весьма заниженными, причем в 2003 г. только Кипр и Словения сохранили отношение $\$/PPP/\$/USA < 2$.

Доминирующей тенденцией в странах ЕС–15 (за исключением Великобритании) и в странах-кандидатах был рост покупательной способности доллара США, что привело к повышению конкурентоспособности европейских товаров на американском рынке. Вместе с тем, значительный разрыв в темпах изменения покупательной способности валют в странах ЕС–15 затрудняет конвергенцию новых членов в финансовую систему ЕС.

2.2. Проблемы становления новых механизмов регулирования внешней торговли и денежно-кредитных отношений в постсоциалистических странах Причерноморского бассейна

Рассмотрим особенности становления механизмов регулирования внешней торговли и денежно-кредитных отношений в постсоциалистических странах ЧЭС на первом этапе рыночных реформ. Для общности выводов будем сравнивать ход аналогичных процессов в Украине и других странах ЦВЕ и Балтии, уделив особое внимание изучению влияния валютного регулирования в странах ЧЭС на стабилизацию экономики и создание условий для стимуляции роста ВВП и экспорта.

Системное реформирование административно-командной экономики началось в Польше, Венгрии и Чехословакии сразу же после «бархатных революций» 1989 г. Отметим, что политическая и финансовая поддержка Запада и перспектива получения этими странами ЦВЕ в недалеком будущем членства в ЕС сыграла мобилизующую роль в укреплении внутренней стабильности в реформирующихся государствах и позволила избежать социальных и политических потрясений в начальный период экономических реформ, сопровождавшихся снижением жизненного уровня населения. Успеху реформ в Польше, Венгрии и Чехословакии способствовало также осознанное понимание подавляющим большинством граждан того, что реализация фундаментальных стратегических интересов народов посткоммунистических стран станет возможной лишь при условии развития в них политических, экономических и социальных институтов западноевропейского типа и включения этих государств в евроатлантическое пространство с полноправным членством в НАТО и ЕС. Проведение «круглых столов» с участием основных политических партий и общественных организаций содействовало достижению консенсуса общества и правящих элит относительно целей и методов реформирования для скорейшего достижения европейских стандартов демократии, рыночной экономики, социальной и экологической безопасности.

В начале рыночных преобразований все постсоциалистические страны ЦВЕ столкнулись с проблемами спада производства в условиях быстрого роста цен, причем в ряде стран этот процесс приобрел характер гиперинфляции. Для предотвращения инфляционного коллапса на первом этапе реформ устанавливались множественные курсы национальных денежных единиц относительно «твердых» конвертируемых валют (официальный для операций правительства; льготный для оплаты критического импорта; кратный для принудительной продажи валюты экспортерами Национальному Банку и т. д.). Практика множественных валютных курсов ставила различных субъектов хозяйствования в неравные условия, искажала относительные цены и распределение доходов и препятствовала рациональному использованию ресурсов экономического роста. Избирательное предоставление возможности приобретения валюты по льготному курсу способствовало развитию коррупции и «теневой» экономики. Принудительное изъятие Национальным (Центральным) Банком экспортной выручки по заниженному курсу твердых валют препятствовало аккумуляции средств для модернизации экспортоориентированных предприятий, а также побуждало экспортеров прибегнуть к более выгодному варианту реализации валюты путем закупки за рубежом высоколиквидных товаров для их последующей продажи на внутреннем рынке [53, с. 244–245; 138, с. 78].

Государственное регулирование внешней торговли административными методами породило в постсоциалистических странах множество проблем, среди которых в первую очередь следует назвать масштабную утечку капиталов за рубеж. В первые годы рыночных реформ получение валюты по заниженному курсу, льготных кредитов государственных банков на приобретение товаров, а также лицензий на импорт или экспорт было доступным ограниченному кругу участников ВЭД, тесно связанных финансовыми интересами с функционерами старой административной системы, по-прежнему занимавшими руководящие посты в министерствах и ведомствах.

Западные аналитики в качестве характерной для всех постсоветских стран СНГ черты начального периода трансформации отмечали стремление правящих элит сохранять как можно дольше промежуточное состояние экономики, когда централизованного планирования уже не существует, а рыночные отношения только начинают складываться. В результате элитные группы за счет государственной финансовой поддержки и предоставления экспортно-импортных привиле-

гий имели возможность получения значительных прибылей, что породило бегство капитала и коррупцию. По оценкам Всемирного Банка, совокупный объем нелегального вывоза капитала из Украины в 1991–1993 гг. составил 8–10 млрд долларов США, или 12–15% ВВП; тот же показатель для России составил 25–30 млрд долларов США, или 10–12% ВВП, что сопоставимо с аналогичными оценками для Мексики середины 1980-х гг. [138, с. 83].

Острой проблемой в постсоциалистических государствах стало гипертрофированное развитие так называемой «теневой» экономики, где производятся огромные объемы не учитываемой официальной статистикой продукции. Так, несовпадение на 30–40% прямых и зеркальных данных по двусторонней торговле Греции с Болгарией, Россией, Румынией и Украиной выходит далеко за пределы возможных статистических ошибок [120, с. 107]. По оценке специалистов Центра по изучению нелегальной экономической деятельности, в «тени» находится свыше 40% экономики России. Эксперты Всемирного Банка оценивали объем «теневой» экономики Украины в 1997 г. в 50% ВВП [138].

Приступая к реформированию валютно-финансовых систем в практически одинаковых исходных условиях, страны ЦВЕ уже через несколько лет разделились на две группы: лидеров рыночной трансформации и аутсайдеров. В Венгрии, Польше, Словакии, Словении и Чехии менее чем за три года реформ была преодолена высокая инфляция, стабилизированы валютные курсы и созданы предпосылки для перехода к устойчивому экономическому росту [57; 58; 60]. Начиная с 1992 г., ВНД на душу населения постоянно увеличивался и в 2000 г. составил в Венгрии \$4740, в Польше \$4200, в Словакии \$3700, в Словении \$10070 и в Чехии \$4920. Для финансирования программ реформирования и стабилизации использовались все доступные ресурсы, в том числе и масштабные внешние займы. В 2000 г. внешний долг в этих странах составил соответственно \$2880, \$1760, \$1745, \$3110 и \$2240 на душу населения. В Болгарии и Румынии рыночные реформы в течение 1990-х гг. проводились медленно и некомплексно, что привело к обострению социально-экономического кризиса, а также осложнило получение внешних займов. Эти страны существенно уступали лидерам европейской постсоциалистической трансформации как по ВНД на душу населения (в 2000 г. соответственно \$1510 и \$1670), так и по величине внешнего долга (\$1265 и \$480) на душу населения [84, pp. 232–233; 130, p. 2].

Особый интерес для теории и практики рыночной трансформации представляет изучение опыта Польши – крупнейшей восточноевропейской страны бывшего социалистического лагеря, первой начавшей системное реформирование экономики. В специальной литературе Польша чаще других постсоциалистических европейских стран приводится в качестве образца для демонстрации эффективности рыночных механизмов регулирования экономики. Нам же представляется целесообразным акцентировать внимание на менее изученной проблеме оптимального сочетания рыночных и государственно-административных регуляторов под контролем со стороны гражданского общества в процессе перехода к рыночной экономике.

Рассмотрим основные особенности польского метода реформ как образец умелого использования административных механизмов валютного регулирования для стабилизации национальной экономики на первом этапе трансформации и создания условий для последующего устойчивого роста производства и торговли.

Распад централизованно-плановой экономической системы в Польше в конце 1980-х гг. сопровождался ослаблением денежной политики и эмиссией необеспеченных денег, что привело к быстрому росту цен и острому дефициту продовольственных и потребительских товаров. В 1989 г. в итоге дискуссий между представителями коммунистического правительства и демократической оппозиции была согласована стратегия политических и экономических преобразований, направленная на преодоление экономического кризиса в стране и обеспечение условий для скорейшего вхождения Польши в европейские и евроатлантические структуры, прежде всего в ЕЭС и НАТО.

В Польше в декабре 1989 г. месячный темп прироста индекса потребительских цен (ИПЦ) достиг 55%. Стремясь предотвратить углубление экономического кризиса, правительство в январе 1990 г. девальвировало злотый на 46,15%, установило фиксированный курс относительно доллара США и удерживало его до очередной девальвации на 11,6% в мае 1991 г. В результате инфляция была снижена с 685% в 1990 г. до 170,3% в 1991 г. [57; 139].

Реализация программы реформирования польской экономики на всех этапах носила открытый публичный характер. Правительство заранее объявило об отсутствии возможностей для одновременного достижения финансовой стабилизации и сохранения объема ВВП (в 1991 г. спад составил 7%). Следует подчеркнуть, что депозиты населения в Сберегательном Банке Польши индексировались с опере-

жением темпов инфляции, что давало возможность выплачивать реальные положительные проценты по вкладам. Сохранение доверия населения стало одной из причин быстрого развития системы коммерческих банков в Польше.

Важно отметить также, что в отличие от бывших республик СССР, Польше после включения в советский блок удалось избежать тотальной национализации производства и торговли и коллективизации сельского хозяйства, поэтому в польском обществе преобладала «рыночная» ментальность.

Учитывая присущую любой экономической системе инерционность (наличие относительно продолжительного временного лага между воздействием и результатом) и не дожидаясь снижения годовых темпов инфляции до приемлемых с точки зрения развитых рыночных экономик однозначных цифровых значений, первое демократическое правительство Польши в октябре 1991 г. перешло к режиму «ползущей привязки» (*crawling peg*) злотого к «корзине» твердых валют, состоящей из доллара США, германской марки, британского фунта стерлингов, французского и швейцарского франков. Для обеспечения стабилизации цен и предотвращения шокового воздействия односторонней масштабной девальвации на экономику было объявлено о предстоящем ежемесячном снижении номинального курса злотого относительно избранного валютного композита на 1,8%.

Применение стандартной стабилизационной методики МВФ, модифицированной применительно к особенностям польской экономики, и мониторинг ключевых макроэкономических показателей с внесением соответствующих корректив в программу реформ (в феврале 1992 г. злотый был дополнительно к ранее объявленным параметрам девальвирован на 11%) обеспечили нормализацию валютного рынка, ранее подверженного хаотическим колебаниям. Снижение месячных темпов прироста инфляции до 2,5–3% позволило установить устойчивые ценовые соотношения и начать процесс инвестирования в реальный сектор экономики.

Реализуя программу радикальных экономических реформ (политика «шоковой терапии»), правительство сумело преодолеть высокую инфляцию менее чем за три года путем последовательного сокращения темпов роста денежной массы при одновременной полной и быстрой либерализации цен (табл. 2.2).

Таблица 2.2

**Динамика макроэкономических показателей
в период гиперинфляции в Польше и в Украине**

Год	Инфляция ¹		Прирост денежной массы (агрегат М3),%		Прирост ВВП, % к предыду- щему году
	годовой индекс, %	прирост, в месяц, %	в год	в месяц	
Польша					
1990	685,0	17,39	101	5,99	-11,6
1991	170,3	4,53	79	4,97	-7,0
1992	143,0	3,02	43	3,02	2,6
1993	135,3	2,55	35	2,53	3,8
Украина					
1991	390,0	12,00	130	7,18	-8,6
1992	2101,0	28,88	281	11,79	-17,0
1993	10256,0	47,09	1553 ²	26,33	-16,8
1994	501,0	14,37	72	4,62	-23,7
1995	281,7	9,01	47	3,26	-10,3
1996	139,7	2,82	35	2,53	-10,0
1997	110,1	0,80	32	2,34	-3,2

Примечания: 1. Индекс потребительских цен (декабрь к декабрю).

2. При росте наличной эмиссии в 29,7 раза.

Рассчитано по источникам: [130; 140; 141].

За первые годы рыночных реформ в Польше было создано свыше миллиона предприятий малого и среднего бизнеса, что способствовало быстрому увеличению численности среднего класса – основы экономической и социальной стабильности в стране. Уже на третьем году «шоковой терапии» на таких предприятиях было занято свыше 50% работающих и произведено около 60% ВВП. В стране начался экономический рост, основной движущей силой которого стали миллионы частных предпринимателей. В течение 1990–2000 гг. в Польше было приватизировано почти 90% из 7826 предприятий, и в государственной собственности остались лишь крупнейшие металлургические комбинаты, судостроительные и угольные шахты [57; 58; 141].

Отметим для сравнения, что в Украине за десять лет реформ было создано менее миллиона предприятий малого и среднего бизнеса (без учета фермерских хозяйств), на которых работало 46% всех занятых в сфере предпринимательства, а доля таких предприятий в общем объеме выпущенной продукции в 2001 г. составила лишь 15,5%. В отличие от Польши, Венгрии или Чехии, подавляющее большинство украинских предприятий малого и среднего бизнеса было создано в сфере розничной торговли и услуг, не требующей существенных инвестиций, а не в относительно капиталоемком товарном производстве. В период гиперинфляции в начале 1990-х гг. население практически лишилось своих дореформенных денежных накоплений, хранившихся в государственном Сберегательном Банке, поскольку в Украине не был своевременно принят закон об индексации вкладов.

Финансовая реформа 1991 г. оказала стимулирующее воздействие на внешнюю торговлю Польши за счет уменьшения степени валютных рисков, особенно при заключении контрактов со сроками исполнения через несколько месяцев, а также на подъем производства, поскольку ежемесячные изменения курса злотого полнее отражали колебания цен на внутреннем и внешнем рынках. Девальвация и последующая поддержка близкого к рыночному официального курса злотого, по мнению польских и американских экономистов М. Бэлька (M. Belka), С. Краевски (S. Krajewski), Б. Пинто (B. Pinto) и Л. Уэбстера (L. Webster), была одной из главных причин роста объемов экспорта товаров, производимых на предприятиях всех форм собственности, и прежде всего государственных, после реформ 1990 г. [141; 142].

С. Кораблин (Украина) обратил внимание на высокую степень сходимости планируемых и реально достигнутых в Польше показателей: в 1992 г. при снижении номинального курса злотого на 43,9% прирост ИПЦ составил 43%, что обеспечило фактическую стабилизацию эффективного валютного курса [143].

Представляет интерес сопоставление методов и инструментов валютного регулирования в постсоциалистических странах Восточной Европы и Балтии, где за короткий срок после начала перехода к рыночным отношениям была преодолена гиперинфляция и созданы предпосылки для стабильного роста ВВП (Польша, Венгрия, Чехия, Эстония и др.), и в СНГ, где вплоть до 2000 г. продолжался спад производства и отмечались экономически немотивированные хаотические колебания обменных курсов (Россия, Беларусь, Украина и др.).

Правительства стран СНГ приняли рекомендованные МВФ и Всемирным Банком (МБРР) стандартные программы реформирования централизованно-плановой экономики («Вашингтонский консенсус»), базирующиеся на классических положениях макроэкономических теорий, имеющих универсальный характер и многократно проверенных в 1980–1992 гг. успешной практикой реализации антикризисных программ в таких разных странах, как Южная Корея, Индонезия, Таиланд, Сингапур, Польша, Венгрия и многие другие. Достаточная гибкость методики МВФ позволяла правительству и Центральному Банку с учетом специфических особенностей страны дополнять стандартный инструментарий экономического оздоровления, менять пропорции между отдельными макроэкономическими показателями или приоритетность их достижения. Однако решение поставленных задач, и это особо подчеркивалось в стабилизационных программах МВФ и МБРР, могло быть обеспечено только при комплексном выполнении намеченных программ и строгом соответствии расходования выделенных средств декларируемым целям, что требовало наличия политической воли руководства страны, прозрачности процессов реформирования и действенного общественного контроля [84, pp. 9–12; 144, с. 712].

С нашей точки зрения, не стоит обвинять только МВФ, МБРР и другие международные организации в неудачах реформ во многих странах Европы, Азии, Африки и Латинской Америки, тем более, что есть и противоположные примеры. Не по вине МВФ сотни миллиардов долларов из программ экономических реформ попали на тайные счета нигерийских, филиппинских и прочих президентов. Мгновенное суперобогатение творцов «черного вторника» 11 октября 1994 г., когда на Московской Межбанковской Валютной Бирже обменный курс российского рубля за один день упал с 3081 до 3926 рублей за доллар США, чтобы через несколько дней по административному приказу вернуться к прежней отметке, также не стоит приписывать воздействию иностранных деструктивных сил. Нельзя также перекладывать вину за финансовые кризисы и неустойчивость национальных валют в России, Украине и других постсоциалистических странах на отдельных ортодоксов – консультантов МВФ, по рекомендациям которых гигантские суммы из полученных займов и кредитов тратились на удержание искусственно завышенных курсов «твердого» рубля, гривны и других денежных единиц, поскольку задолго до начала рыночных преобразований в этих странах был известен главный вывод из

работ М. Фридмена, Р. Манделла и других ведущих экономистов – «состояние экономики определяет твердость валюты, а не наоборот».

Несмотря на очевидный успех программ стабилизации экономики, реализованных в 1990–1992 гг. в Польше, Венгрии и Чехословакии с применением практически одинаковых методов регулирования, в странах СНГ после перехода к либерализации цен со 2 января 1992 г. предпочли избрать путь градуалистского, «не шокового» реформирования [57; 58; 59; 60; 145]. Считалось, что такой постепенный плавный переход к рыночной экономике обеспечит минимизацию экономических и социальных издержек трансформации (спад производства, рост безработицы и др.). Директор Института экономического анализа А. Илларионов отметил в 1994 г., что отказ от применения в России метода «шоковой терапии» был явной ошибкой. В действительности настоящий и притом весьма продолжительный шок вследствие кризисного спада ВВП пришлось испытать населению Украины, России и других стран СНГ [146]. Катастрофическое снижение жизненного уровня и рост безработицы привели к тому, что Украина и Россия наряду с Бангладеш, Индией, Китаем и Мексикой вошла в число основных поставщиков трудовых мигрантов в развитые страны [66, p. 189].

Проанализируем основные проблемы становления механизмов регулирования внешней торговли и денежно-кредитных отношений в постсоциалистических государствах ЧЭС в процессе рыночной трансформации. Используя методику О. Белоруса [51], будем рассматривать формирование национальных механизмов в их взаимосвязи с объективным глобальным процессом экономического развития, сочетающим две принципиально различные формы – эндогенное стихийное саморазвитие и гносеологическое социально опосредованное организованное развитие. Такой подход позволяет выявить основные факторы воздействия на функционирование целостного механизма экономического процесса и его структурных составляющих.

Для исключения фактора масштаба будем сравнивать экономические показатели больших, средних и малых государств (по численности населения и размеру территории) с одинаковым типом экономики – постсоциалистическим переходным. Отметим, что в терминах теории международной торговли и гигантская Россия, и небольшие Албания или Эстония в рассматриваемый период были малыми странами (в начале 1990-х гг. их доля в мировой торговле не позволяла ока-

зывать реальное влияние на общий уровень мировых цен по абсолютному большинству товаров) [11, с. 204].

Сравним результаты начальных этапов рыночных реформ, проведенных принципиально различными методами в странах СНГ и государствах ЦВЕ и Балтии, ставших в 2004 г. новыми членами ЕС. Детально рассмотрим динамику макроэкономических показателей на конкретном примере Украины и Польши – двух соседних стран с близкими дореформенными социально-экономическими характеристиками, выгодным геостратегическим положением и сопоставимыми территориально-демографическими потенциалами.

Объективная необходимость ликвидации всеобъемлющей государственной монополии и директивных методов хозяйствования определили переход к рыночной экономике как важнейшую стратегическую цель еще в последние годы пребывания Украины в составе СССР. Принятый в 1990 г. пакет законов закрепил равенство всех форм собственности и право свободного экономического самоопределения субъектов хозяйствования [105, с. 59–75].

В независимой Украине был провозглашен курс на построение социально ориентированной рыночной экономики, структурную перестройку народного хозяйства и вхождение в ЕС в кратчайшие исторические сроки, однако, ни одна из этих целей не была достигнута и за пятнадцать лет. Украина в 1990 г. (последний полный год пребывания в составе СССР) занимала по величине ВВП 30-е место в мире, а Польша – 35-е. Благодаря быстрому «шоковому» реформированию экономики индустриально-аграрная Польша через пятнадцать лет поднялась на 23-е место, в то время как ракетно-космическая держава Украина, где медленные реформы отличались некомплексностью и непоследовательностью, опустилась на 52-е место, отстав от таких развивающихся стран, как Египет, Пакистан и Турция. В Польше рост ВВП возобновился на третьем году реформ, в Украине спад продолжался до 2000 г. Польша в 1994 г. стала членом ВТО и ОЭСР, а в 2004 г. вступила в ЕС. Украина в 2005 г. смогла получить от ЕС только статус страны с рыночной экономикой и может быть принята в ВТО не ранее весны 2008 г. ВНД на душу населения в 2005 г. достиг в Польше \$7110, а в Украине – \$1520, и по этому показателю Украина уступила всем соседним странам, кроме Грузии и Молдовы [66, р. 289, pp. 294–295; 76, pp. 296–297].

Для объяснения столь различных результатов реформ требуется новое и чрезвычайно важное для теории и практики трансформации

постсоциалистических экономик углубленное понимание многогранной сущности денег, и особенно ее информационной составляющей как одного из наиболее объективных индикаторов состояния социально-экономической системы.

О. Белорус отметил: «Феномен денег... непосредственно связан с социально-психологической сферой общества и именно в такой связи может быть соответственно влиятельным рычагом его саморегулирования» и указал на «принципиальную невозможность преодоления чисто монетарными средствами общесистемного социально-экономического кризиса с неопределенными основными параметрами» [113, с. 654].

Разделяя в целом взгляды О. Белоруса, Д. Лукьяненко и И. Витер на то, что «трансформационный крах таких европейских и евроазиатских стран, как Украина, Россия, Беларусь, Казахстан и другие, одновременно означает крах современных международных экономических стратегий», подчеркнем, что по нашему мнению, главной причиной экономического кризиса на первом этапе переходного периода в упомянутых странах было не столько следование рекомендациям МВФ, сколько некомплексность и непоследовательность проводимых рыночных реформ [147, с. 315].

Отметим, что теоретически обоснованные и проверенные на практике методы, аналогичные польскому методу «шоковой терапии», были успешно применены на первом этапе трансформации экономики в Венгрии, Словении, Чехословакии и постсоветских странах Балтии. Показателен пример Эстонии, где экономическая политика была еще более «шоковой», чем в Польше.

Как подчеркнул аналитик Стокгольмского института экономики стран Восточной Европы А. Ханссон (А. Hansson), «...Эстония выбрала практически книжную модель финансового консерватизма... и экономического либерализма (простые, на широкой основе, налоги <...>, целенаправленное стремление к заключению соглашений о свободной торговле с западными соседями, отказ от индикативных и обязательных перечней товаров во внешней торговле, полная конвертируемость валюты и практическое отсутствие субсидий)» [148, с. 130].

За первый год существования независимой финансовой системы после введения собственной валюты – кроны инфляция в Эстонии уменьшилась с 1069% в 1992 г. до 85% в 1993 г., причем месячные темпы прироста инфляции в 1993 г. снизились с 24 до 2,5% при годовом увеличении денежной массы всего лишь на 30%. Правительство

выбрало режим валютного правления (currency board) с фиксацией курса кроны относительно марки ФРГ – главного торгового партнера Эстонии. Весь объем выпущенных крон был обеспечен запасами твердой валюты [149, с. 115]. Это позволило стабилизировать цены, снизить банковские процентные ставки, увеличить объем сбережений и инвестиций и создать предпосылки для стабильного роста ВВП с 1994 г. на уровне 4–5% в год. В результате ВНД на душу населения достиг в Эстонии \$3410 в 2000 г. Такая же модель трансформации экономики была реализована в Латвии и Литве. Синхронное проведение реформ позволило трем бывшим советским республикам создать с 1 апреля 1994 г. Балтийскую зону свободной торговли [53, с. 20]. Рост производства и торговли обеспечил увеличение ВНД на душу населения в 2000 г. в Латвии до \$2860, а в Литве до \$2900. Все три страны использовали для стабилизации экономики внешние займы. По состоянию на 2000 г. внешний долг на душу населения составлял в Латвии, Литве и Эстонии соответственно \$1220, \$1315 и \$1795 [84, р. 232; 130, р. 2].

Экономические условия, при которых началась либерализация цен в Украине, были более благоприятными, чем в Польше или в республиках Прибалтики. Если польская экономика в конце 1980-х гг. переживала острый спад, то в Украине средние темпы прироста ВВП за пятилетие 1986–1991 гг. составили 2,6%, а прироста промышленной продукции 3,8%, хотя уже с 1990 г. в стране обозначились признаки общего ухудшения показателей экономического развития [140]. И хотя многолетнее господство административной системы с тотальным регулированием цен, номенклатуры и объемов продукции обусловило гипертрофированное развитие военно-промышленного и горнометаллургического комплексов, ориентированных на внутрисоюзное потребление (в 1991 г. внешнеторговый оборот Украины составлял 34% ВВП: 7% импорт плюс экспорт в страны дальнего зарубежья и 27% – межреспубликанский товарооборот в пределах СССР), а также высокую степень зависимости украинской экономики от импорта энергоносителей, стартовые условия для системоизменяющих рыночных преобразований в Украине в целом были благоприятными. По оценкам экспертов Германского Банка, Украина среди всех республик СССР имела самый высокий рейтинг экономической независимости, рассчитанный по совокупности двенадцати показателей: степени индустриализации; экспортному потенциалу промышленности; сельскохозяйственному производству; экспортному потенциалу

агропромышленного комплекса; уровню самообеспеченности промышленными товарами; минеральным ресурсам; экспортному потенциалу сырья; психологической подготовленности населения к предпринимательству; географической близости к Европе; уровню образования населения; однородности населения; уровню развития инфраструктуры. По своему рейтингу (89) Украина опережала страны Прибалтики (77) и Россию (72), оставив далеко позади остальные республики СССР [150].

Проблемы рыночной трансформации экономики были хорошо изучены в Украине, где еще в советский период сформировалась авторитетная научная экономическая школа. О. Белорус выявил основные закономерности народно-хозяйственной интеграции [151]. Ю. Пахомов исследовал особенности механизмов рыночной экономики на современном этапе развития мирохозяйственных связей [152]. В. Будкин, Н. Назимова и Г. Шепелюк обобщили опыт перехода восточноевропейских стран к рыночной экономике [153]. В. Геец проанализировал различные модели реформирования, обосновал необходимость изменения структуры украинской экономики и дал прогноз ее развития [59; 154]. Однако рекомендации ведущих украинских экономистов по выбору оптимальной модели реформирования с учетом особенностей механизма рыночной экономики в современных условиях и применения успешного опыта перехода Польши и других постсоциалистических стран к рыночным отношениям за короткий (два-три года) срок не были востребованы прежним украинским руководством. Как отметил В. Мельничук, даже в 1993 г. в Украине отсутствовала научно обоснованная стратегия рыночных преобразований [155]. В результате в Украине при сохранении старой системы управления народнохозяйственным комплексом была надолго отложена реструктуризация монополизированных отраслей промышленности и земельная реформа, а приватизация государственной собственности происходила без транспарентности и общественного контроля. Денежно-кредитная политика проводилась без научного обоснования параметров регулирования денежной массы и обменных курсов и выбора средств управления макроэкономическими процессами на краткосрочных и долговременных интервалах для достижения конечной цели – роста реального объема производства, обеспечения полной занятости и стабильности цен.

На первом этапе рыночной трансформации экономики (1992–1995 гг.) в Украине существовали три обменных курса карбованца:

официальный, устанавливаемый Национальным Банком Украины (НБУ), аукционный и рыночный, причем официальный курс к доллару США был завышен более чем в три раза по сравнению с рыночным [138, с. 67]. Завышение курса карбованца способствовало росту импорта продуктов питания, одежды, обуви, бытовой техники, автомобилей и других товаров и привело к многократному снижению объемов производства в аграрном секторе, пищевой и легкой промышленности и машиностроении. Использование иностранных валют в качестве легального средства платежа на внутреннем рынке Украины и нестабильность карбованца способствовали значительному повышению уровня долларизации экономики – с 15,8% в 1992 г. до 56,0% в 1994 г. [156, р. 26].

Проанализируем изменения основных макроэкономических показателей в Украине – ВВП, уровня инфляции и темпов роста денежной массы (агрегат М3) в 1991–1997 гг. (табл. 2.2). Будем пренебрегать краткосрочными флуктуациями, выделяя основной тренд в исследуемом процессе за годичный и трехлетний периоды.

В соответствии с многократно подтвержденной на практике теорией рациональных ожиданий, при естественном ходе экономических процессов, не нарушаемом ограничениями, внезапно устанавливаемыми в административном порядке правительством или центральным банком страны, ожидаемые заранее всеми участниками хозяйственной деятельности (предприятия и индивиды) изменения количества денег меняют только уровень цен и не оказывают сколько-либо существенного влияния на реальный объем производства («супер-нейтральность денег») [135, с. 304–305].

Нарушения естественного хода экономических процессов в Украине, обусловленные предоставлением правительственных льготных кредитов под давлением лоббистских группировок горнометаллургического и аграрно-промышленного комплексов, введением принудительной продажи экспортёрами валютной выручки по крайне заниженному курсу, жесткими ограничениями по оплате труда (в 1993 г. при росте цен за год более чем в 100 раз реальная заработная плата уменьшилась на 52%) и другими запретительными мерами (тотальное квотирование и лицензирование практически всех видов предпринимательской деятельности и т. п.) привели к резкому экономическому спаду – за первые три года реформ объем ВВП сократился почти наполовину [156; 157].

Анализируя особенности регулирования валютных курсов в странах СНГ в начальный период рыночной трансформации, главный экономист регионального департамента Европы и Центральной Азии Всемирного Банка В. Коновалов отметил: «Режим кратного обменного курса означал социальные потери, намного превосходящие те, которые обычны при высоком уровне налогообложения: он не создавал побудительных стимулов к экспортной деятельности и к возвращению в страну прибылей, но способствовал бартерным сделкам» [158, с. 33].

Внешняя торговля товарами и услугами является наиболее развитой формой современных международных экономических отношений, а денежно-кредитная политика государства определяет обменный курс национальной валюты – важнейшего связующего звена между народнохозяйственным комплексом страны и глобальной экономикой.

Очевидно, что без внешних заимствований только при росте экспорта возможен рост импорта как обязательное условие обновления производственной базы на принципиально новом уровне, что абсолютно необходимо для обеспечения устойчивого экономического развития страны на длительный период. Поэтому обеспечение обменного курса валюты, оптимального для всего народнохозяйственного комплекса страны, должно быть одним из экономических приоритетов правительства и Центрального Банка.

Построим по данным табл. 2.2 графики годичных изменений ВВП (в процентах от уровня 1991 г., предшествовавшего либерализации цен), прироста индекса потребительских цен *I* и денежной массы *M3*. Для величин *I* и *M3* примем логарифмический масштаб, поскольку максимальный годовой прирост инфляции выражен пятизначным числом.

Как видно из рис. 2.2, увеличение роста денежной массы в 1991–1993 гг. сопровождалось ускорением спада ВВП в 1992–1994 гг. В свою очередь, уменьшение роста денежной массы с 1994 г. сопровождалось, начиная с 1995 г., всё бóльшим замедлением спада ВВП).

Характер изменения макроэкономических показателей позволяет охарактеризовать проводившуюся в 1993 г. в Украине денежно-кредитную политику как проинфляционную. Об этом достаточно убедительно свидетельствует параллельность графиков *I* и *M3* за 1993 г. на рис. 2.2. Такая политика препятствует созданию финансовой основы для масштабных инвестиций, необходимых для структурной перестройки и технологического перевооружения народного хозяйства.

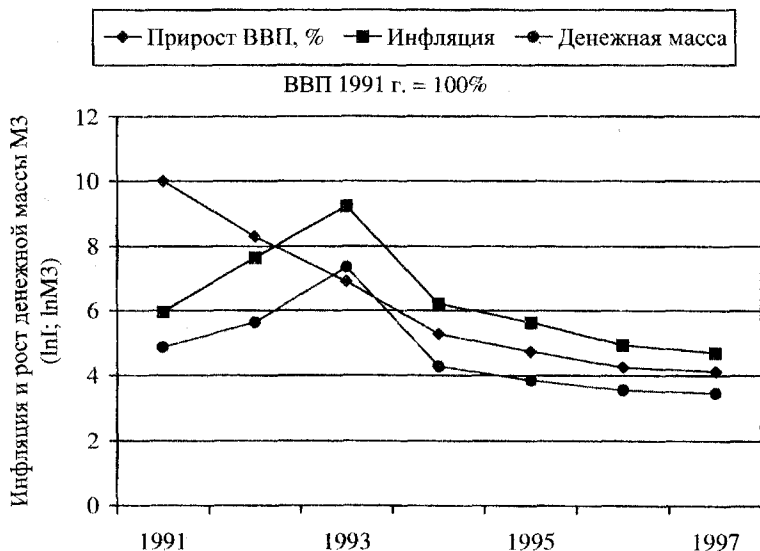

Рис. 2.2. Динамика ВВП, инфляции и роста денежной массы (агрегат М3) в Украине в 1991–1997 гг.

Характеризуя аналогичную политику в России в 1992–1993 гг., идеолог либеральных экономических реформ Е. Гайдар отметил: «Инфляция – самая выгодная коммерческая операция нашего времени. Она необходима паразитической буржуазии, плотно сращенной с коррумпированной чиновничьей и политической элитой». Инфляционные «реки» Центрального Банка через коммерческие банки, распоряжавшиеся правительственными льготными кредитами, попадали на зарубежные счета российских граждан и частных компаний, причем сумма вкладов за два года измерялась десятками миллиардов долларов и быстро возрастала [159].

Проинфляционная денежно–кредитная политика привела к значительному снижению жизненного уровня большинства населения Украины и угрожала самому существованию государства. Поэтому в стране стал проводиться курс на макроэкономическую стабилизацию, и прежнее «раскручивание» инфляции сменилось в 1994 г. управляемой дефляцией (как и в предшествующий период, графики *I* и *M3* на рис. 2.2 практически параллельны, однако, их наклон изменился на противоположный). В дополнение к резкому сокращению темпов рос-

та денежной массы (почти в десять раз за год) в Украине, начиная со второй половины 1994 г., был значительно снижен объем льготного кредитования и дотирования цен на энергоносители и коммунальные услуги и отменены многие льготы по налогообложению. В результате в 1994 г. ИПЦ снизился в десять раз [156, р. 16].

Поскольку основным инструментом дефляции является управляемое снижение роста денежной массы (агрегат $M3$), представляет интерес сравнение периодов, в течение которых темпы роста $M3$ в Украине были сопоставимыми с аналогичными показателями в первые годы «шоковой терапии» в Польше. Иными словами, попытаемся найти ответ на вопрос, правы ли те экономисты, которые отвергали саму идею применения «шоковой терапии», ссылаясь на некие якобы присущие только экономике постсоветских стран особенности, или же монетарная теория достаточно хорошо описывает реальные макроэкономические процессы, и ее методы регулирования могут быть применены в любой стране.

Построим графики месячных темпов прироста ИПЦ и денежной массы в Украине и Польше на первом этапе рыночной трансформации и затем переместим их вдоль оси абсцисс до совпадения линий прироста денежной массы (точка с ординатой 2,53% на рис. 2.3).

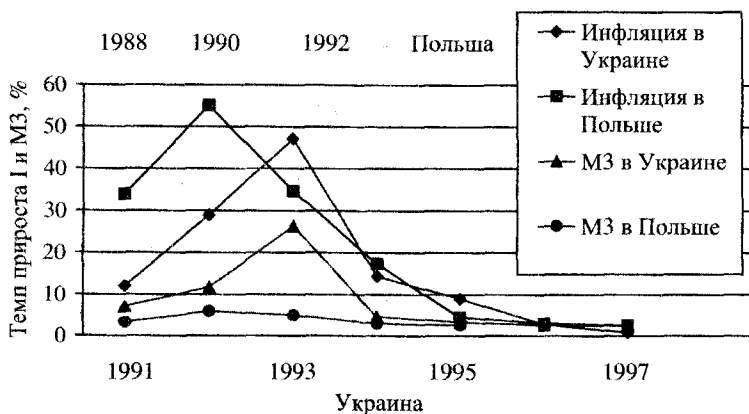

Рис. 2.3. Сравнение среднемесячных темпов прироста инфляции и денежной массы (агрегат $M3$) в Украине и Польше

Как видно из рис. 2.3, денежно-кредитная политика, соответствующая польской политике периода «шоковой терапии», стала проводиться в Украине по крайней мере с трехлетним опозданием.

Вышеприведенный анализ показывает, что управляемое замедление темпов роста денежной массы в условиях либерализации цен обеспечило менее чем за три года прекращение гиперинфляции как в Польше, так и в Украине, несмотря на принципиальное отличие польской стратегии «шоковой терапии» от украинской модели градуалистских «щадящих» реформ. Это подтверждает эффективность монетаристских методов регулирования экономики для подавления гиперинфляции и подтверждает универсальный характер макроэкономических законов, сознательное игнорирование которых привело к спаду производства, снижению жизненного уровня большинства населения и торможению рыночных преобразований в России, Украине и других странах СНГ.

Анализ данных табл. 2.2 и рисунков 2.2 и 2.3 показывает также, что народному хозяйству страны наносится огромный ущерб, если для одновременного решения нескольких задач (снижение инфляции; прекращение спада производства, рост доходов населения и пр.) вместо комплексной системы макроэкономических методов управления используется лишь один способ регулирования – ограничение денежной массы.

В 1992–1994 гг. в России, Украине и ряде других постсоциалистических стран была предпринята попытка реализовать псевдонаучную модель «неомонетаризма для переходных экономик», идеологи которой на базе буквальной интерпретации монетаристского уравнения $MV = QP$ с превратным истолкованием его сути намеревались ограничить рост цен P путем сжатия денежной массы M , не предпринимая при этом адекватных мер для увеличения объема производства Q и стимулирования платежеспособного спроса, сопровождаемого увеличением скорости обращения денег в экономике V . Так, после снижения месячной инфляции в Украине в 1995 г. до приемлемого уровня, исчисляемого однозначными цифрами, изменений в проводимой денежно-кредитной политике в сторону стимулирования спроса не последовало. Вместо этого в Украине при спаде ВВП темпы прироста денежной массы удерживались на том же уровне, что и в Польше в фазе экономического подъема. Такое пренебрежение принципами комплексного реформирования экономики на первом этапе рыночной трансформации привело к лавинообразному росту неплательщиков, персе-

ходу на бартерные схемы расчетов между предприятиями, инвестиционному кризису и дальнейшему углублению спада производства.

Научно необоснованная стратегия непоследовательного и хаотичного рыночного реформирования административно-командной экономики, которую пытались реализовать в 1990-х гг. в Болгарии, Молдове, России, Румынии и в Украине, как правило, приводила к результатам, противоположным продекларированным целевым установкам. Высшая задача денежно-кредитной политики состоит в достижении полной занятости и роста реального объема производства, и лишь затем в обеспечении стабильности цен. Достижение определенных значений отдельных ключевых экономических переменных на достаточно продолжительных временных интервалах является при этом лишь промежуточной целью для выполнения задачи более высокого иерархического порядка [135, с. 352]. Обеспечение стабильности валютного курса или низких темпов инфляции не может быть самоцелью и в отрыве от реального состояния экономики и применении нерыночных методов регулирования (политика «денежного зажима») приводит к угнетению производственной деятельности. В то же время при комплексном системном реформировании и валютный курс, и темп инфляции обеспечиваются автоматически как производные от макроэкономических показателей более высокого порядка (ВВП и пр.).

М. Фридмен (M. Friedman) доказал, что резкое уменьшение количества находящихся в обращении денег существенно усиливает негативные стороны происходящего в экономике сжатия [135, с. 247]. Как отмечали американские экономисты К. Д. Кэмпбелл (C. D. Campbell), Р. Дж. Кэмпбелл (R. G. Campbell) и Э. Дж. Долан (E. G. Dolan) «...новейшие представления о функционировании передаточного механизма указывают, что экспансионистская денежно-кредитная политика приводит как к увеличению богатства отдельных индивидов, так и богатства хозяйственных агентов, отчасти потому, что вновь выпущенные деньги присовокупляются к общему богатству» [135, с. 337].

Очевидно, что деньги здесь рассматриваются не в примитивно меркантилистском понимании как нечто изначально ценное само по себе, а как эквивалент реально произведенных товаров и услуг и необходимый для торговли инструмент, своего рода «кровь экономики» (по ставшему классическим выражению Ж. Бодэна).

М. Фридмен подчеркивал, что «...наших знаний о долгосрочных экономических процессах, подобных анализу экономической ситуации на краткосрочных временных интервалах, явно не хватает. В ре-

зультате денежно-кредитная политика не может в полной мере обеспечить «точную настройку» экономической системы <...>. Деньги слишком важны, чтобы позволять центральным банкам манипулировать ими по своему усмотрению» [135, с. 364].

В. Сиденко, характеризуя «ловушки» посткоммунистической экономической трансформации, отметил: «Показательно, что подавление экономического развития под квазидефляционным шоком может вызвать подобие макроэкономической стабилизации, так как в этом случае серьезное снижение эффективного спроса спонтанно уменьшает темп инфляции, останавливает полное падение денежной единицы и исключает дефицит на товарном рынке <...>. Во многих посткоммунистических странах, в частности, в России и Украине, именно этот вид шока был воспринят как знак макростабилизации» [160, р. 69].

Известно, что экономика сопряженного с высокой инфляцией спада более инерционна, чем экономика роста [135, с. 299]. К тому же антиинфляционная денежно-кредитная политика, проводимая в Украине без одновременного стимулирования производства, в 1994 г. ускорила падение ВВП (табл. 2.2, рис. 2.2). Мировые цены на экспортные товары стран СНГ в 1992–1995 гг. были в 3–5 раз выше внутренних, однако, политика искусственного «удешевления» доллара способствовала продолжению спада, поскольку привела к незаинтересованности экспортеров в возврате валюты в страну. Была упущена и возможность модернизации предприятий за счет импорта современного оборудования [105, с. 94].

Чрезмерное ограничение денежной массы в конечном итоге приводило к нарастанию кризиса неплатежей предприятий и снижению покупательной способности населения из-за длительных задержек с выплатой заработной платы, пенсий, стипендий и социальных пособий, что в совокупности способствовало дальнейшему спаду ВВП. Неплатежи переводили инфляцию в скрытую, «подавляемую», форму, и негативный эффект роста безработицы и спада ВВП существенно превышал теоретически возможный экономический выигрыш от торможения инфляции. В таких условиях отказ от эмиссионных методов решения кризиса неплатежей (при дополнительной ограниченной эмиссии, пропорциональной сумме стоимостей реально проданных, но фактически не оплаченных товаров и услуг), был научно не обоснован. Между тем, при темпах прироста инфляции на уровне 90–100% в год дополнительная эмиссия является эффективным инструментом

стимулирования национального производства за счет повышения покупательной способности населения, что доказано опытом послевоенного восстановления экономик Германии и Японии.

Проводимая в странах СНГ жесткая псевдомонетарная политика, сопровождаемая льготным кредитованием «избранных» отраслей под проценты на порядок ниже годовых темпов роста цен, подавила не столько инфляцию, сколько производство. ВВП в Украине в 1995 г. снизился в 2,5 раза по сравнению с уровнем 1992 г., и в начале 1996 г. в стране было 7 млн. безработных (30% рабочей силы) [161, с. 9]. Украина, находившаяся в 1993 г. на высоком 45-м месте среди 177 стран мира по индексу гуманитарного развития, по результатам 1995 г. заняла 102-е место.

Эксперты Центрального Банка России указывали, что оперативное реагирование на кризисные ситуации в народном хозяйстве путем дополнительной эмиссии целевого назначения, прежде всего для бюджетного сектора и отраслей с преобладанием государственной формы собственности, способно предотвратить спад производства и обострение социальных проблем [162]. Тогда эта концепция была отвергнута правительством России, однако, после 1998 г., когда трансформационный спад в стране достиг низшей точки (55,3% от уровня ВВП 1989 г.), масштабные целевые эмиссии, наряду с девальвацией рубля, способствовали началу экономического роста.

Валютный курс является важнейшим инструментом регулирования внешней торговли, и денежно-кредитная политика любой страны в условиях быстро меняющейся глобальной конъюнктуры должна адекватно и научно обоснованно корректироваться в интересах всех субъектов хозяйствования. Особенности определения оптимальных обменных курсов валют в постсоциалистических странах недостаточно изучены, о чем свидетельствует частая смена практики валютного регулирования в переходных экономиках СНГ и ЧЭС в течение всего периода рыночной трансформации.

Заметим, что укрепление национальной валюты как таковое вообще не должно быть приоритетной целью правительства, если оно не ведет к росту производства и повышению жизненного уровня населения. Дж. Фоллоуз (J. Fallows) приводит ставший классическим пример кредитно-денежной политики в Японии, где в течение последних десятилетий укрепление иены по отношению к доллару США и другим конвертируемым валютам рассматривается как негативное явление, ослабляющее конкурентные позиции японских экспортеров [163].

Некомплексность трансформации экономик Украины и России ухудшила параметры основных факторов производства и спроса, определяющих устойчивость экономической макросреды (детерминанты «национального ромба конкурентоспособности» в концепции М. Портера [144, с. 260–267]), что не компенсировалось положительными сдвигами в денежно-кредитной сфере (укрепление национальных валют, создание коммерческих банков и негосударственных страховых компаний и др.). Жесткая дефляционная политика, проводимая без надлежащей стимуляции производства и экспорта, вместе со снижением темпов инфляции приводила к появлению значительного дефицита торгового и платежного балансов. В свою очередь, это требовало изыскания средств для покрытия дефицитов, что в большинстве случаев означало обращение за кредитами и займами к МВФ и Всемирному Банку. Получение стабилизационных кредитов и займов МВФ и МБРР носило эпизодический характер, если выделяемые средства использовались по назначению, и становилось хронической необходимостью при расходовании внешних заимствований на иные цели. Так, Россия и Украина ежегодно прибегали к займам и за период 1993–1999 гг. стали крупнейшими из всех стран ЧЭС должниками МВФ (суммы заимствований составили соответственно \$21165 млн и \$3636 млн), в то время как европейский лидер рыночной трансформации – Венгрия за тот же период лишь однажды прибегла к получению в МВФ займа в \$79 млн, а Словакия – дважды, на общую сумму \$228 млн [130, р. 2].

Отметим, что необходимость во внешних заимствованиях определяется многими факторами, в том числе наличием или отсутствием в стране достаточных внутренних ресурсов и способностью правительства к их рациональному использованию. Представляется, что в начале 1990-х гг. высокоразвитые республики СССР, и прежде всего Россия и Украина, вполне могли начать и быстро завершить рыночную трансформацию экономики, не допуская при этом катастрофического падения ВВП и снижения уровня жизни населения, опираясь при этом только на собственный ресурсно-производственный и интеллектуальный потенциал. В подтверждение данного тезиса сошлемся на пример менее обеспеченного естественными ресурсами и слабо развитого в недалеком прошлом аграрно-индустриального восточно-азиатского гиганта – Китая, который с 1982 г. за двадцать лет сотрудничества со Всемирным Банком и его структурным подразделением – Международной Ассоциацией Развития (IDA) занял у этих организа-

ций немногим более \$22 млрд (меньше, чем Россия и Украина, вместе взятые, заняли у МВФ за первые семь лет реформ), увеличив при этом объем ВВП в шесть раз, а реальные доходы на душу населения в пять раз [67].

Дестабилизирующее воздействие на процессы рыночных реформ оказывало и стремление правительств ряда стран ЧЭС использовать административные методы регулирования обменных курсов в политических целях. Рассматривая проблему стабилизации валютного рынка, председатель правления Национального Банка Украины В. Ющенко отметил: «Эта проблема принадлежит к одному из наиболее острых политических вопросов <...>. Мы никогда не относились к деньгам просто как к удобным техническим инструментам общения субъектов экономики» [164, с. 16–17].

Наметившаяся финансовая стабилизация (среднемесячные темпы инфляции с конца 1995 г. впервые за годы независимости Украины стали исчисляться однозначными цифрами) дала возможность провести денежную реформу и заменить квазивалюту – купонокарбованец более устойчивой денежной единицей – гривней. С введением гривны украинская экономика получила достаточно надежный индикатор для оценки текущего состояния и прогнозирования тенденций развития хозяйственной и финансовой деятельности. Денежная реформа была проведена при объеме начальной эмиссии наличной гривны 3994,6 млн грн. (из них в кассах банков 825,7 млн грн.), что при ожидаемом годовом ВВП около 80 млрд грн. не приводило к существенному увеличению крайне низкого показателя монетизации, не превышающего с 1993 г. 17,5–25% ВВП (к тому же при степени долларизации 40%) [156, pp. 24–26; 157, с. 15].

Ошибочность такой стратегии отмечали многие экономисты. В. Черняк, указывая в 1997 г. на необходимость ломки стереотипов экономической политики в Украине, отметил: «...целесообразно за счет кредитной эмиссии довести в течение года коэффициент отношения денежной массы к ВВП до 0,6–0,7. Сегодня он равен 0,3. Это самый низкий в мире показатель (приблизительно такой только в России)» [165, с. 10].

На опасность долларизации как угрозу национальной безопасности обратил внимание О. Белорус, анализируя роль денег в функционировании современной глобальной экономики: «...если системообразующий фактор рынка – деньги как национальная валюта в том или ином отношении неполноценны или же отсутствуют вообще, то в со-

временных геополитических условиях это государство никак нельзя признать самостоятельной системой. <...>. Поэтому период использования чужой (в плане экономического несоответствия) валюты – это период интенсивного упадка хозяйства» [113, с. 653].

Для сравнения укажем, что в постсоциалистических странах ЦВЕ реформы начинались при степени долларизации 20–25% и уровне монетизации 45–50% ВВП. В 2002 г. в Польше показатель монетизации достиг 45% ВВП, а в развитых экономиках (ЕС, США, Япония) 80–110% [166]. Отметим, что в Украине уровень монетизации достиг 45% ВВП лишь в 2007 г.

Перед введением гривны правительство и Национальный Банк Украины (НБУ) проводили политику искусственного укрепления купонокарбованца, используя нерыночные механизмы (обязательная продажа экспортерами валюты по заниженному курсу, принудительное прекращение торгов на межбанковской валютной бирже в случае превышения на 10% назначенного НБУ курса доллара и пр.). Для поддержки завышенного курса купонокарбованца, не соответствующего реальному состоянию экономики, расходовались займы и кредиты МВФ и МБРР. Затраты на стабилизацию и укрепление купонокарбованца в течение двух лет перед введением гривны достигли \$2 млрд. К тому же, увеличивающийся разрыв в темпах инфляции и роста курса доллара способствовал вытеснению украинских товаров с внутреннего рынка за счет наплыва более дешевого импорта. При росте потребительских цен в стране с ноября 1994 г. по декабрь 1995 г. в 6,2 раза обменный курс доллара возрос всего лишь в 2,5 раза [157, с. 90]. Такое положение способствовало вытеснению иностранной валюты из сферы внутреннего обращения, однако, ухудшало положение экспортоориентированных отраслей, снижая экспортную выручку по отношению к возрастающим внутренним ценам.

Нерыночные методы регулирования курса национальной валюты искажали ценовые пропорции на внутреннем рынке и снижали эффективность финансовых механизмов стабилизации экономики. Так, в 1995 г. налог на добавленную стоимость (НДС) в Украине был снижен с 28 до 20%, что должно было положить начало инвестированию освободившихся средств в экономику производящих отраслей, однако, на практике эти средства благодаря продолжению политики «удешевления» доллара были направлены на еще больший рост объемов импорта высоколиквидных товаров народного потребления, алкогольных напитков и табачных изделий. В условиях спада производст-

ва искусственно завышенный курс национальной валюты приводил к отрицательному сальдо торгового баланса за счет уменьшения доли экспорта во внешнеторговом товарообороте и наплыва «дешевого» импорта.

В Украине в 1994–1997 гг. денежно-кредитная политика, направленная на фактическую ревальвацию национальной валюты, нарушала все каноны макроэкономического регулирования, на что неоднократно обращали внимание украинские и зарубежные экономисты. Указывая на очевидное несоответствие законам макроэкономики политики ревальвации гривны, проводимой НБУ при увеличении дефицита торгового баланса, С. Кораблин отметил, что в 1996 г. при росте потребительских цен на 40% и оптовых цен в промышленности на 17,3% номинальный курс гривны снизился всего на 5,3%, в силу чего ее реальное подорожание составило не менее 10%, что способствовало дальнейшему обострению торгового дефицита, достигшего \$4 млрд при годовом приросте \$1,3 млрд. В течение трех лет неизменно подтверждалась обратно пропорциональная зависимость торгового баланса от валютного курса. В 1994–1997 гг. приросты дефицита торгового баланса и реального курса гривны в годовом разрезе всегда имели различные знаки. Снижение инфляции до 39,7% в 1996 г. создавало предпосылки для перехода экономики Украины к фазе роста. Одним из необходимых условий для этого являлось прекращение фактической ревальвации национальной валюты за счет ежегодного внешнего кредитования и переход к умеренной девальвации (по аналогии с проверенным в странах ЦВЕ режимом «ползущей привязки») [143; 167].

По нашему мнению, в 1994–1997 гг. валютное регулирование в России, Украине и других тесно связанных с российской экономикой постсоветских странах ЧЭС миновало точку оптимума и негативные последствия реального падения курса иностранной валюты стали превалировать над положительными. С начала либерализации цен в 1992 г. при практически стабильных мировых ценах на товары украинского экспорта покупательная способность предприятий-экспортеров по отношению к постоянно дорожавшим товарам национального производства (сырье, комплектующие изделия и пр.) неуклонно снижалась. В то же время для импортеров сложилась исключительно благоприятная ситуация. Фактически происходило управляемое перераспределение национального дохода в пользу импортеров – собственников избыточного в тот период фактора в виде конвертируемой «дешевой» валюты за счет экспортеров – собственников отно-

сительно дефицитных в силу своей ресурсоемкости товаров. Проводимая вплоть до августа 1998 г. политика искусственного удешевления иностранной валюты в конечном счете привела к масштабному обесцениванию рубля и других валют стран СНГ, способствовала росту теневой экономики, сохранению бартера во внешнеторговом обороте и расширению «серого» импорта.

Поскольку экспорт является источником валюты для импорта машин и оборудования, необходимых для технологического переоснащения народнохозяйственного комплекса, политика курсообразования должна корректироваться в интересах всех ориентированных на внешнюю торговлю отраслей. Девальвация повышает конкурентоспособность экспорта, однако, занижение курса национальной валюты приводит к возрастанию номинальной стоимости импорта на внутреннем рынке. Равные условия для всех субъектов внешнеэкономической деятельности, как импортеров, так и экспортеров, могут быть созданы только при чисто экономических методах регулирования курсов валют.

Проблема определения оптимальных курсовых соотношений в странах с переходной экономикой является недостаточно разработанной в экономической науке. Проанализируем влияние различий в темпах инфляции и роста обменного курса валюты в стране на динамику экспорта и импорта, а также на выбор субъектами ВЭД метода реализации экспортной выручки: путем конвертации в национальную валюту или через ввоз в страну купленных за рубежом высоколиквидных товаров с их последующей реализацией на внутреннем рынке. Будем рассматривать соотношения между темпами изменения номинальных внутренних цен и обменных курсов валют вне привязки к их реальным или эффективным значениям, вычисленным с учетом паритета покупательной способности, что упростит составление уравнений внешнеторговых операций в аналитической форме, не меняя общности решения [81, с. 42–45]. Подчеркнем, что анализ, основанный на использовании относительных показателей, приводит к объективным результатам, в то время как определение эффективных курсов зависит от субъективного выбора базы для сравнения. Так, использование методики ФРС США, где «естественный» обменный курс доллара исчисляется с учетом изменения стоимости стандартной «рыночной корзины» из 300 товаров и услуг, для постсоциалистических стран неприемлемо ввиду значительного различия между американ-

ской и национальными потребительскими «корзинами» как по количеству, так и по ассортименту товарных позиций [13, с. 145].

В дальнейшем анализе в дополнение к положениям неоклассической теории внешней торговли Э. Хекшера – Б. Олина с учетом уточнений концепции С. Линдера – М. Кемпа – П. Кругмена [11, с. 72–78; с. 122–132] примем следующие исходные допущения:

- уровень мировых цен в течение рассматриваемого периода остается постоянным;
- относительная фактороемкость экспортируемого товара не меняется;
- на внутреннем рынке экспортируемый товар является избыточным, а импортируемый – дефицитным;
- транспортные, торговые, таможенные и прочие издержки одинаковы при экспорте и импорте;
- продолжительность цикла производства экспортного товара сопоставима с длительностью рассматриваемого периода;
- оплата всех издержек производится одновременно в момент завершения цикла «производство – продажа».

Составим уравнение цены единицы экспортируемого товара (в безразмерных относительных величинах):

$$1 = \alpha_{int} + \alpha_{ext} + t + p, \quad (2.3)$$

где α_{int} – доля цены, включающая оплату сырья, материалов, энергии, рабочей силы, отчисления на амортизацию и другие производственные издержки внутри страны;

α_{ext} – доля цены, включающая все расходы на приобретение импортных составляющих за пределами страны;

t – доля транспортных, торговых, таможенных и прочих издержек при движении товара в одном направлении;

p – доля прибыли.

Очевидно, что доля всех производственных затрат (ресурсный коэффициент) составляет $\alpha = \alpha_{int} + \alpha_{ext}$.

Пусть T единиц товара проданы на внешнем рынке по мировой цене C US\$/единица. На момент оплаты издержек внутренние цены изменились в ξ раз, курс доллара США по отношению к национальной валюте изменился в β раз.

Величина ξ определяется как

$$\xi = (1 + i/100), \quad (2.4)$$

где i – темп прироста инфляции за рассматриваемый период (в %).

В качестве показателя инфляции используются абсолютный дефлятор ВВП (implicit GDP deflator) или индекс потребительских цен (consumer price index) [13, с. 145–146].

Величина β вычисляется как

$$\beta = E_{rY}/E_{rY-1}, \quad (2.5)$$

где E_{rY} и E_{rY-1} – соответственно средневзвешенные официальные обменные курсы национальной валюты (Exchange gate) за рассматриваемый период и за предшествующий период продолжительностью Y (год, квартал и т. п.). Для точных расчетов вместо номинального обменного курса предпочтительнее рассматривать реальный валютный курс, вычисленный с учетом различных темпов изменения цен в данной стране и в той стране (или группе стран-членов валютного союза), в валюте которой котируется национальная денежная единица, по формуле [10, с. 43]:

$$E_{r \text{ реал.}} = E_{r \text{ ном.}} P_f/P_d, \quad (2.6)$$

где P_f и P_d – соответственно индексы цен зарубежной страны и рассматриваемой страны.

Обозначим через M_p коэффициент опережения роста внутренних цен как отношение индекса инфляции к индексу девальвации, учитывающее различные темпы инфляции и изменения курса иностранной валюты в стране

$$M_p = \xi / \beta. \quad (2.7)$$

Запишем условие рентабельности экспорта для варианта возврата в страну всей иностранной валюты от проданного товара с последующей конвертацией в национальную валюту по официальному курсу. Заметим, что для повторяющихся производственных циклов, в отличие от разового выпуска экспортного товара, разновременность оплаты различных издержек, имеющая место в действительности,

принципиально не меняет логику рассуждений. Для экспортеров средневзвешенные затраты за рассматриваемый период в конечном итоге одинаковы как для уже выпущенной продукции, так и для оплаты сырья, материалов, энергии и прочих постоянных издержек в новом производственном цикле. Очевидно, что экспорт будет рентабелен при соблюдении неравенства:

$$TC\beta - \alpha_{int}TC\xi - \alpha_{ext}TC\beta - tTC\xi - pTC\beta \geq 0. \quad (2.8)$$

После преобразования формулы (2.8) получим

$$\beta - \alpha_{int}\xi - \alpha_{ext}\beta - t\xi - p\beta \geq 0. \quad (2.9)$$

Подставляя в формулу (2.9) значения ξ из выражения (2.7), получим

$$\beta - \alpha_{int}M_p\beta - \alpha_{ext}\beta - tM_p\beta - p\beta \geq 0, \quad (2.10)$$

или

$$1 - \alpha_{int}M_p - \alpha_{ext} - tM_p - p \geq 0, \quad (2.11)$$

откуда предельное значение M_p , при котором еще обеспечивается требуемая прибыль, составит

$$M_p = (1 - p - \alpha_{ext}) / (\alpha_{int} + t). \quad (2.12)$$

Доля прибыли при этом определится из выражения

$$p = 1 - \alpha_{ext} - M_p(\alpha_{int} + t). \quad (2.13)$$

Дифференцируя выражение (2.13) по M_p , получим

$$dp/dM_p = -(\alpha_{int} + t). \quad (2.14)$$

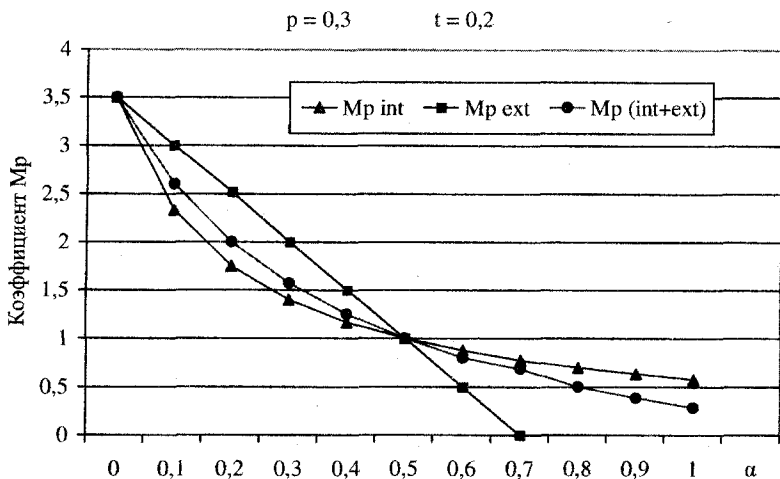
Мультипликатор (2.14) показывает, что увеличение M_p на один пункт уменьшает прибыль от экспорта на $(\alpha_{int} + t)$ пунктов, что особенно неблагоприятно для экспортеров сырья и продукции с малой глубиной переработки и высоким ресурсным коэффициентом α_{int} . Немонетарный фактор α_{int} оказывает на экономическую эффективность экспорта не меньшее влияние, чем M_p .

При постоянных значениях нормы прибыли p и доли издержек t выражение (2.12) представляет собой обратную дробную рациональную функцию, геометрическая интерпретация которой близка к равносторонней гиперболе, расположенной в первом квадранте (цены, обменный курс и ресурсные коэффициенты всегда положительны по определению).

Зависимости между коэффициентами M_p и α , построенные при постоянных p и t для трех вариантов соотношений между α , α_{int} и α_{ext} , представлены на рис. 2.4. Как видно из рисунка, отставание роста курса иностранной валюты от роста внутренних цен наиболее неблагоприятно для экспортеров продукции национального производства без импортной составляющей (кривая M_{int}). При реэкспорте ($\alpha = \alpha_{ext}$) такое отставание сказывается на рентабельности менее резко. Описываемая уравнением (2.12) кривая в этом случае превращается в прямую $M_p = (1 - p - \alpha_{ext} / t)$. При $M_p > 1$ эта прямая располагается выше кривых, описывающих остальные варианты. Промежуточная кривая $M_{(int+ext)}$ иллюстрирует влияние отставания темпа роста курса иностранной валюты от темпа роста внутренних цен на рентабельность экспорта при одинаковых долях внутренних и внешних издержек ($\alpha_{int} = \alpha_{ext} = 0,5\alpha$) в цене товара. Близкое к указанному соотношение характерно для таких индустриальных стран, как Украина, в экспорте которых велика доля стоимости импортных энергоносителей и комплектующих изделий. Все кривые берут начало в точке с координатами $\alpha = 0$; $M_p = (1 - p) / t$.

Из рис. 2.4 видно, что для сохранения уровня рентабельности при росте M_p доля производственных издержек в цене экспортного товара должна быть уменьшена в непропорционально большей степени, что в короткий срок невыполнимо для большинства товаропроизводителей-экспортеров, поскольку требует замены оборудования и технологического обновления производства.

При росте внутренних цен, значительно опережающем рост обменного курса ($M_p \gg 1$), экспорт с возвратом валюты в страну становится экономически нецелесообразным для отраслей с высокой долей издержек (ресурсный коэффициент α) в стоимости продукции, поскольку не обеспечивается требуемый уровень рентабельности. Это вынуждает субъектов ВЭД вместо возврата валюты в страну выбрать вариант приобретения за рубежом товаров с их последующей продажей на внутреннем рынке.

Рис. 2.4. Предельные значения коэффициента опережающего роста внутренних цен M_p для экспортноориентированных отраслей.

Запишем условие рентабельности экспорта для варианта превращения всей валютной выручки в импортируемый товар T_{imp} , купленный по мировой цене C_{imp} US\$/единица и проданный на внутреннем рынке, где цены изменились в ζ раз. Очевидно, что $TC = T_{imp}C_{imp}$. Доля издержек t при таком варианте удваивается, поскольку оплачивается движение товара T в прямом и товара T_{imp} в обратном направлениях. Принимая во внимание, что в очередном цикле производства экспортного товара T затраты в национальной валюте на оплату внутренних издержек изменятся в ζ раз, а на оплату импортной составляющей в β раз, и опуская промежуточные преобразования, получим:

$$\zeta = \alpha_{int} \zeta + \alpha_{ext} \beta + 2t \zeta + p \zeta. \quad (2.15)$$

Подставляя в выражение (2.15) значение $\beta = \zeta / M_p$ из формулы (2.7), получим:

$$\zeta = \alpha_{int} \zeta + \alpha_{ext} \zeta / M_p + 2t \zeta + p \zeta. \quad (2.16)$$

Из выражения (2.16) максимально возможная доля прибыли определится как

$$p = 1 - (\alpha_{int} + 2t) - \alpha_{ext} / M_p. \quad (2.17)$$

Из формулы (2.17) следует, что доля прибыли при реализации экспортной выручки путем покупки товаров за рубежом с их последующей продажей на внутреннем рынке определяется как производственными, транспортными и прочими издержками, так и различиями в темпах инфляции и изменения курса валюты. При отсутствии импортной составляющей в стоимости экспортного товара ($\alpha_{ext} = 0$; $\alpha = \alpha_{int}$) доля прибыли в таком варианте не зависит от темпов инфляции и изменения валютного курса. Как нами было показано ранее, в этом случае, по сути, происходит обмен одного товара на другой с удвоенными транспортными, таможенными и торговыми издержками [103, с. 98–103].

Вышеизложенная методика учета импортной составляющей в стоимости экспортного товара позволяет анализировать все возможные варианты, от экспорта продукции чисто национального производства ($\alpha_{ext} = 0$; $\alpha = \alpha_{int}$) до реэкспорта ($\alpha_{int} = 0$; $\alpha = \alpha_{ext}$).

Как следует из формул (2.12–2.14), уменьшение разрыва между темпом роста курса иностранной валюты и темпом инфляции стимулирует экспорт. Снижение доли затрат $M_p(\alpha_{int} + t)$ в цене товара повышает его конкурентоспособность, что особенно важно для экспортноориентированных отраслей с высокими ресурсными коэффициентами α_{int} .

При уменьшении коэффициента M_p (рост курса иностранной валюты опережает рост цен в стране) происходит фактическое обесценивание национальной валюты, что относительно удорожает импортные товары. Сокращение импорта за счет перехода к собственному производству замещающих товаров способствует росту чистого экспорта X_n , уменьшению дефицита торгового баланса и росту реального ВВП. Меняются и многие другие макро- и микроэкономические показатели.

Преобразовав выражение (2.1), формализованно представим логику наиболее важных взаимосвязей в следующем виде:

$$\begin{aligned} M_p \downarrow \rightarrow \{Exp \uparrow & \rightarrow \{(Y \uparrow; L \uparrow) \rightarrow Inc \uparrow \rightarrow S \uparrow \rightarrow Inv \uparrow \rightarrow T \uparrow \rightarrow \dots \\ & \{Imp \downarrow \rightarrow D_{TB} \downarrow \\ \dots \rightarrow \{(Y_1 \uparrow; L_1 \uparrow) & \rightarrow Inc_1 \uparrow \rightarrow S_1 \uparrow \rightarrow Inv_1 \uparrow \rightarrow T_1 \uparrow \rightarrow \dots \end{aligned} \quad (2.18)$$

где Exp – экспорт;

Imp – импорт;

D_{TB} – дефицит торгового баланса;

Y – реальный ВВП;

L – уровень занятости населения;

Inc – доходы населения;

S – сбережения;

Inv – инвестиции;

T – налоговые поступления в бюджет.

При $M_p < 1$ происходит косвенное субсидирование экспорта за счет дополнительных расходов, которые несут импортеры, вынужденные приобретать фактически подорожавшую иностранную валюту. Однако юридически такой способ государственной поддержки национального экспорта не влечет за собой применения антидемпинговых санкций со стороны стран-импортеров.

Укажем также, что через некоторое время (продолжительность лага зависит от эластичности спроса на импортные товары и многих других факторов) по мере роста ВВП и денежных доходов населения прежний уровень импорта может быть восстановлен и даже превзойден.

Отметим, что описываемая выражением (2.18) зависимость исходит из допущения *ceteris paribus* («при прочих равных условиях»), когда все другие не менее значимые факторы (социально-политическая стабильность в стране и др.), кроме рассматриваемых, остаются неизменными.

Предлагаемая методика анализа влияния различий в темпах изменений обменного курса национальной валюты и уровня цен в стране на рентабельность экспорта дает возможность более точно выбирать оптимальные для народного хозяйства параметры монетарного регулирования при планировании антиинфляционной денежно-кредитной политики на кратко- и среднесрочный период.

После принятия обязательств по конвертируемости национальных валют по текущим операциям в соответствии со ст. VIII Устава МВФ [81, с. 45] в постсоциалистических и постсоветских странах ЧЭС множественные курсы были унифицированы и начался переход к установлению цены иностранной валюты рыночным путем на основе соотношения спроса и предложения.

В 1995–1996 гг. в Азербайджане, Албании, Армении, Болгарии, Молдове, Румынии и Украине был избран независимо плавающий ва-

лютный курс, а в Грузии и России – управляемо плавающий валютный курс (так же регулировался и курс драхмы в Греции до перехода на евро). Для предотвращения резких курсовых колебаний в ряде стран (Россия, Украина и др.) на определенный период вводился валютный коридор с достаточно широкими границами, в пределах которых допускались изменения курса валюты, что предоставляло правительству и Центральному (Национальному) Банку свободу маневра в макроэкономической сфере [81, с. 51–56].

Наличие устойчивой корреляции между официально объявленными параметрами валютного коридора и реальным индексом инфляции в конце периода его действия позволяло также более достоверно прогнозировать экономическую эффективность прямых иностранных инвестиций [168].

Процессы экспорта и импорта взаимосвязаны, и создание льготных условий для экспортеров может препятствовать росту импорта. Между тем для экономического развития странам ЧЭС необходимо увеличивать импорт современных технологий и оборудования, что требует плавной ревальвации национальных денежных единиц, соответствующей темпу роста реального ВВП. Ревальвация способствует также снижению номинальной стоимости обслуживания внешнего долга (в национальной валюте), повышению инвестиционного рейтинга и увеличению рыночной капитализации экономики.

Прекращение использования внешних заимствований для поддержки искусственно завышенных в предшествующий период курсов национальных валют, а также влияние финансовых кризисов 1997 г. в Юго-Восточной Азии и 1998 г. в России обусловили в 1999 г. фактическую девальвацию во всех странах ЧЭС с переходной экономикой, причем рост курса доллара США опережал рост цен ($M_{P 1999} < M_{P 1998}$).

Девальвация способствовала росту экспорта, сокращению импорта, улучшению торгового баланса и повышению конкурентоспособности продукции национальной легкой промышленности, аграрного сектора и ряда других отраслей на внутреннем рынке.

В 2000 г. впервые с начала рыночной трансформации во всех странах ЧЭС с переходной экономикой был зафиксирован рост ВВП, причем в Албании, Азербайджане, Армении, Болгарии, России и Украине годовые темпы прироста ВВП более чем вдвое превысили среднемировой показатель [67].

Сопоставим темпы изменения ВВП и объемов экспорта и импорта с изменениями темпов инфляции и курсов валют. Поскольку во

всех странах ЧЭС денежные реформы были завершены лишь в 1996 г. (после введения в Украине гривны), за начало отсчета примем 1997 г.

Как показано в табл. 2.3, уже в 2000 г. в странах ЧЭС, кроме Украины и России, отклонения от равновесного значения M_p не превышали 8%.

Таблица 2.3

Прирост ВВП и отношение индексов инфляции и девальвации M_p в странах ЧЭС с переходной экономикой в 1998–2000 гг.

Страна	Прирост (спад) ВВП, % к предыдущему году			Коэффициент M_p *		
	1998	1999	2000	1998	1999	2000
Азербайджан	10,0	7,4	11,1	1,07	0,89	1,04
Албания	8,0	7,3	7,8	1,24	1,12	0,95
Армения	7,2	3,3	6,0	1,08	0,94	0,98
Болгария	3,5	2,4	5,8	1,18	0,99	0,92
Грузия	2,9	3,0	1,8	0,97	0,77	1,03
Молдова	-6,5	-3,4	1,9	0,85	0,72	1,08
Россия	-4,9	5,4	8,3	0,68	0,64	1,20
Румыния	-4,9	-2,3	1,6	1,36	0,85	1,03
Украина	-1,9	-0,2	5,8	0,79	0,73	0,84

Примечание. Вычисления выполнены по формуле (2.6) по изменениям дефлятора ВВП и официальных курсов валют относительно доллара США.

Рассчитано по источнику [130].

Следует ожидать, что более либеральная валютная политика, проводимая с 2000 г., приведет к выравниванию темпов изменения курсов валют и внутренних цен. В Украине этому препятствует недостаточная развитость банковской системы (в 2007 г. уставный капитал всех украинских коммерческих банков не достиг и 25% ВВП, что на порядок ниже, чем в странах ЦВЕ, ставших новыми членами ЕС) и высокая степень долларизации экономики, превысившая после августа 1998 г. 40% [156, р. 26].

В 2000 г. в странах ЧЭС с переходной экономикой темпы роста экспорта превысили темпы роста ВВП, что также явилось непосредственным следствием девальвации (табл. 2.4). Отметим, что подобное использование девальвационного ресурса применимо лишь для преодоления глубокого спада ВВП, носит кратковременный характер и не может служить инструментом длительного экономического роста.

Таблица 2.4

**Динамика импорта и экспорта товаров и услуг
в странах ЧЭС с переходной экономикой в 1998–2000 гг.**

Страна	Прирост (спад), % к предыдущему году					
	Импорт			Экспорт		
	1998	1999	2000	1998	1999	2000
Азербайджан	15,4	-20,9	5,5	-12,2	26,9	67,3
Албания	20,1	31,1	5,3	20,9	48,6	19,0
Армения	-0,4	-8,1	22,0*	8,2	6,4	25,0*
Болгария	-0,2	8,5	16,7	-11,6	-3,8	20,6
Грузия	5,0	-12,3	11,3	6,7	2,6	54,5
Молдова	-13,7	-39,1	27,2	-25,5	-24,0	4,2
Россия	18,0	-29,4	17,6	-14,7	-3,3	35,9
Румыния	3,6	-11,3	23,6	-4,4	3,6	22,9
Украина	-14,0	-19,1	18,9	-13,4	-7,9	15,1

Примечание. Без учета внешней торговли услугами.
Рассчитано по источнику [130].

Проанализируем влияние различий в темпах инфляции и девальвации на коэффициент покрытия импорта экспортом в торговле Греции с Украиной в 1995–2001 гг. (до перехода Греции на евро). Как видно из табл. 2.5, условия торговли улучшались в той стране, где отставание темпов роста внутренних цен от темпов роста курса иностранной валюты превышало аналогичный показатель в стране – торговом партнере.

Построим по данным табл. 2.5 график влияния темпов относительной девальвации на коэффициент покрытия импорта экспортом в странах – торговых партнерах.

Как показано на рис. 2.5, существует близкая к обратно пропорциональной зависимость между коэффициентом покрытия и отношением темпов инфляции и девальвации. В 1995–2001 гг. коэффициент покрытия греческого импорта экспортом в Украину увеличивался при уменьшении отношения $M_{P \text{ Гр}} / M_{P \text{ Укр}}$ и снижался при его возрастании. Значения отношений $M_{P \text{ Гр}} / M_{P \text{ Укр}}$, рассчитанные по номинальным и реальным курсам, существенно отличаются, однако, характер этой зависимости остается неизменным.

Таблица 2.5.

**Товарооборот Греции с Украиной
и отношение индексов инфляции и девальвации в 1995–2001 гг.**

Год	ЭКЮ/евро, млн		Коеф. покры- тия $K =$ Exp/Imp	Индекс инфляции к индексу деваль- вации (номиналь- ный курс)*		Отношение $M_{P\text{ГР}}/M_{P\text{УКР}}$	
	Экс- порт, Exp	Им- порт, Imp		в Ук- раине $M_{P\text{УКР}}$	в Гре- ции $M_{P\text{ГР}}$	по ном. курсу	по реал. курсу
1995	78,9	66,9	1,18	0,56	1,05	1,88	3,03
1996	110,8	58,2	1,90	1,16	1,08	0,93	1,84
1997	115,3	51,7	2,23	1,21	1,03	0,85	1,05
1998	75,2	58,9	1,28	0,92	0,97	1,05	0,97
1999	43,3	72,7	0,60	0,76	1,04	1,37	1,36
2000	45,0	133,8	0,34	1,10	0,99	0,85	0,90
2001	51,4	174,1	0,30	1,02	1,03	1,01	1,21

Примечание. Вычисления выполнены по формуле (2.6) по изменениям дефлятора ВВП и официальных курсов валют относительно доллара США.

Рассчитано по источникам [14; 130; 156; 169].

Рис. 2.5. Динамика коэффициента покрытия импорта экспортом в торговле Греции с Украиной в 1995–2001 гг.

Механизм экономических связей с мировым хозяйством в социалистических странах Причерноморского бассейна до начала рыночной трансформации представлял собой комплекс административных форм организации, инструментов и методов регулирования международного обмена результатами национально обособленного производства, практически не связанного с производством в западных странах – партнерах по внешней торговле. Этот механизм в условиях государственной монополии внешней торговли, директивных методов планирования и централизованного управления экономикой не влиял на повышение эффективности и формирование национальной стоимости общественного труда и не препятствовал сохранению уравнилельно-распределительной системы заработной платы.

Принципиальное изменение экономической политики и либерализация внешней торговли при переходе к рыночным отношениям обусловили переориентацию производителей торгуемых товаров на внешние рынки, что при одновременном падении внутреннего спроса на составлявшие большую часть ВВП неторгуемые товары и услуги было одной из причин длительного экономического спада и обострения социальных проблем в постсоциалистических и постсоветских странах ЧЭС. По мере углубления реформ и предоставления субъектам хозяйствования права выхода на внешний рынок увеличивались масштабы межстранового сотрудничества, что изменило характер взаимодействия между национальным производством и международным обменом. Внутри ранее единого национального экономического комплекса возник дисбаланс между уровнями доходов предприятий, выпускающих конкурентоспособную на внешнем рынке продукцию, и подавляющим большинством производителей неторгуемых товаров и услуг. В странах с переходной экономикой одним из следствий этого дисбаланса стало углубление несоответствия между номинальным курсом национальной валюты – важнейшего звена, связывающего народнохозяйственный комплекс с мировой экономикой, и реальной покупательной способностью свободно конвертируемых валют.

Денежно-кредитная политика постсоциалистических и постсоветских стран ЧЭС в последние годы претерпела существенные изменения, поскольку субъективно установленные цены труда и неторгуемых товаров и услуг не соответствовали требованиям мирового рынка, на котором происходит объективное саморегулирование пропорций международного экономического обмена на основе стоимости товаров и услуг, складывающейся под воздействием интернационали-

зации всей совокупности структурных звеньев рыночных отношений (цена производства, товарная форма продукта труда и пр.). Постепенный отказ от административного регулирования и переход к рыночным методам установления курсов валют благоприятно сказались на росте экспорта и ВВП. Однако возникшие в условиях централизованного планирования экономики диспропорции между национальной и интернациональной ценой производства и соответственно стоимостью товаров и услуг по-прежнему сохраняются, что препятствует тождественному пропорциональному товарообмену при использовании твердых валют в качестве интернационального стоимостного эквивалента («мировых денег»).

На покупательной способности твердых валют в странах ЧЭС с переходной экономикой продолжает сказываться и многолетнее несоответствие между темпами изменения официальных обменных курсов, инфляции и прироста ВВП. Отношение реальной покупательной способности доллара в данной стране F_{PPP} к покупательной способности доллара в США в странах ЧЭС, за исключением Албании, Армении и Болгарии, в течение 1996–2005 гг. было в два-три раза выше, чем в Греции, и до 2000 г. имело тенденцию к увеличению. Особенно возросла покупательная способность доллара США в России и в Украине после кризиса рубля в августе 1998 г. и последовавшей после этого девальвации гривны в Украине, экономика которой тесно связана с российской. С 2000 г. с началом динамичного роста ВВП во всех странах ЧЭС с переходной экономикой имело место укрепление национальных валют (табл. 2.6).

Поскольку интернациональная стоимость как экономическая форма разрешения противоречий между национальным и интернациональным общественным трудом в структурно целостной системе мирового хозяйства приоритетна по отношению к национальной стоимости, очевидно, что более чем двухкратный разрыв между национальной F_{PPP} и интернациональной покупательной способностью доллара США свидетельствует о необходимости глубокого структурного реформирования экономики и повышения эффективности общественного труда во всех постсоциалистических и постсоветских странах ЧЭС. В то же время высокие значения отношения F_{PPP} свидетельствуют о целесообразности иностранного инвестирования в производство трудоемких экспортных товаров в этих странах. С другой стороны, рассматривая интернациональную и национальные стоимости как общее и особенное, можно констатировать существование в рам-

Таблица 2.6.

**Изменение покупательной способности \$PPP
доллара США в странах ЧЭС в 1996–2005 гг.**

Страна	\$PPP						Прирост \$PPP, %	
	1996	1999	2000	2003	2004	2005	2000/ 1996	2005/ 2000
Азербайджан	3,002	4,222	4,525	4,173	4,032	3,944	50,7	-12,8
Албания	...	3,324	3,227	2,701	2,438	2,101	-2,9 *	-34,9
Армения	5,024	4,510	4,942	3,968	3,813	3,442	-1,6	-30,4
Болгария	3,927	3,561	3,662	3,573	2,872	2,501	-6,7	-31,7
Греция	1,063	1,240	1,416	1,452	1,325	1,201	33,2	-15,2
Грузия	2,353	5,816	4,186	3,060	2,817	2,422	77,9	-42,1
Молдова	3,538	6,373	5,600	2,966	2,718	2,443	58,3	-56,4
Россия	1,432	2,793	4,837	3,418	2,821	2,386	237,8	-50,7
Румыния	2,949	3,715	3,820	3,091	2,805	2,334	29,5	-38,9
Турция	2,065	2,112	2,275	2,398	2,048	1,788	10,2	-21,4
Украина	2,571	4,189	5,300	5,577	4,960	4,421	106,1	-16,6

Примечание: Прирост по сравнению с 1999 г.

Рассчитано по источникам [66; 67; 76; 84; 170; 171 (tables 1)].

ках ЧЭС особенной региональной интернациональной стоимости, которая объективно способствует глобальному экономическому развитию за счет влияния более дешевых товаров и услуг, экспортируемых постсоциалистическими и постсоветскими странами ЧЭС и Турцией, на сдерживание роста мировых цен.

Для теории и практики международных экономических отношений представляет интерес исследование такой особенности экономик стран СНГ и ЧЭС, а также Турции, находящихся на этапе интенсивной структурной перестройки производственной базы, как динамичный рост ВВП при достаточно высокой по меркам развитых стран инфляции, что опровергает представления классических теорий об однозначно негативном воздействии роста цен на ВВП [13, с. 163–173; 109, с. 102–120; 135, с. 307–308, с. 373–374].

В 1998–2005 гг. в постсоциалистических и постсоветских странах ЧЭС и СНГ годовой прирост ВВП на 4% и более имел место при годовых темпах роста индекса потребительских цен (ИПЦ) на уровне 15–55%, в то время как в постиндустриальных странах рост ИПЦ более чем на 5% всегда приводил к сокращению совокупного спроса, стагнации или спаду ВВП.

В постсоветских странах ЧЭС не наблюдалась также и прямая зависимость между снижением цен и экономической динамикой. При дефляции 0,8% в Азербайджане (в 1998 г.) и в Армении (в 2000 г.) темпы прироста ВВП возросли почти вдвое по сравнению с предшествующими годами, в то время как дефляция на 0,6% в Украине в 2002 г. сопровождалась почти двукратным снижением темпов прироста ВВП по сравнению с 2001 г. [172, pp. 129–135].

В постсоциалистических и постсоветских странах ЧЭС благодаря многократному снижению годовых темпов эмиссии наличных денег и роста денежной массы, введению принудительной продажи экспортерами валюты Национальным (Центральным) Банкам по заниженному обменному курсу, ограничению уровня рентабельности и другим мерам административного характера было достигнуто снижение годовых темпов прироста ИПЦ (в%) с гиперинфляционных трех-пятизначных показателей в начале 1990 гг. до одно-двухзначных в конце десятилетия [130, p. 2; 156, p. 16].

Снижению инфляции способствовало и повышение степени монетизации экономики с 18–20% ВВП в начале 1990-х гг. до 35–40% ВВП в 2000 г. Однако ВВП на первом этапе рыночной трансформации по сравнению с дореформенным 1989 г. значительно уменьшился (на 25–35% в Болгарии и Румынии, на 40–45% в Албании и России, на 60–65% в Азербайджане, Армении и в Украине, на 70–75% в Грузии и Молдове) [139, p. 155].

К концу 1990-х гг. трансформационный спад ВВП в странах ЧЭС был преодолен, чему способствовали практически полная отмена лицензирования и квотирования по основным направлениям ВЭД, уменьшение доли государственного сектора в экономике, сокращение бюджетных расходов на субсидирование сельского хозяйства и отмена налоговых льгот для экспортоориентированных отраслей (горно-металлургический комплекс, добыча нефти и газа и др.).

В 1998–2003 гг. валюты всех стран ЧЭС, кроме Албании, были девальвированы, что способствовало усилению защиты национальных производителей от внешней конкуренции, увеличению объемов

экспорта, снижению расходов бюджета на обслуживание внутреннего государственного долга и росту ВВП.

Украина в 2000–2004 гг. вошла в число десяти наиболее динамично развивающихся экономик мира, достигнув среднегодовых темпов прироста ВВП 8,6%. Украинская экономика за годы рыночных реформ значительно повысила уровень интегрированности в систему мирохозяйственных связей и стала одной из самых открытых в Европе. Экспортная квота во внешней торговле товарами и услугами (в долях ВВП) увеличилась с 28% в 1990 г. до 61% в 2004 г., а импортная квота за тот же период – с 27% до 54% [130, р. 1; 171, pp. 297–300].

Однако чрезмерное ослабление валют в Турции, России, Румынии, Молдове и Украине, в течение 1998–2003 гг. девальвированных относительно доллара США соответственно на 890, 429, 326, 231 и 212%, наряду с ростом экспортных поступлений иностранной валюты привело к резкому увеличению денежной массы в обращении, что снизило эффективность монетарных методов обеспечения стабильности цен [130]. Именно в этих странах, а также в Сербии и Черногории в 1998–2005 гг. имели место наибольшие темпы инфляции. Тем не менее, в 2000–2005 гг. темпы прироста ВВП в постсоциалистических странах ЧЭС значительно превысили среднемировые показатели (рис. 2.6).

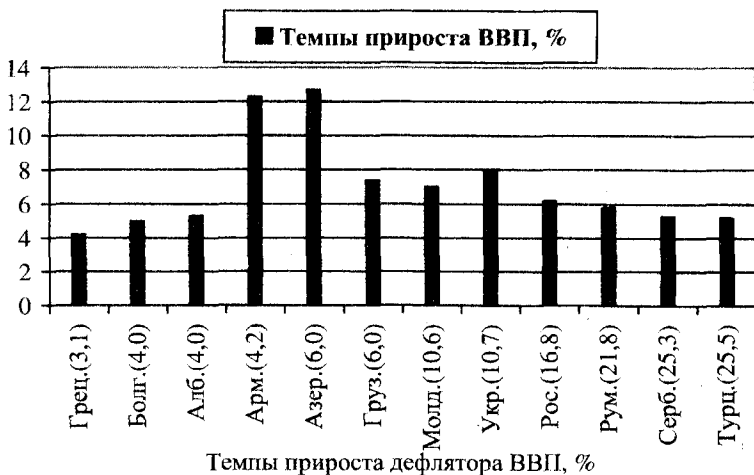

Рис. 2.6. Среднегодовые темпы инфляции и роста ВВП в странах ЧЭС в 2000–2005 гг.

Воздействие изменений курсов валют на ВВП, стабильность внутренних цен и баланс внешней торговли достаточно полно изучены применительно к США и другим рыночным экономикам «классического» типа. Менее исследованы особенности определения оптимальных обменных курсов в постсоветских переходных экономиках, о чем свидетельствуют частые изменения практики валютного регулирования в Украине, России и других странах СНГ [13, pp. 726–746; 81, с. 234–273, 315–349; 135, pp. 408–425; 138, с. 65–81].

На первом этапе рыночных реформ в Украине политика «дешевого доллара» при множественности обменных курсов ставила импортеров и экспортеров в неравные условия, искажала относительные цены на торгуемые и неторгуемые товары и услуги, препятствовала рациональному использованию экономических ресурсов и привела к глубокому спаду производства и гиперинфляции. В течение 1993 г. ВВП уменьшился на 40%, а индекс потребительских цен (ИПЦ) вырос с 2100% до 10256%. Более чем трехкратно повысился уровень долларизации экономики – с 15,8% в 1992 г. до 56% в 1994 г. [156, pp. 12–30].

О. Белорус и другие украинские ученые отмечали, что в подобных условиях национальная валюта перестает быть средством эквивалентной взаимоконвертации продукции в процессах современного специализированного труда; искажается или утрачивается свойство денег служить ориентирующим, ускоряющим и регулятивно-управленческим фактором в социально-экономическом комплексе страны [113, с. 439–453, с. 652].

Резкое сокращение темпов прироста денежной массы позволило снизить годовые темпы прироста ИПЦ (декабрь к декабрю) с четырех- и пятизначных в 1992–1993 гг. до дву- и однозначных в 1996–2005 гг.

Подавление гиперинфляции создавало предпосылки для перехода экономики к фазе воспроизводственного роста. Одним из необходимых условий для этого было снижение реального курса гривны для защиты внутреннего рынка, стимуляции экспорта и улучшения торгового баланса, поскольку в 1992–1995 гг. при росте ИПЦ в 2585 раз карбованец был девальвирован только в 708 раз. Однако при увеличении ИПЦ в 1996 г. на 39,7% курс гривны по отношению к доллару США снизился на 24,2%, в силу чего ее фактическая ревальвация составила 15,5%, что способствовало росту импорта потребительских товаров и продовольствия и дальнейшему снижению ВВП [156, p. 16, p. 30].

Как видно из табл. 2.7, трансформационный спад в Украине прекратился только в 1999 г., когда объем ВВП уменьшился до 36,5% от уровня 1989 г. Экономический подъем сопровождался увеличением реальных доходов. При росте цен в 2000–2004 гг. в 1,61 раза ВНД на душу населения (по паритету покупательной способности) увеличился в 1,82 раза – с \$3438 в 2000 г. до \$6250 в 2004 г. [84, р. 233; 171, р. 293].

Таблица 2.7

**Динамика макроэкономических показателей в Украине
в 1996–2006 гг.**

Год	Темпы прироста, %			Средняя зарплата, грн	Учетная ставка НБУ, %	Курс доллара, грн	Экспорт (fob), \$ млрд	Импорт (cif), \$ млрд
	ВВП	ИПЦ	Ден. масса					
1996	-10,0	39,7	35	125,8	62,3	1,8295	15547	19843
1997	-3,0	10,1	34	143,1	24,6	1,8617	15418	19623
1998	-1,9	20,0	25	153,5	61,6	2,4495	13699	16283
1999	-0,2	19,2	41	177,5	50,0	4,1304	13189	12945
2000	5,9	25,8	45	230,1	30,6	5,4402	15722	14943
2001	9,2	6,1	42	311,1	19,7	5,3721	17091	16893
2002	5,2	-0,6	42	376,4	7,0	5,3266	18669	17959
2003	9,6	8,2	47	462,3	7,0	5,3327	21225	20029
2004	12,1	12,3	32	589,6	9,0	5,3192	33432	29691
2005	2,6	10,3	47	806,2	9,5	5,1006	34263	36113
2006	7,1	11,6	35	1041,5	9,0	5,0500	38408	44997

Источники: [130; 156].

Следует отметить, что в постгиперинфляционный период максимальные темпы роста ВВП в Украине имели место при достаточно высоких темпах инфляции и девальвации. Напротив, дефляция в 2002 г. и незначительные (на 1,25% и 4,11%) ревальвации гривны в 2001 г. и в 2005 г. повлекли за собой существенное замедление экономической динамики. Это подтверждает выдвинутую в начале 1990-х гг. гипотезу М. Бруно о депрессивном влиянии ревальвации на ВВП стран с переходной экономикой [145].

В постсоветских странах ЧЭС при фактически монопольном или олигопольном ценообразовании на рынках энергоносителей, черных и

цветных металлов, зерна, сахара, грузовых и пассажирских перевозок, строительства и пр.) уменьшение производственных издержек не сопровождается адекватным снижением цен, а вхождение новых производителей товаров и услуг на внутренний рынок затрудняется коррупцией и длительностью бюрократических процедур [67, pp. 1–5, pp. 52–59, p. 86, pp. 246–249; 113, с. 420–424]. Высокой инфляции способствует и труднодоступность коммерческих кредитов. В 2005 г. уровень кредитования экономики национальным банковским сектором (в долях ВВП) составил от 7,2% в Армении до 25,0% в Украине по сравнению с 54,6% в Турции и 78,6% в Греции при среднемировом показателе 145,5% [66, pp. 296–297].

Вышеперечисленные факторы существенно снижают эффективность применения монетарных инструментов для сдерживания инфляции. Как видно из табл. 2.7, устойчивая корреляция между темпами предложения денег и инфляцией, характерная для развитых экономик, в Украине в 1996–2006 гг. была гораздо менее выраженной или вообще отсутствовала. Так, замедление темпов прироста денежной массы с 47% в 2003 г. до 32% в 2004 г. сопровождалось не уменьшением, а увеличением темпов прироста ИПЦ с 8,2 до 12,3%. В отличие от стран зоны евро или США, в которых для удержания инфляции в пределах 2–3% достаточно повышения учетной ставки Европейского Центрального Банка или ФРС на 0,25–0,5% в год, в Украине гораздо более масштабные изменения учетной ставки НБУ не приводили к адекватным изменениям темпов инфляции (рис. 2.7).

Максимальные темпы прироста ВВП в рассматриваемый период в Украине были достигнуты в 2003 г. (9,6%) и в 2004 г. (12,1%) при инфляции соответственно 8,2 и 12,3%.

Следует отметить, что аналогичные соотношения между инфляцией и ВВП характерны не только для переходных, но и для рыночных экономик. В Греции, Испании и Португалии в ходе интенсивной структурной трансформации экономик, связанной со вступлением этих стран в ЕС, среднегодовые темпы прироста номинального ВВП в 1981–1990 гг. составили 12,7; 21,2 и 20,3% при инфляции соответственно 9,3; 17,3 и 19,0%, причем для защиты внутреннего рынка и стимулирования экспорта национальные валюты за это время были девальвированы относительно ЭКЮ – греческая драхма на 239%, испанская песета на 30% и португальский эскудо на 161% [14, pp. 172–173, pp. 208–209, pp. 268–269].

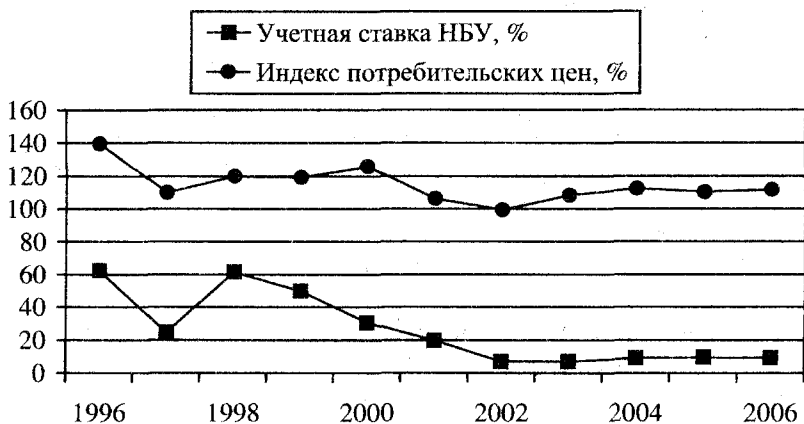

Рис. 2.7. Динамика индекса потребительских цен и учетной ставки Национального Банка Украины в 1996–2006 гг.

В динамично развивающихся экономиках Вьетнама и Китая в 1990–1999 гг. при инфляции 16,8 и 8,2% темпы прироста ВВП достигли 8,1 и 10,7%, а в России, Беларуси и Таджикистане в 2000–2004 гг. составили соответственно 6,1; 6,7 и 9,9% при инфляции 15,8; 41,7 и 23,8% [76, pp. 294–295; 171, pp. 296–297].

Таким образом, можно констатировать, что в период быстрых изменений структуры национальной экономики двузначная инфляция, оставаясь в целом негативным явлением, перестает быть фактором, оказывающим наибольшее депрессивное воздействие на рост ВВП.

Главная задача денежно-кредитной и курсовой политики состоит в обеспечении устойчивого развития экономики, достижении полной занятости и повышении доходов населения, поэтому сама по себе стабильность цен или обменного курса не может быть целью правительства.

Чрезмерное подавление инфляции, как правило, приводит к замедлению темпов роста ВВП, а затем и к спаду, о чем свидетельствует опыт не только развивающихся и переходных, но и наиболее развитых экономик мира. В 2000–2004 гг. в США и Великобритании при инфляции 1,9 и 3,0% темпы роста ВВП составили 2,6 и 2,2%, в то время как в Германии снижение инфляции до 1,2% привело к замед-

лению роста ВВП до 0,5%, а в Японии при дефляции 1,9% темпы роста снизились до 1,3% (при спаде в 2001–2002 гг. на 0,7%) [171, pp. 296–297].

Вышеприведенный анализ практики валютного регулирования на этапе воспроизводственного роста в Украине показывает, что использование таких монетарных и курсовых инструментов, как уменьшение денежной массы и ревальвация гривны, способно снизить двузначную инфляцию в годовом исчислении на два – три процента, однако, без адекватных регулятивных и фискальных мер для стимулирования роста ВВП приводит к существенному замедлению экономической динамики.

Девальвации карбованца и гривны в 1994–2000 гг. способствовали развитию импортозамещающих производств, однако, в то же время привели к повышению доли низкотехнологичных отраслей в ВВП и формированию в стране экономически бесперспективной модели экспортрасширяющего роста.

В настоящее время большая часть ВВП в Украине создается на предприятиях третьего (горно-металлургический комплекс, химическая, легкая и пищевая промышленность) и в меньшей степени четвертого (атомная энергетика, производство ракетно-космической техники, самолетостроение, машиностроение, приборостроение, судостроение) технологических укладов, в то время как основу постиндустриальных экономик ЕС, США, Японии и других развитых стран составляют предприятия пятого (информационно-коммуникационные системы) и шестого (нано- и биотехнологии) технологических укладов.

По мере роста мировых цен на энергоносители все большая часть поступлений валюты в стране расходуется на импорт природного газа и нефти для производства основных экспортных товаров – черных металлов и химической продукции. Очевидно, что повышение конкурентоспособности и снижение импортозависимости на основе принципиального изменения существующей энергоемкой и материалоемкой производственной базы, отказ от модели экспортрасширяющего роста и обеспечение приоритетного развития внутреннего рынка являются первостепенными задачами украинской экономики, решение которых невозможно без значительного увеличения объемов экспорта как основного источника валюты для импорта ресурсосберегающего промышленного оборудования и других инвестиционных товаров.

Девальвации карбованца и гривны стимулировали экспорт и неизменно сопровождались улучшением платежного баланса, независи-

мо от колебаний чистых товарных условий торговли – от 121 в 1994 г. до 84 в 1999 г. и до 113 в 2004 г. Однако структура внешней торговли Украины в течение 1994–2004 гг. существенно ухудшилась. В экспорте доля черных и цветных металлов увеличилась с 28 до 39%, доля машин и оборудования уменьшилась с 20 до 16%, причем доля высокотехнологичных изделий в общем объеме экспорта обработанных товаров снизилась до 5%. В импорте доля продовольственных товаров увеличилась с 3,6 до 6,4%, в то время как доля машин, оборудования и других инвестиционных товаров возросла лишь с 16 до 18% [130].

Отметим, что увеличение профицита платежного баланса за счет роста экспорта сырья и продукции с низкой добавленной стоимостью без эквивалентного роста импорта современных технологий и оборудования фактически означает инвестирование украинских материальных и трудовых ресурсов в зарубежную экономику в ущерб развитию собственного рынка.

После масштабных девальваций гривны объемы экспорта товаров и услуг значительно превысили объемы импорта, что дало возможность увеличить золотовалютные резервы (ЗВР) НБУ с \$1,069 млрд в 1995 г. до \$15,011 млрд в 2005 г. [130].

Динамичному росту экономики Украины в 2000–2004 гг. способствовала не только благоприятная конъюнктура мировых рынков, но и относительная стабильность обменного курса, установившегося рыночным путем на уровне 5,32–5,44 грн/долл. Напротив, ревальвация гривны 21 апреля 2005 г. на 2,7% с одновременным переходом НБУ к фиксированному курсу 5,05 грн/долл. нарушила баланс интересов импортеров и экспортеров и стала наряду со снижением цен на основные товары украинского экспорта одной из причин резкого снижения темпов роста ВВП – с 12,1% в 2004 г. до 2,6% в 2005 г.

Необходимость значительного увеличения импорта машин и оборудования для модернизации производственной базы требует ревальвации гривны. Объем накопленных ЗВР позволяет НБУ путем валютных интервенций установить в настоящее время практически любое значение обменного курса гривны в диапазоне от 4 до 6 грн/долл. Однако после вступления в ВТО и устранения протекционистских импортных пошлин девальвация останется едва ли не единственным инструментом эффективного противодействия росту импорта товаров, конкурирующих с товарами национального производства. В этом случае для стимулирования модернизации экономики негативное воздействие девальвации может быть компенсировано предоставлением

льготного таможенного режима для инвестиционных товаров и введением налоговых каникул для импортозамещающих и инновационных производств.

Недостаточно высокий уровень развития валютно-финансовой системы в Украине по-прежнему требует оперативного вмешательства НБУ в процесс курсообразования рыночным путем (валютные интервенции, изменение норм резервирования валюты для коммерческих банков и т. д.), для чего необходимо заранее оценить воздействие планируемых изменений обменного курса на баланс внешней торговли.

Эластичность спроса на импорт в Украине невысока, поскольку основу импорта составляют природный газ, нефтепродукты и другие товары, критически необходимые для функционирования национальной экономики. В то же время на мировом рынке спрос на товары украинского экспорта – черные металлы, минеральные удобрения и сельхозпродукты достаточно эластичен, и согласно условию Маршалла – Лернера обесценивание национальной валюты должно приводить через некоторое время (продолжительность лага от 3 до 12 месяцев) к улучшению торгового баланса [81, с. 71–74].

Как видно из рис. 2.8, в течение всего периода 1996–2006 гг. изменения сальдо баланса внешней торговли товарами в Украине происходили в соответствии с этим условием. Так, за счет экспортостимулирующего воздействия масштабных девальваций гривны (на 31,6% в 1998 г. и на 68,6% в 1999 г.) баланс внешней торговли товарами в 1999 г. впервые за годы независимости был сведен с положительным сальдо. Напротив, даже незначительные ревальвации гривны (на 1,25% в 2001 г. и на 4,11% в 2005 г.) повлекли за собой существенное ухудшение торгового баланса.

Анализ взаимосвязей между коэффициентами покрытия импорта экспортом и отношениями индексов инфляции к индексам девальвации, вычисленными по данным табл. 2.7 по формулам (2.4) и (2.5), также подтверждает условие Маршалла–Лернера.

Как видно из рис. 2.9, в постгиперинфляционный период превышение темпов девальвации гривны над темпами инфляции в Украине сопровождалось увеличением коэффициента $K_{ЭИ}$, причем использование девальвационного ресурса для стимулирования экспорта было наиболее эффективным, когда темпы девальвации существенно опережали темпы инфляции ($M_p < 1$).

Рис. 2.8. Торговый баланс и курс доллара США к гривне в 1996–2006 гг.

Рис. 2.9. Отношение темпов инфляции и девальвации и коэффициент покрытия импорта экспортом в Украине в 1996–2006 гг.

(по данным табл. 2.7)

Как известно из теории макроэкономического регулирования, для достижения определенного количества экономических целей необходимо использовать такое же или большее количество инструментов (Правило Тинбергена), однако при фиксированном валютном курсе страна с открытой экономикой практически полностью лишается денежных инструментов внешнеэкономической политики, и регулирование может осуществляться только бюджетными методами [81, с. 340].

В этой связи представляется целесообразным возврат НБУ к оправдавшему себя на практике как в Украине, так и в большинстве развивающихся и переходных экономик более эффективному режиму управляемого плавания в пределах «валютного коридора» с достаточно широкими (3–5%) границами.

Так, в Аргентине, где темпы снижения ВВП в 2000–2004 гг. составили 0,1%, отказ от фиксированной привязки песо к доллару США способствовал быстрому преодолению экономического кризиса и стал одним из факторов ускорения темпов роста ВВП до 9,1% в 2005 г. [66, р. 294; 171, р. 296].

Кроме того, предстоящее вступление Украины в ВТО потребует снятия ограничений на свободное перемещение капитала, в том числе и путем перехода к свободной конвертируемости гривны, что возможно достичь лишь на основе полной либерализации курсообразования.

Анализируя влияние инфляции на рост ВВП в странах ЧЭС, следует отметить, что в 1998–2005 гг. самые высокие темпы экономического развития были достигнуты при различных для каждой страны темпах инфляции. В Азербайджане и Албании наибольший прирост ВВП был при максимальном за рассматриваемый период ИПЦ, сочетание максимальных темпов роста ВВП с минимальной инфляцией отмечено в Румынии, в остальных странах наивысшие темпы роста ВВП имели место при средних (для данной страны) темпах инфляции.

Взаимосвязи между ВВП и ИПЦ могут быть представлены однофакторной зависимостью, что является очевидным упрощением, однако, дает наглядное представление о возможностях и границах эффективного применения монетаристских и административных методов регулирования экономики и особенностях влияния инфляции на экономический рост в данной стране (рис. 2.10).

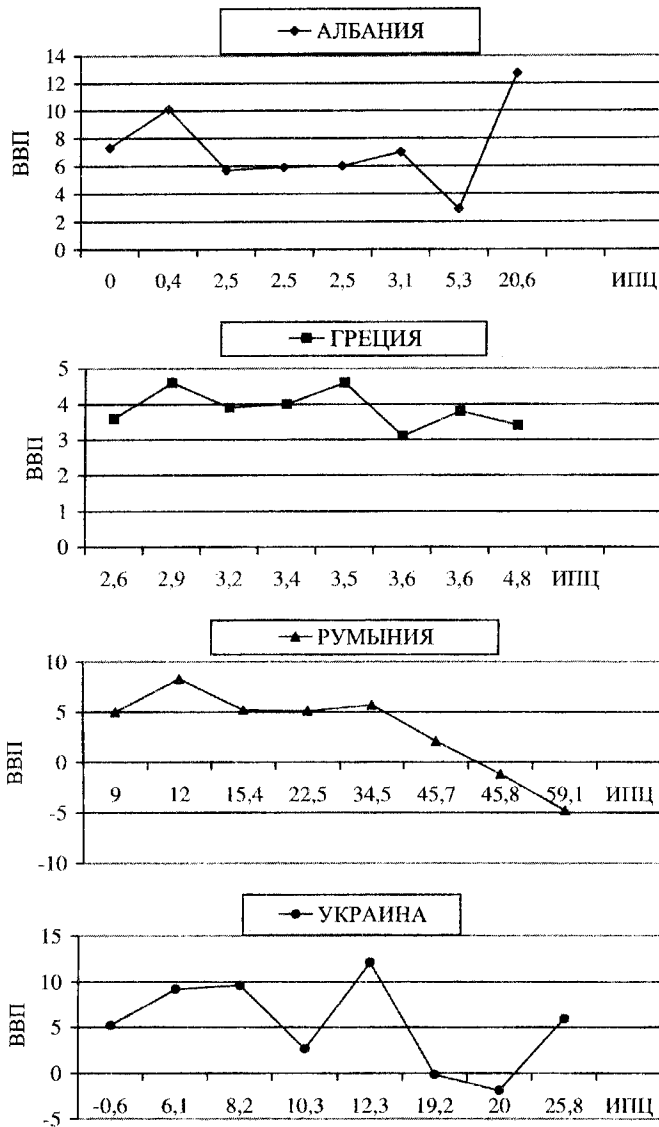

Рис. 2.10. Годовые темпы (%) прироста ИПЦ и ВВП в Албании, Греции, Румынии и Украине в 1998–2005 гг.

Следует отметить и такую особенность экономик постсоциалистических стран ЧЭС, как отсутствие прямой корреляции между темпами роста средней заработной платы и темпами роста потребительских цен.

Так, в Украине прирост заработной платы на 29,6% в 2000 г. и на 35,2% в 2001 г. сопровождался снижением темпов прироста ИПЦ с 25,8% в 2000 г. до 6,1 и -0,6% в 2001 г. и в 2002 г. Благодаря увеличению покупательной способности и росту внутреннего потребления масштабные повышения заработной платы и в последующие годы способствовали росту ВВП, не приводя к всплеску инфляции (рис. 2.11).

Рис. 2.11. Годовые темпы прироста ИПЦ и средней номинальной заработной платы в Украине в 1997–2006 гг.

Характерной особенностью экономик Украины, России и других постсоветских стран ЧЭС, в которых объем товарно-денежных потоков в неформальном, или «теневом» секторе сопоставим с величиной ВВП, учитываемого официальной статистикой, является сочетание ориентированной на экспорт структуры производства с административным вмешательством в экономические процессы, нестабильностью инвестиционного и налогового законодательства, низким уровнем монетизации и рыночной капитализации экономики, а также неразвитостью страховых и фондовых институтов. В таких условиях применение только монетарных инструментов замедления инфляции недостаточно эффективно, поскольку чрезмерное сокращение денеж-

ной массы создает искусственный дефицит предложения денег, лишает предприятия оборотных средств и приводит к уменьшению объемов выпуска продукции, а недоступность долгосрочных банковских кредитов препятствует технологической модернизации производства, что может вызвать снижение темпов роста ВВП, если не будут проведены институциональные реформы, направленные на обеспечение равных правил конкуренции для всех субъектов хозяйствования и рыночное перераспределение ресурсов в наиболее динамично развивающиеся отрасли.

Анализ взаимосвязей между темпами роста ВВП и ИПЦ позволяет прийти к заключению, что высокая по меркам развитых стран инфляция (8–10% в год) в переходной экономике на этапе интенсивной структурной трансформации при росте потребительского спроса объективно неизбежна для выравнивания диспропорций в относительных ценах, сложившихся между отраслями в дореформенный период, а также является следствием стремления субъектов хозяйствования минимизировать риски предпринимательской деятельности в реальных условиях несовершенной конкуренции. При этом для каждой экономики на данном этапе ее развития существует определенный «коридор инфляции» с достаточно широкими границами, выход за пределы которых приводит к тому, что общая сумма издержек при реализации политики стабилизации цен превышает инфляционные потери от замедления роста ВВП. Параметры такого «коридора» в разных странах существенно отличаются, что обусловлено объективными различиями в структурах национальных экономик.

2.3. Особенности обеспечения динамического равновесия между общими и национальными интересами стран ЕС

Анализ развития ЕС показывает, что положительное воздействие региональной интеграции на рост экономик отдельных стран и объединения в целом носит характер системного эффекта. Это не означает гарантированного автоматического распределения прироста ВВП или дополнительных доходов от расширения торговли между всеми членами ЕС. Как правило, большую выгоду как от статических, так и от динамических эффектов интеграции на первых этапах получают самые развитые страны объединения, однако, в условиях глобализации интеграция является для менее развитых участников едва ли не единственным способом, позволяющим по крайней мере не понизить достигнутый уровень социально-экономического развития, что практически неизбежно при сохранении изоляционистской модели экономики.

Интернационализация производства и рост взаимозависимости экономик интегрирующихся стран привели к ослаблению возможности государства влиять на ход экономических и социальных процессов, что потребовало пересмотра некоторых считавшихся ранее неизблемыми атрибутов суверенитета. В ЕС после достижения самого высокого среди всех интеграционных объединений уровня развития ведущим типом экономической практики стало финансово-правовое регулирование основных видов хозяйственной деятельности наднациональными органами. Принимая полномочия, делегируемые государствами – членами ЕС, наднациональные органы фактически ограничивают суверенитет в тех сферах, где сохранение только национального управления может препятствовать повышению экономической эффективности всего объединения. С другой стороны, в ЕС возникла опасность использования преобладающих голосов крупных государств для первоочередного решения их внутренних проблем без учета интересов всего Союза, что могло нарушить равновесие между общими интересами ЕС и сепаратными интересами отдельных регионов и стран. Все более актуальным становилось расширение полномочий местного самоуправления, особенно в экономически отсталых

регионах и в местах компактного проживания национальных или конфессиональных меньшинств.

В 1960-х гг. обострение этнических конфликтов в депрессивных регионах Бельгии привело к эскалации валлонского и фламандского сепаратизма, что угрожало распадом страны на два независимых государства – франкоязычную Валлонию и голландскоязычную Фландрию. Административное разделение страны в 1970 г. на валлонские и фламандские регионы и столицу предотвратило дезинтеграцию Бельгии, а законодательное закрепление в 1989 г. за этими регионами, а также немецкими, фламандскими и французскими общинами автономных прав и полномочий по управлению и финансированию в области образования, здравоохранения, общественных работ и других социально-культурных сферах способствует снижению остроты межэтнических конфликтов. Потребовалось свыше тридцати лет, чтобы унитарная Бельгия в соответствии с измененной в 1993 г. Конституцией стала федерацией региональных сообществ Валлонии и Фландрии и отдельного столичного округа Брюссель.

Ключевые принципы «бельгийской модели», предусматривающие расширение прав национальных общин вплоть до автономизации в рамках единого государства, были использованы и в других странах ЕС для предотвращения сепаратизма в «проблемных» регионах (Каталония в Испании, Корсика во Франции и др.). Политика ЕС по отношению к таким регионам направлена на интенсификацию их финансово-экономической и общественно-политической интеграции в Союз при сохранении национальной идентичности и защите культурного наследия.

Хотя все большее ограничение суверенитета любой страны ЕС при делегировании части своих полномочий наднациональным органам управления при вступлении в интеграционное объединение является объективно неизбежным, в малых странах ЕС по мере углубления интеграции стали распространяться опасения утраты национальной идентичности, а также политической и экономической независимости в случае полной передачи Союзу суверенных прав в таких ключевых сферах, как оборона и финансы. Показательным в этом отношении был результат референдума по ратификации Маастрихтского Договора в Дании, когда 2 июня 1992 г. 50,7% избирателей проголосовали против, выразив несогласие с расширением полномочий и сферы деятельности наднациональных институтов ЕС в ущерб национальному суверенитету. Для сохранения целостности ЕС и обеспечения равновесия между общими интересами членов интеграционного

объединения и сепаратными интересами отдельных стран Европейский Совет в Эдинбурге в декабре 1992 г. принял решение об институциональном реформировании ЕС. Отныне каждая страна ЕС могла рассчитывать на предоставление ей особых «прав на выход» («opt-outs») из общих договорных обязательств. В частности, Совет предоставил Дании особые условия членства, признав за ней право не участвовать в совместных военных акциях ЕС, не входить в валютный союз, а также не вводить единое гражданство ЕС. Совет подтвердил право каждого государства-члена ЕС на проведение собственной политики в сфере налогообложения, охраны окружающей среды и социального обеспечения. Эдинбургский компромисс способствовал преодолению институционального кризиса в ЕС, и на повторном референдуме 18 мая 1993 г. в Дании за ратификацию Маастрихтского Договора было подано 56,8% голосов [4, pp. 225–226, p. 258].

Укрепление политической стабильности ЕС способствовало созданию институциональных основ для проведения согласованной экономической политики, образования единого внутреннего рынка, осуществления практически полной либерализации большинства отраслей промышленности и энергетики, ранее регулируемых централизованно, и обеспечения открытых конкурентных условий для всех субъектов хозяйствования. Сочетание стратегии монетарной стабилизации и жесткой бюджетной политики, сопровождаемое адекватным ростом заработной платы, обеспечило условия для введения в большинстве стран ЕС–15 единой валюты «евро».

Тем не менее в конце 1990-х гг. в ЕС вновь стали проявляться тенденции спада и отставания от США по основным экономическим показателям. Европейская Комиссия в 2000 г. указала на «ключевые вызовы», адекватные ответы на которые будут определять перспективы лидерства ЕС в мировой экономике в XXI веке: обеспечение полной занятости; переход к наукоемкой экономике; преодоление негативных последствий старения населения и упрочение социального единства [14, p. 12].

Не умаляя значения названных Комиссией факторов, добавим, что росту экономики ЕС препятствуют также усиление зависимости от импорта энергоносителей, чрезмерные бюджетные расходы на социальную сферу и высокий уровень банковских процентных ставок, негативно влияющий на инвестиции в реальный сектор. На наш взгляд, снижение темпов роста ВВП ЕС по сравнению с темпами роста главных торговых конкурентов и одновременно партнеров ЕС – США и Японии было обусловлено такими взаимосвязанными факто-

рами, как недостаточное финансирование научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР), гипертрофированный аграрный протекционизм и отставание в структурной и технологической модернизации производственной базы.

Проанализируем влияние указанных факторов на обеспечение баланса между общими интересами ЕС и сепаратными интересами отдельных стран.

Если в США с 1977 г. расходы на НИОКР ежегодно составляли не менее 3,7% ВВП, то в ЕС их доля, достигнув в 1990 г. максимума в 2,03% ВВП, затем постоянно уменьшалась, снизившись до 1,88% в 1998 г. [7, р. 308; 13, с. 390]. С учетом разницы в численности населения, в конечном итоге в США затраты на НИОКР в расчете на одного жителя почти в 2,5 раза превышали аналогичный показатель в ЕС. Недостаточное финансирование НИОКР было одной из причин эмиграции научно-технических работников и других высококвалифицированных специалистов из европейских стран в США. Указанные факторы привели к углублению технологического отставания от США и Японии, и с 1996 г. разрыв между ЕС и США по такому важнейшему показателю эффективности общественного труда, как ВВП на одного работающего, перестал сокращаться [14, р. 181].

Реформированию производственной базы в странах ЕС препятствуют как разные уровни развития интегрирующихся экономик, так и несовпадение общих стратегических интересов интеграционного объединения в целом и тактических сепаратных интересов некоторых его участников, что наиболее предметно проявляется в продолжении принятой в 1960-х гг. политики аграрного протекционизма в принципиально изменившихся современных условиях.

На поддержку аграрного сектора в странах ЕС через Европейский Фонд Ориентации и Гарантий Сельского Хозяйства (European Agriculture Guidance and Guarantee Fund) расходовалось свыше половины сводного бюджета Союза. Огромные масштабы субсидирования (с 1995 г. прямые дотации производителям зерна, сахара, мяса, молока и других продуктов питания ежегодно превышают 40 млрд ЭКЮ/евро) позволяют фермерам ЕС устанавливать цены на продовольствие на 25–30% ниже мировых, что делает сельскохозяйственную продукцию из развивающихся и постсоциалистических стран неконкурентоспособной на рынке ЕС [4, р. 21; 75, р. 25].

Отметим, что такое искусственное повышение конкурентоспособности аграрного сектора ЕС способствует консервации его струк-

турной отсталости. С другой стороны, удешевление продовольствия в странах ЕС является кажущимся, поскольку косвенно оплачено потребителями в виде налогов, большая часть которых направляется на субсидирование сельхозпроизводителей. Сохранение неизменной системы субсидирования не только привело в ЕС к перепроизводству аграрной продукции, сопровождаемому ухудшением качества сельскохозяйственных угодий и другими неблагоприятными экологическими последствиями, но и стало препятствием для развития других секторов экономики [90, р. 24].

Необходимость интенсификации НИОКР и проведения согласованной инновационной политики в странах ЕС способствовала созданию в 1985 г. Европейского Агентства Координации Исследований (Eureka). Обеспечение конкурентоспособности промышленности на длительную перспективу на основе разработки наукоемких технологий было определено как одна из важнейших целей ЕС и в Маастрихтском Договоре 1992 г. [22, Articles 41(a), 130f–130p]. Теоретические исследования прикладного характера и конструкторские инновационные разработки в странах ЕС финансируются из бюджетов Агентства Eureka, программ Европейского Исследовательского Пространства (ERA), Объединенного Исследовательского Центра Евратома (JRC), специальных программ по созданию информационных технологий (JESSI), нетрадиционным источникам энергии (JOULE) и др. Реализация проектов осуществляется только частными структурами, а на их разработку можно получить грант в размере до 50% стоимости проекта [4, р. 228].

Вместе с тем доля расходов на субсидирование аграрного сектора, несмотря на постоянное снижение (с 65% в 1988 г. до 49% в 2001 г.), оставалась неоправданно большой, и на финансирование НИОКР ежегодно выделялось менее 4% средств из общего бюджета ЕС [4, pp. 193–195; pp. 236–237; 75, р. 25]. В 2001 г. объем субсидий и дотаций аграрному сектору ЕС достиг €103,9 млрд по сравнению с €54,7 млрд в США. Столь нерациональное распределение расходов привело к заметному отставанию ЕС от США и Японии по основным показателям инновационного уровня развития экономики. Об этом свидетельствует сравнение численности ученых и инженеров, занятых в НИОКР, а также доли изделий высоких технологий в экспорте промышленных товаров в странах ЕС, Японии и США (табл. 2.8).

Таблица 2.8

**Показатели
инновационного уровня развития
экономики членов ЕС, стран-кандидатов,
государств ЧЭС, США и Японии
в 1997–2003 гг.**

Страна	К-во ученых и инженеров в НИОКР ¹ (на млн чел.)	Количество патентов ²		Доля изделий высоких технологий в экспорте товаров в 2003 г., %
		резидентов	нерезидентов	
1	2	3	4	5
Европейский Союз				
Австрия	1627	2681	108543	10,1
Бельгия ³	2272	1687	84958	6,4
Великобритания	2448	26591	121618	20,3
Германия	2831	62052	113543	13,4
Греция	773	53	82390	7,0
Дания	3259	2658	106403	13,2
Ирландия	2319	946	82484	29,2
Испания	1305	2856	110911	5,4
Италия	2574	2574	88836	7,0
Нидерланды	2219	5227	85402	22,0
Португалия	1182	92	106595	7,7
Финляндия	2799	4061	105376	20,2
Франция	2659	18669	93962	15,4
Швеция	3826	7893	107107	12,2
ЕС-15	2381	138040	–	–

Продолжение таблицы 2.8

Страна	К-во ученых и инженеров в НИОКР ¹ (на млн чел.)	Количество патентов ²		Доля изделий высоких технологий в экспорте товаров в 2003 г., %
		резидентов	нерезидентов	
1	2	3	4	5
Страны-кандидаты в ЕС⁴				
Болгария	1747	400	27600	2,6
Венгрия	1099	774	29331	22,6
Латвия	1049	163	26860	2,4
Литва	2028	125	26673	3,2
Польша	1358	2401	30137	2,4
Румыния	1387	1709	27346	3,2
Словакия	1866	234	27793	3,5
Словения	2251	285	27162	5,4
Турция	291	233	27985	1,6
Чехия	1222	601	29976	11,7
Эстония	2017	18	26626	9,0
Государства ЧЭС (без Греции и стран-кандидатов в ЕС)				
Азербайджан	2791	...	24308	0,1
Албания	...	...	26005	0,8
Армения	1485	63	25059	0,6
Грузия	...	265	26561	7,4
Молдова	330	295	25030	0,9
Россия	3587	15277	32943	4,0
Украина	2171	4692	28036	3,4
Страны – лидеры экспорта высокотехнологичных товаров				
США	3676	12588	110884	24,8
Япония	4909	351487	66487	22,3
Весь мир	...	798007	3602785	13,9

Примечания: 1. Среднегодовое количество специалистов за период 1987–1997 гг.

2. Все патенты с 1977 г. по 1997 г. Данные по патентам нерезидентов в странах интеграционных объединений во избежание двойного счета не суммируются.

3. Включая Люксембург.

4. Без Кипра и Мальты.

Рассчитано по источникам [76, pp. 310–311; 171, pp. 298–299].

Если в Японии за декаду 1987–1997 гг. ученые и инженеры в НИОКР составляли 0,91% от общего количества занятых, а в США 0,69%, то в ЕС этот показатель не превысил 0,49% [14, pp. 160–165; 77, pp. 266–267].

В половине стран ЕС–15 относительное количество специалистов в сфере НИОКР и доля высокотехнологичных изделий в экспорте были в два раза меньше, чем в Японии и США. За небольшими исключениями, страны ЕС, особенно Греция, Португалия и Ирландия, также заметно отставали от Японии и США и по степени патентной независимости.

Мировой опыт (США, Германия, Южная Корея, Япония и др.) показывает, что принципиальная структурная трансформация народнохозяйственного комплекса и технологическое обновление производственной базы являются мультипликаторами экономического роста страны в течение 25–30 лет. За это время инновационные технологии успевают распространиться на десятки других стран, и лидерам мировой экономики для обеспечения прежних темпов прироста ВВП и сохранения конкурентоспособности на международных рынках требуется вновь перестраивать производственную базу в соответствии с последними достижениями науки и техники.

Ускоренное создание постиндустриальной производственной базы стало для всех стран ЕС безальтернативным путем развития при сохранении социальной ориентации экономики, что обусловило увеличение с 2000 г. расходов на проведение НИОКР до 2,5% ВВП ЕС.

Металлургические концерны Германии, Италии, Нидерландов и Франции заключили соглашения о рационализации производства, предусматривающие возможность оптимального использования оборудования и незагруженных мощностей предприятия-кооперанта другими участниками соглашения, что повысило конкурентоспособность стального проката и заготовок за счет снижения издержек при увеличении масштабов производства [174, с. 447–450].

Закрытие в странах ЕС металлургических заводов, не соответствовавших возросшим экологическим требованиям, наряду с уменьшением спроса на черные металлы на мировых рынках в 2001 г. привело к сокращению выпуска стали и проката в Ирландии (на 58,3%), Португалии (28,7%), Великобритании (9,7%), Франции (7,7%) и Бельгии (7,3%) [175]. Рациональное нераспределение ассортимента выпускаемой продукции между оставшимися предприятиями способствовало увеличению загруженности и сокращению производственных

и управленческих издержек. Слияние металлургического концерна «Arbed» (Люксембург), занимавшего десятое место в списке крупнейших мировых производителей стали, с французскими компаниями «Sasilor» и «Usinor» и испанской компанией «Acelaria» позволило новой ТНК «Arcelor» с годовым объемом производства 42,8 млн тонн возглавить этот список. Структурное реформирование и технологическое обновление черной металлургии ЕС обусловили повышение конкурентоспособности европейской стали и проката на рынке США, где большинство металлургических предприятий не реконструировалось с 1970-х гг., что не позволяет снизить производственные издержки (до 40% себестоимости проката в США составляют зарплата и энергоресурсы) и обеспечить требуемую конкурентоспособность американской металлопродукции на внутреннем рынке. Для предотвращения кризисного падения объемов производства стали и проката США в марте 2002 г. практически закрыли свой рынок для иностранной металлопродукции высокой степени обработки, в том числе из Германии, Нидерландов и Франции, что повлекло за собой повышение цен на сталь сначала на внутреннем американском рынке, а затем и на мировом. ЕС в определенной степени компенсировал часть своих потерь от снижения экспорта стали в США за счет введения протекционистских ограничений на импорт черных металлов из России, Украины и других стран, принудительно стимулируя таким образом спрос на собственную металлопродукцию.

Несмотря на «особые отношения», Великобритания осудила введение США заградительных импортных пошлин на стальную прокат из Германии, Нидерландов и Франции, поскольку в силу «эффекта домино» уменьшение экспорта на американский рынок неминуемо приводит к сокращению доходов не только этих трех членов ЕС, но и всего Сообщества, включая и Великобританию, непосредственно на которую данные ограничения не распространяются. Подтвердился неизменный принцип британской внешней политики, известный по классической формулировке лорда Г. Дж. Палмерстона: «У Британии нет вечных союзников и вечных врагов, есть только вечные интересы», и традиционно проамериканская позиция Великобритании, тем не менее, не исключает возникновения время от времени британско-американских «торговых войн» (в качестве примера можно привести борьбу за раздел мирового рынка пассажирских авиаперевозок).

Страны ЕС, объединенные стремлением к укреплению энергетической безопасности, разделяет выбор многими из них несовмести-

мых стратегий достижения этой цели. Принципы энергетической политики Сообщества в общих чертах были институционально закреплены еще в Договоре о создании ЕОУС (угольная энергетика) и Римских Договорах 1957 г. о создании Евратома (ядерная энергетика) и образовании ЕЭС (остальные направления развития энергетического сектора).

Со второй половины 1960-х гг. в энергетическом балансе западно-европейских стран стала быстро расти доля нефти, в основном, за счет дешевого импорта из ближневосточных государств. В 1973 г. нефть обеспечивала 67% всего энергопотребления ЕЭС, и свыше 80% нефти импортировалось [4, р. 86]. Четырехкратное повышение мировых цен на нефть в 1973 г. вызвало резкий спад ВВП ЕЭС, что показало чрезвычайно высокую степень зависимости экономики большинства европейских стран от импортных энергоносителей. Для укрепления экономической безопасности индустриальные страны ОЭСР в 1974 г. учредили Международное Энергетическое Агентство – МЭА, одной из приоритетных задач которого было эффективное противодействие дальнейшему повышению цен на нефть картелем ОПЕК [4, р. 88].

Для предотвращения кризисных ситуаций в экономике при возможном возникновении затруднений с импортом энергоносителей из отличающегося нестабильностью региона Персидского залива страны-участницы МЭА начали создавать стратегические запасы нефти и нефтепродуктов. Первоначально Комиссия ЕЭС предложила довести объем таких запасов до уровня 90-дневной потребности в импорте. В 2002 г. объем стратегических запасов нефти и нефтепродуктов в ЕС превысил 500 млн тонн (114-дневная потребность) и предполагается дальнейшее увеличение запасов нефти и нефтепродуктов до 120-дневной потребности, а также создание стратегических запасов природного газа в объеме 60-дневной потребности в импорте. Это повысит степень энергетической безопасности ЕС и позволит предотвращать резкое повышение цен на нефть и газ путем интервенций части стратегических запасов на рынок энергоносителей.

Каждая страна ЕЭС в 1970-х гг. была поставлена перед необходимостью разработки принципиально новой стратегии развития национальной энергетики с учетом наиболее эффективного использования собственных ресурсов и приоритетного развития энергосберегающих технологий. Вначале основной упор был сделан на строительстве атомных электростанций для производства электроэнергии.

К середине 1980-х гг. работа 145 ядерных реакторов обеспечивала треть потребляемой в ЕЭС электроэнергии, а в настоящее время доля атомных станций (АЭС) в производстве электроэнергии составляет от 4% в Нидерландах до 82% во Франции. Нефтяной кризис 1973–1974 гг. придал сильный импульс развитию энергосбережения, и за двадцать пять лет в ЕС более чем вдвое уменьшилась энергоемкость ВВП, достигнув к 2000 г. одного из самых низких в мире показателей (160 кг энергоносителей в нефтяном эквиваленте на €1000 ВВП). Строительство атомных электростанций, использование возобновляемых источников энергии и развитие энергосберегающих технологий позволило снизить нефтяную составляющую в суммарном потреблении энергии в ЕС с 67% в 1973 г. до 44% в 1994 г. Хотя удельный ВВП на единицу использованной энергии (PPP\$ на кг нефтяного эквивалента) во всех странах ЕС–15 увеличился (от 3,2 в Финляндии до 7,3 в Италии), зависимость большинства стран от импортных энергоносителей продолжала возрастать и в 1990-х гг. Доля импорта в обеспечении энергопотребления снизилась только в Великобритании (страна стала крупным нетто-экспортером после освоения нефтегазовых месторождений в Северном море), Дании, Италии, Финляндии, Франции и Швеции. Кроме того, в Германии, Нидерландах и Испании годовые темпы прироста импорта энергоносителей превышали темпы прироста энергетической эффективности ВВП [76, р. 292–293].

В настоящее время свыше 80% потребляемой в странах ЕС нефти и 35% природного газа импортируется, причем две трети нефти поставляется из стран ОПЕК, а основным экспортером газа является одна страна – Россия. Ожидается, что в ближайшее десятилетие объемы импорта этих энергоносителей в ЕС будут возрастать по мере исчерпания запасов месторождений в британском секторе Северного моря [4, р. 86–89].

ЕС не зависит от внешних источников снабжения только в атомной, гидро-, ветро-, солнечной и геотермальной энергетике, однако, эти отрасли с середины 1990-х гг. покрывают только 16% энергетических потребностей Союза, причем возобновляемые источники наиболее активно осваиваются в малых странах ЕС (в 2002–2006 гг. в Дании 17% электроэнергии было выработано на ветроустановках).

Разработка месторождений каменного угля в странах ЕС в настоящее время экономически невыгодна, поскольку его импорт из Австралии, ЮАР и других стран обходится дешевле. К тому же, использование нефти и газа для получения энергии предпочтительнее из

экологических соображений, чем сжигание угля, приводящее к большему загрязнению атмосферы парниковыми газами, хотя стоимость импортного угля в пересчете на эквивалентное топливо в 2,2–2,8 раза меньше стоимости газа или нефти.

Хотя во многих странах ЕС–15 уже реализованы принятые в 1980–1990 гг. долгосрочные программы сокращения добычи угля или ликвидации национальной угольной промышленности (полностью прекращена подземная добыча в Бельгии и Франции), стратегия ЕС предусматривает в качестве одного из важных элементов энергетической безопасности продолжение субсидирования работающих шахт по крайней мере до 2010 г. (здесь немалую роль играет обеспечение занятости и сохранение социальной стабильности в угледобывающих регионах) и поддержание закрываемых шахт в состоянии эксплуатационной готовности. В целом ликвидация убыточной угольной отрасли и переход на импорт всего энергетического и металлургического угля запланированы в ЕС на 2030 г. [110].

После крупнейшей в истории техногенной аварии на Чернобыльской АЭС в Украине Италия закрыла все свои АЭС, а в Западной Европе не было построено ни одного атомного реактора. С приходом в 1998 г. представителей «зеленых» партий и движений к власти в Германии было принято политическое решение о закрытии всех девятнадцати АЭС в течение 30 лет. Отказываются от атомной энергетики Австрия и Дания. В то же время не менее влиятельные сторонники «мирного атома» (прежде всего, во Франции, где 59 ядерных реакторов вырабатывают свыше 80% электроэнергии) по-прежнему считают, что только дальнейшее развитие атомной энергетики способно обеспечить подлинную независимость национальной экономики от диктата мирового рынка нефти и газа.

Маастрихтский Договор ЕС регламентировал правила конкуренции, торговые и технические стандарты, квоты и лимиты цен, порядок предоставления инвестиционных кредитов и субсидий и другие экономические и правовые вопросы только применительно к угольной и ядерной энергетике. В нефтегазовом секторе и в электроэнергетике для утверждения обязательных для всех стран ЕС правовых документов требовалось согласование предлагаемых Европейской Комиссией проектов в Совете ЕС и Европейском Парламенте [4, р. 88].

Необходимость проведения единой энергетической политики, в наибольшей степени соответствующей зачастую несовпадающим экономическим интересам всех стран континента, обусловила разра-

ботку Европейской Энергетической Хартии – кодекса принципов, целей и путей достижения панъевропейского сотрудничества в энергетической сфере. Подписание Хартии состоялось 17 декабря 1994 г. в Лиссабоне. Приоритетными направлениями сотрудничества 51 страны были определены укрепление безопасности источников энергообеспечения, поддержка единого европейского энергетического рынка и защита окружающей среды [4, р. 230].

Европейская Комиссия, начиная с 1994 г., выделила значительные средства (2,256 млрд ЭКЮ на 1994–1998 гг.) для финансирования программ энергосбережения, внедрения возобновляемых источников энергии и разработку экологически чистых технологий. Для стимулирования развития ветроэнергетики и других направлений использования возобновляемых источников энергии было предусмотрено повышение отпускных тарифов для производителей экологически чистой электроэнергии по сравнению с тарифами тепловой электроэнергетики, а также создан компенсационный механизм для субсидирования потребителей. В декабре 1994 г. Европейский Совет одобрил программу развития трансъевропейских энергетических сетей, и в частности, расширения линий газо- и электроснабжения между странами-членами ЕС и их основными поставщиками. Важной частью новой стратегии является завершение формирования единого внутреннего энергетического рынка ЕС с целью создания конкурентной среды и либерализации цен на все виды энергоносителей.

Как показала практика электроэнергетического рынка ЕС в 1990-х гг., модель индивидуальных контрактов между генерирующими компаниями, дистрибьюторами и конечными потребителями, получившая распространение в Великобритании и скандинавских странах ЕС, способствует формированию объективных рыночных цен электроэнергии для всех категорий потребителей, от населения до энергоемких промышленных предприятий, в то время как модель монополизированной оптовой торговли ведет к завышению цен. Либерализация рынка природного газа ЕС, на котором используются нерыночные методы регулирования цен в силу объективно обусловленных ограниченных возможностей выбора потребителями поставщиков, требует создания разветвленной сети газопроводов, соединяющих страны ЕС с новыми перспективными газодобывающими регионами на Ближнем Востоке, в Северной Африке и в Центральной Азии. Диверсификация источников поставок не только повысит энергетическую безопасность

ЕС, но и будет способствовать снижению цен и тарифов на природный газ.

Разный уровень использования углеводородных энергоносителей в странах ЕС препятствует внесению необходимых изменений в налоговое законодательство Союза, что замедляет формирование общего энергетического рынка. Из-за различной степени ответственности стран ЕС за выбросы в атмосферу антропогенных парниковых газов был отвергнут план введения единого экологического налога на выбросы, предложенный Европейской Комиссией [4, р. 89].

Общей для всех стран ЕС является проблема нелегальной иммиграции, сопряженная не только с дестабилизацией легального рынка труда, но и с ростом преступности. После подписания в 1995 г. Шенгенского Соглашения был отменен контроль при пересечении гражданами Бельгии, Германии, Люксембурга, Нидерландов, Испании, Португалии и Франции границ между этими странами ЕС. Позже к Соглашению присоединились Австрия, Греция и Италия, а Великобритания, Дания, Ирландия, Финляндия и Швеция до сих пор не являются его участниками [4, р. 243].

Отказ от упрощения визового режима во многом обусловлен тем, что с начала 1990-х гг. резкое ухудшение экономического положения в большинстве постсоциалистических и развивающихся стран стало причиной быстрого роста иммиграции в Европу, причем наибольшее число нелегальных иммигрантов зафиксировано в странах шенгенской группы. Дания, где стандарты социального обеспечения являются самыми высокими в ЕС, приняла также закон, в соответствии с которым нелегальным иммигрантам не будет предоставляться социальная помощь в течение семи лет после въезда в страну.

Неодинаковый характер демографических и иммиграционных процессов в странах ЕС-15 обусловил их разделение в конце XX века на трудodefицитные и трудоизбыточные. К первым относятся Великобритания, Греция, Дания, Ирландия, Нидерланды и Швеция, где уровень безработицы близок к естественному, а в остальных девяти странах ЕС обеспечение занятости относится к числу наиболее острых проблем. Восстановление экономики после Второй Мировой войны и начавшийся в 1960-х гг. быстрый рост производства требовали использования всех имеющихся в западноевропейских странах трудовых ресурсов. Неравномерность экономического развития в пятнадцати государствах, впоследствии образовавших ЕС, обусловила различную продолжительность периода достижения в них мини-

мального уровня безработицы, определяемого объективно неизбежными явлениями естественной «фрикционной» и структурной безработицы [13, с. 157].

Потребность в рабочей силе была одной из причин массовой легальной иммиграции из развивающихся стран в Западную Европу. Миллионы иммигрантов из стран Британского Содружества, бывших французских, бельгийских и голландских колоний, Турции и других стран Азии ежегодно пополняли рынок труда Великобритании, Франции, Бельгии, Нидерландов, Германии и других западноевропейских государств. Нефтяной кризис 1973–1974 гг. оказал двойственное воздействие на экономику индустриальных стран. Быстрое развитие энерго- и трудосберегающих технологий способствовало повышению экономической эффективности производства и росту ВВП, с другой стороны, стала обостряться проблема безработицы. Если за десятилетие 1961–1970 гг. усредненный уровень безработицы (в% от численности рабочей силы в гражданском секторе экономики) в пятнадцати странах, вошедших впоследствии в ЕС, составил всего лишь 2,2%, то после 1974 г. в течение двадцати пяти лет этот показатель неуклонно увеличивался, достигнув уровня 4,0; 8,9 и 9,9% соответственно в 1971–1980, 1981–1990 и 1991–2000 гг. [7, p. 165].

Интересы сохранения стабильности в странах ЕЭС в условиях роста безработицы требовали проведения единой политики в сфере занятости и социального обеспечения на основе укрепления «социального измерения» Общего рынка. Кроме того, такая политика должна была способствовать углублению интеграции и превращению ЕЭС не только в экономический, но и в «социальный союз». Основным правовым документом для разработки и реализации единой социальной политики стала «Хартия фундаментальных социальных прав трудящихся Сообщества», утвержденная Европейским Советом в декабре 1989 г. (Великобритания проголосовала против) [4, p. 206]. Декларируемые в Хартии принципы расширения «социального измерения» интеграции, проведения «социального диалога» и укрепления «социального партнерства» между работодателями и наемными работниками впоследствии были зафиксированы в Маастрихтском и Амстердамском Договорах Европейского Союза.

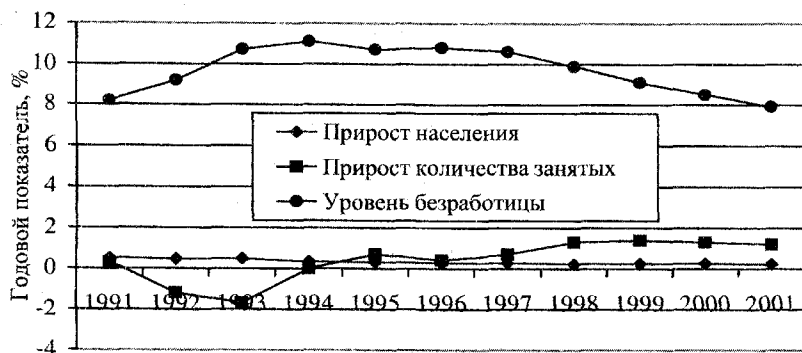
С начала 1990-х гг. в странах ЕС стала возрастать доля нетрудоспособного населения. Показатель возрастной зависимости, определяемый как отношение количества нетрудоспособных (возрастные группы 0–14 лет и 65 лет и старше) к численности всего трудоспособ-

ного населения (возрастная группа 15–64 года), в 2000 г. превысил 52%, причем количество лиц в возрасте 65 лет и старше составило 27% численности трудоспособных [7, р. 55]. Доля расходов на социальные нужды (образование, здравоохранение, пенсионное обеспечение и пр.) в среднем по ЕС составляла в 1993 г. 27,52% ВВП, однако, в Греции и Португалии этот показатель был намного ниже, (соответственно 15,48 и 17,33%), а в Нидерландах и Дании – существенно выше (32,12 и 32,31%) [4, р. 205].

Подписание в 1996 г. в Дублине Пакта Стабилизации и Развития Экономического и Валютного Союза способствовало росту ВВП и увеличению налоговых поступлений, что привело к сокращению бюджетного дефицита в большинстве стран ЕС. Сократился и выпуск государственных облигаций, продажа которых населению обеспечивала привлечение средств, необходимых для финансирования дефицита бюджета. Значительная доля частных сбережений, прежде вкладываемых в государственные ценные бумаги, стала инвестироваться непосредственно в производство, что также способствовало устойчивому экономическому росту ЕС–15 (с годовым темпом прироста ВВП не менее 2%). В итоге размер совокупного государственного долга в одиннадцати странах-участницах ЭВС уменьшился с 74,7% ВВП в 1995 г. до 68% ВВП в 2001 г., а в целом по ЕС – соответственно с 72,1 до 62,5% ВВП [14, р. 353]. В свою очередь, сокращение расходов на обслуживание государственного долга позволило компенсировать рост отчислений в пенсионные и социальные фонды, не прибегая к повышению уровня налогообложения и не уменьшая финансирование образования и здравоохранения.

Как видно из рис. 2.12, в целом по ЕС–15 максимальный уровень безработицы 11,1% имел место в 1994 г., что было обусловлено экономическим спадом, вплоть до уменьшения ВВП ЕС на 0,4% в 1993 г.

Старение населения обусловило разработку стратегии ЕС, направленной на обеспечение устойчивости общественных финансов, пенсионную реформу и реформу здравоохранения. Стратегия предусматривает в краткосрочном плане комплекс мероприятий для увеличения поступлений в бюджет за счет роста производительности труда, а также стимулирования занятости, в том числе и путем привлечения к активной деятельности лиц пенсионного возраста, а в долгосрочном плане – продолжение эмиссии государственных облигаций и в случае профицита бюджета, что даст возможность размещать средства от

Рис. 2.12. Динамика уровня безработицы, годового прироста населения и количества занятых в ЕС-15 в 1991–2001 гг.

(графики построены по данным Eurostat).

продажи облигаций на зарубежных и внутренних рынках частных активов для обеспечения прогнозируемого через 10–15 лет увеличения расходов на финансирование пенсионных и социальных фондов при снижении налоговых поступлений вследствие старения населения. Годовые темпы прироста населения ЕС снизились с 0,5% в 1991 г. до 0,22% в 2001 г., что может привести к образованию дефицита рабочей силы в 2010–2015 гг.

Уменьшение безработицы связано с экономическим ростом и укреплением глобальных экономических позиций ЕС, а также становлением евро как второй наряду с долларом США мировой валюты, чему в немалой степени препятствуют сепаратные интересы Великобритании, Дании и Швеции, проявившиеся в их отказе от участия в Валютном Союзе, несмотря на значительно более высокую степень соответствия маастрихтским критериям конвергенции, чем у Греции, Португалии или Испании.

Кроме того, среди достаточно веских причин неприсоединения к валютному союзу стран с низкими темпами инфляции и малыми размерами государственного долга можно выделить их обоснованные опасения, что «усреднение» инфляции в странах – членах Валютного Союза приведет к увеличению темпа роста цен и необходимости брать на себя (в скрытом виде, через существующий в валютном сою-

зе непрямой механизм выравнивания издержек) часть обязательств менее благополучных в экономическом отношении стран. Неучастие в валютном союзе позволяет стране использовать любые инструменты денежно-кредитной политики для регулирования бюджетного дефицита. Так, при вступлении в ЕС в 1995 г. дефицит государственного бюджета Швеции (около 8% ВВП) был одним из самых высоких среди всех пятнадцати государств ЕС, а в 2000 г. страна имела самый большой профицит бюджета – около 4% ВВП.

Отметим, что в краткосрочном плане «валютная самостоятельность» может быть эффективным инструментом экономического развития не только страны в целом, но и ее отдельных регионов. До 1996 г. в двух граничащих с Германией федеральных землях Австрии – Тироле и Форарльберге марка ФРГ имела статус официального платежного средства наравне с австрийским шиллингом, что способствовало быстрому экономическому подъему этих некогда отсталых районов за счет привлечения не только германских туристов, но и вкладчиков, так как в местных банках можно было открыть счет на любую сумму анонимно, без предъявления документов. Австрия, а также Бельгия и Люксембург (40% ВВП Люксембурга составляют доходы банковского сектора) выступают против введения единого налога на все доходы по банковским счетам в пределах ЕС и настаивают на сохранении тайны вкладов. Низкие налоги на доходы по вкладам и гарантируемая конфиденциальность способствуют размещению в банках этих трех стран значительных капиталов, уходящих таким образом от налогообложения в странах происхождения, что приводит к бюджетному дефициту в Германии, Франции и других государствах ЕС. В результате компромисса, достигнутого на саммите ЕС в июне 2000 г., Австрия, Бельгия и Люксембург должны до 2010 г. присоединиться к общей системе ЕС по контролю финансовых операций и обмену банковской информацией.

Введение единой валюты положительно сказалось на состоянии экономики стран зоны евро в долгосрочном плане. Однако неизбежное несовпадение фаз коротких экономических циклов в разных странах, наряду с другими факторами, обусловило различную реакцию потребителей на ожидаемые изменения в соотношениях «доходы – расходы» и привело в одних странах к незапланированно высокой инфляции, а в других – дефляции. В Германии дефляция стала одной из причин углубления рецессии (прирост ВВП в 2002 г. составил лишь 0,45%).

После событий 11 сентября ФРС США, Европейский Центральный Банк и Банк Англии для стимулирования прямых инвестиций снизили в ноябре 2001 г. процентные ставки на 0,5%, установив их соответственно на уровне 2,0; 3,25 и 4,0%. В дальнейшем ФРС США для преодоления спада в экономике и привлечения сбережений населения для инвестирования в производство неоднократно снижала банковскую процентную ставку, доведя ее в ноябре 2002 г. до 1,25% – самого низкого с 1960-х гг. уровня. В то же время удовлетворительное состояние британской экономики (прирост ВВП 1,5% в 2002 г. и 2,6% в 2003 г.) позволило Банку Англии сохранить неизменный уровень процентных ставок.

В Маастрихтском Договоре было закреплено разграничение полномочий между правительствами стран-участниц Экономического и Валютного Союза и Европейским Центральным Банком в сферах бюджетной и денежной политики. Регулирование налогообложения и государственных расходов (в пределах установленных для участников ЭВС границ бюджетного дефицита и темпа инфляции) является прерогативой национального правительства, а единый для всех стран уровень ставок рефинансирования устанавливается исключительно ЕЦБ. Поскольку скорости экономического роста в различных странах ЕС существенно отличаются в силу множества объективно обусловленных факторов, национальные правительства для решения наиболее острых для данных стран проблем (невысокий уровень доходов населения, безработица, дефицит бюджета, стагнация и пр.) в ряде случаев при целенаправленной макроэкономической корректировке сознательно прибегают к отклонениям от маастрихтских критериев.

В соответствии с требованиями Дублинского Пакта Стабилизации и Развития ЭВС, годовой темп инфляции в каждой из входящих в зону евро стран не должен превышать 3%. Однако участие страны в Пакте ограничивает ее возможности предпринимать самостоятельные действия в кредитно-финансовой сфере, что препятствует использованию механизма изменения процентных ставок для повышения уровня потребительского спроса и увеличения объема производства. Поэтому Германия настаивала на значительном снижении процентных ставок для преодоления дефляционных тенденций, в то время как страны с годовой инфляцией более 2% – Португалия, Ирландия, Испания и Финляндия были заинтересованы в их повышении как минимум до уровня 3,5–3,75%, а Италия и Франция требовали сохранения неизменных ставок. В результате ЕЦБ продолжал удерживать про-

центную ставку 3,25%, и, таким образом, национальные интересы отдельных стран воспрепятствовали смягчению общей денежно-кредитной политики, что обнаружило недостаточную в краткосрочном плане гибкость регулирующих механизмов в зоне евро.

Предельный размер дефицита национального бюджета (3%), установленный Дублинским Пактом, в 2002 г. был превышен в Германии (3,8%) и Португалии (3,4%), что могло повлечь финансовые санкции в отношении этих стран, поскольку в соответствии с условиями Пакта на страну-нарушитель должен быть наложен штраф. С учетом особой роли крупнейшей в ЕС германской экономики, такое превышение дефицита бюджета могло ухудшить инвестиционную привлекательность ЕС в целом.

По нашему мнению, чрезмерно жесткие требования Дублинского Пакта, препятствующие даже краткосрочному увеличению дефицита бюджета и государственного долга для проведения неотложных структурных или социальных реформ и стимулирования научных исследований при сохранении темпов роста ВВП, могут привести к ухудшению позиций ряда стран ЕС в конкурентной борьбе с США. Отсутствие в Пакте достаточной гибкости и свободы маневра было одной из причин замедления роста ВВП в 2002 г. в Германии (0,45% – самый низкий показатель среди всех стран ЕС), Италии и Франции и других странах зоны евро (суммарный ВВП в 12 странах увеличился в 2002 г. на 0,8%) и привело к тому, что соблюдать Пакт были готовы только Бельгия, Люксембург, Испания и Финляндия.

Проанализируем некоторые аспекты проблемы несовпадения общих интересов ЕС и сепаратных интересов отдельных стран на примере Ирландии и Финляндии.

Вступление в ЕЭС в 1973 г. открыло для Ирландии выход на крупнейший в Европе рынок товаров и услуг и доступ к финансовым ресурсам из фондов развития Сообщества. За 25 лет с момента вступления страна с населением 4 млн человек получила из структурных и сельскохозяйственных фондов ЕС \$32,2 млрд. В основном эти средства были направлены на финансирование инфраструктурных проектов для реализации инновационной модели развития с опорой на привлечение масштабных прямых иностранных инвестиций для использования социального капитала страны (квалифицированная рабочая сила, высокий уровень образования и пр.), мотивацию повышения производительности труда и совершенствование корпоративного управления. Снижение налогов и упрощение бюрократических процедур при ре-

гистрации иностранных предприятий привели к размещению в стране сотен филиалов ТНК, крупных международных банков и венчурных компаний. Доля филиалов ТНК в производстве товаров высоких технологий в 2005 г. превысила в Ирландии 95%. Иностранные инвестиции сыграли ключевую роль в превращении отсталой аграрно-индустриальной страны в одного из мировых лидеров конкурентоспособности [176; 178].

В 1987 г. правительство и профсоюзы приняли «Программу процветания и справедливости», в соответствии с которой снижение налогов сопровождалось замедлением темпов роста номинальной заработной платы. Это позволило увеличить конкурентоспособность страны на внешних рынках и одновременно повысить реальные доходы населения за счет снижения темпов инфляции. Парадокс («уменьшение темпов роста зарплаты ведет к росту реальных доходов») объясняется, если формализованно представить логику взаимосвязей в следующем виде: «Сдерживание роста номинальной зарплаты → сокращение издержек производства → снижение цены единицы продукции → повышение конкурентоспособности → увеличение объема продаж → увеличение объема выпуска продукции → новое снижение затрат на единицу продукции → новое снижение цены → замедление инфляции → увеличение покупательной способности реальной зарплаты».

Экономическая стратегия Ирландии последнего десятилетия XX века была направлена на либерализацию фискальной политики и повышение государственных расходов для стимулирования внутреннего платежеспособного спроса, что наряду с льготным налогообложением иностранных инвестиций привело к экономическому «буму» в стране. Среднегодовые темпы прироста номинального ВВП за 1991–2000 гг. составили 10,1% и значительно превышали темпы инфляции (5,9% в 2000 г. – наивысший показатель в ЕС). При этом уровень безработицы снизился с максимальной отметки 12,4% в 1996 г. до 4,3% в 2001 г. (по сравнению с 11,6 и 8,5% в зоне евро и 10,8 и 7,9% в целом по ЕС–15 за тот же период). В результате темпы прироста реального (дефлированного) ВВП Ирландии более чем в три раза превысили темпы прироста ВВП ЕС – соответственно 6,6 и 2,0% [14, pp. 164–179].

Реализация избранной модели развития обеспечила рост реальных доходов населения. Ирландия перестала быть самой бедной страной Западной Европы. Если при вступлении ВНД на душу населения составлял 58% от среднего по ЕЭС, то в 2001 г. этот показатель дос-

тиг 104%. Регулируемое правительством по согласованию с профсоюзами отставание темпов роста номинальной заработной платы от темпов роста номинального ВВП при увеличении объема налоговых поступлений позволило Ирландии в 2001 г. достичь наивысшего в ЕЭС профицита бюджета (4% ВВП) и одного из самых низких показателей отношения «внешний долг/ВВП».

Опыт Ирландии показал, что инспирированная постоянно растущим спросом инфляция не представляет реальной угрозы для экономики страны, если темпы роста ВВП и доходов населения устойчиво превышают темпы роста цен. Это является убедительным подтверждением ошибочности псевдо-монетаристских представлений о невозможности обеспечения стабильного роста ВВП без проведения жесткой рестриктивной антиинфляционной политики.

На долю Ирландии приходилось лишь 1% ВВП ЕС-15, однако, намеренное отклонение страны от маастрихтских критериев инфляции для обеспечения национальных интересов создало прецедент, поскольку в случае следования этим же курсом более крупных экономик Германии или Франции может произойти ослабление евро. В определенных пределах такое ослабление будет способствовать повышению конкурентоспособности товаров из ЕС на внешних рынках, однако, оно может привести также и к снижению инвестиционной привлекательности стран зоны евро и другим нежелательным последствиям.

В сравнимой с Ирландией по количеству населения Финляндии уровень корпоративных налогов в течение многих лет является одним из самых высоких в ЕС, благодаря чему стало возможным государственное финансирование множества социальных программ (полностью бесплатное образование финских граждан в учебных заведениях любого уровня; безвозвратные государственные стипендии для студентов колледжей и вузов; компенсационные выплаты безработным в течение 15-ти месяцев после увольнения в размере полного должностного оклада или средней зарплаты; высокие пенсии и т. д.). Финляндия выступает против намерений наднациональных институтов унифицировать налогообложение во всех странах ЕС.

Отличительной особенностью экономики Финляндии последних десятилетий стала ориентация на приоритетное развитие инновационных направлений в энергетике, прецизионном приборостроении и телекоммуникационной технике. Финляндия существенно снизила зависимость от импорта энергоносителей за счет строительства крупных, средних и малых гидроэлектростанций, вместе обеспечивающих

28% энергопотребления страны, а также АЭС (более 26% энергопотребления), и стала одним из мировых лидеров в области использования нетрадиционных источников энергоснабжения (биоэнергетика и пр.). Будучи одной из наиболее экологически чистых стран ЕС, Финляндия отстаивает принцип дифференциации «зеленых налогов» в общий бюджет ЕС, считая, что доля стран-загрязнителей, и в первую очередь Германии, должна быть пропорциональна количеству производимых в них антропогенных загрязнений.

За последние годы усилилась зависимость экономики Финляндии от конъюнктуры на мировом телекоммуникационном рынке, поскольку основным источником поступлений в бюджет страны и локомотивом всей финской экономики является компания Nokia – мировой лидер по производству и продажам средств мобильной связи (наряду с американской компанией Motorola и шведским концерном Ericsson). Рыночная капитализация всех 147 зарегистрированных финских компаний в 1999 г. составила \$349,4 млрд, причем на долю компании Nokia приходилось 2/3 этой суммы [76, p. 304]. Ежегодные объемы продаж компании в конце 1990-х гг. превышали 20% финского экспорта, поэтому падение спроса на средства мобильной связи в мире было одной из главных причин начавшегося глубокого спада производства в Финляндии, где среднегодовые темпы роста ВВП снизились с 3,3% в 1980–1990 гг. до 2,8% в 1990–2000 г. [84, p. 232; 177, p. 236].

Следует отметить, что чрезмерно односторонняя ориентация экспорта Финляндии сложилась под давлением неблагоприятных для экономики страны изменений, вызванных распадом СССР, на долю которого в конце 1980-х гг. приходилось свыше 50% финского внешнеторгового товарооборота. Экономический кризис начала 1990-х гг. в СССР, а затем и на постсоветском пространстве, привел к многократному уменьшению объемов финского экспорта в страны СНГ. В результате в 1991, 1992 и 1993 гг. в экономике Финляндии произошел самый глубокий за послевоенное время спад ВВП (на 6,3; 3,3 и 1,1% соответственно). Быстрая переориентация экономики на выпуск высокотехнологичной продукции и государственное стимулирование экспорта в развитые страны (наряду с ускоренным проведением реформ для последующего вступления страны в ЕС) способствовали преодолению кризиса, и уже в 1994 г. был отмечен прирост ВВП на 4% [14, p. 179].

Несмотря на то, что по индексу конкурентоспособности Всемирного Экономического Форума в 2005 г. экономика Финляндии была признана самой конкурентоспособной в мире (2-е место – США, 3-е – Швеция), сложившаяся гипертрофированная ориентация экономики страны на обслуживание одной компании-супергиганта потенциально опасна [178]. Nokia фактически является ТНК, а не финской компанией (90% ее акций принадлежат иностранцам), и для сохранения своих доходов в условиях близкого к насыщению рынка развитых стран средствами мобильной связи и медленных темпах роста платежеспособного спроса на телекоммуникационные услуги в развивающихся странах может вывести свои производственные мощности за пределы Финляндии, что способно подрвать основы финансирования бюджета страны.

В дополнение к отчетливо выраженному «экономическому индивидуализму» Ирландии, Финляндии и ряда других стран, обеспечение динамического равновесия между общими интересами ЕС и национальными интересами отдельных стран осложняется и в силу изменения позиций многих членов ЕС в отношении ответственности каждой страны и интеграционного объединения в целом за безопасность и стабильность на континенте и в мире. Дезинтеграция СССР и распад мировой социалистической системы способствовали проявлению давно возникших, но ранее скрываемых объективных противоречий внутри евроатлантического сообщества, представлявшегося монолитным в период «холодной войны». Наряду с обострением экономической конкуренции, между ЕС и США возникли и принципиальные расхождения по ряду глобальных политических и экологических проблем. В частности, ЕС не поддержал односторонний выход США из Договора о противоракетной обороне 1972 г. и не разделяет позицию США в отношении ответственности развитых стран за проблемы среды обитания. Страны ЕС расценивают отказ США от ратификации Протокола Киото как деструктивный фактор, препятствующий переходу глобальной экономики к экологически безопасному устойчивому развитию.

Реальная перспектива «американизации» не только европейской экономики, но и европейской политики, а также не менее реальная угроза утраты национальной культуры и самобытности в условиях фактической гегемонии США – единственной оставшейся в начале 1990-х гг. сверхдержавы стала причиной все более явственного дистанцирования большинства стран Западной Европы от США парал-

тельно с сохранением отношений американско-европейского военно-стратегического партнерства. Показательным примером такого дистанцирования является фактический отказ большинства стран ЕС от безусловной поддержки стремления США ликвидировать исключительно военным путем возникающие в различных регионах мира очаги нестабильности, представляющие угрозу международной безопасности. В отличие от американской, стратегия ЕС по урегулированию кризисных ситуаций в «третьем мире» основана на приоритетах переговорного процесса, развития экономических отношений и расширения контактов в гуманитарной сфере. Такой конструктивный подход ЕС не исключает и силового давления, но лишь после того, как будут исчерпаны возможности решения проблем мирным путем.

Неоднозначным является отношение ряда малых стран ЕС к участию в финансировании европейских «сил быстрого реагирования», план создания которых (численностью 60 тыс. чел. на первом этапе) был одобрен на саммите ЕС в Ницце в 2000 г. и подтвержден в подписанной в декабре 2002 г. Совместной Декларации ЕС–НАТО. В отличие от Великобритании, Германии и Франции – инициаторов этого плана, Австрия и Бельгия, статус постоянного нейтралитета которых подтвержден международно-правовыми договорами и гарантиями великих держав, а также внеблоковые государства – Ирландия, Финляндия и Швеция не считают целесообразным увеличивать свои расходы на оборону сверх установившихся уровней, поскольку это сопряжено с опасностью сокращения финансирования социальной сферы. С началом «перестройки» в СССР в 1985 г. и прогресса в «разрядке» международной напряженности доля расходов на оборону в ВВП постоянно сокращалась, снизившись за двенадцать лет в Греции с 7,0 до 4,6%, в Великобритании с 5,1 до 2,7%, в Испании с 2,4 до 1,5% и т. д. [7, р. 247; 76, pp. 306–307; 77, pp. 262–263]. Отметим, что за тот же период доля военных расходов в мире сократилась с 5,2 до 2,5% ВВП.

Наконец, проблемой в обеспечении равновесия между общими интересами ЕС и национальными интересами отдельных стран становится сохранение преемственности в проведении внешнеэкономической стратегии. Принятый в 1975 г. порядок ротации президентства в Совете и других высших органах ЕС (через шесть месяцев) исключал возможность дискриминации малых стран и обеспечивал любому из государств – членов этого достаточно компактного в тот период объединения возможность влиять на разработку стратегии развития Сообщества с учетом национальных экономических интересов. Однако

по мере расширения состава ЕС стали проявляться и недостатки системы частой ротации. Все труднее становилось проведение экономической политики, обеспечивающей баланс между интересами ЕС в целом и интересами его отдельных членов, что приводило к частой смене стратегических приоритетов (в 2001 г. во время президентства Бельгии первое место во внешней стратегии ЕС заняло «африканское направление», после перехода президентства к Испании приоритетным стало «средиземноморское направление» и т. д.). Очевидно, что почти двукратное увеличение числа членов ЕС после расширения в 2004–2007 гг. осложнило проблему сохранения преемственности стратегического курса интеграционного объединения, и вполне оправданным является увеличение срока президентства до двух с половиной лет, предложенное в Конституции для Европы и включенное в Лиссабонский Договор ЕС [2, Article I–22].

Выводы

- Образование странами ЕС Экономического и Валютного Союза укрепило финансовый фундамент формирующейся многополярной структуры глобальной экономики, а введение евро способствовало повышению устойчивости мирового рынка валют.
- Ликвидация диспропорций между интернациональной и национальной ценой труда, товаров и услуг в постсоциалистических и постсоветских странах ЧЭС способствует эквивалентному товарообмену на внешних рынках и ускорению интеграции переходных экономик в систему мирохозяйственных связей.
- Уменьшение разрыва между темпом роста обменного курса иностранной валюты и темпом инфляции улучшает условия торговли и способствует повышению конкурентоспособности национальной экономики.
- Инфляция в период интенсивной структурной трансформации экономики объективно неизбежна и является следствием стремления минимизировать риски предпринимательской деятельности в реальных условиях несовершенной конкуренции. При этом для постсоциалистических и постсоветских экономик ЧЭС характерно отсутствие устойчивой корреляции между темпами инфляции и изменениями ставки рефинансирования.
- Для каждой национальной экономики на данном этапе ее развития существует определенный «коридор инфляции» с достаточно широкими границами, выход за пределы которых приводит к тому, что общая сумма издержек при реализации дезинфляционной политики превышает инфляционные потери от замедления роста ВВП.
- Разработанная методика учета импортной составляющей в стоимости экспортного товара позволяет анализировать влияние инфляции и девальвации на рентабельность внешней торговли.
- В ЕС сохраняются противоречия неантагонистического характера между интересами отдельных стран и интересами

всего Союза, что замедляет процесс создания экономического пространства с единой валютой.

- Актуальными проблемами европейской интеграции являются совершенствование институциональных основ и механизмов регулирования торговых и денежно-кредитных отношений между всеми государствами континента, ускорение структурного реформирования национальных экономик и переход всех европейских стран к социально и экологически ориентированной модели развития.

ГЛАВА 3.

СПЕЦИФИКА СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН ПРИЧЕРНОМОРСКОГО БАССЕЙНА

3.1. Национальные стратегии экономического сотрудничества Греции, Украины и России

Анализируя национальные стратегии экономического сотрудничества государств Причерноморского бассейна в течение последних пятнадцати лет, рассмотрим более детально основные характеристики и особенности двусторонних экономических отношений между Грецией – единственной в ЧЭС страной с развитой рыночной экономикой и двумя крупнейшими постсоциалистическими государствами ЧЭС – Россией и Украиной.

Греция по всей номенклатуре экспортных товаров не может влиять на мировые цены и по терминологии теории международной торговли является малой страной. Россия является большой страной, поскольку в начале XXI века стала одним из крупнейших экспортеров природного газа, нефти, черных, цветных и драгоценных металлов и оказывает влияние на мировые цены на эти товары [11, с. 204]. Украина в данной классификации может быть отнесена к группе больших стран только по черным металлам, минеральным удобрениям и ряду продуктов АПК (подсолнечник, зерновые). Россия и Украина входят также в число девяти стран мира, обладающих развитой авиа-

промышленностью с собственным законченным циклом производства самолетов – от проектирования до выпуска и оказывают влияние на уровень мировых цен в этой отрасли. Россия и Украина обладают инновационными технологиями и производственными мощностями для выпуска аэрокосмической техники, включая ракеты, спутники и системы космической навигации, и входят в пятерку ведущих космических держав мира, а также в десятку производителей военной техники, однако, в этом секторе международной торговли ценообразование определяется не столько экономическими, сколько политическими факторами.

Стратегии рыночной трансформации экономик Украины и России, официально базировавшиеся на концепции ограничения вмешательства государства в экономические процессы, хотя и подвергались в течение 1990-х гг. существенной корректировке, фактически реализовывались в режиме «ручного управления» в интересах бизнес-элит сырьевых и низкотехнологических обрабатывающих отраслей, что привело к кризисному спаду объемов производства в высокотехнологичных отраслях, углублению структурных деформаций в народнохозяйственном комплексе, снижению жизненного уровня населения и другим негативным социально-экономическим последствиям.

В Украине существенно сократились объемы выпуска самолетов, судов, станков с программным управлением, тракторов, комбайнов, дорожно-строительной и грузоподъемной техники. Рыночная трансформация в сельском хозяйстве отличалась инверсионным характером, поскольку государственная или коллективная собственность крупных товарных производителей – совхозов, колхозов, животноводческих и птицеводческих комплексов перешла в конце 1990-х гг. к миллионам владельцев мелких имущественных и земельных паев. Возврат к мелкотоварному производству стал одной из причин снижения производительности труда в аграрном секторе, где добавленная стоимость на одного занятого в 2002–2004 гг. составила \$1442, что в 20–30 раз меньше, чем в Европейском Союзе, США, Австралии и других развитых странах [66, pp. 294–295; 76, pp. 296–297].

Для преодоления тенденций деиндустриализации О. Белорус, В. Геец и другие ведущие украинские экономисты разработали модель стратегии мобилизационного типа, которая предусматривает усиление роли государства в управлении экономическими процессами, возрождение национального производства, стимулирование малого и среднего бизнеса, расширение внутреннего рынка и углубление

торговых связей со всеми странами и регионами мира на основе сочетания либерализации ВЭД с механизмами государственного протекционизма [147, с. 320–331]. Особо актуальными для страны являются задачи привлечения иностранных инвестиций и оптимизации структуры внешней торговли [52; 59].

Стратегия развития Греции в качестве одной из актуальных задач национальной экономики определила ускорение роста ВВП при обеспечении бездефицитного платежного и торгового баланса страны, что требует увеличения объемов внешнеторгового оборота при опережающих темпах экспорта. Внешнеторговая политика Греции основана на принципе обеспечения равноправного участия всех стран в международном разделении труда, прагматична и лишена политической окраски [55; 56].

Следует подчеркнуть, что направления развития и динамика международных торговых связей Греции определяются экономическими факторами, хотя в настоящее время существуют некоторые ограничения на импорт из стран – не членов ЕС стали, текстиля, сельскохозяйственной продукции и ряда других товаров, объем которых не должен превышать доли Греции в общей квоте ЕС для импорта из третьих стран, а также исключения, вызванные соблюдением Грецией режима торговых санкций ООН в отношении «проблемных» и воюющих государств. Национальная стратегия развития международного сотрудничества учитывала и географический фактор – отсутствие у Греции общих сухопутных границ со странами ЕС до вступления Болгарии в 2007 г., в силу чего одним из приоритетных направлений экономической политики стало установление партнерских отношений в режиме свободной торговли с соседними государствами, через территории которых осуществляется транзит греческих товаров на мировой рынок [179].

Геополитические и геоэкономические изменения в конце XX века привели к усилению конкуренции на традиционных рынках сбыта греческих товаров. Для стимулирования экспорта была создана Греческая Организация Внешней Торговли (Н. Е. Р. О.), направлениями деятельности которой стали [180]:

- разработка совместно с Министерством национальной экономики программ структурного реформирования экспортных отраслей, модернизации предприятий, повышения качества продукции и ее продвижения на новые рынки;

- анализ и прогнозирование мировой экономической конъюнктуры, информационно-аналитическое обеспечение субъектов ВЭД и разработка новых методов экспортного менеджмента;
- создание и поддержка экспортоориентированных совместных предприятий и расширение участия греческих компаний в международном производственном кооперировании;
- организация на договорной основе постоянного сотрудничества Торгово-Промышленной Палаты (ТПП) Греции с национальными и региональными ТПП зарубежных стран;
- использование возможностей посольств и торговых представительств для рекламно-информационного сопровождения греческой продукции на выставках и ярмарках за рубежом.

Разрабатываемые долгосрочные и пятилетние программы Н. Е. Р. О. с начала 1990-х гг. определяют расширение производственных и торговых связей с государствами ЕС и ЧЭС наряду с освоением новых рынков во всех регионах мира как одинаково приоритетные направления торгово-экономического сотрудничества Греции с зарубежными странами.

Стратегия развития внешней торговли Греции относит рынки Восточной Европы, Балкан и Причерноморского бассейна к числу наиболее перспективных для экспорта греческих товаров и импорта энергоносителей, сырья и промышленного оборудования [181, р. 11]. Торговые центры Н. Е. Р. О. были в числе первых открыты в крупнейших портовых городах стран ЧЭС – Бургасе, Констанце, Новороссийске и Одессе. В рамках пятилетних программ Н. Е. Р. О. акцент делается на отдельные страны и регионы с учетом реальных перспектив продвижения товаров определенных групп. Так, в 1997–1999 гг. были реализованы комплексные программы по увеличению объемов экспорта продуктов питания и напитков в Великобританию, Россию, США и Японию; экспорта продукции греческих рыбных ферм (лососевые) в Германию, мрамора в страны Юго-Восточной Азии и т. д. [180, р. 172].

В Греции уделяется большое внимание расширению сотрудничества ТПП и выставочных организаций стран ЧЭС как инструментов координации международной торгово-предпринимательской деятельности и развития иностранного туризма, способствующих развитию интеграционных процессов в Причерноморском бассейне. Крупнейшая выставочная организация Греции – HELEXPO в сотрудничестве с партнерами в Азербайджане, Албании, Армении, Болгарии, Молдове,

России, Румынии и Украине разработала и реализует долгосрочную программу проведения на регулярной основе выставок как в самой Греции, так и в других странах ЧЭС. В работе организованных HELEXPO конференций по проблемам международного сотрудничества на новых рынках Юго-Восточной Европы принимали участие ответственные представители министерств и ведомств России, Украины, Болгарии и других стран региона, а также Европейской Комиссии и ЕБРР. Принятые на этих конференциях рекомендации способствовали началу реализации в регионе ряда совместных проектов с участием практически всех стран ЧЭС (строительство трансконтинентальных транспортных коридоров и др.) [120, с. 74].

В условиях глобализации расширение и углубление внешнеторговых связей любой страны является обязательным условием укрепления ее экономической безопасности. Экономика Греции находится на этапе структурного реформирования и технологической модернизации производственной базы, и в национальной стратегии торгово-экономического сотрудничества Россия и Украина рассматриваются не только как перспективный рынок для экспорта греческих товаров, но прежде всего как страны с высоким уровнем развития горнометаллургического комплекса, общего, энергетического и транспортного машиностроения и других отраслей, импорт продукции которых экономически эффективнее импорта из западных стран. По целому ряду товаров (турбины, суда на подводных крыльях и на воздушной подушке, транспортные самолеты, сортовой и фасонный прокат и пр.) качество российской и украинской продукции не уступает качеству западных аналогов при значительно меньших ценах.

Институциональной основой торгово-экономических связей Греции с крупнейшей страной ЧЭС – Россией в соответствии с подписанным в декабре 1995 г. межправительственным Протоколом о договорной и правовой базе двусторонних отношений остаются соглашения, заключенные между СССР и Грецией, начиная с Конвенции о торговле и мореплавании от 11 июня 1929 г. Стремясь к углублению и расширению взаимовыгодных двусторонних отношений, Греция и Россия в течение 1990-х гг. в дополнение к ранее заключенным соглашениям подписали Договор о дружбе и сотрудничестве, а также Соглашения об экономическом, промышленном и научно-техническом сотрудничестве; о сотрудничестве в сфере туризма; о поддержке и взаимной защите инвестиций и ряд других документов [182, р. 65].

Институциональной основой развития греческо-украинских торгово-экономических отношений стал Договор о дружбе и сотрудничестве между Украиной и Греческой Республикой, подписанный в ноябре 1996 г. [105, с. 171]. Динамичному развитию экономического сотрудничества способствуют традиционно дружеские отношения между Грецией и Украиной, основанные на глубинной цивилизационной общности двух европейских народов и восходящие к временам Киевской Руси.

Во внешнеторговом обороте как России, так и Украины доля Греции невелика, однако, и в российской, и в украинской национальных стратегиях международного сотрудничества Греция рассматривается не как второстепенный торговый партнер, а как ключевая страна для развития торгово-экономических отношений со всеми государствами Балканского полуострова. Значительная и постоянно возрастающая часть греческого импорта из России и Украины используется на тысячах СП, созданных с участием греческих компаний в 1990–2006 гг. в Албании, Болгарии, Румынии и республиках бывшей Югославии. Приоритетность «греческого направления» в российской и украинской внешнеторговой политике подтверждается созданием постоянно действующих Межправительственных Комиссий по экономическому, производственному и научно-технологическому сотрудничеству сторон. По рекомендациям Комиссий осуществляется кредитование греческой стороной совместных инвестиционных проектов в России и Украине [105, с. 176; 120, с. 53]. Комиссии также координируют развитие новых форм двусторонних отношений, от установления кооперационных связей между отдельными предприятиями до заключения соглашений о сотрудничестве между министерствами и ведомствами, и способствуют договорному оформлению партнерских связей между городами и регионами (Афины – Киев, Афины – Москва, Пирей – Одесса, Фессалоники – Днепропетровск, Глифада – Бердянск, Атика – Краснодарский край, г. Кастория – Шевченковский Район г. Киева и т. п.).

Россия, Украина и другие постсоветские государства ЧЭС неоднократно подвергались ценовому диктату или прямой торговой дискриминации со стороны развитых западных стран при субъективном подходе последних к определению степени рыночной зрелости переходных экономик. Греция поддерживает стремление России и Украины вступить в ВТО, правилам и нормам которой подчиняется 95% мирового торгового оборота. Членство в ВТО откроет новые возмож-

ности для увеличения объемов внешней торговли Греции с этими странами, поскольку обеспечит им более свободный доступ на мировые рынки и защиту от произвольного введения ограничительных мер в отношении экспортных товаров. В долгосрочном плане вступление в ВТО принесет существенные экономические выгоды как производителям, так и потребителям за счет отмены или снижения таможенных пошлин и последующего за этим уменьшения цен на импортные комплектующие изделия, сокращения транспортных расходов в условиях свободы транзита товаров по территории стран – членов ВТО, а также вследствие снижения коммерческих рисков при более стабильном и предсказуемом режиме внешней торговли.

Стратегия развития греческо-российских и греческо-украинских экономических отношений направлена на рост объемов торговли при сокращении доли товаров сырьевой группы и увеличении доли машин, приборов и промышленного оборудования как в экспорте, так и в импорте.

В последние годы активизировалось греческо-российское и греческо-украинское сотрудничество в сооружении на территории Греции и соседних стран Причерноморского бассейна промышленных, энергетических и транспортных объектов. Расширению поставок российского и украинского промышленного оборудования на греческий рынок способствует создание СП, предоставляющих покупателям весь комплекс услуг – от продажи до технического обслуживания и ремонта машин и агрегатов. В Греции в 1992–2006 гг. было создано 130 СП с российскими инвестициями в промышленности, строительстве, энергетике, на транспорте, в торговле, сфере услуг и туризма. Наиболее масштабным СП является образованная в 1995 г. «East Power Corporation» (EPC), куда вошли греческая фирма «Ενεργητική Τεχνική» и российские компании «Зарубежэнергопроект», «Электросетьстрой», «Ленгидропроект», «Ленинградский Металлический завод» и «Спецгидроэлектромонтаж». Корпорация «EPC» стала крупнейшим предприятием мира по строительству тепло- и гидроэлектростанций и высоковольтных линий электропередач. Одним из перспективных направлений сотрудничества является строительство газо- и нефтепроводов и перевод на газ тепловых электростанций. Компании «Стройтрансгаз» и «Зарубежнефтегазстрой» вошли в состав консорциума по строительству и эксплуатации газопровода «Кавала – Комотины», пуск которого состоялся в 2000 г.; объединение «Технопром-экспорт» совместно с греческо-российской компанией «Prometeu Gas»

участвует в модернизации теплоэлектроцентрали в г. Флорина и т. д. [105, с. 161, с. 244; 182, р. 23, р. 45, р. 66; 183, р. 20].

Несмотря на нестабильность экономического законодательства в России и в Украине, серьезно препятствующую привлечению иностранных инвестиций, в России в 1992–2006 гг. было создано 55, а в Украине 50 СП с греческим капиталом. Преимущественные направления греческого инвестирования – телекоммуникационные системы, агропромышленный комплекс, производство строительных материалов, торговля продуктами питания и товарами народного потребления, деревообработка, транспортирование и переработка нефти и газа. Объемы инвестиций в одно предприятие составляют десятки миллионов долларов. Многопрофильная ТНК Вардинояннисов, наряду с размещением в Украине заказов на изготовление серий морских судов (свыше \$1,1 млрд за десять лет), инвестировала \$90 млн в строительство завода по регенерации отработанных смазочных масел в Армавире (Россия). Компания «METON-ETEП» (строительство, страхование, торговля нефтепродуктами, агробизнес) только в 1992–1995 гг. инвестировала свыше \$52 млн в СП в Украине, создав полный цикл «производство сельскохозяйственной продукции – переработка – торговля». ТНК «Hellascom S. A. & OTE» инвестировала \$17 млн в СП по строительству и эксплуатации Черноморской оптоволоконной кабельной линии связи «BSFOCS». Следует отметить использование греческими компаниями нетрадиционных механизмов экономического сотрудничества при реализации инвестиционных проектов с учетом финансовых возможностей сторон. Так, для строительства моста через Волгу компания «METON-ETEП» в 1996 г. предоставила администрации Ульяновской области кредит в \$200 млн, который был погашен поставками природного газа в Грецию в 1999–2002 гг. [105, с. 161, с. 244; 120, с. 142; 182, р. 23, р. 45, р. 66; 183, р. 8].

В целом масштабы участия российского и украинского капитала в экономике Греции все еще незначительны и совершенно не соответствуют реальным возможностям России и Украины – стран с гигантским экономическим потенциалом.

3.2. Динамика и структура внешней торговли стран Причерноморского бассейна

Во всех странах ЧЭС с переходной экономикой, кроме Албании, в ходе первого этапа рыночных реформ (1990–2000 гг.) ВНД на душу населения снизился. Снижение покупательной способности населения и сокращение внутреннего спроса сопровождалось ростом экспорта, и доля шести постсоветских и трех постсоциалистических стран Юго-Восточной Европы – членов ЧЭС в мировом экспорте увеличилась с 1,9% в 1990 г. до 2,2% в 2000 г., хотя их совокупный ВВП за этот период уменьшился с 3,6% до 1,1% мирового ВВП [76, pp. 296–297, pp. 312–313; 84, pp. 236–239].

Для сравнительного анализа изменений в структуре ВВП и внешней торговли стран ЧЭС сопоставим доли добавленной стоимости, произведенной в трех секторах – аграрном, индустриальном и сфере услуг в 1990 г. и в 2005 г. В качестве базы для сравнения примем агрегатную структуру ВВП развитых экономик мира с высоким ВНД на душу населения.

Абстрагируясь от существенной дифференциации качества и спектра услуг в разных странах, введем количественный показатель K_{SD} уровня структурного развития экономики, определяемый как отношение доли сферы услуг к сумме долей аграрного сектора и индустриальных отраслей. Тогда численное значение показателя составит

$$K_{SD} = S_{serv} / (S_{agr} + S_{ind}), \quad (3.1)$$

где S_{serv} – доля сферы услуг в ВВП;

S_{agr} – доля аграрного сектора в ВВП;

S_{ind} – доля индустриальной отрасли (включая строительство) в ВВП.

Уменьшение долей первичных и вторичных отраслей (сельское и лесное хозяйство, рыболовство, добывающая и перерабатывающая промышленность, строительство и пр.) и увеличение доли третичной отрасли – сферы услуг в структуре ВВП является объективной закономерностью развития мирового хозяйства.

В 1990 г. в социалистических экономиках преобладали первичные и вторичные отрасли при слабом развитии сферы услуг. В течение

ние 1990–2005 гг. в странах ЧЭС с переходной экономикой был достигнут значительный прогресс в модернизации производственной базы, и структура ВВП существенно улучшилась, приблизившись к показателям развитых стран (табл. 3.1).

Таблица 3.1

**ВНД на душу населения и структура ВВП
в странах ЧЭС в 1990–2005 гг.**

Страна	ВНД на душу населения в 2005 г.		Структура экономики (доля добавленной стоимости, % ВВП)						Показатель структурного развития экономики K_{SD}	
			Аграрн. сектор		Промышленность		Сфера услуг			
	US\$ ¹	PPS\$ ²	'90	'05	'90	'05	'90	'05	1990	2005
Азербайджан	1240	4890	24	12	44	55	32	32	0,47	0,47
Албания	2580	5420	37	25	47	20	16	55	0,19	1,22
Армения	1470	5060	17	21	52	44	31	35	0,45	0,54
Болгария	3450	8630	18	9	51	30	31	60	0,45	1,54
Греция	19670	23620	11	7	22	23	67	70	2,03	2,33
Грузия	1350	3270	32	17	33	27	35	56	0,54	1,27
Молдова	880	2150	43	21	33	24	24	55	0,32	1,22
Россия	4460	10640	17	6	48	38	35	56	0,53	1,27
Румыния	3830	8940	20	10	50	35	30	55	0,43	1,22
Сербия и Черногория	3280	...	...	16	...	32	...	52	...	1,08
Турция	4710	8420	18	12	30	24	52	65	1,08	1,86
Украина	1520	6720	26	11	45	34	29	55	0,41	1,22
Страны с высокими доходами	35131	32524	3	2	33	26	64	72	1,78	2,57
Весь мир	6987	9420	6	4	34	28	60	68	1,50	2,12

Примечания: 1. ВНД в долларах США, рассчитанный по методологии Всемирного Банка (Atlas method).

2. ВНД в интернациональных долларах (PPS\$) с учетом паритета покупательной способности доллара США в данной стране.

Рассчитано по источникам: [66, pp. 289–290, pp. 294–295; 76, pp. 296–297].

Тем не менее, экономики постсоциалистических стран ЧЭС продолжают оставаться структурно деформированными с доминированием трудоемких отраслей и экологически проблемных материало- и энергоемких отраслей и значительной долей аграрного сектора в ВВП. Для сравнения: в 2005 г. при среднем значении $K_{SD} = 2,57$ для группы постиндустриальных экономик наибольший показатель структурного развития $K_{SD} = 3,35$ был в США.

На структуру внешней торговли России и Украины определяющее влияние продолжает оказывать сложившееся в советский период гипертрофированное развитие нефтегазового и горнометаллургического комплексов и наличие крупных месторождений полезных ископаемых. Занимая 12,8% территории планеты, Россия является абсолютным лидером по разведанным запасам углеводородных энергоносителей, а также руд черных, цветных и благородных металлов. В Украине, занимающей менее 1% территории земного шара, находится четверть черноземов планеты и 5,2% мировых запасов полезных ископаемых (железная и марганцевая руда; уголь; уран; редкоземельные металлы и пр.).

Однако многие из этих ресурсов практически не используются ни для развития внутреннего производства, ни для расширения внешней торговли, и зависимость российской и украинской экономики от экспорта ограниченного ассортимента товаров и услуг ставит под угрозу стабильность экономического роста в этих странах.

Возможное снижение цен на мировых рынках на основные экспортные товары может поставить под угрозу экономическую безопасность России и Украины. Только за декаду 1991–2000 гг. на мировых рынках в течение одного года наблюдалось резкое падение цен на никель (50%), пшеницу и растительное масло (31%), алюминий и сахар (20%), железную руду (12%) и другие сырьевые товары, что неизбежно сказывалось на ухудшении торгового баланса стран ЧЭС [185, с. 75–76; с. 691–692]. В 1998 г. снижение на треть мировых цен на нефть было одной из причин финансового кризиса в России.

Учитывая, что Греция является единственной в ЧЭС страной с развитой рыночной экономикой, при анализе товарооборота для исключения возможно большего числа случайных или имеющих кратковременный характер факторов детально рассмотрим динамику внешней торговли Греции со странами ЧЭС. Для анализа используем два показателя: долю экспорта в ВВП, характеризующую степень открытости страны по отношению к глобальной экономике, и долю им-

порта, характеризующую устойчивость национальной экономики к воздействию неблагоприятных изменений конъюнктуры мировых рынков [13, с. 114–115].

Отметим, что на первом этапе рыночной трансформации в постсоветских странах ЧЭС, включая Россию и Украину, проводилась стратегически неверная внешнеторговая политика. Внутренние цены на экспортные товары были значительно ниже мировых, что способствовало росту объемов фактически демпингового экспорта, в то время как импорт осуществлялся по мировым ценам [118].

В результате экспорт из постсоветских стран ЧЭС в развитые постиндустриальные государства, по существу, обеспечил последним присвоение сотен миллиардов долларов доходов от торговли на неэквивалентной основе, в то время как при организации ВЭД на рыночных принципах эти средства могли быть направлены на структурное реформирование и технологическую модернизацию производственной базы переходных экономик.

В 1990-х гг. все государства ЧЭС по доле экспорта в ВВП ($D_{exp}, \%$) вошли в группу стран со средней (20–34%) и высокой ($\geq 35\%$) степенью открытости национальных экономик (по классификации Всемирного Банка) [184, р. 23].

В экспорте постсоциалистических и постсоветских стран ЧЭС преобладали изделия малой глубины переработки и сырье. Уровень концентрации экспорта, измеряемый как доля товаров трех основных категорий по Стандартной Международной Торговой Классификации (СМТК) в общем объеме экспорта, в 1995–2005 гг. составил от 67% в Армении и Украине до 98% в Албании при среднемировом показателе 20%.

Кроме того, экономики всех стран ЧЭС, за исключением Греции и России, отличались повышенной зависимостью от импорта ($D_{imp} > 30\%$). При этом доля современных машин и автоматических линий в общем импорте промышленного оборудования не превышала 10%, что способствовало консервации технологического отставания постсоциалистических и постсоветских стран ЧЭС от постиндустриальных стран [129; 185].

Среднегодовые значения доли импорта в ВВП в странах ЧЭС существенно превышали значения доли экспорта, причем особенно заметный рост импортозависимости наблюдался в процессе перехода к рыночной экономике (табл. 3.2).

Таблица 3.2

**Изменение импортной и экспортной квоты стран ЧЭС
за 1986–2000 гг.**

Страна	Доля экспорта в ВВП, D_{exp} %			Доля импорта в ВВП, D_{imp} %			Коеф. покрытия импорта экспортом, D_{exp}/D_{imp}		
	средняя за период		D_{exp} 2000	средняя за период		D_{imp} 2000			2000
	1986–1990	1996–2000		1986–1990	1996–2000		1986–1990	1996–2000	
Азербайджан*	22,8	28,8	40,9	36,5	46,9	38,4	0,62	0,61	1,07
Албания	15,8	21,6	21,8	18,8	37,8	40,1	0,84	0,57	0,54
Армения*	35,0	20,9	21,3	46,3	54,2	49,7	0,76	0,39	0,43
Болгария	40,1	54,5	58,5	42,8	55,7	64,1	0,94	0,98	0,91
Греция	18,4	19,3	20,0	28,0	27,5	25,8	0,66	0,70	0,78
Грузия*	42,0	21,7	37,7	42,8	35,7	46,6	0,98	0,61	0,81
Молдова*	48,8	51,3	49,8	51,2	73,0	77,0	0,95	0,70	0,65
Россия*	20,1	33,8	45,9	19,5	23,9	24,8	1,03	1,41	1,85
Румыния	21,1	29,0	34,1	22,0	36,1	39,9	0,96	0,80	0,85
Турция	15,3	24,0	23,8	18,1	29,2	31,2	0,85	0,82	0,76
Украина*	29,9	48,7	61,5	30,4	48,9	57,0	0,98	0,996	1,08

Примечание. Включая торговлю между республиками СССР.

Рассчитано по источникам [130; 185].

Рассмотрим изменения географической, организационной и товарной структуры внешней торговли стран ЧЭС.

В 1995 г. на долю ЕС приходилось 60,6% товарного экспорта и 70,5% импорта Греции, однако, в течение 1995–2005 гг. при росте стоимостных объемов торговли эти показатели снизились соответственно до 53,1% и 56,2%, несмотря на расширение ЕС в 2004 г. В то же время динамично развивалась торговля со странами ЧЭС, доля которых в экспорте Греции увеличилась с 13,6% в 1995 г. до 19,5% в 2005 г., а доля в импорте – с 6,6 до 12,9% (табл. 3.3).

Россия, Турция, Болгария и Румыния вошли в число двадцати крупнейших внешнеторговых партнеров Греции в мире (табл. 3.4).

Таблица 3.3

**Географическая и организационная структура
внешнеторгового товарооборота Греции в 1995–2005 гг.**

Регион, группа стран	Доля в экспорте Греции, %			Доля в импорте Греции, %		
	1995	2000	2005	1995	2000	2005
Географическая структура						
Европа	80,7	78,4	77,9	80,6	72,9	72,5
Азия	10,8	8,7	8,6	10,9	18,9	19,5
Америка	5,2	8,3	7,2	5,2	4,9	5,1
Африка	2,6	3,8	4,6	3,2	3,1	2,6
Океания	0,7	0,8	1,7	0,1	0,3	0,3
Организационная структура (крупнейшие партнеры)¹						
Европейский Союз ²	60,6	44,7	53,1	70,5	60,5	56,2
ЧЭС	13,6	18,2	19,5	6,6	8,3	12,9
СНГ	3,5	3,1	3,4	3,3	4,3	8,2
НАФТА	3,6	6,6	6,0	3,9	3,9	3,7
EFTA	1,6	1,2	1,0	2,0	1,7	1,7

Примечания: 1. Ранжирование по величине товарооборота в 2005 г.
2. ЕС-15 в 1995 и 2000 гг.; ЕС-25 в 2005 г.

Рассчитано по источнику [169].

В торговле Греции со странами ЧЭС лидировали Россия, Турция и Болгария. Объемы товарооборота с Румынией, Сербией и Черногорией, Албанией и Украиной в этот период устойчиво превышали \$200 млн. На долю замыкающих список Азербайджана, Армении, Грузии и Молдовы, вместе взятых, приходилось лишь треть товарооборота Греции с Албанией [169].

Россия в 2005 г. с объемом товарооборота €3665 млн (экспорт Греции €275,7 млн, импорт €3389,5 млн) стала третьим из крупнейших внешнеторговых партнеров Греции во всем мире после Германии и Италии и занимает первое место среди стран ЧЭС и СНГ.

Россия экспортирует в Грецию нефть и природный газ (свыше 70% всего экспорта в 2006 г.); прокат черных и цветных металлов и энергетическое оборудование (около 20%); а также древесину, меха, промышленное и сельскохозяйственное сырье. Греция экспортирует в

Таблица 3.4

**20 крупнейших внешнеторговых партнеров Греции
(2005 г.)**

Партнер	Товарооборот		Экспорт, <i>FOB</i>		Импорт, <i>CIF</i>	
	Всего, € млн	Доля от <i>W</i> , %	Всего, € млн	Доля от <i>W</i> , %	Всего, € млн	Доля от <i>W</i> , %
1	2	3	4	5	6	7
Весь мир (<i>W</i>)	58113,0	100,00	14045,3	100,00	44067,7	100,00
Германия	7612,0	13,10	1750,1	12,46	5861,9	13,30
Италия	6832,1	11,76	1437,5	10,23	5394,6	12,24
Россия	3665,2	6,31	275,7	1,96	3389,5	7,69
Франция	3104,1	5,34	580,6	4,13	2523,5	5,73
Нидерланды	2763,5	4,76	336,8	2,49	2426,7	5,51
Великобритания	2576,0	4,43	942,5	6,71	1633,5	3,71
США	2233,1	3,84	736,3	5,24	1496,8	3,40
Испания	2225,9	3,83	499,8	3,56	1726,1	3,92
Китай*	1938,6	3,34	126,4	0,90	1821,2	4,08
Саудовская Аравия	1866,5	3,21	60,7	0,43	1805,8	4,10
Бельгия	1765,6	3,04	191,8	1,37	1573,8	3,57
Турция	1710,8	2,94	754,1	5,37	956,7	2,17
Иран	1536,1	2,64	47,5	0,34	1488,6	3,38
Болгария	1406,0	2,42	817,0	5,82	589,0	1,34
Южная Корея	1227,2	2,11	48,4	0,34	1178,8	2,67
Кипр	1024,5	1,76	724,5	5,16	300,0	0,68
Япония	971,1	1,67	43,9	0,31	927,2	2,10
Румыния	843,2	1,45	408,9	2,91	434,3	0,99
Ливия	776,6	1,34	161,8	1,15	615,0	1,40
Швеция	716,9	1,23	142,5	1,01	574,4	1,30

Примечание. Включая Гонконг.

Рассчитано по источнику [169].

Россию цитрусовые, оливки и оливковое масло, спиртные напитки, табачные изделия, меховую одежду, обувь, кожаные изделия, телекоммуникационное оборудование, потребительские товары промышленного производства, бокситы и мрамор.

Следует отметить, что места России, Турции, Болгарии и Румынии в списке главных партнеров Греции находятся в соответствии с «гравитационной» теорией торговли [187; 188]. Между тем, Украина, второе превосходящая Болгарию по величине ВВП, по объему товарооборота с Грецией уступает Болгарии в семь раз, что свидетельствует о наличии в Украине значительных транзакционных препятствий для расширения торговли (длительная процедура таможенного оформления, квотирование экспорта зерновых и пр.).

В 1995–2005 гг. в экспорте Греции при сокращении доли продуктов питания, потребительских товаров, жиров, табака и напитков увеличилась доля машин, транспортного оборудования, химических продуктов и горюче-смазочных материалов, в импорте увеличилась доля нефти, газа, машин и оборудования (табл. 3.5).

Россия в 2005 г. вышла на первое место в мире по объему экспорта сырой нефти (\$83439 млн), опередив Саудовскую Аравию. В течение 1995–2005 гг. доля нефти в общем объеме российского экспорта увеличилась с 15 до 30%, в то время как доля обработанных товаров уменьшилась с 11 до 7%. Профицит торгового баланса России в 2005 г. превысил \$120 млрд, однако, в импорте лишь незначительно (с 24 до 26%) возросла доля капитального оборудования, поскольку большая часть экспортных поступлений шла на пополнение золотовалютных резервов страны, а не на ускоренную технологическую модернизацию производственной базы национальной экономики.

Турция является крупнейшим торговым партнером Греции на Балканах, а в ЧЭС – вторым после России. Определенное улучшение межгосударственных отношений, заключение соглашений об экономическом, техническом и научном сотрудничестве и защите инвестиций, а также создание межправительственного Делового Совета для координации торгово-экономического сотрудничества способствовали значительному росту двусторонней торговли (только в течение 1996–2000 гг. товарооборот увеличился в 3,6 раза по сравнению с 1995 г.).

Доля Турции в товарном экспорте Греции возросла с 2% в 1995 г. до 5,4% в 2005 г., а доля в импорте – с 0,8 до 2,2%. В греческом экспорте в Турцию 67% приходится на хлопок и горючее, а основу им-

Таблица 3.5

**Товарная структура внешней торговли Греции
в 1995–2005 гг.**

Группа товаров по СМТК	Доля группы, %				Прирост (+), спад (-), 2005/1995, %	
	в экспорте		В импорте		Эксп.	Имп.
	1995	2005	1995	2005		
Продукты питания	18,11	14,78	13,57	9,09	-18,4	-33,0
Табак и напитки	5,61	3,98	2,12	1,57	-29,1	-25,9
Минеральное сырье	7,10	4,93	3,65	2,51	-30,6	-31,2
Топливо и горючее	6,56	9,42	7,48	17,89	43,6	139,2
Жиры и растительные масла	5,53	2,84	0,36	0,29	-48,6	-19,4
Химические продукты	4,87	14,54	13,62	14,43	198,6	5,9
Промышленное оборудо- вание	21,46	20,47	20,57	13,43	-4,6	-34,7
Машины и транспорт- ные средства	8,02	12,72	26,65	28,91	58,6	8,5
Промышленные потре- бительские товары	20,84	13,74	11,78	11,71	-34,1	-0,6
Прочие товары	1,90	2,58	0,20	0,17	35,8	-0,2

Рассчитано по источнику [169].

порта составляют черные металлы (свыше 30%). В последние годы существенно (до 13% товарооборота) увеличились объемы внутриотраслевой встречной торговли промышленными товарами (электрооборудование, отопительные системы и пр.). Развивается и беспрошленная торговля между пограничными регионами двух стран. В частности, объем товарооборота между Грецией и зонами свободной торговли в северной части Турции увеличился с \$11,7 млн в 1997 г. до \$29,4 млн в 2000 г. [182, pp. 29–30, pp. 63–64].

Болгария и Румыния – традиционные торговые партнеры Греции – после подписания «европейских соглашений» в значительной степени переориентировали свою внешнюю торговлю с России и других постсоветских стран на ЕС, что положительно отразилось на росте объемов их товарооборота с Грецией.

Греция экспортирует в Болгарию нефтепродукты, промышленное оборудование, хлопок, прокат цветных металлов, продукты питания и потребительские промышленные товары, а импортирует черные металлы, минеральные удобрения, пластмассы, химические продукты, древесину, одежду и мясопродукты. В 2000 г. объем двустороннего товарооборота увеличился на 22% по сравнению с 1996 г., и Греция стала четвертым из крупнейших внешнеторговых партнеров Болгарии. В 2005 г. доля Болгарии во внешнеторговом товарообороте Греции составила 2,4% [169].

Румыния – второй по величине товарооборота рынок в Южной Европе. Доля Румынии во внешней торговле Греции увеличилась с 0,9% в 1995 г. до 1,5% в 2005 г. Номенклатура основных экспортируемых и импортируемых товаров во внешней торговле Греции с Румынией и Болгарией практически совпадает, однако, в румыно-греческом товарообороте последних лет стала возрастать доля промышленных товаров, особенно телекоммуникационного оборудования и электротоваров [182, р. 18, р. 56].

Сербия и Черногория после прекращения военной операции НАТО и снятия санкций ООН стала пятым из торговых партнеров Греции в ЧЭС. Объем товарооборота в 2004 г. превысил \$420 млн (экспорт Греции \$259,5 млн, импорт \$162,4 млн), а в 2005 г. составил \$395 млн (экспорт \$230,8 млн, импорт \$164,2 млн). Греция экспортирует в Сербию и Черногорию нефтепродукты, машины, транспортное и телекоммуникационное оборудование, электротовары, офисную технику, а импортирует стальной прокат, цветные металлы, пластмассы и фармацевтические препараты.

Албания по объему товарооборота (€367,7 млн) стала шестым торговым партнером Греции в ЧЭС и, несмотря на свой ограниченный экономический потенциал, по своей доле в экспорте Греции (2,48%) заняла в 2005 г. достаточно заметное одиннадцатое место среди всех стран мира. Объем албано-греческого товарооборота более чем наполовину превысил объем торговли Греции с Украиной (€207,9 млн).

Албания экспортирует в Грецию одежду и обувь (около 65% всего экспорта), продукты питания, табак и напитки (10%), строительные материалы (9%), лесоматериалы и бумагу (4%), а также медь, хром и электроэнергию (3%). Албанский импорт состоит из сырья и полуфабрикатов для изготовления экспортных товаров, поскольку ее отсталая аграрно-индустриальная экономика основана на использова-

нии дешевой рабочей силы в производстве сельскохозяйственных культур и трудоемких промышленных товаров массового спроса для продажи в развитых странах [182, р. 28, р. 60].

Украина с ее огромным индустриальным и аграрным потенциалом является одним из наиболее перспективных торговых партнеров Греции, хотя в настоящее время объем двусторонней торговли невелик (0,36% внешнеторгового товарооборота Греции в 2005 г.).

В торговле Украины со всеми странами мира при увеличении доли металлургической продукции в экспорте с 29,6% в 1995 г. до 42,1% в 2005 г. доля промышленных товаров уменьшилась с 18,9 до 14,9%, а доля машин и капитального оборудования в импорте возросла с 18,8 до 25,6% [130]. В торговле с Грецией 75% украинского экспорта в 1995–2005 гг. составляли морские суда, прокат черных металлов и химические продукты, и такая же доля в импорте приходилась на нефтепродукты, продовольственные товары, напитки и табачные изделия [182, pp. 4–6; 189].

Украина в 2006 г. вела торговлю с 213 странами и независимыми экономическими территориями, причем доля ЕС–25 в товарном экспорте Украины возросла до 28,3%, а в импорте – до 34,7% (в 2005 г. соответственно 26,9 и 32,9%). Экспорт в ЕС достиг \$10869,6 млн; импорт \$15614,1 млн (по сравнению с 2005 г. прирост составил соответственно 18,1 и 31,5%). Основными партнерами в экспорте и импорте были Германия (\$1283,8 млн и \$4267,6 млн), Италия (\$2503,4 млн и \$1465,2 млн) и Польша (\$1344,5 млн и \$2109,1 млн). В структуре экспорта Украины в ЕС преобладали черные металлы (24,4%), в структуре импорта из ЕС – машины, котлы, аппараты и механическое оборудование (18,2%) и наземные транспортные средства, кроме железнодорожных (13,5%).

Экспорт услуг Украины в ЕС достиг в 2006 г. \$2218,5 млн, импорт из ЕС \$1867,1 млн (прирост по сравнению с 2005 г. составил соответственно 28,5 и 45,4%). Свыше половины экспорта приходилось на Великобританию, Кипр, Германию, Бельгию и Венгрию; импорта – на Великобританию, Кипр, Германию и Австрию. В структуре экспорта преобладали транспортные услуги (64,3%), в структуре импорта – финансовые услуги (21,1%) [190].

Следует отметить, что товарооборот между Украиной и ЕС носит ярко выраженный межотраслевой характер, что свидетельствует о низком уровне реальной интеграции украинской экономики в экономику ЕС.

Географическая и организационная структура внешней торговли Украины в постгиперинфляционный период (1996–2006 гг.) существенно изменилась. В товарообороте при снижении доли Европы значительно возросла доля Азии, Африки и Америки. При сохранении темпов роста двусторонней торговли ЕС вскоре может стать крупнейшим торговым партнером Украины, опередив СНГ (табл. 3.6).

Таблица 3.6

**Географическая и организационная структура
внешнеторгового товарооборота Украины в 1996–2006 гг.**

Регион, организация	Доля в экспорте, %		Доля в импорте, %		Прирост 2006/1996, %	
	1996	2006	1996	2006	Экспорт	Импорт
Географическая структура						
Европа ¹	23,2	32,9	29,3	37,3	41,8	27,3
Азия ¹	18,6	21,2	4,1	13,5	14,0	229,3
Америка	4,2	6,6	5,9	3,3	57,1	-44,1
Африка	1,3	6,2	0,9	0,9	376,9	0,0
Австралия и Океания	0,1	0,1	0,2	0,2	0,0	0,0
Организационная структура (крупнейшие партнеры)						
СНГ	52,5	33,0	59,6	44,8	-37,1	-24,8
Европейский Союз ²	10,9	28,3	17,1	34,7	159,6	102,9

Примечания: 1. Без стран СНГ.

2. В составе 15 стран в 1996 г.; 25 стран в 2006 г.

Рассчитано по источнику: [190].

Динамичный импульс развитию экономического сотрудничества Греции с Россией и Украиной придало снятие западными странами в середине 1990-х гг. ряда ограничений на торговлю (список «Сосот») с государствами бывшего советского блока с началом перехода пост-социалистических стран к рыночной экономике. Греция (в рамках единой для всех стран ЕС торговой стратегии и с учетом строгого соблюдения режима санкций ООН в отношении ряда государств) всегда руководствовалась во внешней торговле своими национальными интересами независимо от конъюнктурных политических соображений, в том числе и в сфере закупки военной техники за рубежом, и стала

первым государством – членом НАТО, заключившим с Россией, Украиной и другими бывшими постсоветскими странами контракты на поставку вооружений. Продажа высокотехнологичной продукции военного назначения стала существенной статьей российского и украинского экспорта в Грецию. В 1999–2000 гг. Греция приобрела оборонительные ракетные комплексы «Тор-1М» (Россия), малые десантные корабли на воздушной подушке типа «Зубр» (по два у России и Украины) и другую технику и оборудование военного и двойного назначения [182, р. 23].

В 2000 г. объем российского экспорта военной техники в Грецию превысил \$500 млн, что составило почти 14% всего экспорта вооружений России. Примечательно, что по данным московского Центра анализа мировых рынков вооружений, на долю всех остальных европейских государств за пределами СНГ пришлось лишь 0,4% российского экспорта военной техники. Предполагаемое увеличение к 2010 г. численности кораблей на воздушной подушке в составе греческого ВМФ до десяти позволит российским и украинским кораблестроителям, а также производителям уникальных судовых газовых турбин (НПО «Зоря-Машпроект», г. Николаев) получить в Греции экспортные контракты на сотни миллионов долларов.

Отметим, что на международном тендере только лучшие условия продвижения иностранной бронетанковой техники на греческий рынок, предложенные конкурентом Украины и России – ФРГ, определили выбор Грецией германских танков «Леопард», а не более дешевых, но не уступающих им по тактико-техническим данным танков Т-84 российского или украинского производства. Германские экспортеры предложили в дополнение к поставкам первой партии из 170 машин организовать совместное предприятие по крупноузловой сборке, ремонту и техническому обслуживанию танков, что позволило создать в Греции несколько тысяч рабочих мест.

Рынки Азербайджана, Армении, Грузии и Молдовы начали осваиваться греческими субъектами ВЭД только в середине 1990-х гг., после относительной стабилизации социально-политической обстановки в этих странах, где до сих пор остаются неурегулированными межэтнические конфликты сепаратистского характера [120, с. 80–85].

Азербайджан является третьим из крупнейших торговых партнеров Греции в СНГ после России и Украины и первым среди стран Закавказья. Объем товарооборота увеличился с \$2 млн в 1996 г. до \$26 млн в 2000 г. и затем до \$52 млн (экспорт Греции \$10 млн, импорт

\$42 млн) в 2006 г. В азербайджанском экспорте в Грецию преобладает сырая нефть и нефтепродукты, а в импорте – электротовары, телекоммуникационное оборудование, алюминиевый прокат, потребительские товары промышленного производства и фармацевтические продукты [182, pp. 19–20].

Армения является вторым торговым партнером Греции среди стран Закавказья. Развитию внешней торговли Армении препятствует фактическое блокирование границ страны Азербайджаном и Турцией и неурегулированные конфликты в Грузии (Абхазия и Южная Осетия), вследствие чего единственный стабильный маршрут для перевозки экспортных и импортных грузов в Армению пролегает через Иран. После вступления в силу Соглашения об экономическом и технологическом сотрудничестве товарооборот Греции с Арменией увеличился с \$2 млн в 1994 г. до \$50 млн в 2000 г. (экспорт Греции \$47 млн, импорт \$3). Развитию двусторонней торговли способствовали открытие Грецией кредитной линии для закупки товаров и реализация механизма взаимных расчетов в рамках торгового сотрудничества между Арменией, Грецией и Ираном [182, pp. 19–20]. В 2001–2005 гг. среднегодовой товарооборот стабилизировался на уровне €32 млн (экспорт Греции \$31 млн, импорт \$1 млн). Греция экспортирует электротовары, средства связи, муку, макаронные изделия, алюминиевую фольгу, упаковочные материалы, табак, а импортирует из Армении детали и узлы приборов.

Грузия является перспективным рынком сбыта греческих товаров. Объем товарооборота увеличился с \$1,8 млн (экспорт Греции \$1,7 млн, импорт \$0,1 млн) в 1993 г. до \$14 млн (экспорт \$10 млн, импорт \$4 млн) в 2005 г. Основу грузинского экспорта составляют цветные металлы, эфирные масла, чай, столовые вина и минеральные воды, а из Греции импортируется оборудование для предприятий пищевой и легкой промышленности и средства связи.

Молдова, территория которой составляет лишь 0,025% площади Земли, обладает развитым агропромышленным комплексом и является одним из крупнейших экспортеров продукции виноделия (в стране расположено 3% виноградников мира). Объем товарооборота с Молдовой увеличился с \$2,7 млн в 1993 г. (экспорт Греции \$2,38 млн, импорт \$0,32 млн) до \$16 млн в 2006 г. (экспорт \$11 млн, импорт \$5 млн). Молдова экспортирует в Грецию стальной прокат, ткани, табак и виноматериалы, а импортирует бензин, дизельное топливо,

хлопковое волокно, лакокрасочные материалы, оливковое масло и цитрусовые.

В целом в 1998–2006 гг. темпы роста торговли между странами ЧЭС опережали темпы роста их общего внешнеторгового оборота.

Различия в структуре товарного производства Греции и ее восточно-европейских партнеров по ЧЭС являются долговременным движущим фактором развития двусторонней торговли. По многим группам экспортных товаров страны ЧЭС являются конкурентами: Азербайджан и Россия – по нефти; Болгария, Грузия, Молдова, Россия, Румыния, Турция и Украина – по черным металлам, Греция и Турция – по цитрусовым и т. д. Однако для Греции по всем экспортным товарам Россия, Украина и другие постсоветские страны ЧЭС не являются конкурентами, а почти универсальный экспортный потенциал российской и украинской промышленности способен компенсировать отсутствие в Греции ряда собственных отраслей. Что касается балканских стран ЧЭС, то на рынке продуктов питания, а также в сфере иностранного туризма и морских перевозок греческие предприниматели испытывают возрастающую конкуренцию со стороны турецких, румынских и болгарских компаний.

Внешняя торговля Греции весьма чувствительна к изменениям цен на внешних рынках. В период «мексиканского» кризиса 1994–1995 гг. цены на основные товары греческого экспорта по сравнению с уровнем 1980 г. упали: на нефтепродукты в 2–3,5 раза, на минеральные удобрения в 2,1 раза, на продукты питания и напитки в 2 раза [191, pp. 229–231]. Поскольку темпы снижения цен на нефть, промышленное оборудование, компьютеры и другие товары греческого импорта опережали темпы снижения цен на экспортные товары, изменение конъюнктуры в конце XX века в целом было благоприятным для экономики Греции. Хотя коэффициент покрытия импорта экспортом уменьшился с 0,437 в 1995 г. до 0,386 в 2000 г., за тот же период при увеличении затрат на импорт на 8,9% абсолютные показатели импорта (в тоннах) возросли на 130,2% (табл. 3.7).

Удельный вес товаров, преобладающих в экспорте постсоветских стран ЧЭС, в мировой торговле в 1990–2000 гг. неуклонно уменьшался. Доля черных металлов снизилась с 3,1 до 2,3%, равно как и доля сельскохозяйственной продукции (с 9,3 до 7,2%) и текстиля (с 3,1 до 2,7%). Доля средств компьютеризации и телекоммуникационного оборудования в мировом экспорте за это время почти удвоилась (с 8,7 до 15,2%). Не соответствует общемировым тенденциям и структура

Таблица 3.7

**Стоимостные и количественные показатели
внешнеторгового товарооборота Греции в 1995–2000 гг.**

Год	Экспорт, <i>E</i>			Импорт, <i>I</i>			Коэф. по- кры- тия <i>E/I</i>
	Стои- мость $C_E,$ \$ млн	Коли- чество $Q_E,$ тыс. т	Средняя цена $P_E =$ $C_E/Q_E,$ \$/т	Стои- мость $C_I,$ \$ млн	Коли- чество $Q_I,$ тыс. т	Средняя цена $P_I =$ $C_I/Q_I,$ \$/т	
1995	10968,1	21527,4	509,5	25074,4	29662,5	845,3	0,437
1996	11318,0	23917,8	473,2	26332,9	41234,6	638,6	0,430
1997	11128,0	22322,2	500,4	26506,1	31509,8	841,2	0,420
1998	10838,2	21860,4	495,8	29098,2	37449,5	777,0	0,372
1999	11026,8	22854,8	482,5	29042,0	45200,9	642,5	0,380
2000	11167,1	24210,5	461,3	28918,2	54890,3	526,8	0,386

Рассчитано по источнику [169].

экспорта услуг в постсоветских странах ЧЭС. Так, доля транспортных услуг в Украине достигает 83,7% по сравнению с 1,7% в сфере международного туризма, в то время как в мировом экспорте доли этих видов услуг в 2001 г. сравнялись (по 23%), а в Греции – превысили мировые показатели [185; 191].

Медленная технологическая модернизация экономик постсоветских стран ЧЭС в направлении специализации на основе эффективного использования факторных преимуществ способствует сохранению их гипертрофированной импортозависимости [192; 194]. За исключением ресурсно самодостаточной России, в этих странах большая часть импортируемого сырья, комплектующих изделий и энергоносителей по-прежнему используется для производства экспортных товаров, что препятствует развитию внутреннего рынка и росту экономики в целом. Для сравнения укажем, что в гораздо менее обеспеченной сырьевыми ресурсами Японии доля импорта в ВВП ($D_{im\ p} = 11,5\%$ в 2005 г.) в три-четыре раза меньше, чем в постсоветских странах ЧЭС [66, р. 236].

В 2003–2004 гг. ни одна из постсоветских стран ЧЭС не вошла в первую половину списка из 102-х крупнейших стран мира, заняв места с 70-го по 94-е (по оценкам Всемирного Экономического Форума).

По рангу конкурентоспособности две крупнейшие индустриальные страны ЧЭС – космические державы Россия и Украина заняли соответственно 70-е и 86-е места, в то время как экономики ЦВЕ и Балтии заняли места с 20-го (Эстония, опередившая многие развитые страны ЕС) по 60-е (Польша). В 2007 г. Россия поднялась на 58-е, а Украина – на 73-е место среди 131 страны [178].

3.3. Проблемы сотрудничества на региональном и субрегиональном уровне и институционализация механизма их разрешения

Глобализация мирохозяйственных связей в конце XX века сопровождалась усилением конкуренции на международных рынках товаров и услуг. Преимущества при этом получили страны и группы стран, занимающие доминирующие позиции в ключевых секторах мировой экономики и контролирующие торговые потоки и уровень цен. В этих условиях региональная интеграция стала одним из наиболее эффективных способов защиты интересов объединяющихся государств в их противостоянии экономическому эгоизму стран-монопольщиков и их группировок.

Интеграция как глобальный феномен последних десятилетий есть результат воплощения сущности объективных законов развития мирового хозяйства в конкретные экономические явления, выражающиеся в изменениях характера и масштабов производственно-распределительных связей между странами. Опыт развития ЕС показал, что интеграция является одним из путей наиболее эффективного использования конкурентных преимуществ членов объединения, а разность экономических потенциалов стран-участниц является долгосрочным эндогенным источником развития всей интеграционной группировки.

Отметим, что для развития ЧЭС важны не только экономический потенциал и многолетнее членство Греции в ЕС, но и ее международный авторитет как родины демократии и таких общечеловеческих ценностей, как верховенство закона. Для Греции с ее выгодным географическим положением на перекрестке торговых путей, связывающих между собой три континента – Европу, Африку и Азию, участие в ЧЭС укрепляет позиции страны как центра инвестиционной и торговой деятельности в экономически перспективном Причерноморском регионе. Членство Греции, Болгарии и Румынии в обеих группировках способствует повышению эффективности взаимодействия ЧЭС и ЕС.

Проблемы взаимовлияния процессов транснационализации и региональной интеграции относятся к числу наименее исследованных в теории международных экономических отношений. Анализируя особенности интернационализации народнохозяйственных комплексов причерноморских стран и становления ЧЭС как международного экономического объединения, применим методологию исследования стратегий интеграции в условиях глобальных трансформаций мирохозяйственных связей, а также используем терминологию и классификацию структур, уровней, форм и типов интернационализации и международной экономической интеграции, предложенную О. Белорусом и Д. Лукьяненко [147, с. 331–348].

В настоящее время регулирование международных экономических отношений в регионе ЧЭС осуществляется на преимущественно национальном уровне на основе двусторонних и многосторонних (три – пять стран) соглашений. Межгосударственные органы и механизмы ЧЭС только начинают складываться в систему координации экономической деятельности. Разновекторность политических устремлений ряда стран ЧЭС препятствует институциональному развитию организации. Развитие ЧЭС как интеграционного объединения также сдерживается из-за неурегулированных межгосударственных конфликтов и существенных политико-правовых, экономических и социально-культурных различий между странами-участницами. ЧЭС как организация только выходит на первый уровень интеграции (планируется создание зоны свободной торговли).

Институционализация ЧЭС как правовое и организационное закрепление новых форм экономических отношений, складывающихся между государствами-участниками, и формирование структуры организации и ее механизмов (руководство ЧЭС, система «тройки», основные и вспомогательные органы) фрагментарно повторяют развитие аналогичных основ и структур ЕЭС в начальный период его становления. Однако, в отличие от ЕЭС, где доминировала «интеграция сверху» на уровне договоров и соглашений между всеми членами Сообщества, объединительные процессы в ЧЭС развиваются на уровне расширения «горизонтальных» связей между финансово-промышленными группами, торговыми и банковскими компаниями отдельных стран.

Принципы, цели и области сотрудничества государств-участников, структура, правовые и финансовые основы функционирования ЧЭС как региональной организации определены Уставом (1998 г.) и

Экономической Программой ЧЭС (2001 г.). Руководящим органом ЧЭС, действующим на регулярной основе, является Совет Министров Иностранных Дел (СМИД). Координация сотрудничества СМИД с основными и вспомогательными органами, связанными с ЧЭС, анализ их деятельности и разработка рекомендаций для представления СМИД осуществляется Комитетом старших должностных лиц, представляющих министров иностранных дел и действующих от их имени.

Органами, связанными с ЧЭС, являются:

- Парламентская Ассамблея Черноморского экономического сотрудничества;
- Черноморский Банк Торговли и Развития;
- Международный Центр Черноморских исследований;
- Региональный Черноморский Энергетический Центр;
- Координационный Центр ЧЭС по обмену статистическими данными и экономической информацией;
- Деловой Совет ЧЭС – международная неправительственная организация, представляющая интересы бизнес-кругов стран-участниц.

Организация работы учреждений ЧЭС возложена на Постоянный Международный Секретариат.

Интеграционные процессы в Причерноморском бассейне – одном из самых нестабильных регионов Евразии, объединяющем Балканы и Закавказье, не вышли за пределы первого, начального уровня микроинтеграции (создание совместных производственных предприятий, торговых домов, банков с иностранным капиталом и пр.). В течение последних пятнадцати лет экономики всех стран региона, за исключением глубоко интегрированной в ЕС Греции, находились на средней стадии интернационализации и взаимодействовали с другими национальными экономиками преимущественно на основе развития традиционных форм международных экономических отношений, прежде всего, внешней торговли товарами и услугами и, в меньшей степени, международного движения капитала и межстранового перемещения рабочей силы. Если торговый оборот между странами ЧЭС исчисляется десятками миллиардов долларов США в год, то объемы межстранового движения капитала на порядок меньше.

Эффективному использованию межстранового движения рабочей силы как ресурса экономического роста в регионе препятствует сохранение ограничительного визового режима (Греция) и его ужесточение после введения въездных виз Болгарией и Румынией (в отно-

шении граждан других стран ЧЭС с переходной экономикой) и Россией (в отношении Грузии).

Процессы рыночной трансформации экономик постсоциалистических стран ЧЭС сопровождаются образованием горизонтально и вертикально интегрированных международных компаний, увеличением количества СП в производственной, торговой и банковской сферах, интенсификацией межстрановой внутриотраслевой торговли и ростом объемов прямых иностранных инвестиций, что подтверждает объективную природу и универсальный характер обнаруженных Дж. Даннингом (J. Dunning), П. Бакли (P. Buckley) и М. Кэссоном (M. Casson) закономерностей, определяющих взаимовлияние интернационализации и расширения масштабов деятельности ТНК [37; 38].

Эти зависимости, выявленные для рыночных экономик, были подтверждены и в постсоциалистических и постсоветских странах ЧЭС. В ряде стран ЧЭС в процессе приватизации государственной собственности произошла сверхконцентрация частного капитала с последующим превращением национальных компаний в межнациональные, а затем и в транснациональные корпорации.

Особенно быстро происходило укрупнение предприятий в России, где в 2006 г. 80% ВВП было произведено 500 компаниями по сравнению с 1200 компаниями в 1996 г. В 2001 г. три холдинга из России вошли в список 500 ведущих частных корпораций мира. Ранее в странах ЧЭС, кроме Греции, частные компании с таким крупным капиталом отсутствовали. Наиболее активно российский бизнес осваивает рынки соседних стран. Так, в Украине по состоянию на 1 июля 2007 г. функционировало 1633 СП с российским капиталом по сравнению с 81 СП с украинским капиталом в России [190]. Кроме того, в собственность российских корпораций ЛУКойл и «Тюменская нефтяная компания «ТНК»» перешли три из шести нефтеперерабатывающих заводов Украины. Широкое распространение получило развитие джобберских сетей (только в 1999–2001 гг. «ТНК»–Украина», «ЛУКойл–Украина» и другие российские компании построили в Украине 1000 автозаправочных станций. Корпорация «МТС» в 2003 г. приобрела 100% акций предприятия «Український мобільний зв'язок» (УМС) и стала одним из двух крупнейших операторов мобильной связи в Украине (свыше 40% рынка в 2007 г.).

Рыночная трансформация в десяти странах ЧЭС с переходной экономикой и структурное реформирование народнохозяйственных комплексов Греции и Турции происходят в условиях интенсификации

процессов транснационализации микро- и макроэкономического регулирования мирохозяйственных отношений и создания качественно нового механизма экономического регулирования с глобальной суперструктурой. Вместе с тем, О. Белорус и Ю. Пахомов отметили: «Глобальное регулирование в современных условиях является результатом своеобразного взаимодействия национальных, международных и наднациональных форм и методов» [194, с. 522].

Объективные экономические законы проявляются через иницируемые людьми и поэтому носящие субъективный характер процессы интеграции. Достигнутый в ЧЭС невысокий уровень интеграции и медленный ход объединительных процессов обусловлены существенными различиями в исторически сложившейся в каждой стране совокупности объективных экономических факторов (численность населения, площадь территории, обеспеченность материальными ресурсами, масштаб и технологический уровень производства и пр.) и отсутствием в ряде стран должной заинтересованности правящих элит и общества в целом в ускорении интеграции. В любой экономике существуют свои исторически сложившиеся формальные и неформальные ограничения, однако, главным условием реализации программ интеграции страны в региональную и мировую экономику является внутреннее единство общества, его консолидация на основе социального и экономического консенсуса. Расширение торгово-экономического сотрудничества в ЧЭС требует формирования новой системы регулирования межгосударственных экономических отношений в условиях глобализации, однако, в настоящее время политическое руководство большинства постсоветских стран ЧЭС, следуя устаревшим представлениям о роли государства как основного структурного элемента международной экономики, не готово к заключению многосторонних договоров, связывающие обязательства по которым приведут к определенному ограничению экономического суверенитета страны. Такая позиция замедляет институционализацию международных экономических отношений в Причерноморском регионе, и при разработке стратегии интеграции учет специфических условий развития каждой страны приобретает особую значимость.

Проанализируем основные институциональные проблемы, препятствующие развитию интеграционных процессов в ЧЭС, исходя из концепции М. Вебера об идее рациональности как основы эффективного функционирования институтов управления и рассматривая региональную экономическую интеграцию как взаимосвязанные про-

цессы становления равноправных отношений между национальными и зарубежными экономическими партнерами внутри одной страны и между экономическими субъектами – представителями различных государств [147, с. 331; 195].

В отличие от ЕС, в формировании ЧЭС как регионального интеграционного объединения преобладает «инициатива снизу» за счет расширения международных экономических связей между субъектами предпринимательской деятельности, в то время как межгосударственному договорно-правовому оформлению зоны свободной торговли по «инициативе сверху» препятствуют политические и экономические противоречия между странами. Эти противоречия не являются антагонистическими, однако, процесс их преодоления может быть весьма продолжительным.

Д. Пьяцоло (D. Piazzolo) отметил, что подготовка к интеграции в ЕС требует реконструкции всей политико-экономической системы постсоциалистических стран, которые смогут увеличить темпы годового прироста ВВП только за счет полномасштабного перехода к принятым в ЕС правилам регулирования экономических отношений (*acquis communautaire*) [196]. Р. Болдуин (R. Baldwin), Ж. Франсуа (J. Francois) и Р. Портес (R. Portes) отметили, что членство в ЕС требует закрепления четко определенных прав собственности и систематизации политики в области конкуренции и субсидирования, что снижает риски инвестирования и также способствует увеличению темпов роста ВВП [197].

Однако комплексное реформирование законодательства в странах ЧЭС с переходной экономикой, за исключением Болгарии и Румынии, и его гармонизация с международными нормами и стандартами ЕС все еще далеки от завершения, что является одной из причин несоответствия национальных экономик объективно необходимым критериям интеграционной совместимости и тормозит развитие торгово-экономических отношений стран Причерноморского бассейна.

На первом этапе реформ в России, Украине и других постсоветских странах ЧЭС был избран принципиально неверный порядок достижения целей рыночной трансформации, поскольку руководство этих стран проигнорировало научно обоснованные стратегии системных преобразований, разработанные ведущими отечественными и зарубежными экономистами. Ключевым направлением деятельности государства при переходе от административно-командной к рыночной экономике должно было стать законодательное обеспечение про-

зрачной конкурентной среды для предприятий всех типов и форм собственности [198; 199].

На современном этапе развития мирового хозяйства международные правила регулирования внешнеэкономической деятельности участников интеграционных объединений стали доминировать над национальными. Развитие интеграционных процессов и реализация международных экономических проектов в Причерноморском бассейне сдерживается из-за отсутствия Договора, определяющего основы функционирования ЧЭС как интеграционного объединения и регламентирующего права и обязанности его участников. Такой Договор как правовая основа создания единой для всех стран ЧЭС институциональной среды необходим для организации межнациональных и надгосударственных структур и механизмов координации межстранового сотрудничества на региональном уровне. Без таких структур, координирующих перераспределение ресурсов экономического роста в Причерноморском бассейне, невозможно обеспечить концентрацию материальных, финансовых и трудовых ресурсов ЧЭС на ключевых для региона направлениях, что способно дать максимальный экономический эффект для всех стран организации. Отсутствие Договора, регламентирующего объем законодательных, исполнительных и судебных полномочий, делегированных странами-участницами институциональным межгосударственным органам, препятствует формированию системы механизмов управления ЧЭС. Встречи глав государств и правительств проводятся по мере необходимости и не получили официального статуса директивного органа ЧЭС. Резолюции СМВД, принимаемые на основе консенсуса, в соответствии с Правилами процедуры обязательны для всех государств – членов ЧЭС, однако, базовыми документами не предусмотрены санкции или иные меры принуждения в отношении стран, уклоняющихся от выполнения этих резолюций [200; 201]. Разработка правовых основ и механизма реализации решений Совета ЧЭС по-прежнему является актуальной проблемой.

Для более эффективного использования уже существующих в ЧЭС механизмов регулирования необходимо обеспечить гармонизацию национального экономического законодательства с международным, и прежде всего адаптировать национальные нормы и правила внешней торговли и защиты иностранных инвестиций к условиям многостороннего сотрудничества в рамках ЧЭС. Достижение этих целей во многом зависит от успешного взаимодействия Организации

Черноморского экономического сотрудничества и Парламентской Ассамблеи ЧЭС (ПАЧЭС).

Основной целью ПАЧЭС, представляющей национальные парламенты стран-участниц, является содействие законодательному обеспечению процесса межгосударственного сотрудничества в Причерноморском бассейне [202]. В соответствии со ст.20 Устава, отношения между ЧЭС и ПАЧЭС основываются на принципах Стамбульской Декларации 1992 г. и решениях последующих саммитов [120, с. 227]. Постоянно действующий комитет ПАЧЭС по экономическим, торговым, технологическим и экологическим вопросам разрабатывает рекомендации по расширению и углублению сотрудничества стран ЧЭС для решения актуальных проблем Причерноморского бассейна («Совместная Декларация о соединении Черноморской и Трансъевропейской транспортных сетей в рамках развития евроазиатских транспортных связей», «Экономические аспекты решения экологических проблем в странах Черноморского бассейна», «Совместная Декларация о сотрудничестве в области энергетики в регионе ЧЭС» и др.).

Процедура принятия решений в ПАЧЭС простым большинством голосов основана на принципе «одна страна – один голос» [201]. Отметим, что такое положение может привести к ситуации, когда любые шесть малых государств смогут заблокировать предложения остальных шести членов ЧЭС с десятикратно большей численностью населения и двадцатикратно большим объемом совокупного ВВП.

ПАЧЭС может рассматриваться как прообраз будущего Черноморского Парламента как высшего представительного, законодательного и консультативного органа ЧЭС (по типу Европейского Парламента). Дальнейшая институционализация отношений между ЧЭС и ПАЧЭС повысит эффективность их взаимодействия в правовом обеспечении и формировании системы координации и регулирования экономической деятельности в регионе.

Институциональная незавершенность ЧЭС проявляется и в отсутствии верховной судебной инстанции, в юрисдикции которой находилось бы принятие решений по спорным вопросам интерпретации и применения правовых межгосударственных актов [204].

Черноморский Банк Торговли и Развития (ЧБТР) является единственным органом ЧЭС, полностью институционально оформленным в соответствии с нормами международного права. ЧБТР был создан в 1994 г. для аккумуляции инвестиционных ресурсов, финансирования региональных проектов и оказания банковских услуг в сфере торго-

вых обменов между странами ЧЭС [205, р. 83–90]. Местопребыванием ЧБТР с учетом высокой степени развития банковской сферы в Греции избран г. Фессалоники. Доли государств-участников в уставном капитале ЧБТР в размере одного миллиарда «специальных прав заимствования» (special drawing rights) распределились следующим образом: Греция, Россия и Турция по 16,5%; Болгария, Румыния и Украина – по 13,5%; Азербайджан, Албания, Армения, Грузия и Молдова – по 2%. Для большинства учредителей оказалось затруднительным своевременное внесение своей доли в уставный фонд ЧБТР, и Банк начал функционировать лишь с 1 июня 1999 г. [120, с. 39; 206].

Процедура принятия решений по финансовым вопросам в ЧБТР устанавливает число голосов каждой страны в зависимости от размера ее доли в уставном капитале. Такой порядок способствует первоочередному финансированию проектов, в реализации которых заинтересовано большинство государств ЧЭС. В Соглашении об учреждении ЧБТР предусмотрено применение банковских санкций к стране, не выполняющей принятых финансовых обязательств [120, с. 235–272].

Состоявшаяся в 2000 г. в Ялте международная конференция «Возможности бизнеса в регионе Черноморского экономического сотрудничества» показала, что основным препятствием для эффективной реализации инвестиционного потенциала ЧЭС является нестабильность законодательства в постсоциалистических и постсоветских странах. Хотя в течение 2000–2006 гг. количество реализуемых за счет кредитов ЧБТР инвестиционных проектов в рамках многостороннего сотрудничества государств ЧЭС возросло с 4 до 63, а объемы кредитования увеличились с \$36 млн до \$693 млн, ЧБТР с уставным капиталом более \$1,35 млрд в состоянии выделять на финансирование совместных проектов ЧЭС не менее \$875 млн [205, р. 85]. К наиболее перспективным эксперты ЧБТР относят проекты строительства трансконтинентального коридора TRASECA и трансевропейских магистралей, объединения энергосистем стран ЧЭС в Черноморское кольцо, создания кольцевой паромной переправы между черноморскими портами, сооружения наземных и подводных оптоволоконных линий связи, а также международные программы охраны окружающей среды в бассейне Черного моря.

В соответствии со ст. 24 Устава, для обслуживания всех государств ЧЭС, заинтересованных в конкретных областях сотрудничества, с одобрения СМВД при вспомогательных органах ЧЭС могут создаваться специальные центры, результаты деятельности которых но-

сят консультативный характер [127]. При содействии Европейской Комиссии (ЕК) были открыты Международный Центр Черноморских Исследований (ICBSS) в Афинах и Региональный Черноморский Энергетический Центр (BSREC) в Софии [120, с. 39–42; 205, р. 91–95].

ICBSS работает при финансовой поддержке из бюджета программ TACIS и PHARE и разрабатывает рекомендации по определению приоритетных направлений сотрудничества стран ЧЭС и ЕС.

BSREC был создан по инициативе Греции в рамках программы ЕС «SYNERGY» для координации работ по реализации совместных проектов ЕС и стран Причерноморского региона в энергетическом секторе. BSREC работает под контролем ЕК и Совета полномочных представителей всех стран ЧЭС. Членом BSREC с 1 января 1999 г. стала также бывшая югославская республика Македония.

Стратегическое значение энергетического сектора Причерноморского региона для экономического развития всего континента привлекло к активному участию в разработке и реализации в рамках BSREC проектов добычи, переработки и транспортирования нефти, газа и других энергоносителей не только ЕК (программы SYNERGY, PHARE-MER, TACIS, THERMIE и др.), но и ведущие энергетические компании (Eurogas, Euroelectric, Europa и др.) и банки ЕС (ЕБПР, Европейский Инвестиционный Банк и др.), а также Международное Энергетическое Агентство, Конференцию Энергетической Хартии, компании и финансовые учреждения соседних с Причерноморьем стран Азии и государств-наблюдателей в ЧЭС [129].

Механизмы экономической интеграции в Причерноморском бассейне структурно неоднородны в силу воздействия различных для каждой страны ЧЭС комплексов национальных и межгосударственных (а для ряда стран и межцивилизационных) проблем и противоречий. В современных условиях, когда имеет место конфронтация отдельных стран из-за проблем сепаратизма или неурегулированных территориальных споров, установление договорных обязательств в рамках единого для всех государств ЧЭС международно-правового соглашения, охватывающего все отрасли экономики, не представляется реалистичным. Каждая страна ЧЭС преследует свои прагматические цели, которые далеко не всегда отвечают интересам остальных участников. Поэтому принцип добровольности, в соответствии с которым страна определяет свою позицию относительно участия в совместных проектах в рамках ЧЭС, в настоящее время является единственно приемлемым.

Институционализация ЧЭС способствовала повышению уровня отношений с ЕС на основе «Платформы для сотрудничества между ЧЭС и ЕС», утвержденной СМВД в 1999 г. [25, р. 308–311]. ЧЭС как региональная организация подписала также договоры о сотрудничестве с Организацией по промышленному развитию при ООН (UNIDO), экономической комиссией ООН для Европы (UN/ECE), Программой ООН по окружающей среде (UNEP), Программой Развития при ООН (UNDP), Международной Организацией Миграции (IOM), Всемирным Банком и Евро-Азийским Экономическим Сообществом (ЕврАзЭС) [25, р. 287–340; 131].

Партнерами ЧЭС в сфере секторального сотрудничества являются:

- Черноморская международная ассоциация судовладельцев;
- Ассоциация портов Черного и Азовского морей;
- Союз дорожно-транспортных ассоциаций Черноморского региона;
- Черноморская региональная ассоциация судостроителей и судоремонтников;
- Региональное Содружество в сфере коммуникаций;
- Международная Сеть малых и средних предприятий (International Network of SMEs – INSME).

До оформления ЧЭС как региональной организации участие представителей ЕС в работе структур Черноморской инициативы не могло компенсировать отсутствие институциональной основы официальных отношений между двумя крупнейшими в Европе экономическими группировками. Это порождало ложное представление о том, что ЕС не рассматривает ЧЭС в качестве перспективного интеграционного объединения и важного экономического партнера, и некоторые страны Причерноморья занимали выжидательную позицию, проявляя инертность в реализации совместных региональных проектов. Прежде всего это относилось к ассоциированным членам ЕС – Болгарии, Румынии и Турции, не присоединившихся в 1996 г. к Меморандуму о сотрудничестве государств ЧЭС в области электроэнергетики. Институционализация сотрудничества в ключевых для всех стран ЧЭС энергетической и транспортной сферах путем заключения Договора о создании Черноморского Энергетического Объединения и/или Черноморского Транспортного Сообщества могла бы стать таким же фактором ускорения интеграционных процессов в ЧЭС, каким стало образование Европейского Объединения Угля и Стали для западноевропейской интеграции.

Представляется, что углубление микроинтеграции государств ЧЭС на основе расширения многостороннего торгово-производственного сотрудничества является наиболее реальным путем развития региональной интеграции для создания целостной экономической системы макроуровня с институциональными органами надгосударственного управления соответствующими сферами национальных экономик. Одним из таких перспективных направлений может стать установление отношений партнерства между предприятиями и объединениями, а затем и отраслями промышленности стран ЧЭС для координации производственных программ с целью исключения внутриотраслевой конкуренции между ними на рынках третьих стран. Предприятия и объединения двух или более государств ЧЭС, заключив долгосрочные соглашения о специализации, могут при разграничении ассортимента выпускаемой продукции повысить ее конкурентоспособность за счет снижения издержек при увеличении масштабов производства. Соглашения о разделе производственных программ особенно актуальны для предприятий металлургического комплекса таких стран ЧЭС, как Болгария, Грузия, Молдова, Россия, Румыния, Турция и Украина, являющихся конкурентами на рынке черных металлов. Дублирование ассортимента экспортной продукции препятствует действиям стран ЧЭС на мировом рынке стали, и для них было бы полезным применение опыта разделения ассортимента продукции между предприятиями черной металлургии стран ЕС и заключения соглашений о рационализации производства, предусматривающих возможность использования незагруженных мощностей предприятия-кооперанта другими участниками соглашения [174, с. 447–450].

Постсоциалистическим и постсоветским странам ЧЭС для приближения к экономическим и социальным стандартам ЕС необходим переход к инновационной модели развития. Для предприятий из стран с переходной экономикой самостоятельный выход на мировые рынки высокотехнологичной продукции, полностью контролируемые ТНК, затруднен не только по конкурентным соображениям, но и ввиду несоответствия национальных стандартов требованиям потенциальных потребителей в развитых странах. Объективно существующее противодействие ТНК попыткам конкурирующих предприятий из развивающихся стран и государств с переходной экономикой самостоятельно выйти на мировой рынок с продукцией наукоемких отраслей может быть преодолено только на условиях привлечения ведущих ТНК к реализации инновационных разработок, имеющихся в странах

ЧЭС. Без участия ТНК эти предприятия вряд ли смогут преодолеть множество барьеров политического, экономического, правового и экологического характера, препятствующих продвижению их инновационного продукта на внешние рынки.

Сложная экономическая ситуация в ряде постсоветских стран ЧЭС препятствует развитию многостороннего сотрудничества. Повышение эффективности работы специализированных групп СМВД, Постоянных Секретариатов ЧЭС и ПАЧЭС и других международных структур требует больших средств, выделить которые многие страны пока не в состоянии. Вместе с тем, в ЧЭС имеется множество неиспользованных возможностей синергии экономического роста, реализация которых не требует ни институционального оформления, ни больших затрат. Усложненность бюрократических процедур затрудняет деятельность Ассоциации судовладельцев черноморских стран, образованной для координации перевозок, привлечения иностранных инвестиций и создания пула заимствований для строительства судов и реконструкции портов и терминалов. Простои транспорта с экспортными и импортными грузами препятствуют росту товарооборота и использованию транзитного потенциала стран региона, поэтому актуальным является повышение пропускной способности пограничных пунктов. Кроме строительства новых пограничных переходов, для повышения эффективности перевозок необходимы согласованные действия стран ЧЭС по упрощению таможенного оформления грузов, а также стандартизации и унификации сопроводительной документации.

Развитие многостороннего торгово-экономического сотрудничества требует согласованных действий стран ЧЭС для скорейшего устранения препятствий подобного рода, что в первую очередь зависит от руководства соответствующих министерств и ведомств. В этом отношении заслуживают внимания предложения греческих деловых кругов о заключении рамочных соглашений о партнерстве между странами ЧЭС в энергетике, коммерческих перевозках и других отраслях. Такие соглашения, определяющие стратегические направления двустороннего и многостороннего сотрудничества, могут стать основой для создания межгосударственных институтов управления региональными экономическими проектами.

Выводы

Анализ торгово-экономических взаимоотношений стран ЧЭС и проблем расширения их сотрудничества позволяет сделать следующие краткие выводы:

- Разрыв между региональной и интернациональной стоимостями общественного труда определяет экспортрасширяющую модель экономического роста в постсоциалистических и постсоветских странах ЧЭС.
- Стратегии развития внешней торговли стран ЧЭС относят рынки Причерноморья к наиболее перспективным и направлены на рост торгового оборота при сокращении доли товаров сырьевой группы и увеличении доли машин, приборов и промышленного оборудования как в экспорте, так и в импорте. Темпы роста объемов торговли между странами ЧЭС опережают темпы роста их общего внешнеторгового оборота с другими регионами мира.
- В национальных стратегиях международного сотрудничества постсоветских стран ЧЭС Греция рассматривается как ключевой партнер для развития экономических отношений с государствами Балкан и Восточного Средиземноморья.
- Спецификой торгово-экономического сотрудничества государств Причерноморского бассейна и формирования ЧЭС как региональной группировки интеграционной направленности является преобладание «инициативы снизу» за счет расширения межстрановых связей национальных субъектов хозяйствования.
- Основными препятствиями для преобразования ЧЭС в интеграционное объединение с зоной свободной торговли являются неурегулированные территориальные конфликты, разрыв в уровнях социально-экономического развития между отдельными странами и незавершенность правового оформления механизмов координации многосторонних экономических отношений.

ГЛАВА 4.

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ГРЕЦИИ И УКРАИНЫ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЧЭС

4.1. Приоритеты внешнеэкономических связей Греции и Украины и расширение регионального сотрудничества

Анализируя состояние торгово-экономического сотрудничества Греции и Украины и перспективы его расширения в контексте интеграционных процессов в Причерноморском бассейне, следует отметить, что традиционно дружеские отношения между народами обеих стран восходят к временам расцвета древнегреческой государственности и подъема Киевской Руси. Духовное родство, обусловленное цивилизационной общностью, совместная борьба против завоевателей и многовековые торговые связи между украинским Причерноморьем и Грецией определяют климат взаимной доброжелательности в греческо-украинских отношениях.

С момента восстановления государственной независимости Украины в 1991 г. активизировались деловые и культурные контакты сотысячной греческой диаспоры в Украине со своей прародиной. Были созданы десятки совместных украинско-греческих предприятий и более двадцати греческих культурных обществ, деятельность которых также способствует укреплению греческо-украинского сотрудничества [105, с. 167].

Структура экспорта Греции и Украины определяет отсутствие конкурентной борьбы между ними на мировом рынке, а сложившаяся специализация промышленности и аграрного сектора в известной мере дополняет возможности национальных экономик, не вызывая конфликтов между товаропроизводителями на внутренних рынках обеих стран [120, с. 145].

Подписанный в 1996 г. в Афинах Договор о дружбе и сотрудничестве между Украиной и Греческой Республикой стал правовой базой углубления двусторонних торгово-экономических, научно-технических и культурных связей, существенно расширив сферы взаимодействия обоих государств, определенные Соглашением 1994 г. о Партнерстве и Сотрудничестве между Украиной и ЕС. Развитие сотрудничества с Украиной означает также и углубление взаимодействия Греции со странами ЧЭС, СНГ и Центрально-Европейской Инициативы, членом которых является Украина, и рассматривается как важный фактор общеевропейских интеграционных процессов. Греция и Украина принимают участие в совместных программах стран ЕС и ЧЭС по торговому и промышленному сотрудничеству, энергетическим и транспортным коммуникациям, банковскому делу и финансам, защите окружающей среды, туризму, сельскому хозяйству и индустрии переработки сельхозпродуктов, науке и технологии и ряду других направлений.

Сильный импульс развитию двусторонних торгово-экономических отношений придала начавшаяся в 1992 г. либерализация режима внешней торговли в Украине. Отмена лицензирования и квотирования на большинство товаров украинского экспорта и низкий уровень стандартных импортных тарифов обусловили рост объемов греческо-украинского торгового оборота с \$64,5 млн в 1993 г. до \$229,8 млн в 1994 г. Однако впоследствии установление в Украине высоких таможенных пошлин и акцизных сборов на импорт цитрусовых, табака, напитков, меховых и кожаных изделий привело к снижению товарооборота за счет более чем трехкратного уменьшения объемов греческого экспорта – с \$139 млн в 1996 г. до \$42 млн в 2000 г. [169, пп. 4а; 207, с. 28, с. 30].

Введение в Украине протекционистских тарифов означало в скрытой форме субсидирование неэффективно работающих национальных производителей за счет своеобразного «штрафа», который вынуждены платить покупатели ставших более дорогими импортных товаров. Как показал М. Корден, созданные таким путем «тепличные»

условия позволяют производителям субститутов импорта продолжать выпуск низкокачественной продукции, неконкурентоспособной в условиях открытого рынка [40; 41].

Отметим, что представления об увеличении доходов бюджета при возрастании импортных тарифов являются ошибочными. Мировая практика показывает, что завышение таможенных барьеров оказывает депрессивное воздействие на легальный импорт. Стремясь обеспечить приемлемую цену реализации ввозимых товаров с учетом реальной покупательной способности в стране, импортеры находят различные пути уклонения от высоких пошлин и сборов. Необоснованно высокие, заградительные по сути, импортные сборы способствуют развитию «челночного» псевдотуризма и других механизмов неформальной, или «теневой» экономики, объем которой, по оценкам МБРР, составляет в постсоциалистических и постсоветских государствах ЧЭС около 50% ВВП. Это косвенно подтверждается сравнением «прямых» и «зеркальных» официальных статистических данных по торговле с Болгарией, Россией, Румынией и Украиной, которое позволяет обнаружить существенное занижение партнерами декларируемых ими объемов экспорта в Грецию. По данным греческой стороны в 2000 г. (выбор года не имеет принципиального значения) импорт товаров из Украины составил \$125 млн, по данным украинской стороны экспорт в Грецию составил \$48,1 млн. Очевидно, что столь масштабное расхождение (свыше 60%) в статистике партнеров по внешнеторговым операциям невозможно объяснить только различиями в национальных методиках учета [169, с. 11; 207, с. 278].

Мировой опыт показывает, что при «цивилизованных» импортных тарифах и сборах на уровне 5–7% большинство участников ВЭД предпочитает легальные пути оплаты торговых операций [120, с. 107–108]. В частности, результаты многоуровневого мониторинга на рынках Украины и России показали, что снижение таможенных сборов с 92% до 20% от стоимости шубно- меховых изделий может привести к увеличению объема их легального ввоза и росту поступлений в бюджет в десятки раз [208, р. 20; 209, р. 32].

Для Греции одной из стратегических задач развития внешней торговли является сокращение дефицита торгового баланса. В торговле с Украиной коэффициент покрытия импорта экспортом снизился с 2,203 в 1997 г. до 0,336 в 2000 г. при отрицательном сальдо \$83 млн. Доля Украины во внешнеторговом товарообороте Греции составляет 1%, что совершенно не соответствует потенциалу двусто-

ронней торговли и потребностям как греческой, так и украинской экономики, однако, расширению производственных и торговых отношений препятствуют не только заградительные тарифы, но и чрезмерно длительная и усложненная бюрократическая процедура сертификации импортных товаров в Украине.

Нестабильность украинского арендного и земельного законодательства затрудняет создание сети бытовых и сервисных центров греческой продукции. Кроме того, отсутствие отделений греческих банков в Украине и украинских банков в Греции препятствует долгосрочному кредитованию национальных субъектов ВЭД и сокращению операционных затрат на финансовое обеспечение экспортно-импортных сделок, снижая тем самым эффективность внешней торговли. Между тем, как свидетельствует опыт конца 1990-х – начала 2000-х гг., углубление производственного и торгового сотрудничества Греции с балканскими государствами ЧЭС в значительной степени стало возможным благодаря постоянно расширяющейся сети филиалов греческих коммерческих банков в странах региона [206].

Тем не менее, имеется множество не используемых возможностей для расширения греческо-украинской торговли. В Греции готовы многократно увеличить импорт украинского металла и минеральных удобрений в обмен на товары традиционного греческого экспорта, заключив специальное межправительственное соглашение по объемам и срокам взаимных поставок. Перспективным представляется также использование на компенсационной основе незагруженных мощностей предприятий Украины по производству стальных конструкций, самоходных грузоподъемных кранов и другой дорожно-строительной техники для участия в реализации национальной программы реконструкции сети автомобильных и железных дорог в Греции. В дальнейшем опыт расширения межгосударственной торговли по таким соглашениям мог быть распространен и на другие группы товаров. Украинские предприятия в кооперации с греческими, албанскими, болгарскими и другими компаниями из стран ЧЭС могли бы принять участие в восстановлении и модернизации промышленной и транспортной инфраструктуры в Косово и соседних территориях в рамках международных проектов (строительство транспортного коридора от адриатического побережья Албании до черноморского побережья Болгарии через территорию Б. Ю. Р. Македонии и др.), реализуемых с финансовой помощью ЕС, США и других развитых стран в соответ-

ствии с подписанным в Сараево в июле 1999 г. Пактом Стабильности для Юго-Восточной Европы.

Среди приоритетов расширения внешнеэкономических связей Греции и Украины в рамках развития регионального интеграционного сотрудничества в Причерноморском бассейне особое место занимает углубление координированного взаимодействия сторон в ключевой для греческой экономики сфере морских грузовых и пассажирских перевозок, эксплуатации и ремонта судов. По инициативе Ассоциации портовых городов Греции был создан Международный Черноморский Клуб (МЧК), куда вошли приморские города Болгарии, Греции, России, Турции и Украины. В 1997 г. МЧК получил консультативный статус при Экономическом и Социальном Совете ООН. МЧК инициировал долгосрочные программы двустороннего и многостороннего сотрудничества государств ЧЭС в сфере экономики, экологии и культуры, однако, из-за отсутствия унифицированных тарифов и процедур таможенного оформления грузовых перевозок реализация ряда перспективных экономических проектов затянулась. Хотя соответствующий Протокол о сотрудничестве был подписан еще в 1996 г., открытие регулярного паромного сообщения между портами Одесса и Пирей задерживается. Затягивается и создание специальной экономической зоны в Одессе для привлечения инвестиций из стран ЧЭС в модернизацию существующих и строительство новых экспортноориентированных предприятий.

ТНК и финансово-промышленные группы (ФПГ) Греции в последние годы стремятся создавать вертикально интегрированные структуры, контролирующие весь цикл «производство судов – эксплуатация флота», для чего приобретают пакеты акций судостроительных заводов и компаний водного транспорта, в том числе и включенных в программы приватизации в странах с переходной экономикой. ФПГ «Avin» и «Lavinia» регулярно размещают заказы на строительство танкеров, рефрижераторов и других судов в Украине, и в 2000 г. общая сумма контрактов, подписанных греческими судовладельцами с украинскими верфями с начала 1990-х гг., достигла \$1,1 млрд. Особый интерес для греческих ТНК представляют судостроительные заводы, преобразование которых в украино-греческие предприятия может обеспечить полную загрузку производственных мощностей при использовании опыта верфей Японии и Швеции по конвейерному производству стандартизованных корабельных сборочных единиц [174, с. 429]. Реализация инвестиционных проектов в

судоостроении способна обеспечить рост украинско-греческого товарооборота на 180–200 млн долларов США в год.

Через Украину проходит 90% экспортных грузопотоков из России, Казахстана и других стран СНГ, и для Греции участие в международной системе транзита энергоносителей и других импортируемых ЕС товаров имеет стратегически важное значение. Греческий танкерный флот способен восполнить имеющийся у черноморских стран дефицит собственных судов для перевозки каспийской нефти к трубопроводным системам Украины, Турции, Румынии и Болгарии, а финансовые возможности греческих инвесторов позволяют ускорить сооружение скоростных автострад по маршруту 9-го трансъевропейского коридора, связывающего Грецию со странами ЧЭС, Прибалтики и Северной Европы (Александрополис – Пловдив – Бухарест – Кишинев – Любашевка – Киев – Витебск – Псков – Санкт-Петербург – Хельсинки с ответвлениями Любашевка – Одесса, Киев – Минск – Вильнюс – Каунас – Клайпеда и Киев – Москва). Основным препятствием для реализации этих проектов является отсутствие в национальном законодательстве постсоветских стран ЧЭС норм, определяющих правовые основы участия иностранных партнеров в управлении транспортными консорциумами и вопросы распределения эксплуатационных доходов и расходов.

В Греции создание СП в странах ЧЭС рассматривается как эффективный путь устранения протекционистских препятствий для свободного межстранового движения товаров и услуг, способствующий повышению конкурентоспособности национальных экономик и росту ВВП за счет рационального использования ресурсов, стандартизации и унификации международного производства. Государственной поддержкой в Греции пользуется и участие национального капитала в программах приватизации в странах с переходной экономикой. В целом расширение межстранового производственного и торгового сотрудничества путем углубления экономических связей между предприятиями и корпорациями способствует развитию интеграционных процессов в регионе, создавая предпосылки для образования зоны свободной торговли.

Начавшийся в 2000 г. в Украине рост промышленного и сельскохозяйственного производства обусловил повышение инвестиционной привлекательности многих отраслей экономики страны. Греческие инвесторы с учетом актуальных потребностей греческого, украинского и внешнего рынков намерены значительно увеличить масштабы

совместного производства в Украине минеральных удобрений, фармацевтической продукции, обуви, текстиля, мебели, продовольственных товаров, строительных и отделочных материалов. Прямые инвестиции направляются также в строительство жилья, отелей и туристических комплексов. Привлекательными для греческих инвесторов объектами являются приватизируемые в Украине стратегические предприятия энергетики, транспорта, телекоммуникаций, добывающей промышленности, металлургического сектора, судостроения, машиностроения и металлообработки, химической и нефтехимической отраслей [105, с. 175–176; 182, р. 23].

Особое место «украинского направления» во внешнеэкономической стратегии обусловлено долговременными интересами развития Греции. Деловые круги Греции стремятся укрепить свои позиции в Украине, экономика которой после завершения рыночной трансформации имеет все предпосылки стать одной из самых динамично развивающихся в Европе. Селективная направленность на формирование общих экономических приоритетов, углубление и расширение двустороннего производственного и торгового сотрудничества не противоречит интересам третьих стран и способствует ускорению интеграционных процессов в регионе [105, с. 180].

4.2. Греческая модель развития и потенциал украинской экономики

Во второй половине XX века международное разделение общественного труда как высшая форма его организации, обеспечивающая повышение эффективности всех сфер производства и обращения, стало основой глобальной экономики. Углубление производственной специализации и расширение внешнеторговых связей каждой страны является объективным экономическим законом функционирования производительных сил.

Комплексные экономические реформы начались в Греции в 1961 г. после подписания Соглашения об ассоциации с ЕЭС. К этому времени десятилетний опыт развития шести государств-основателей ЕОУС и ЕЭС показал, что использование факторных абсолютных и сравнительных преимуществ страны в системе международного разделения труда в рамках интеграционных объединений является одним из наиболее эффективных путей обеспечения устойчивого роста национальной экономики.

Аграрно-индустриальная экономика Греции в начале 1960-х гг. характеризовалась относительно невысокими уровнем развития и степенью интегрированности в систему европейского и мирового хозяйства. В предыдущем десятилетии ВВП на душу населения был более чем вдвое меньше среднего по ЕЭС, а доля экспорта товаров и услуг не превышала 9% ВВП, причем в товарном экспорте на аграрную продукцию приходилось 65%, на сырье 25% и только 10% – на промышленные изделия [14, р. 176; 16, с. 72–77].

Оценив производственный, финансовый и научно-технический потенциал Греции и совокупность экономических, политических и социальных факторов, отражающих достигнутый уровень развития и интернационализации производительных сил, отечественные ученые обосновали необходимость построения социально ориентированной рыночной экономики на основе западноевропейской («рейнской») модели, эффективность которой была подтверждена практикой Германии и других стран – основателей ЕЭС, в которых сочетание постепенной либерализации хозяйственной деятельности с уменьшением степени государственного регулирования рынка способствовало росту национального дохода за счет коренных изменений структуры

производства и соотношения между общественной, корпоративной и частной собственностью наряду с приоритетным развитием частного предпринимательства и повышением эффективности государственного сектора экономики.

Выбор иерархии экономических приоритетов и оптимального сочетания рыночных саморегуляторов с государственными механизмами централизованного макроэкономического управления на каждом этапе реформирования был обоснован классическими положениями теории соотношения факторов производства и теории интеграции, в соответствии с которыми концентрация ресурсов в отраслях, наиболее эффективно использующих факторные преимущества, способствует повышению конкурентоспособности национальной экономики, что является условием обеспечения полноправного участия страны в международном разделении труда и региональных интеграционных союзах [45].

Основой стратегии преобразований в Греции стала концепция системного подхода к реформированию национального народнохозяйственного комплекса как составного элемента европейской и мировой экономики. Задачами реформ были определены приоритетное развитие внутреннего рынка, структурная оптимизация и технологическая модернизация экономики и гармонизация национального законодательства с нормами ЕЭС.

Программы реформирования были направлены на эволюционный переход от трудозатратной экстенсивной экономики к интенсивной, основанной на повышении производительности общественного труда. Наряду с либерализацией ВЭД и стимулированием ключевых экспортноориентированных отраслей предусматривались ликвидация неконкурентоспособных сегментов экономики (доменное производство в черной металлургии и др.) и создание национальной индустрии высоких технологий в сфере энергосбережения и телекоммуникаций [211].

Снижение производственных издержек и повышение качества товаров обеспечили конкурентоспособность продукции нефтеперерабатывающей, химической, металлургической, цементной, фармацевтической, текстильной и легкой промышленности Греции на рынках Германии, Франции, Италии и других развитых стран. Греция стала также одним из крупнейших в Европе экспортеров оливкового масла, цитрусовых, хлопка, винограда, спиртных напитков и табачных изделий.

Внешняя торговля играет все более важную роль в структурном реформировании и технологической модернизации национальной

экономики на постиндустриальном этапе развития страны. Греция располагает 0,1% территории и 0,17% населения Земли, однако, ее доля в мировой торговле превысила 0,4%. В течение 1996–2005 гг. реальный ВВП Греции вырос на 46,9% по сравнению с 1995 г., экспорт увеличился на 86,8%, а импорт – на 86,5% [212, с. 5; 213, с. 11].

Для теории и практики макроэкономического регулирования представляет интерес анализ эффективности влияния изменений уровня монетизации экономики и обменного курса национальной валюты как основных инструментов денежно-кредитной политики, проводимой в Греции в 1961–2000 гг. до перехода к единой европейской валюте, на достижение стратегической цели – обеспечения устойчивого роста реального ВВП при одновременном повышении занятости и снижении инфляции.

Средние за 1961–1970, 1971–1980, 1981–1990 и 1991–2000 гг. темпы роста денежной массы (агрегат М3) составили 17,6; 22,6; 25,6 и 15,3% и превышали темпы роста номинального ВВП 11,7; 19,6; 20,3 и 11,8%, что обеспечило увеличение реального ВВП соответственно на 8,5; 4,6; 0,7 и 2,3% при инфляции (дефлятор ВВП) 3,0; 14,6; 19,5 и 9,3%.

Повышение темпов монетизации экономики способствовало увеличению совокупного спроса и сопровождалось снижением безработицы с 5,6% в 1960 г. до 5,0% за 1961–1970 гг. и 2,2% за 1971–1980 гг. За начавшимся в 1982 г. снижением темпов роста денежной массы последовал рост безработицы до 6,4% в 1981–1990 гг. и 9,2% в 1991–2000 гг. Отставание темпов предложения денег от темпов роста номинального ВВП имело место в 1965, 1973, 1979, 1990, 1991 и 1994 гг. и сопровождалось спадом реального ВВП.

Такая корреляция прослеживается и в период преимущественно административного регулирования цен (до 1973 г.), и при свободном ценообразовании, включая рыночные методы установления курса национальной валюты – драхмы [14, р. 164, р. 172, р. 178, р. 206, р. 260].

Вышеприведенные данные согласуются с представлениями теоретических моделей макроэкономического равновесия о позитивном влиянии экспансионистской денежно-кредитной политики на рост ВВП и уменьшение безработицы на краткосрочных временных интервалах [135, с. 235–375].

Резкое увеличение предложения денег, не совпадающее с рациональными ожиданиями субъектов хозяйствования, основанными на экстраполяции ранее доминирующей тенденции на будущее, как то имело место в 1981 г., когда рост денежной массы составил 36,4% при

увеличении номинального ВВП на 19,4%, привело не только к спаду реального ВВП, но и к всплеску инфляции (в 1982 г. цены выросли на 27,2% – абсолютный максимум за весь период 1961–2001 гг.).

Высокие темпы монетизации способствовали притоку денежных ресурсов в динамично развивающиеся отрасли, а темпы инфляции снижались по мере либерализации экономики, ликвидации структурных деформаций внутреннего рынка, формирования прогнозируемой конкурентной среды и повышения мобильности капитала и рабочей силы.

Для адаптации экономики к экзогенным шокам и повышения эластичности совокупного спроса Банк Греции в 1973 г. перешел от зафиксированного в 1954 г. курса 1US\$ = 30 драм к управляемо плавающему курсу, устанавливаемому в зависимости от состояния платежного баланса, объема золотовалютных резервов (ЗВР) и других макроэкономических показателей [14, р. 178, pp. 206–207; 214, р. 115].

Углубление интегрированности в глобальную экономику увеличивало зависимость Греции от конъюнктуры мировых рынков. В периоды резкого повышения цен на нефть имело место снижение ВВП – в 1974 г., когда картель ОПЕК в течение шести месяцев 1973–1974 гг. поднял цены с \$2,5 до \$11 за баррель, и в 1980-х гг., когда цены возросли до \$34 за баррель [13, с. 515].

Опыт Греции показал, что управляемая умеренная инфляция не является препятствием для роста реального ВВП, если экономика страны не достигла уровня полного использования всех факторов производства, при котором стабильность цен обеспечивается за счет естественного равновесия между совокупным спросом и совокупным предложением.

Следует отметить отсутствие однозначной зависимости между инфляцией и ВВП. Как видно из представленных на рис. 4.1 графиков, максимальным темпам прироста реального ВВП в Греции на 10,2–13,2% в год соответствовал уровень прироста инфляции в диапазоне 5,0–1,1%, а спад ВВП всегда имел место при росте цен на 21% и более. Однако при инфляции в диапазоне 6–20% наблюдался как прирост ВВП на 2,5–7,2%, так и спад на 1,6–2,3% [14, р. 178, р. 206].

Экономика Греции всегда отличалась повышенной зависимостью от импорта энергоносителей, машин и промышленного оборудования. Поскольку основным источником иностранной валюты для оплаты греческого импорта являются поступления от экспорта, одной из задач реформирования было обеспечение оптимальных условий для

всех субъектов ВЭД путем регулирования обменного курса национальной валюты – драхмы в соответствии с изменениями уровня цен в стране.

Проанализируем влияние политики курсообразования, проводимой Банком Греции в 1961–2000 гг., на динамику объемов импорта и экспорта товаров и услуг (в % от номинального ВВП). На протяжении этого периода Банк Греции в основном устанавливал заниженный реальный курс драхмы, что стимулировало экспорт и способствовало защите внутреннего рынка. Сближение номинального и реального курсов произошло лишь с введением евро с 1 января 2001 г. Избранная валютная политика обеспечивала достаточно равномерное распределение издержек инфляции между импортерами и экспортерами.

Использование девальвационного ресурса для экономического роста было эффективным только при синхронизации изменений курса валюты с уровнем цен. Как видно из рис. 4.1, несоответствие темпов инфляции и ревальвации или девальвации драхмы, превышающее 5% в год, оказывало на экономику депрессивное воздействие, способствуя спаду ВВП в 1980-х гг. и в 1993 г.

Как показывает сопоставление приведенных на рис. 4.2 графиков, наибольшие отклонения от значения $M_p = 1$ имели место в период внезапного повышения мировых цен на нефть и другие товары, составляющие основу греческого импорта, когда темпы роста внутренних цен значительно опережали темпы девальвации драхмы ($M_p = 1,234$ в 1974 г. и $M_p = 1,229$ в 1990 г.). При увеличении M_p происходила фактическая ревальвация драхмы, что относительно удешевляло импортные товары. При уменьшении M_p имело место косвенное субсидирование экспорта.

Введение плавающего курса драхмы способствовало более чем двукратному росту объемов экспорта к моменту вступления Греции в ЕЭС по сравнению с уровнем 1972 г. Темпы роста экспорта увеличились с 1,5% в 1981–1990 гг. до 4,5% в 1991–2000 гг. Улучшился и торговый баланс: за 1981–2000 гг. коэффициент покрытия товарного импорта экспортом увеличился до 0,435 по сравнению с 0,374 за 1945–1980 гг. [212; 213; 214, р. 19, р. 114]. Пики объемов импорта и экспорта приходятся на первое десятилетие членства Греции в ЕЭС, когда в наибольшей степени проявились статические эффекты интеграции. Среднегодовой объем импорта за 1981–1990 гг. составил 27,1% ВВП, а экспорта 21,8% ВВП [14, р. 230, р. 238].

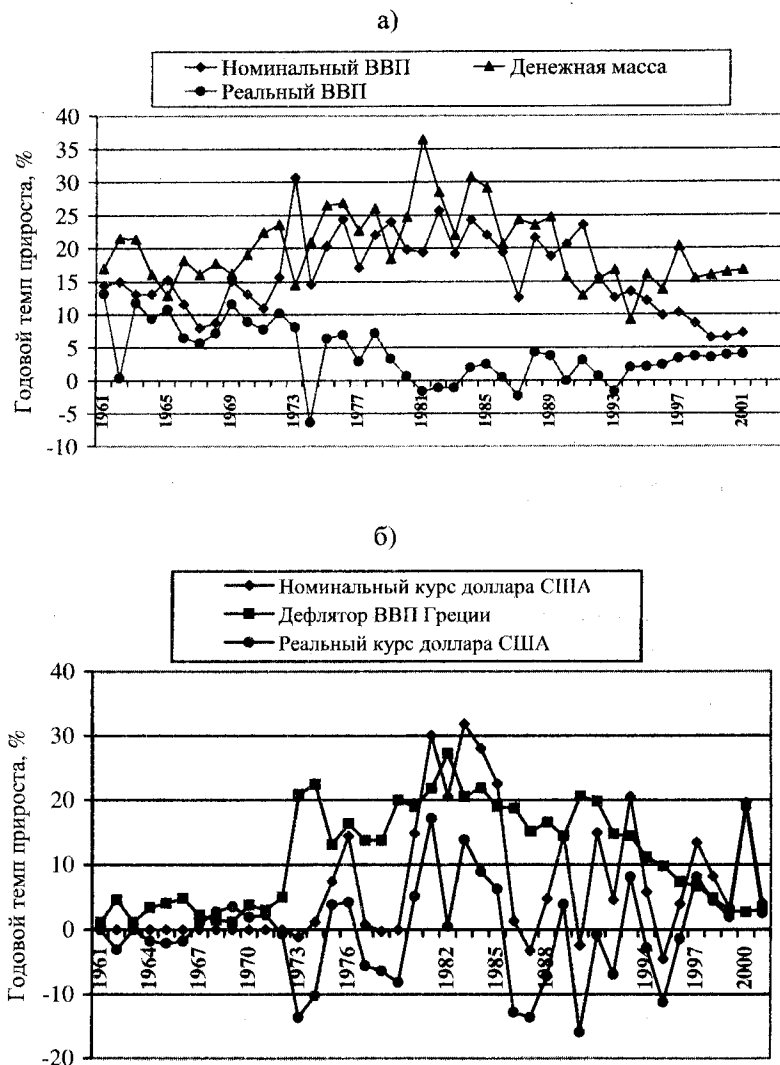
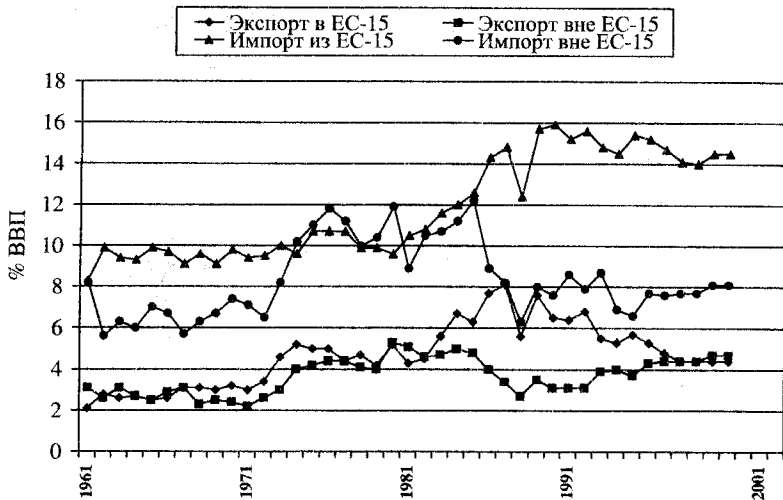

Рис. 4.1. Динамика ВВП, денежной массы, инфляции и курса доллара США в Греции в 1961–2001 гг.

а – реальный ВВП в ценах 1995 г.; денежная масса – агрегат МЗ.

б – реальный курс (прямая котировка доллара к драхме)

а)

б)

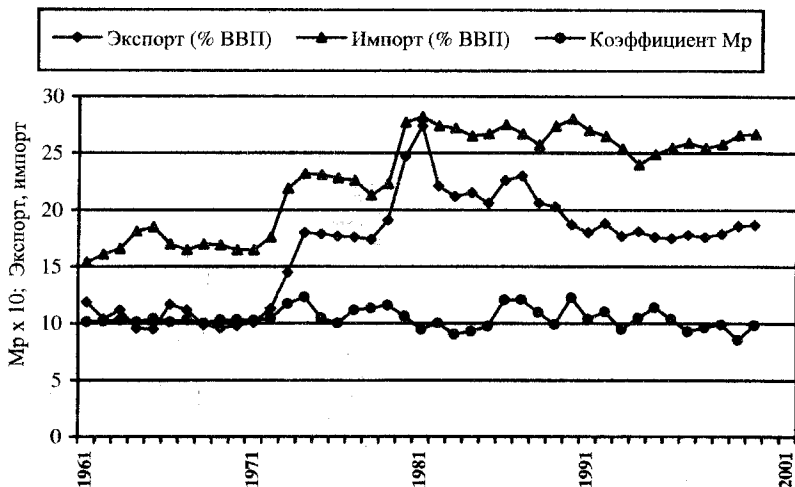

Рис. 4.2. Динамика внешней торговли Греции в 1961–2001 гг.
 а – распределение импорта и экспорта по регионам;
 б – импорт и экспорт товаров и услуг.

Анализ влияния изменений валютного курса на внешнюю торговлю и ВВП показывает, что девальвация драхмы стимулировала экспорт, а рост экспортных поступлений обеспечивал увеличение импорта.

Рост объемов международной торговли является катализатором экономического развития страны, однако, положительное влияние увеличения внешнеторгового оборота на ВВП может проявляться с лагом в один – три года, как в 1980-х гг., когда максимумы импорта и экспорта сопровождалось временным спадом ВВП.

Реформы 1970–1990 гг. принципиально изменили структуру национальной экономики и позволили Греции по основным характеристикам социально-экономического развития войти в группу ведущих государств мира (табл. 4.1).

С 1995 г. правительство отказалось от внешних заимствований для покрытия дефицита бюджета. Годовые темпы экономического роста превысили 3%, а бюджетный дефицит в 1999 г. сократился до 1,6% ВВП – в десять раз по сравнению с уровнем 1990 г. Государственный долг, возросший с 21,9% ВВП в 1970 г. до 111,3% ВВП в 1996 г., снизился в 2001 г. до 99,7% ВВП, а ВНД на душу населения за время членства Греции в ЕС более чем удвоился [13; 66]. В структуре добавленной стоимости в 1999 г. услуги транспорта, торговли и телекоммуникаций составляли 28,3% (по сравнению с 22,0% в среднем по ЕС–15); финансовые и бизнес-услуги – 20,7% (в ЕС 26,2%); образование, здравоохранение и другие общественные услуги – 18,9% (в ЕС 20,4%); промышленное производство – 15,7% (в ЕС 23,3%); продукция аграрного сектора, включая рыбозаготовку и лесное хозяйство – 8,9% (в ЕС 2,6%) и строительство – 7,5% (в ЕС 5,4%). Доля государственных предприятий в ВВП к 2001 г. снизилась до 11,5%, а регулирование предельных цен сохранилось только в нефтеперерабатывающей и фармацевтической промышленности [16, p. 115].

Неравномерное развитие различных отраслей экономики привело к возникновению диспропорций в заработной плате и оттоку квалифицированной рабочей силы из сферы материального производства в сферу услуг, что замедлило рост производительности труда в промышленности и сельском хозяйстве.

Членство в ЕС способствовало росту экономики Греции в целом, однако, усложнение визового режима явилось одной из причин спада в ведущей отрасли народного хозяйства – иностранного туризма.

Таблица 4.1.

**Основные характеристики экономического
и социального развития Греции в 1980–2000 гг.**

Показатель*	1980	1990	2000
Валовой национальный доход (ВНД), US\$ млрд	54,4	93,3	126,2
Место страны в мировой экономике (ранг по ВНД)	31	31	30
ВНД на душу населения, US\$	5640	9250	11960
Ранг страны по индексу человеческого развития	...	23	23
Валовой внутренний продукт (ВВП), US\$ млрд	48,6	82,9	112,0
Структура экономики, % ВВП:			
аграрный сектор	12,4	9,7	7,4
промышленность и строительство	29,8	25,5	20,4
транспорт, торговля, связь и сфера услуг	57,8	64,8	72,2
Производительность труда (добавленная стоимость на одного занятого), US\$			
в национальной экономике в целом	12785	20120	28370
в аграрном секторе	6740	10605	12711
Экспорт товаров и услуг, % ВВП	24,7	18,7	18,6
Импорт товаров и услуг, % ВВП	27,7	28,0	26,6
Энергетическая эффективность экономики (валовой продукт на кг энергоносителя), PPP\$/кг	3,3	5,1	5,7
Государственные расходы, % ВНД:			
на оборону	7,0	5,5	4,6
на образование	2,0	3,0	3,1
Инфляция: индекс потребительских цен, %;	24,9	20,4	3,1
дефлятор ВВП, %	19,0	20,6	2,7
Уровень безработицы, %	2,7	6,4	11,1
Дефицит бюджета, % ВВП	4,0	16,0	1,6
Золотовалютные резервы, US\$млн	3607	4721	14594

Примечание. Стоимостные показатели в сопоставимых ценах 1995 г.

Источники: [212–216].

Обилие памятников минойской, эгейской и византийской культур, мягкий средиземноморский климат и высокий уровень сервиса ежегодно привлекают в Грецию 12–13 млн туристов. Иностраный туризм является высокорентабельной отраслью и ежегодно приносит прибыль в \$3,2млрд – \$3,3 млрд [215, р. 18].

Для сохранения позиций страны в условиях возрастающей конкуренции на мировом рынке туристических услуг правительство и деловые круги Греции совместно разработали программу стимулирования туризма, предусматривающую комплекс мер – от льготного налогообложения субъектов туристического бизнеса до упрощения визового режима и введения специальных цен для организованных групп из стран с переходной экономикой. Программа предусматривает также расширение видов туристических услуг и рассчитана на удовлетворение запросов представителей самых разных возрастных и социальных групп.

Острыми проблемами греческой экономики остаются снижение безработицы, укрепление системы социального обеспечения, модернизация аграрного сектора, подъем производства в депрессивных регионах (Северно-Эгейский и Эпир), уменьшение государственного долга и повышение уровня общего и профессионального образования. В Греции продолжительность «первичного образования» (initial education) – совокупности всех форм учебы и подготовки будущего работника до прихода на рынок труда составляет 15,6 года, что на два года меньше, чем в среднем по ЕС–15. Еще большим является отставание по относительной численности ученых и инженеров, занятых в научных исследованиях и опытно-конструкторских работах (НИОКР) – менее 800 человек на миллион населения, что втрое уступает среднему по ЕС–15 показателю. Уровень инвестиций в венчурные предприятия в Греции остается самым низким в ЕС–15, а национальный частный капитал практически не участвует в финансировании НИОКР.

Оценивая масштаб и уровень научного потенциала Греции, а также принимая во внимание невозможность проведения исследований по всем приоритетным направлениям научно-технического прогресса, греческие ученые обосновали необходимость широкого использования как отечественных, так и зарубежных инновационных разработок в народном хозяйстве страны. При этом научно-техническая стратегия государства обеспечивает реализацию общей экономической политики, а выбор конкретных методов, технологий и

оборудования, независимо от страны происхождения, осуществляется субъектами хозяйствования на чисто рыночной основе, исходя из возможности достижения максимального эффекта в кратчайшие сроки.

В Греции в течение двух последних десятилетий быстрыми темпами возросли объемы частных инвестиций в производство высокотехнологичных экспортных товаров на основе приобретаемых в Германии, США, Франции, Японии и других странах патентов, лицензий и «know-how» (в конце 1990-х гг. использовались 82390 иностранных патентов и только 53 отечественных) [76, р. 310]. Типичными являются примеры компаний «Intracom» и «Germanos». Основанная в 1977 г. компания «Intracom» за четверть века стала одной из крупнейших европейских корпораций по производству электроники и телекоммуникационного оборудования, заняв в 2002 г. 70-е место среди 200 наиболее быстро развивающихся компаний мира. Компания «Germanos», построив в 1981 г. в экономически отсталом районе Северной Греции небольшой завод по выпуску электрических батареек преимущественно для внутреннего рынка, за счет реинвестирования прибыли и постоянного обновления импортируемых технологий многократно расширила объем производства и номенклатуру продукции (от миниатюрных источников питания для мобильных телефонов до сверхмощных аккумуляторов для силовых установок подводных лодок) и стала одним из крупнейших в Европе экспортеров автономных источников энергоснабжения, создав только в Болгарии, Польше, России, Румынии, Украине и других странах ЦВЕ и СНГ свыше 100 филиалов и торговых представительств. По итогам 1997–2001 гг. компания «Germanos» (за этот период ее годовой внешнеторговый оборот вырос с 72 млн ЭКЮ до €506 млн) вошла в список 500 наиболее динамично развивающихся компаний Европы [182, р. 3, р. 120].

Греческое законодательство не предусматривает предоставления льгот для зарубежных инвесторов, и по объему прямых иностранных инвестиций на душу населения (около \$100 в год) Греция существенно отстает от большинства стран ЕС [66, р. 296]. Инвестиционные проекты, имеющие общенациональное значение, утверждаются парламентом после того, как на открытом конкурсе определен победитель, предложивший наиболее выгодные условия. В 1996 г. международный консорциум во главе с германской компанией «Hochtief Group» выиграл тендер на сооружение нового афинского аэропорта, крупнейшего в Юго-Восточной Европе. Греческое правительство не вкладывало в проект бюджетных средств, и все расходы по строи-

тельству (\$2,3 млрд) оплатил консорциум, получив на 30 лет после ввода аэропорта в эксплуатацию в 2001 г. право на управление и пропорциональную долю прибылей в совместном предприятии «Аэропорт Спата», где греческому государству принадлежит 55%, а консорциуму 45% акций [217, р. 64].

Представляется, что греческий опыт привлечения иностранных инвестиций для реализации экономических проектов регионального масштаба может быть использован в Украине и других странах ЧЭС.

Выгодное географическое положение Греции как перекрестка путей, связывающих между собой три континента – Европу, Азию и Африку, создает предпосылки для превращения страны в центр торговой и инвестиционной деятельности в регионе. Большинство греческих инвесторов по-прежнему вкладывает капиталы в национальное производство или предприятия стран ЕС, однако, рыночные реформы способствовали активизации их деятельности и в постсоциалистических и постсоветских странах.

Следует отметить масштабы греческого инвестирования в Юго-Восточной Европе. В течение 1990–2000 гг. только в Албании, Болгарии, Румынии и республиках бывшей Югославии было создано 5667 предприятий с участием греческих компаний, инвестировавших свыше \$2,4 млрд [182].

Правительство Греции стимулирует развитие частного бизнеса, продолжая приватизацию предприятий электроэнергетического, телекоммуникационного и нефтегазового секторов, авиатранспорта, водоснабжения и банковской сферы, а также снижая уровень корпоративных налогов (в течение 1990-х гг. предельные ставки были уменьшены с 45 до 35%) [76, р. 306]. За десятилетие 1990–1999 гг. доля валовых инвестиций в Греции возросла с 20 до 23,7% ВВП, хотя годовые темпы прироста объемов внутреннего инвестирования (1,3%) более чем вдвое уступали среднемировому показателю 2,9%. При росте сбережений с 11 до 12% ВВП объемы кредитования производства национальным банковским сектором уменьшились с 73,3 до 65,4% ВВП, а доля расходов бюджета на субсидирование экономики снизилась с 41 до 22% [76, р. 302; 216, р. 2].

Либерализация движения капиталов, стабильность законодательства и низкие налоги способствовали привлечению внутренних и зарубежных инвестиций и позволили Греции сократить отставание от лидеров мировых инвестиционных рейтингов (табл. 4.2).

Таблица 4.2

**Валовые инвестиции, темпы прироста ВВП
на душу населения и показатели риска инвестирования
в странах ЧЭС в 1999–2000 гг.**

Страна	Валовые внутренние инвестиции в 2000 г., % от ВВП	Прирост ВВП, 2000 г. к 1999 г., %	Показатели риска инвестирования			
			Композитный рейтинг рис- ка ICRG ¹		Кредитный рейтинг для институцио- нальных ин- весторов ²	
			1999	2000	1999	2000
Азербайджан	46	10,4	56,0	59,3	...	...
Албания	19	5,9	60,5	62,5	10,7	12,6
Армения	19	5,5	61,0	57,5	...	...
Болгария	19	5,5	75,5	70,8	28,6	32,5
Греция	20	3,8	76,3	75,8	56,1	62,5
Грузия	18	1,8	...	...	10,9	11,1
Молдова	22	2,3	54,5	53,3	...	16,0
Россия	14	8,8	49,8	54,8	20,0	19,6
Румыния	19	1,7	57,8	62,5	31,2	27,5
Турция	24	5,7	56,0	54,5	36,9	39,0
Украина	20	6,7	59,0	58,3	17,2	18,1
Нидерланды ³	22	3,8	87,8	87,0	91,7	92,1
США ³	19	4,0	82,8	80,0	92,2	92,9
Венгрия ³	29	5,7	77,8	74,3	55,9	59,2

Примечания: 1. По 100-балльной шкале агентства PRS Group, USA. Рейтинг меньше 50 указывает на высокий риск потери частных инвестиций.

2. По 100-балльной шкале агентства Institutional Investor, Inc., USA. Рейтинг 30 и меньше указывает на высокую вероятность дефолта.

3. Данные для лидеров инвестиционных рейтингов: Нидерландов и США среди постиндустриальных и Венгрии – среди постсоциалистических экономик.

Приведены для сравнения.

Составлено по источникам [76–77, tables 17].

Важную роль в экономическом развитии страны играет торговый флот – один из крупнейших в мире. Доля Греции (в суммарном тоннаже) достигает 16,5% мирового и 32% европейского торгового флота и превышает долю остальных стран ЕС, вместе взятых. Греческие судовладельцы контролируют 10% мирового пассажирского флота, 20,5% сухогрузов, а также (с учетом доли греческого капитала в компаниях других стран) танкерный флот суммарным тоннажем 50 млн регистровых тонн. Структура флота совершенствуется за счет пополнения крупнотоннажными судами. Количество судов уменьшилось с 2062 в 1991 г. до 2035 в 2005 г., а их тоннаж увеличился с 24 до 33 млн рег. т, объемы грузоперевозок выросли с 76 до 114 млн т, а пассажирских перевозок с 32 до 45 млн чел. [218, с. 18]. Торговый флот ежегодно приносит свыше \$2,2 млрд чистой прибыли.

На экспортоориентированные отрасли и на предприятия, создающие рабочие места в депрессивных регионах Греции, распространяется льготное налогообложение. Так, импорт нефти не облагается налогами, что повышает конкурентоспособность бензина, дизельного топлива, моторных масел и других экспортных нефтепродуктов греческого производства. Стимулируется и добыча угля, являющегося важнейшим источником энергии (второе место в энергетическом балансе страны после нефти, 95% которой импортируется). Хотя большую часть запасов угля составляют низкокалорийные лигниты, в Греции намерены увеличивать их добычу для использования на теплоцентралях и электростанциях, и доля угля в энергопотреблении до 2010 г. сохранится на уровне 36%, а объем добычи увеличится с 9,6 млн т (в нефтяном эквиваленте) в 2000 г. до 14,7 млн т в 2010 г. [219].

К началу 1990-х гг. в Греции были практически исчерпаны возможности интенсивного развития внешней торговли с Германией, Италией и другими партнерами по ЕЭС за счет статических эффектов интеграции [220]. В этих условиях расширение производственного и торгового сотрудничества с приграничными областями соседних стран стало рассматриваться как один из важнейших факторов развития национальной экономики [179]. К концу десятилетия рост совместного производства и приграничной торговли с Албанией, Болгарией и другими соседними странами обеспечил создание в Греции десятков тысяч новых рабочих мест. Одной из причин вхождения Греции в 1992 г. в состав учредителей ЧЭС была возможность использовать потенциал создаваемой организации для расширения рынков сбыта

товаров и укрепления кооперационных производственных связей с Россией, Украиной, Болгарией и другими промышленно развитыми постсоветскими и постсоциалистическими странами, в которых сложившаяся региональная стоимость основных факторов производства – рабочей силы, природных ресурсов и земли была существенно меньше интернациональной стоимости. Уменьшение доли ЕС в экспорте Греции с 68,7% в 1992 г. до 44,7% в 2000 г. сопровождалось увеличением доли ЧЭС за тот же период с 7,2 до 18,2% [169; 214].

Деловые круги Греции стремятся укрепить свои позиции в Украине – наиболее близкой не только географически, но и в цивилизационном отношении постсоветской стране ЧЭС, хотя нестабильность законодательства, коррупция и административное вмешательство в экономику препятствуют привлечению иностранного капитала и отрицательно сказываются на характеристиках инвестиционного климата в Украине (табл. 4.2). К тому же инновационные достижения украинской науки и промышленности неизвестны основной массе потенциальных инвесторов или производственных партнеров в Греции и других западных странах. В Украине, за исключением нерегулярного участия ограниченного числа предприятий в тематических салонах и выставках за рубежом, практически не используются международные каналы распространения коммерческой информации для продвижения высокотехнологичной и наукоемкой продукции на мировой рынок. Наряду с другими причинами, это приводит к искажению инвестиционных рейтингов страны. Войдя в 2000–2001 гг. в число двадцати наиболее динамичных экономик мира, Украина в 2001 г. по индексу привлечения инвестиций UNCTAD отставала от большинства постсоветских стран ЧЭС, занимая 95-е место среди 145 крупнейших стран (Азербайджан 8-е; Армения 15-е; Грузия 36-е; Россия 104-е).

В соответствии с Европейской рамочной конвенцией о трансграничном сотрудничестве, углубление взаимодействия между территориальными общинами или властями в сфере экономики, экологии, науки и культуры рассматривается как одно из важных направлений интеграции. Украина участвует в программах трансграничного сотрудничества с 1993 г., когда был образован крупнейший в Европе «Карпатский еврорегион» с населением 15 млн чел., объединивший четыре западные области Украины и граничащие с ними территории Венгрии, Польши, Словакии и Румынии. Впоследствии были созданы еврорегионы «Буг», «Нижний Дунай» и «Верхний Прут». Эти четыре структуры охватывают территории с населением 20 млн чел., и при-

оритетной задачей трансграничного сотрудничества является преодоление экономической депрессии за счет совместного использования ресурсов регионов как субъектов международной деятельности. В этом плане греческий опыт был бы полезен для привлечения в экономику Украины финансовых ресурсов мирового туристического рынка при использовании огромного культурного, рекреационного, оздоровительного и экологического потенциала Украины как объекта международного туризма. Заметим, что греческий опыт развития туризма был успешно заимствован Португалией, и теперь эта страна с населением 10 млн человек принимает 25 млн туристов, что ежегодно обеспечивает приток в страну свыше \$20 млрд валютных поступлений.

Украина располагает собственными уникальными технологиями и производственными мощностями для выпуска аэрокосмической техники, включая ракетносители на экологически чистом топливе, спутники и системы космической навигации. Из девяти государств мира, обладающих авиапромышленностью с законченным циклом проектирования и производства самолетов, только Украина совместно с Россией выпускает транспортные самолеты сверхвысокой грузоподъемности «Руслан». Страна производит современную военную технику и высокоточное оружие, входя в число десяти крупнейших мировых экспортеров вооружений [222]. Хотя в большинстве базовых отраслей народного хозяйства Украины пока преобладают устаревшие технологии и оборудование, страна имеет объективные предпосылки для ускорения «догоняющего развития» экономики, поскольку национальная система образования обеспечивает высокое качество человеческого капитала, необходимого для рационального использования «диффузии технологий» («technological diffusion») и «эффектов перелива» («spillover effects») от более развитых в технологическом и информационном отношении стран. Кроме того, одной из объективных предпосылок для создания современной конкурентоспособной экономики в Украине является ее выгодное географическое положение как крупнейшего транзитера энергоносителей. Поэтому в стратегии развития Греции Украина рассматривается как страна, которая после завершения рыночных реформ может стать одним из основных экономических партнеров в ЦВЕ.

С середины 1990-х гг. в Греции начала осуществляться технологическая и структурная модернизация всего народнохозяйственного комплекса. В частности, реализуются программы развития транспортной инфраструктуры на 1996–2015 гг. направленные на превра-

щение Греции в стратегический центр всех видов коммуникаций, соединяющих регионы ЦВЕ, СНГ и ЧЭС с ближневосточными и средиземноморскими странами. Затраты на строительство скоростных автострад, железных дорог, аэропортов, морских терминалов, тоннелей, мостов между островами и других сооружений оцениваются в десятки миллиардов долларов. Промышленный потенциал позволяет Украине принять участие в реализации этих программ и стать одним из крупнейших поставщиков стали и металлоконструкций на греческий рынок, а греческий капитал получает новый стимул для инвестирования в горнометаллургический комплекс и машиностроение Украины. В этой связи перспективы развития горнометаллургического, аграрного, энергетического, машино-, судо- и авиастроительных комплексов Украины и их возможное влияние на конъюнктуру европейского и мирового рынка в XXI веке заняли видное место в исследованиях греческих и зарубежных экономистов.

По оценкам Международного Института железа и стали ISI (США), в прогнозируемом будущем сталь останется основным конструкционным материалом, несмотря на постоянный рост потребления алюминия, композитных и синтетических заменителей металлов. За последнее десятилетие XX века в развитие черной металлургии в мире было инвестировано свыше \$350 млрд. В 2000 г. объем международной торговли сталью достиг 280 млн т. Основными экспортерами черных металлов были Россия, Украина и другие страны СНГ (52 млн т), ЕС (30 млн т) и Латинская Америка (14 млн т). Значительными были объемы международной внутриотраслевой торговли. Так, мировой лидер – Китай (собственное производство 126,3 млн т) импортировал в 2000 г. почти 17 млн т, а страны NAFTA, включая третьего крупнейшего производителя стали в мире – США (100,7 млн т) импортировали 44 млн т. В списке мировых производителей черных металлов Россия занимает четвертое, а Украина – седьмое место (по стали – восьмое) [175].

Украине принадлежит своеобразный рекорд – почти 80% продукции металлургической промышленности экспортируется (у занимающей второе место Японии – только 30%). В 2000 г. экспорт металлопродукции из Украины превысил 8% мирового объема, чему способствовало высокое качество при существенно меньших, чем среднемировые, ценах. На мировом рынке стальных заготовок, строительной арматуры и толстолистового проката цены украинских производителей (на условиях FOB) по сравнению с ценами конкурентов

из ЕС и Латинской Америки были меньше на 15–40%. Следует подчеркнуть, что низкие цены на металлопродукцию обусловлены наличием дешевой квалифицированной рабочей силы и больших запасов железной руды в Украине (пятое место в мире по объему добычи после Китая, Бразилии, России и Австралии), марганцевой руды (второе место в мире), металлолома и другого сырья.

За 1995–2000 гг. в товарной структуре мировой торговли черными металлами установилось отношение доли продаж конечной продукции к доле продаж сырья и заготовок 75%: 25%. В то же время в структуре украинского экспорта доля наиболее прибыльного готового фасонного и сортового проката снизилась с 67 до 52%, а доля чугуна, заготовок, металлолома и ферросплавов выросла с 33 до 48%. Украина доминировала на рынках низкорентабельной продукции – чугуна и полуфабрикатов (соответственно 10,7 и 20% мирового объема продаж), имея лишь незначительную долю – 5,4% на рынке листового и полосового проката, что свидетельствует о критической деформации структуры украинского экспорта черных металлов.

При сложившемся положении Украина фактически субсидирует своих конкурентов, продавая им по низким ценам металлопродукцию малой глубины переработки и теряя на этом ежегодно миллиарды долларов. Протекционистская политика развитых стран препятствует экспорту выпускаемых украинскими предприятиями дорогих нержавеющей, шарикоподшипниковых, оружейных, инструментальных и других специальных сталей, а также жаропрочных сплавов на никелевой и титановой основе, цена которых на мировом рынке достигла 650–1000 \$/т [175].

Следует отметить характерную особенность большинства товаров украинского экспорта – их высокую энергозатратность. Хотя расход первичных энергоресурсов в Украине снизился с 770 кг нефтяного эквивалента на 1000 долларов ВВП (по паритету покупательной способности) в 1990 г. до 500 кг в 2004 г., украинская экономика по энергоэффективности значительно уступает не только ЕС–25 (160 кг/\$1000) но и среднемировому показателю 210 кг/\$1000 [223]. По нашему мнению, реальная энергозатратность украинской экономики ближе к среднемировой, чем к официально декларируемой, поскольку по экспертным оценкам в «теневом» секторе производится не менее трети ВВП [224, р. 12].

Изношенность основных фондов и недостаток инвестиций привели к технологическому отставанию украинской черной металлур-

гии, в которой велика доля энергозатратного и экологически проблемного мартеновского производства стали (44% в 2006 г.). Дальнейший рост объемов энергоемкой низкорентабельной металлопродукции потребует увеличения импорта энергоносителей, а наращивание экспорта чугуна и полуфабрикатов будет способствовать производству конечного проката в странах, являющихся конкурентами Украины, в то время как низкие цены на первичную металлопродукцию не позволят экспортерам получить необходимые для модернизации отрасли средства. Разорвать круг неэффективной системы «экспорт для экспорта», являющейся разновидностью модели «разоряющего роста», может лишь структурная перестройка и модернизация производственной базы не только черной металлургии, но и всей украинской экономики с приоритетным развитием инновационных направлений, что требует привлечения масштабных инвестиций. Ускорение формирования фондового рынка расширит возможности иностранных инвесторов участвовать в модернизации предприятий по обычным для развитых стран схемам покупки акций.

Отметим, что сокращение спроса на черные металлы обостряет конкуренцию на мировых рынках, и экспорт украинского фасонного проката из качественных сталей и другой металлопродукции высокой степени обработки на рынки развитых стран встречает жесткое противодействие (прежде всего под видом антидемпинговых расследований) со стороны США и лидеров европейской металлургии – Германии, Италии, Франции, Великобритании, Испании, Бельгии и Люксембурга. Только в 1999–2000 гг. после трех антидемпинговых расследований США практически полностью закрыли свой рынок для украинских производителей стального листа и арматуры. В то же время показательно, что ни одно из 58 расследований, возбужденных в 1991–2000 гг. против металлургических предприятий Украины (46 из них закончились введением антидемпинговых санкций), не было направлено на ограничение экспорта чугуна. Тем самым развитые страны Запада в нарушение правил открытой конкуренции стремятся закрепить монопольное положение на рынках высокорентабельной конечной металлопродукции, сворачивая собственное экологически проблемное производство чугуна (в США за четверть века количество доменных печей сократилось с 150 до 40) и заготовок и фактически вынуждая Украину превратиться в поставщика энергоемкого и низкорентабельного сырья. Сокращение потребления стального проката и других изделий черной металлургии в развитых странах стало домини-

нирующей тенденцией, что ставит под угрозу сохранение позиций украинского экспорта на мировых рынках. В частности, постоянно уменьшается доля иностранных поставок на рынок США. С марта 2002 г. США ввели высокие пошлины (30% на лист и балки) на прокат из Австралии, Бразилии, Германии, Китая, Нидерландов, Франции, Южной Кореи и трех стран ЧЭС – России, Турции и Украины, а также существенно уменьшили размер квоты на импорт стальных заготовок (5,2 млн т в год для всех десяти стран), установив на импорт сверх квоты тариф 30%. В этих условиях несогласованные действия соответствующих ведомств России, Украины и других стран ЧЭС приводят к ощутимым потерям экспортеров черных металлов и способствуют возбуждению против них антидемпинговых расследований не только в ЕС или США, но и в развивающихся странах.

Возрастающие требования к экологической безопасности и введение высоких «зеленых налогов» определяют постепенное закрытие энергоемких предприятий горнометаллургической промышленности стран ЕС, США и Канады, в первую очередь доменных и мартеновских печей. Это влечет за собой увеличение импорта чугуна, металлолома и стальных заготовок, в том числе из стран ЧЭС. В 2001 г. при общем сокращении спроса в мире выпуск стали в ЕС и NAFTA снизился соответственно на 10,9 и 2,7%, но объем мирового производства уменьшился лишь на 0,7% за счет прироста на 4% в странах Азии (Китай, Индия, Южная Корея, Тайвань и Япония, доля которых в 2001 г. составила 40,4% мирового производства), и в странах ЧЭС и СНГ, где наибольший прирост был в Молдове (6,2%) и в Украине (5,8%).

Отмена количественных ограничений на импорт черных металлов из Украины после ее вступления в ВТО приведет к многократному росту экспорта стали и металлоконструкций в Грецию и другие страны ЕС, что будет способствовать повышению антикризисной устойчивости украинской экономики. За короткую историю независимой Украины в мире имели место два финансовых кризиса глобального масштаба, а в настоящее время все более реальной становится угроза возникновения мирового энергетического кризиса из-за укрепляющейся тенденции непрерывного роста цен на нефть и природный газ.

Первый финансовый кризис в Юго-Восточной Азии в 1997 г. затронул не только Таиланд, Индонезию и другие развивающиеся страны региона, но и оказал депрессивное воздействие на глобальную экономику, снизив в 1998 г. темпы роста мирового ВВП по крайней

мере на 1% [144, с. 531]. В Украине в этот период отсутствовали значимые иностранные портфельные инвестиции, национальные компании практически не были представлены на мировых фондовых биржах, и украинская экономика продемонстрировала достаточно высокую устойчивость: в 1998 г. темп спада ВВП снизился на 1,1% по сравнению с 1997 г., отрицательное сальдо торгового баланса сократилось на 38,5% за счет уменьшения объемов импорта товаров на 17% и экспорта на 11%. При этом чистые условия торговли улучшились с 93 до 94 ($ToT_{1995} = 100$), поскольку мировые цены на основные товары украинского экспорта – черные металлы и продовольствие росли быстрее, чем цены на импортируемые нефтепродукты, машины и оборудование [130].

Второй финансовый кризис, начавшийся в 1998 г. в России, являвшейся в то время главным торговым партнером (23,8% экспорта и 34,1% импорта Украины) оказал на украинскую экономику гораздо более сильное воздействие, чем кризис в Юго-Восточной Азии. После дефолта и обвального обесценивания российского рубля, вызванных резким снижением мировых цен на нефть – основной товар российского экспорта – с \$20 за баррель в 1996 г. до \$12 в 1998 г., последовала девальвация гривны на 68,62%, объем экспорта Украины уменьшился на 3,7%, импорта – на 20,5%, а условия торговли ухудшились с 94 до 84 [130, р. 2; 172, р. 184]. Вместе с тем за счет стимулирующего воздействия девальвации на рост внутреннего производства и экспорт трансформационный спад ВВП в Украине в 1999 г. практически прекратился, а баланс внешней торговли товарами впервые за годы независимости был сведен с положительным сальдо.

Начавшееся в 2004 г. снижение мировых цен на черные металлы наряду с подорожанием нефти и природного газа привело к почти пятикратному снижению темпов прироста ВВП в 2005 г. и заметному снижению темпов прироста экспорта. В 2005–2006 гг. торговый баланс в Украине впервые после 1998 г. был сведен с отрицательным сальдо. Тем не менее экономика сохранила определенный запас устойчивости, что отразилось не только на сохранении положительной динамики роста ВВП, но и на заметном увеличении средней месячной заработной платы (в долларовом исчислении по официальному курсу) с \$111 в 2004 г. до \$169 в 2005 г. и \$206 в 2006 г. [190].

По ряду технических направлений в области переработки угля, нефти и использования нетрадиционных источников энергии Греция занимает одно из ведущих мест в Европе. Структура запасов иско-

паемого топлива в Украине – уголь 95,4%, природный газ 2,6% и нефть 2% (среднемировые показатели соответственно 67; 15 и 18%) предопределяет повышенную зависимость страны от импорта нефтепродуктов и природного газа. В этой связи представляется целесообразным приобретение украинскими компаниями греческих «know-how» на энергосберегающие технологии и методы комплексного использования твердого топлива и увеличение глубины переработки нефти.

Преобразования производственной базы украинской экономики открывают новые возможности для расширения сотрудничества с Грецией и другими странами ЕС. Динамичный рост ВВП в Украине при государственном стимулировании развития инновационных и высокотехнологичных производств позволит обеспечить потребности внутреннего рынка и расширить ассортимент экспортной продукции в таких отраслях, как транспортное самолетостроение, производство сверхпрочных материалов, искусственных кристаллов с заданными размерами и свойствами, редкоземельных металлов и т. д. Греция, Италия, Испания, Португалия, Франция и другие страны ЕС нуждаются в экологически безопасных танкерах с двойным корпусом, а также в специальных самолетах большой грузоподъемности для тушения лесных пожаров в труднодоступных районах. Изготовление таких судов и самолетов расширит экспортные возможности украинских верфей и авиастроительных предприятий.

Потенциал Украины огромен, и для его реализации необходимо уже сейчас разрабатывать стратегию перехода экономики к социально и экологически ориентированной модели роста, основанного на знаниях и человеческом капитале.

4.3. Участие Греции, Украины и России в реализации региональных экономических проектов

Европейская Энергетическая Хартия, принятая в 1991 г. в Гааге, определила принципы, задачи и пути сотрудничества европейских стран в области энергетики для повышения безопасности энергоснабжения, создания единого европейского энергетического рынка и защиты окружающей среды [225]. Договор Европейской Энергетической Хартии был подписан 17 декабря 1994 г. в Лиссабоне 51 государством Евразии, включая все страны Европы и СНГ, а также Японию и Монголию [4, р. 230; 129, р. 92; 226].

Неурегулированность конфликтов на Ближнем Востоке, продолжающихся многие десятилетия, и нестабильность обстановки в районе Персидского залива ставят под угрозу энергетическую безопасность ЕС. Необходимость диверсификации источников и путей снабжения европейских стран углеводородными энергоносителями обусловили разработку новой энергетической стратегии ЕС. Наряду с первоочередным вниманием к снижению энергозатрат на единицу ВВП, стратегия развития ЕС, исходя из прогнозируемого к 2020 г. увеличения импорта энергоносителей на 70%, направлена на повышение экономической эффективности и экологической безопасности трансконтинентальной системы поставок нефти и газа и предусматривает включение в цепь «добыча – транспортирование – переработка – хранение – использование энергоносителей» всех европейских стран, ряда государств Центральной Азии и Ближнего Востока, а также Алжира и Туниса [227].

Ограниченность запасов и возрастающая дороговизна добычи делают проблематичным существенное увеличение объемов поставок в страны ЕС газа из норвежских месторождений в Северном море. Более перспективным поставщиком выглядит Алжир, однако, транспортирование газа в Европу по дну Средиземного моря потребует строительства особо надежных в экологическом отношении дорогостоящих подводных газопроводов. Не отказываясь от использования в обозримом будущем норвежского и алжирского (в основном, в сжиженном виде) газа, ЕС в первую очередь поддерживает проекты транспортирования энергоносителей из стран Ближнего Востока и Каспийского

бассейна, включая Иран. В список потенциальных поставщиков природного газа в Европу входит и Ирак, производственные и торговые связи с которым ЕС намерен возобновить и расширить после нормализации ситуации в Ираке.

Через страны ЧЭС проходят кратчайшие маршруты энергетических, транспортных и телекоммуникационных коридоров из Каспийского бассейна и Центральной Азии в Европу, что открывает перед ними перспективы включения в глобальную систему разделения труда на основе участия в добыче, переработке и транспортировании энергоносителей, а также в строительстве и эксплуатации трансконтинентальной системы автомобильных, железнодорожных, морских, речных и авиационных перевозок. В реализации современного варианта «Великого Шелкового Пути» заинтересованы и европейские, и азиатские страны, прежде всего, Китай, Япония и Южная Корея, получающие возможность значительно ускорить доставку своих товаров на европейские рынки.

ЕС с начала 1990-х гг. в рамках программы TACIS финансирует в странах СНГ исследования по проекту «Управление международными нефте- и газопроводами». В развитие проекта по решению конференции «Межгосударственное управление нефте- и газопроводами в Закавказье, Центральной Азии, Украине и Молдове», состоявшейся 22–25 ноября 1995 г. в Брюсселе, ЕС инициировал программу «Межгосударственное транспортирование нефти и газа в Европу» (Interstate Oil and Gas Transport to Europe – INOGATE). Целью программы является содействие интеграции нефте- и газопроводных систем Европы, Закавказья и Центральной Азии для обеспечения потребностей стран-участниц в углеводородных энергоносителях и повышения эффективности их транспортирования на международный рынок. Об исключительной важности этой программы свидетельствует состав государств и международных организаций, ставших Сторонами INOGATE. Со времени первого саммита INOGATE в Киеве 22 июля 1999 г., на котором было подписано Рамочное Соглашение (Украина стала государством-депозитарием), количество стран-участниц увеличилось с 13 до 21. Статус официальных наблюдателей в INOGATE получили все страны ЕС и 14 международных организаций (ЕБРР, ЕИБ, Европейская Энергетическая Хартия и др.). О намерении присоединиться к Соглашению заявили в 2002 г. также семь государств Ближнего Востока и Средиземноморья.

Рамочное Соглашение INOGATE, вступившее в силу 17 февраля 2001 г., является международно-правовым документом, определяющим основные принципы создания и развития межгосударственных энерготранспортирующих систем и привлечения инвестиций для их строительства и эксплуатации. Соглашение и Протоколы к нему разработаны с учетом существенных отличий в национальных законодательствах стран-участниц и обладают достаточной гибкостью, что позволяет каждой стране выбрать приемлемую институциональную структуру и условия включения национальной сети нефте- и газопроводов в интегрированную межгосударственную энерготранспортирующую систему. В то же время Соглашение и Протоколы устанавливают общие требования для всех интегрирующихся нефте- и газопроводных систем в части согласования технических и финансовых стандартов для минимизации эксплуатационных и инвестиционных рисков и максимизации экономической эффективности [110].

В число финансируемых ЕС по программе «Энергия» проектов транспортирования энергоносителей входит создание разветвленных электро-, нефте- и газотранспортных сетей с диверсификацией маршрутов и строительством новых трубопроводов и линий электропередач в Балканско-Черноморском регионе, а также модернизация существующих и строительство новых портовых терминалов, нефте- и газоперерабатывающих заводов и электростанций.

Рассмотрим перспективы сотрудничества Греции, Украины, России и других стран ЧЭС в создании общеевропейской системы энергообеспечения и реализации крупных региональных энергетических проектов. Объемы производства, импорта и экспорта энергоносителей, обозначения и технико-экономические характеристики газо- и нефтепроводов и линий электропередач приводятся по данным Черноморского Регионального Энергетического Центра BSREC [110].

С 1997 г. в странах Причерноморья и на Балканах в соответствии с программой ЕС «Task Force» разрабатываются 5 проектов нефте- и продуктопроводов (в Албании, Болгарии, Греции, Б. Ю. Р. Македонии и Турции по маршрутам Салоники – Скопье, Бургас – Александруполис, Аспропиргос – Спата и Бургас – Скопье – Влорё); 26 предложенных Албанией, Болгарией, Боснией и Герцеговиной, Грецией, Б. Ю. Р. Македонией, Румынией и Турцией проектов по транспортированию природного газа и сооружению подземных газохранилищ и 19 проектов по строительству и модернизации линий электропередач в Алба-

нии, Болгарии, Венгрии, Греции, Б. Ю. Р. Македонии, Молдове, Румынии, Турции, Хорватии, Сербии и Черногории.

Развивая торговлю энергоносителями с главным традиционным партнером – Россией, ЕС принимает участие в проектах транспортирования нефти и газа из Азербайджана, Казахстана, Туркменистана и Узбекистана. Инвестиции, требуемые для реализации проектов доставки энергоносителей из России и стран Каспийского региона, исчисляются десятками миллиардов долларов. Быстрая окупаемость затрат на освоение месторождений и сооружение трубопроводов за счет гарантированного получения высоких прибылей при долевым участии инвесторов в их эксплуатации привлекают к таким проектам крупнейшие ТНК и финансовые группы из ЕС, а также США, Японии, Норвегии и других развитых стран (Agip, BP Amoco, British Gas, Chevron, ENI, Exxon-Mobile, General Electric Finance Group, Marathon, Marubeni Corp, Mitsubishi, Norsk Hydro, Royal Dutch/Shell, Texaco, Total, Trans Canada, West LB etc.).

Все страны заинтересованы в получении наивысшего и долгосрочного экономического эффекта от своего участия в создаваемой трансконтинентальной энергетической системе. Однако, если в странах-импортерах приоритетом является бесперебойное получение как можно более дешевых энергоносителей по кратчайшим экономичным маршрутам, то страны-транзитеры ведут между собой острую конкурентную борьбу за строительство трубопроводов через свою территорию, что далеко не всегда совпадает с экономически оптимальными вариантами. Нефте- и газодобывающие государства Причерноморья и Прикаспия также конкурируют в привлечении инвесторов к освоению месторождений нефти и газа. В то же время иностранные инвесторы из соображений минимизации рисков избегают вкладывать средства в коммуникации, проходящие через такие территории с нестабильной социальной и политической ситуацией, как Чечня и другие республики Северного Кавказа в России, Приднестровье в Молдове, Курдистан в Турции и т. п. [120, с. 28–29].

Выбор маршрутов и технико-экономических параметров (пропускная способность, цена транзита и пр.) энергетических транспортных коридоров затрагивает жизненно важные интересы десятков стран и зависит от множества политических, экономических, географических, технологических, экологических и других факторов. Наличие ограниченного числа газо- или нефтепроводов препятствует углублению конкуренции и снижению цен на энергоносители, а избыточное коли-

чество трубопроводов или их завышенная по сравнению с реальной потребностью пропускная способность увеличивает затраты на транспортирование и цену энергоносителей для конечного потребителя.

Проанализируем наиболее вероятные варианты строительства новых газо- и нефтепроводов и их влияние на экономическое развитие стран ЕС и ЧЭС.

В настоящее время из числа поддерживаемых ЕС приоритетных проектов транспортирования газа в Европу перспективными являются:

- увеличение пропускной способности существующих и строительство новых сухопутных (через территории Беларуси, Польши и Словакии) и подводных газопроводов из России в Германию;
- расширение сети украинских газопроводов для транспортирования газа из России на Балканы и в Турцию;
- строительство сети новых газопроводов из Каспийского региона на Ближний Восток и в страны ЕС.

Три проекта представляют особый интерес для ЕС, который в 2006 г. импортировал 161,5 млрд куб. м, или 29% всего добытого в России газа: сеть газопроводов Ямал – Европа; Северо–Европейский газопровод (в акватории Балтийского моря) и газопровод (системная перемычка) Польша – Словакия. Два первых проекта являются одними из наиболее масштабных и дорогостоящих. Стоимость строительства сети газопроводов Ямал–Европа протяженностью 5100 км и пропускной способностью каждой из двух ниток 30 млрд куб. м в год оценивается в \$36 млрд; дополнительно к этому на работы по освоению месторождений газа потребуется еще не менее \$40 млрд. Строительство Северо–Европейского газопровода протяженностью 3266 км (из них 1200 км по дну Балтийского моря) и пропускной способностью 30 млрд куб. м потребует не менее \$30 млрд, а расходы на освоение месторождений – еще \$20 млрд. Ввод в эксплуатацию первой очереди намечен на 2010 г. Строительство второй очереди увеличит пропускную способность до 55 млрд куб. м. В российско-германском предприятии «North European Gas Pipeline Company» «Газпрому» принадлежат 51% акций, компаниям «Ruhrgas» и «Wintershall» – по 24,5%.

Практическая реализация этих проектов сдерживается рядом факторов институционального и экономического характера. Прежде всего, законодательство ЕС жестко лимитирует объемы возможного

участия кредитных институтов Союза в финансировании инвестиционных проектов за пределами интеграционного объединения. Во-вторых, интересы частных компаний – инвесторов из стран ЕС в полной мере будут защищены только после ратификации Россией Договора Энергетической Хартии. Однако Россия выступает против регламентируемого этим Договором свободного конкурентного доступа к транзитным газопроводам, а также против требований по ограничению долгосрочных контрактов на поставку газа и переходу на краткосрочные контракты, полнее учитывающие изменения мировых цен.

Основными препятствиями для совместной реализации ЕС, Россией и Украиной энергетических проектов являются неблагоприятный инвестиционный климат и нереформированность энергетического сектора России и Украины, что препятствует вхождению западных компаний на акционерных началах в крупнейшие российские энергетические монополии ОАО «Газпром» и РАО «ЕЭС» и в украинскую государственную компанию «Нафтогаз України». Уровень инвестиционных рисков в России и Украине повысился, что связано с проявившейся тенденцией к усилению государственного вмешательства в экономику (административное регулирование цен на энергоносители и т. п.).

Отметим, что до ввода в эксплуатацию новых сетей доставки газа из Каспийского бассейна и Северной Африки в Европу Россия как обладатель крупнейших в мире запасов находится на переговорах с ЕС в более выгодном положении, поскольку может при необходимости переадресовать часть своих экспортных потоков с западного рынка на Восток – в Китай, Японию и другие страны Азиатско-Тихоокеанского региона (утвержденная 17 декабря 2001 г. программа Газпрома «Восточный вектор»), в то время как альтернативы поставкам российского газа у ЕС в ближайшее десятилетие не будет. Не исключено, что ЕС для обеспечения растущих потребностей в газе и нефти будет вынужден согласиться с требованиями обеспечить российским компаниям доступ к финансовым ресурсам ЕС на тех же льготных условиях, что и европейским компаниям.

Одним из направлений экономической стратегии России является расширение участия российского капитала во владении и управлении объектами энергетической инфраструктуры и сети сбыта энергоресурсов в странах Западной Европы. Так, «Газпром», создав в 2002 г. совместное германско-российское предприятие «Wingas», обеспечил контроль над 12% рынка газа в ФРГ.

По сравнению с другими вариантами, газотранспортная система (ГТС) «Ямал – Европа» в наибольшей степени соответствует долгосрочным интересам ЕС как по своей пропускной способности, так и по большим запасам газа на ямальных месторождениях. В настоящее время по первой нитке этого газопровода, введенной в эксплуатацию в 1999 г., в Европу поставляется 20 млрд куб. м газа в год. Намеченный на 2005 г. ввод второй очереди не состоялся (построен лишь белорусско-польский участок, а ввод в эксплуатацию новых месторождений на п-ве Ямал отложен). В результате проект «Ямал – Европа», по сути, трансформировался в проект системной переемычки «Польша – Словакия» протяженностью 600 км и общей пропускной способностью 60 млрд куб. м в год для транспортирования уже добываемого на севере России газа по белорусско-польским трубопроводам (завершение строительства намечено на 2007 г.). Для строительства и эксплуатации системной переемычки создан международный консорциум в составе российской компании «Газпром» и западноевропейских нефтегазовых ТНК Ruhrgas AG и Wintershall AG (Германия), ENI (Италия) и Gaz de France.

Крупнейшая компания России ОАО «Газпром» контролирует 20% мировых запасов природного газа и свыше 95% объема добычи в стране. В управлении «Газпрома» находится ГТС протяженностью свыше 140 тыс. км, восемь производственных объединений в России и разветвленная сеть торговых домов и совместных предприятий по сбыту продукции во многих европейских странах. «Газпром» является крупнейшим российским экспортером, обеспечивая большую часть притока твердой валюты в страну и 25% налоговых поступлений в бюджет. Правительство России для обеспечения более выгодных условий оплаты за транзит предусматривает значительное расширение круга стран-транзитеров (при этом доля транзита газа через Украину должна быть снижена с 90 до 35–40%).

Годовые объемы добычи газа в России в 2000–2006 гг. (523–556 млрд куб. м) все еще не достигли уровня дореформенного 1992 г. (640 млрд куб. м), и стратегия развития газовой отрасли направлена на преодоление последствий кризисного спада производства в 1990-х гг., когда отсутствие инвестиций препятствовало своевременному вводу в эксплуатацию новых месторождений. Выполнение экспортных поставок по ранее заключенным долгосрочным соглашениям стало возможным лишь за счет снижения более чем на 15% потребления газа внутри стра-

ны, поскольку уже в 1999 г. российский экспорт газа за пределы бывшего Советского Союза увеличился на 5%, причем в Турцию на 33%.

Стремясь диверсифицировать источники энергоснабжения, Турция заключила долгосрочные соглашения на поставку газа с Алжиром, Египтом, Ираком, Ираном, Россией и Туркменистаном. В дополнение к действующему договору, по которому Турция ежегодно получает из России по трубопроводу через территории Украины, Румынии и Болгарии 14 млрд куб. м газа, 15 декабря 1997 г. было подписано соглашение о строительстве двухниточного газопровода «Голубой Поток» суммарной пропускной способностью 16 млрд куб. м в год и стоимостью \$4 млрд по маршруту от п. Изобильное в северной России до Анкары. Предполагается также продолжение газопровода до Ливана, Сирии и Израиля. Проект финансируют компании Газпром (Россия) и Snam (Италия). Технический пуск первой очереди состоялся 29 декабря 2002 г.

Турция для сохранения высоких темпов прироста ВВП (в среднем 4% в год в течение двух последних десятилетий) планирует значительно увеличить мощности тепловых электростанций, что потребует к 2010 г. пятикратного роста объемов импортируемого природного газа по сравнению с уровнем 1997 г. Второй масштабный проект по заключенному между Турцией, Ираном и Туркменистаном своѝсоглашению предусматривает поставку туркменского газа (экспортный потенциал Туркменистана оценивается в 50–60 млрд куб. м в год) в северный Иран, а газа из южных иранских месторождений – в Турцию. Показательно, что Турция, несмотря на официальный статус особо важного партнера США (Enhanced Partnership), для обеспечения своих экономических интересов пренебрегла возможными американскими санкциями против турецких компаний. В соответствии с Актом Конгресса США о введении санкций против Ирана и Ливии (ILSA) таким санкциям подвергались компании, инвестировавшие более \$20 млн в нефтяную и газовую промышленность этих «проблемных» стран. Турция умело использует свое географическое положение и становится «энергетическим мостом» между экспортёрами газа и нефти на востоке (Азербайджан, Иран, Казахстан, Россия, Туркменистан и др.) и Южной Европой.

ЕС поддерживает проект газопровода – перемычки «Польша – Словакия», так как участие европейских компаний в его строительстве и эксплуатации обеспечивает стабильное получение высоких доходов от вкладываемых средств, а плата за транзит газа через террито-

рию новых членов ЕС дает возможность уменьшить субсидии из фондов ЕС, выделяемые для ускорения экономического развития Польши и Словакии.

Отметим, что годовые объемы собственной добычи газа в Украине невелики (около 20 млрд куб. м), и реализация проектов газопроводов «Ямал – Европа» и «Польша – Словакия» может негативно отразиться на экономическом развитии Украины. В течение последнего десятилетия Украина за транзит 125–130 млрд куб. м российского газа ежегодно получала около 30 млрд куб. м, что полностью обеспечивало потребности жилищно-коммунального хозяйства страны, а в целом плата за транзит составляла до 10% экспорта услуг Украины. ГТС страны ежегодно отчисляет в государственный бюджет свыше \$400 млн. Без адекватного и быстрого увеличения добычи газа в России (что маловероятно) поставки по новым трубопроводам уменьшат объемы его транзита через территорию Украины по крайней мере на 60–70 млрд куб. м. «Газпром» до 2013 г. обязался транспортировать по ГТС Украины в Европу только 110 млрд куб. м газа в год, что значительно меньше транзитной пропускной способности украинской ГТС, составляющей 177 млрд куб. м (в том числе в страны Европы 141 млрд куб. м), и оплачивать хранение в подземных газохранилищах на территории Украины 10 млрд куб. м.

В настоящее время развивается сотрудничество в энергетической сфере по линии ЕС – ЧЭС. Созданное в 1997 г. совместное украинско-российско-турецкое акционерное общество «Газтранзит» строит на территории Украины дополнительные компрессорные станции на газопроводе Ананьев – Тирасполь – Измаил. Акционерами «Газтранзита» с равными долями – по 37% уставного фонда стали «Укргазпром» (теперь НАК «Нафтогаз України») и «Газпром» (Россия), а также турецко-российская компания «ТуРусгаз» (18%) и консорциум четырех турецких компаний «Трансбалкан» (8%). Ввод в эксплуатацию в 2001 г. самой современной в ЧЭС компрессорной станции «Тарутино» (Одесская обл.) стоимостью \$78 млн позволил увеличить объемы транзита российского газа на Балканы на 4 млрд куб. м в год. Проект был реализован благодаря кредитам ЕБРР (\$40 млн) и ЧБТР (\$12 млн), остальные \$26 млн внесли акционеры «Газтранзита». ЕБРР предоставил также кредит \$97 млн для строительства подводного перехода через Дунай и украинского участка (70 км) второй очереди газопровода Ананьев – Тирасполь – Измаил протяженностью 389 км. Стоимость работ на украинском участке составляет \$571 млн. При-

оритетный для ЕС проект строительства Трансъевропейских Энергетических Сетей (TEN) предусматривает увеличение пропускной способности газопровода до 38 млрд куб. м в год по маршруту TEN-EH11 транспортирования в Грецию и другие балканские страны из России через Украину, Молдову, Румынию, Болгарию с ответвлением в Турцию по трубопроводам G7 и G14 [110].

Следует отметить, что уровень сотрудничества с ЕС в энергетической области совершенно не соответствует потенциалу Украины. ЕС не использует возможности Украины как одного из крупнейших в мире производителей газовых турбин, компрессорных станций и другого энергетического оборудования. В силу ряда причин (практика несанкционированного отбора транзитного газа, проблемы задолженности украинских компаний за российский и туркменистанский газ и др.) не полностью востребованными в ЕС остаются и уникальные транзитные возможности Украины.

Тем не менее, объективное совпадение стратегических интересов России как основного поставщика газа на западный рынок, Украины – владельца транзитной системы, и Германии – крупнейшего потребителя российского газа обусловило включение Украины в программы ЕС по строительству трансконтинентальных газовых сетей. Украинская ГТС по длине магистральных и распределительных трубопроводов свыше 36 тыс. км занимает после российской второе, а по вместимости подземных хранилищ газа (32 млрд куб. м) – третье после США и России место в мире, и оценивается в 15–20 млрд долларов.

10 июня 2002 г. в Санкт-Петербурге президенты России и Украины и канцлер ФРГ подписали заявление о сотрудничестве в использовании украинской ГТС для расширения транзита в страны ЕС. Повышение надежности украинских газопроводов (большая часть эксплуатируемых в течение 25–30 лет труб не имеет антикоррозионного покрытия) требует прокладки новых сетей на изношенных участках. Украинская ГТС находится в собственности государства, поэтому необходимые для реконструкции инвестиции могут быть привлечены либо путем акционирования с последующей продажей инвесторам части акций, либо путем создания международного консорциума Россия – Украина – Германия с правом участников на долевое распределение доходов.

Планы России по строительству обходных газопроводов при наличии неиспользуемых транзитных мощностей украинской ГТС являются экономически необоснованными и могут рассматриваться как

средство политического давления на Украину. Издержки, связанные со строительством новых газопроводов и увеличением расстояния транспортирования, в конечном итоге приведут к росту цены российского газа для западноевропейских потребителей.

Нельзя не обратить внимания на то, что проекты строительства газопроводов в обход украинской территории, поддерживаемые ЕС, разрабатывались без участия Украины в нарушение принципов сотрудничества, недискриминации и координации энергетической политики Сторон, зафиксированных в Европейской Энергетической Хартии [225, Chapter 1]. Неизбежная переориентация части российского газового транзита с украинской на белорусско-польско-словацкую ГТС нанесет Украине значительный экономический ущерб, что является прямым нарушением Договора Европейской Энергетической Хартии, который «...устанавливает правовые рамки с целью содействия долгосрочному сотрудничеству в отрасли энергетики на основе взаимодополнения и взаимной выгоды...» [226, Article 2]. Украина в случае уменьшения объемов транзита газа через свою территорию после ввода в эксплуатацию газопровода – системной перемычки «Польша – Словакия» вправе потребовать компенсации своих убытков от участников проекта – Сторон, ратифицировавших Договор Европейской Энергетической Хартии: ЕС, Германии, Италии, Польши, Словакии и Франции.

Исторически сложившаяся взаимозависимость экономик ЕС, России и Украины от экспорта российского газа не оставляет партнеров иного выхода, как расширение взаимовыгодного сотрудничества для укрепления энергетической безопасности всего континента. Возникшие между Россией и Украиной противоречия не антагонистичны, и при достаточной финансовой поддержке ЕС могут быть преодолены совместно, если обе страны направят свои неиспользуемые материальные и трудовые ресурсы на скорейшее увеличение объемов добычи газа в России в соответствии с ростом энергопотребления в Европе. В настоящее время из-за отсутствия инвестиций фактически простаивают украинские и российские заводы, специализирующиеся на изготовлении газодобывающего оборудования, строительных и дорожных машин, трубокладчиков, автоматизированных трубосварочных комплексов, компрессорных станций и другой техники. Украина, Россия и Германия могут также стать основными транзитерами газа из Центральной Азии в Европу, войдя с Туркменистаном, Узбекиста-

ном и Казахстаном в состав участников многостороннего проекта Транскаспийского газопровода.

Потребности Греции в импорте газа и нефти растут со среднегодовым темпом 1,7% (собственная добыча в Эгейском море обеспечивает лишь 5% необходимого стране количества), что выдвинуло расширение энергетического сотрудничества с Россией (основным экспортером) и Украиной (главным транзитером энергоносителей) в число важнейших национальных экономических приоритетов. В настоящее время основной объем потребляемого в Греции газа поставляется по долгосрочному контракту с Россией по трубопроводу через Украину, Молдову, Румынию и Болгарию. В соответствии со стратегией ЕС по диверсификации энергоснабжения второй долгосрочный контракт (на поставку сжиженного природного газа) был подписан Грецией с Алжиром.

По оценкам американских экспертов, объем запасов нефти и газа в бассейне Каспия способен превратить Прикаспийский регион в «Персидский Залив XXI века», поэтому три региональных лидера – Россия, Иран и Турция конкурируют между собой за возможность строительства транзитных трубопроводов на своей территории [129, р. 116].

Интенсивность движения судов через Босфор за последние полвека возросла вдесятеро. Уже в 2000 г. суточный объем танкерных перевозок из всех черноморских стран через Босфор превысил 1,4 млн баррелей, причем доля России достигла 75%. Россия стала вторым после ОПЕК экспортером нефти в ЕС (27% импорта нефти ЕС–27 в 2006 г.). Ежегодно через пролив проходит около 50 тыс. судов, а число танкеров с нефтью и другими экологически опасными грузами увеличилось с 4303 в 1997 г. до 7427 в 2002 г. Количество опасных грузов за тот же период увеличилось вдвое – с 63 млн т до 123 млн т, что стало причиной ряда аварий с тяжелыми экологическими последствиями, после чего Турция была вынуждена пересмотреть Конвенцию Монтре 1936 г. о свободе судоходства в проливах и запретить танкерам дедевейтом свыше 160 тыс. т проход через Босфор.

Перегрузка Босфора и Дарданелл, а также повышенная опасность возможных террористических атак на танкеры в этих узких проливах являются вескими аргументами в пользу реализации одного из вариантов комбинированной трубопроводно-танкерной транспортировки нефти из Прикаспийского региона в порты Черного моря и далее в Европу. Украина отстаивает маршрут «Баку – Супса – Одесса – Броды – Плоцк – Гданьск». Пропускная способность введенных в экс-

платацию первой очереди нефтетерминала «Південний» (Одесса) и трубопровода «Одесса – Броды» составляет 9 млн т нефти в год, и предполагается ее увеличение до 40 млн тонн. При существующих тарифах на трубопроводную и танкерную доставку транзит тонны каспийской нефти по самому короткому украинско-польскому маршруту обойдется потребителям в Восточной и Западной Европе на 10–25 долларов дешевле, чем через турецкий порт Джейхан на Средиземном море.

Болгария и Румыния лоббируют в ЕС свои проекты транспортирования прикаспийской нефти, альтернативные украинскому. Болгария заинтересована в маршрутах «Новороссийск – Бургас – Александруполис» и «Баку – Супса – Бургас – Александруполис», а Румыния – в маршруте «Баку – Супса – Констанца – Триест». В апреле 2007 г. Румыния подписала с Италией, Сербией, Словенией и Хорватией соглашение о строительстве трубопровода от черноморского побережья до Италии. Актуальным для Болгарии и Румынии остается и проект транспортирования прикаспийской нефти по Дунаю «Баку – Супса – Франкфурт». Однако, по сравнению с этими проектами, уже существующий маршрут «Одесса – Броды» обладает важными преимуществами: трасса проложена в сейсмически безопасной зоне; в случае необходимости часть нефтяного потока может быть переадресована на основной действующий нефтепровод из России «Дружба», проходящий (с ответвлениями на Словакию, Чехию и Венгрию) до г. Шведт в Германии; наконец, трубопровод может использоваться и в реверсном варианте. В случае реализации подписанного Россией, Беларусью, Украиной, Словакией, Венгрией и Хорватией межправительственного соглашения о строительстве нефтепровода «Дружба – Адрия» объемы перевозок нефти через Босфор еще более уменьшатся. Во всех вариантах при транспортировании до глубоководных портов Александруполис (Греция) или Омишаль (Хорватия) станут экономичными трансокеанские перевозки каспийской нефти в США, Канаду, Японию и другие страны танкерами водоизмещением до 500 тыс. т (их проход через Босфор запрещен, а порты Балтики не рассчитаны на обслуживание судов с такой осадкой), что снизит удельные транспортные расходы и конечную цену тонны нефти.

Азербайджан определил в качестве стратегического приоритета строительство каспийско-средиземноморского нефтепровода «Баку – Тбилиси – Джейхан» протяженностью 1762 км пропускной способностью до 50 млн тонн в год и стоимостью \$2,95 млрд. Реализация про-

екта началась в сентябре 2002 г., а официальный ввод нефтепровода в эксплуатацию состоялся в июле 2006 г. На первом этапе предполагается ежегодно экспортировать по данному маршруту 25 млн т азербайджанской и 20 млн т казахстанской нефти. В то же время Азербайджан в принципе не отвергает возможности будущего участия в украинском, болгарском или румынском проектах по мере роста объемов добычи нефти в стране.

Не умаляя значения исторически обусловленной этнической, культурной и конфессиональной общности Азербайджана и Турции для приоритетного развития двусторонних отношений между этими странами, отметим, что строительство нефтепровода «Баку – Тбилиси – Джейхан» и газопровода «Баку – Тбилиси – Эрзерум» было обусловлено не столько политическими, сколько экономическими факторами. В то время как украинский, румынский или болгарский капитал практически не участвует в развитии энергетического сектора прикаспийских стран, инвестиции одной только Турции в строительство энергетических и транспортных коммуникаций на территории Азербайджана и других государств Закавказья и Центральной Азии уже в 1997 г. превысили миллиард долларов. Всего с Азербайджаном и центральноазиатскими странами СНГ Турция подписала около 400 соглашений по сотрудничеству в энергетическом секторе и строительству международных транспортных систем [120, с. 56–57].

Не имея достаточных собственных ресурсов для разведки, освоения и эксплуатации месторождений нефти и газа на шельфе Каспийского моря, Азербайджан с первых лет независимости стал привлекать крупный иностранный капитал в энергетический сектор на основе долгосрочных соглашений о долевом разделе продукции между государственной нефтяной компанией SOCAR и ведущими иностранными корпорациями различных форм собственности. С момента заключения в 1994 г. первого соглашения с консорциумом западных компаний во главе с «British Petroleum» (стоимость «контракта века» составила \$8 млрд) Азербайджан подписал свыше двадцати долгосрочных контрактов на освоение и эксплуатацию месторождений в Каспийском море с планируемым объемом инвестиций \$20 млрд [129, р. 117]. Только за 1996–1999 гг. приток зарубежных капиталовложений в страну превысил \$2,6 млрд, и Азербайджан по величине прямых иностранных инвестиций на душу населения опередил все постсоциалистические и постсоветские государства ЧЭС и СНГ [120, с. 120; с. 187].

Инвестиционная активность американских компаний в прикаспийском регионе соответствует глобальной стратегии США, заинтересованных в проведении новыми независимыми государствами прозападной политики, свободной от влияния России или Ирана. С точки зрения США, объявивших Каспийский бассейн зоной своих национальных интересов, диверсификация путей транзита энергоносителей укрепляет политическую и экономическую безопасность государств Закавказья и Центральной Азии и уменьшает возможности использования Россией или Ираном нефтяных и газовых «кранов» как инструмента политического и экономического давления.

Российские компании принимают участие в освоении энергоресурсов Азербайджана и Казахстана, в том числе и в строительстве нефтепроводов в обход территории России. Российская стратегия транзита энергоносителей из каспийского региона в Европу предусматривает строительство трубопроводов, альтернативных азербайджанско-турецкому или туркменистанско-иранскому маршрутам. Для доставки нефти по «Северному маршруту» из западного Казахстана к танкерному терминалу на российском побережье Черного моря за год была проложена линия нефтепровода Тенгиз – Новороссийск длиной 1580 км (в обход территории Чечни) и пропускной способностью 28 млн т нефти в год. Каспийский трубопроводный консорциум в составе восьми компаний из шести стран инвестировал в данный проект \$2,3 млрд. Завершается и строительство второй очереди нефтетерминала пропускной способностью 40 млн т в год в Новороссийске, откуда прикаспийская нефть будет экспортироваться танкерами через Босфор или по сухопутному трубопроводу из Болгарии (порт Бургас) в Грецию (порт Александруполис) и далес в Европу.

Реализация проекта «Баку – Супса – Одесса – Броды – Плоцк – Гданьск» затягивается из-за отсутствия соответствующего договора между Азербайджаном, Грузией, Украиной и Польшей, а также нерешенности множества финансовых проблем (условия участия инвесторов в строительстве и эксплуатации трубопроводов, портовых терминалов, танкерного флота и пр.). Официальное открытие нефтепровода «Баку – Супса» состоялось в 1999 г., строительство украинского участка трубопровода «Одесса – Броды» протяженностью 674 км было завершено в 2001 г. Компания «Укртранснафта» предложила создать для реализации проекта «Одесса – Броды» международный консорциум, иностранные участники которого могут вносить свою долю денежными средствами, технологической нефтью или в виде обеспе-

ченных финансовых гарантий загрузки трубопровода. 10 октября 2007 г. Азербайджан, Грузия, Литва, Польша и Украина на энергетическом саммите в Вильнюсе подписали соглашение об учреждении совместного предприятия по достройке Черноморско-Балтийского нефтепровода от Брод до Плоцка и Гданьска.

В июле 2002 г. в ходе визита в Украину премьер-министра Греции перспективными направлениями сотрудничества двух стран были определены участие в формировании европейской транспортной инфраструктуры в целом и строительстве энергетических коридоров в особенности, а также судостроение и агропромышленный комплекс. В частности, планируемое вхождение Греции в международный консорциум по эксплуатации маршрута транспортирования нефти «Баку – Супса – Одесса – Броды – Гданьск» обеспечит повышение загрузки греческого танкерного флота. Греческий капитал намерен также принять участие в приватизации энергетических предприятий в Украине, поскольку реализация Меморандума об интеграции энергетических систем Украины и ЕС, подписанного в декабре 2005 г., позволит на порядок увеличить объем экспорта электроэнергии в ЕС при совместной работе украинских линий передач с европейской энергосистемой UCTE/CENTREL.

Перед компаниями стран ЧЭС открылись перспективы получения масштабных контрактов на техническую модернизацию портов и паромных переправ в Азово-Черноморском и Средиземноморском бассейнах и участие в строительстве международных транспортных коридоров. Начато сооружение крупнейшего трансконтинентального коридора «Европа – Кавказ – Азия» по глобальному проекту Европейского Союза TRACECA (Transport Corridor Europe – Caucasus – Asia), предложенному в мае 1993 г. на 7-й конференции ЕС в Брюсселе. Целью проекта является создание сети железнодорожных, шоссейных и водных коммуникаций, сосредоточенных в девяти транспортных коридорах, соединяющих различные регионы Европы с Кавказом, Центральной Азией и Китаем. Проект получил поддержку в США (законодательная инициатива «The Silk Road Strategy Act of 1997») и был одобрен в сентябре 1998 г. на саммите в Баку с участием президентов Азербайджана, Болгарии, Грузии, Кыргызстана, Молдовы, Румынии, Турции, Узбекистана и Украины, официальных представителей правительств 32 стран, а также международных организаций – ООН, ЕС, ОБСЕ, Всемирного Банка и ЕБРР [129, pp. 44–45].

К проекту TRASECA в 1998 г. присоединились четырнадцать государств, подписавших Бакинскую Декларацию и Основное многостороннее Соглашение о международном транспорте по развитию коридора «Европа – Кавказ – Азия»: Азербайджан, Армения, Болгария, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Монголия, Польша, Румыния, Таджикистан, Турция, Узбекистан и Украина. О намерении присоединиться к проекту заявили Греция и Китай. В 2001 г. страны-участницы проекта начали унификацию таможенных процедур, тарифов и сборов на всем пространстве TRASECA для обеспечения беспрепятственного передвижения транзитных грузов по Евро-Азиатскому транспортному коридору.

В августе 2006 г. страны ЧЭС подписали инициированный Россией меморандум о строительстве кольцевой автомагистрали протяженностью 7000 км вокруг Черного моря. Расширению международного экономического сотрудничества в регионе будет также способствовать реализация выдвинутой в июне 2007 г. на Балканском энергетическом саммите в Загребе российской инициативы строительства газопровода «Южный Поток» от кавказского побережья по дну Черного моря до Болгарии и далее через Балканы до Италии.

По результатам исследований института «Randell» (Великобритания), Украине принадлежит первое место в Европе по коэффициенту транзитности [134, с. 141]. Проект создания международных транспортных коридоров «Transcoг» предусматривает строительство на территории Украины пяти автомобильных шоссе высшей категории класса А1 ориентировочной общей стоимостью 25–26 млрд долларов США, из которых ЕБРР и Всемирный Банк финансируют 30%, а ЕС 20%. Остальные средства предполагается изыскать за счет привлечения частных инвесторов. В соответствии с Программой создания и функционирования национальной сети международных транспортных коридоров, пилотным избрано строительство шоссе «Винница – Киев», являющееся частью международного коридора Axis III Южной трансъвропейской автомагистрали «Западная граница Украины – Киев», и первое в Украине платное скоростное шоссе «Киев – Одесса» как часть коридора Axis IX, связывающего Грецию со странами ЧЭС, Прибалтики и Северной Европы. При активном участии ЕС ведется строительство трансконтинентальных коридоров Axis IV «Франция – Германия – Польша – Венгрия – граница Украины (г. Чоп)» и Axis V «Испания – Франция – Италия – Словения – Венгрия – граница Украины (г. Чоп)». Продолжению этого строительства

на территорию Украины препятствует неурегулированность концессионного и земельного законодательства. В результате Украина теряет десятки тысяч рабочих мест для выполнения проектных и строительного-монтажных работ, производства, добычи и переработки необходимых для строительства материалов (цемент, песок, щебень и т. п.), не говоря о потере доходов от платы за проезд.

Через Причерноморье проходят основные евроазиатские каналы связи, и одним из перспективных направлений сотрудничества стран ЧЭС в первой четверти XXI века является создание региональных информационных систем. С 1996 г. эксплуатируются подводные волоконно-оптические линии связи Италия – Турция – Украина – Россия (ITUR) протяженностью 3500 км, Черноморская волоконно-оптическая кабельная система длиной 2000 км, соединяющая Болгарию, Украину и Россию со странами Европы и Закавказья, и строится самая протяженная в мире (21 тыс. км) Трансазиатско-Европейская наземная волоконно-оптическая линия ТАСЕ, проходящая через десятки стран Европы и Азии от Франкфурта-на-Майне до Шанхая.

4.4. Региональные экологические программы и экономические основы международных механизмов изменения климата

Ускорение мирового экономического развития во второй половине XX века и глобальные процессы индустриализации привели к росту потребления угля, нефти и природного газа. Одновременно увеличилось и количество выбросов в атмосферу продуктов сгорания ископаемого топлива. Растущее антропогенное давление на окружающую среду сопровождалось значительным уменьшением адсорбционного потенциала планеты вследствие интенсивной вырубке лесов – основного поглотителя двуокиси углерода и в конечном счете привело к началу глобального потепления вследствие «парникового» эффекта. Разрушительные наводнения и продолжительные засухи, охватывающие территории стран, регионов и целых континентов, стали происходить почти ежегодно. На ликвидацию последствий этих стихийных бедствий расходуются сотни миллиардов долларов. Становится очевидным, что дальнейший рост антропогенных загрязнений атмосферы может привести к планетарной климатической катастрофе. Глобальный масштаб проблем загрязнения Земли требует кардинального пересмотра привычных представлений о системе «человек – окружающая среда», в том числе и замены традиционных критериев оценки хозяйственной деятельности комплексными эколого-экономическими критериями, причем соответствие экологическим нормам должно оцениваться выше доходности и других «чисто экономических» показателей.

Безопасность окружающей среды была признана важнейшим приоритетом мирового сообщества в Декларации Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию, принятой 14 июня 1992 г. на Конференции ООН с участием лидеров 179 государств [1, с. 444–448]. Итоговый документ саммита в Рио «Повестка дня на XXI век» определил устойчивое развитие как глобальный императив и наметил основные направления международного сотрудничества для достижения гармонии между экономическим развитием и сохранением среды обитания. Конференция в Рио утвердила подписанную в Нью-Йорке 9 мая

1992 г. Рамочную Конвенцию ООН по изменению климата, в которой был зафиксирован важнейший институциональный принцип «общей, но дифференцированной ответственности сторон» в обеспечении снижения концентрации парниковых газов в атмосфере до уровня, который позволил бы не допускать опасного антропогенного воздействия на климатическую систему [228, Article 4].

Конкретные обязательства сторон Конвенции ООН по сокращению антропогенных выбросов были зафиксированы в 1997 г. в Протоколе Киото, в соответствии с которым 39 государств, включенных в Приложение В, в том числе все члены ЕС и крупнейшие промышленные страны мира, должны в течение 2008–2012 гг. сократить суммарные выбросы парниковых газов на 5,2% по сравнению с уровнем 1990 г. Протокол подписали и пять стран ЧЭС – Болгария, Греция, Россия, Румыния и Украина. Протоколом Киото были установлены следующие международные механизмы реализации программ ограничения и сокращения выбросов: совместное выполнение обязательств в рамках региональной экономической интеграционной организации; совместное осуществление программ сокращения выбросов; механизм чистого развития и международная торговля правами на выбросы [229].

Гибкость киотских механизмов позволяет каждой стране разработать национальную стратегию ограничения и сокращения антропогенных выбросов с наименьшими экономическими издержками, а центральным элементом этих механизмов является предоставление субъектам хозяйственной деятельности доступа к международным финансовым ресурсам за счет продажи квот на загрязнение атмосферы.

Проанализируем открывающиеся перспективы международной торговли правами на выбросы в странах ЕС и ЧЭС.

Рамочная Конвенция ООН по изменению климата вступила в силу в 1994 г., а Протокол Киото – в 2006 г. Очевидно, что наиболее эффективно программы сокращения антропогенных выбросов парниковых газов будут осуществляться при выполнении требований Протокола Киото всеми странами – крупнейшими загрязнителями атмосферы выбросами двуокиси углерода.

На момент открытия 3 декабря 2007 г. на о. Бали очередной Конференции ООН по изменению климата Протокол Киото был ратифицирован в 173 странах, включая все промышленно развитые, кроме США.

Как видно из табл. 4.3, 80% мировых выбросов CO₂ производится в двадцати странах, в число которых входят все постоянные члены

Таблица 4.3

**Антропогенные выбросы двуокиси углерода
в 1980–2000 гг.**

Страна, группа стран, регион	Выбросы двуокиси углерода, E_i					
	1980		1990		2000	
	млн т	% от E_W	млн т	% от E_W	млн т	% от E_W
Весь мир (W)	13640,7	100,0	16183,1	100,0	22994,5	100,0
1	2	3	4	5	6	7
Развитые страны	8710,2	63,9	9033,5	55,8	11804,3	51,3
Страны с объемом выбросов CO ₂ свыше 100 млн т в 2000 г.						
США	4575,4	33,5	4824,0	29,8	5601,5	24,4
Китай *	1493,1	10,9	2427,9	15,0	2833,6	12,3
Россия	...	...	1954,4	12,1	1435,1	6,2
Япония	920,4	6,7	1070,7	6,6	1184,5	5,2
Индия	347,3	2,5	675,3	4,2	1070,9	4,7
Германия	...	...	889,2	5,5	785,5	3,4
Великобритания	583,8	4,3	563,3	3,5	567,8	2,5
Канада	420,9	3,1	409,6	2,5	435,9	1,9
Италия	371,9	2,7	398,9	2,5	428,2	1,9
Южная Корея	125,2	0,9	241,2	1,5	427,0	1,9
Мексика	251,6	1,8	295,0	1,8	424,0	1,8
Сауд. Аравия	130,7	1,0	177,1	1,1	374,3	1,6
Франция	482,7	3,5	353,2	2,2	362,4	1,6
Австралия	202,8	1,5	266,0	1,6	344,8	1,5
Украина	...	...	631,1	3,9	342,8	1,5
ЮАР	211,3	1,5	291,1	1,8	327,3	1,4
Иран	116,1	0,9	212,4	1,3	310,3	1,3
Бразилия	183,4	1,3	202,6	1,3	307,5	1,3
Польша	456,2	3,3	347,6	2,1	301,3	1,3
Испания	200,0	1,5	211,7	1,3	282,9	1,2
Индонезия	94,6	0,7	165,2	1,0	269,6	1,2

Продолжение таблицы 4.3

Страна, группа стран, регион	Выбросы двуокиси углерода, E_i					
	1980		1990		2000	
	млн т	% от E_W	млн т	% от E_W	млн т	% от E_W
1	2	3	4	5	6	7
Турция	76,3	0,6	143,8	0,9	221,6	1,0
Таиланд	40,0	0,3	95,7	0,6	198,6	0,9
Северная Корея	...	...	...	...	188,9	0,8
Венесуэла	89,6	0,7	113,6	0,7	157,7	0,7
Малайзия	28,0	0,2	55,3	0,3	144,4	0,6
Египет	45,2	0,3	75,4	0,5	142,2	0,6
Нидерланды	152,6	1,1	138,9	0,9	138,9	0,6
Аргентина	107,5	0,8	109,7	0,7	138,2	0,6
Казахстан	...	...	292,7	1,8	121,3	0,5
Чехия	...	...	141,7	0,9	118,8	0,5
Узбекистан	...	...	106,5	0,7	118,6	0,5
Пакистан	31,6	0,2	67,9	0,4	104,8	0,5
Бельгия	127,2	0,9	97,4	0,6	102,2	0,4

Примечание. Включая Гонконг и Макао, исключая Тайвань.

Рассчитано по источникам: [67, pp. 256–257; 76, pp. 292–293; 77, pp. 248–249].

Совета Безопасности ООН, все страны «Большой Семерки», а также крупнейшие страны всех континентов, в том числе две самые населенные из них – Китай и Индия. Очевидно, что финансовые и технические возможности и политическое влияние именно этих двадцати крупнейших загрязнителей будут в наибольшей степени определять скорость и масштабы реализации международных программ изменения климата. Это не умаляет важности участия в природоохранной деятельности всех без исключения стран и самостоятельных экономических территорий, сколь бы малы они ни были.

Доля развитых стран в продуцировании мировых выбросов CO_2 снижается, что доказывает несостоятельность позиции большинства развивающихся стран, заключающейся в том, что причиной опасного накопления парниковых газов в атмосфере является чрезмерная индустриализация богатых стран и поэтому только они должны нести всю

полноту ответственности за решение проблемы сохранения окружающей среды. В действительности большинство крупнейших загрязнителей атмосферы входит в группу стран среднего уровня развития, а Индия относится к бедным странам. В ближайшем будущем основными загрязнителями атмосферы станут страны с низкими и средними доходами, на долю которых приходится свыше 40% мировых выбросов CO_2 , благодаря высоким темпам прироста загрязнений, которые в 1980–2000 гг. составили 3,3% в Китае, 5,8% в Индии и 8,5% в Малайзии по сравнению с 1% в США).

Рост объемов неадсорбируемых выбросов усугубляется тем, что в развивающихся странах быстрыми темпами (от 1% в год в Индонезии до 2,4% в Малайзии) идет интенсивная вырубка лесов – основного поглотителя CO_2 , в то время как в США, Канаде и большинстве стран ЕС их площадь ежегодно увеличивается за счет новых посадок [76, pp. 290–291].

Второй аргумент развивающихся стран, отказавшихся принять на себя связывающие обязательства по снижению выбросов (30 из крупнейших стран-загрязнителей, включая Китай и Индию, не вошли в Приложение В к Протоколу Киото), заключается в том, что разрешенные для индустриальных стран исторически сложившиеся уровни выбросов CO_2 на душу населения значительно выше, чем для развивающихся стран, что по мнению последних, несправедливо. На первый взгляд, такой аргумент кажется обоснованным. Как видно из табл. 4.4, количество выбросов на душу населения (показатель E_{PC}) в США, Австралии, Канаде или Германии на порядок выше аналогичного показателя в Индии или Индонезии.

Отметим, что измерение интенсивности загрязнения по количеству выбросов CO_2 на единицу ВВП, получившее распространение в эколого-экономическом анализе, по нашему мнению, характеризует не степень загрязнения, а состояние энергосбережения и общий технологический уровень производства в стране [230].

Покажем, что использование показателя E_{PC} в качестве единицы измерения степени антропогенного воздействия на экосистему Земли искажает реальный масштаб ответственности страны за глобальное загрязнение.

Введем новую единицу измерения – интенсивность выбросов I_E , определяемую как

$$I_E = E / A, \quad (4.1)$$

где E – количество выбросов CO_2 ;

A – площадь территории страны.

Сравнение стран с помощью предлагаемой единицы измерения приводит к заключению, что реальный уровень загрязнения во многих развивающихся странах (например, в Индии или Малайзии) лишь немногим уступает уровню загрязнения в США и многократно превосходит аналогичные показатели для таких развитых стран, как Австралия или Канада (табл. 4.4).

Таблица 4.4

**Показатели интенсивности загрязнения атмосферы
антропогенными выбросами двуокиси углерода
в 1980–2000 гг.**

Страна, регион	Интенсивность выбросов CO ₂					
	на единицу площади, <i>I_{Ев}</i> , т/кв. км			на душу населения, <i>Е_{РС}</i> , т/чел		
	1980	1990	2000	1980	1990	2000
1	2	3	4	5	6	7
Весь мир (W)	102	170	172	3,4	3,3	3,8
Страны с объемом выбросов CO ₂ свыше 100 млн т в 2000 г.						
США	489	515	598	20,1	19,3	19,8
Китай *	156	254	295	1,5	2,1	2,2
Россия	...	114	84	...	13,1	9,9
Япония	2435	2833	3134	7,9	8,7	9,3
Индия	106	205	326	0,5	0,8	1,1
Германия	...	2491	2200	...	11,1	9,6
Великобритания	2383	2299	2318	10,4	9,8	9,6
Канада	42	41	44	17,1	14,7	14,2
Италия	1236	1325	1423	6,6	7,0	7,4
Южная Корея	1265	2436	4313	3,3	5,6	9,1
Мексика	128	151	217	1,5	3,5	4,3
Франция	874	640	657	9,0	6,2	6,2
Сауд. Аравия	61	82	174	14,0	11,2	18,1
Австралия	26	34	45	13,8	15,6	18,0
Украина	...	1045	568	...	12,1	6,9
ЮАР	173	238	268	7,7	8,3	7,4
Иран	71	130	190	3,0	3,9	4,9

Продолжение таблицы 4.4

Страна, регион	Интенсивность выбросов CO ₂					
	на единицу площади, I_{Ei} , т/кв. км			на душу населения, E_{PC} , т/чел		
	1980	1990	2000	1980	1990	2000
1	2	3	4	5	6	7
Бразилия	22	24	36	1,5	1,4	1,8
Польша	1412	1076	933	12,8	9,1	7,8
Испания	395	418	559	5,3	5,5	7,0
Индонезия	50	87	142	0,6	0,9	1,3
Турция	98	186	286	1,7	2,6	3,3
Таиланд	78	187	387	0,9	1,7	3,3
Северная Корея	...	...	1561	...	...	8,0
Венесуэла	98	125	173	5,9	5,8	6,5
Малайзия	85	168	438	2,0	3,0	6,2
Египет	45	75	142	1,1	1,7	2,2
Нидерланды	3722	3388	3388	10,8	9,3	8,7
Аргентина	39	39	50	3,8	3,4	3,8
Казахстан	...	108	45	...	17,7	8,1
Чехия	...	1794	1504	...	13,7	11,6
Узбекистан	...	235	265	...	5,0	4,8
Пакистан	40	85	132	0,4	0,6	0,8
Бельгия	3855	2952	3097	12,9	9,8	10,0

Примечание. Включая Гонконг и Макао, исключая Тайвань.

Рассчитано по источникам: [67, pp. 256–257; 76, pp. 292–293; 77, pp. 248–249].

Использование предлагаемой единицы измерения I_E позволяет избежать ошибочного представления о мнимом уменьшении выбросов в странах, где темпы прироста населения превышают темпы загрязнения. Например, в ЮАР в 2000 г. абсолютное количество выбросов и соответственно интенсивность загрязнения возросли на 13% по сравнению с 1990 г., хотя показатель E_{PC} снизился на 11%, поскольку за этот период население страны увеличивалось в среднем на 2% в год [84, p. 237]. Новая единица измерения I_E позволяет определить реальную, а не мнимую, степень превышения каждой страной среднемирового уровня загрязнения. Например, в 2000 г. Сингапур с терри-

торией 632 кв. км и населением 4 млн человек произвел 59 млн т выбросов CO_2 – больше, чем Албания, Армения, Болгария, Грузия и Молдова, вместе взятые, на территории 276950 кв. км с населением 25 млн. За счет чрезвычайно высокой плотности населения (6358 чел/кв. км) уровень выбросов в Сингапуре $E_{PC} = 14,7$ т/чел превысил в 2000 г. среднемировой показатель $E_{PCW} = 3,8$ т/чел в 3,9 раз. Однако из-за концентрации производства на небольшой территории интенсивность выбросов CO_2 на единицу площади составила $I_{ES} = 93354$ т/кв. км и более чем в пятьсот (!) раз превысила среднемировой уровень $I_{EW} = 172$ т/кв. км [67, р. 257; 84, р. 237].

В 1997 г. на XIX специальной сессии («Рио + 5») Генеральной Ассамблеи ООН Германия, Бразилия, ЮАР и Сингапур предложили «создать международную экономическую среду, которая способствовала бы реализации Программы действий «Повестка дня на XXI век»», и призвали индустриальные страны проводить экономическую политику с особой ответственностью. Однако, являясь абсолютным мировым лидером по интенсивности выбросов на единицу площади территории, Сингапур не взял на себя обязательств по сокращению выбросов по Протоколу Киото.

По нашему мнению, дифференциация степени ответственности каждой страны за глобальное загрязнение должна производиться с учетом превышения количества производимых на ее территории выбросов относительно среднемирового уровня.

Очевидно, что количество избыточных выбросов Q_E определится как

$$Q_E = (I_i - I_w) A_i - a_{gi} A_{Fi}, \quad (4.2)$$

где I_i – интенсивность выбросов CO_2 в i -той стране, т/кв. км;

I_w – интенсивность выбросов CO_2 во всем мире, т/кв. км;

A_i – площадь территории i -той страны, кв. км;

a_{gi} – адсорбционная характеристика страны (количество CO_2 , усваиваемого на ее территории в процессе фотосинтеза лесами и другими зелеными насаждениями в течение года, т/кв. км);

A_{Fi} – площадь зеленых насаждений в i -той стране, кв. км.

Величина A_{Fi} (без учета площади сельскохозяйственных культур) определится как

$$A_{Fi} = K_{Fi} A_{Li}, \quad (4.3)$$

где K_{Fi} – коэффициент лесистости (доля площади суши, занятая лесами и кустарниками);

A_{Li} – площадь страны (без озер и других водоемов), кв. км.

Рассчитанные по формуле (4.2) отрицательные значения Q_E свидетельствуют об относительном экологическом благополучии страны, положительные значения указывают на необходимость платить за нейтрализацию избыточных выбросов на территории других стран.

Общая стоимость S квоты на торговлю правами на выбросы Q_E (или сумма платежей за избыточные загрязнения – Q_E) может быть вычислена по формуле:

$$S = Q_C Q_E P_1, \quad (4.4)$$

где $Q_C = 12/44$ – коэффициент пересчета количества выбросов CO_2 в твердый углерод;

P_1 – стоимость сокращения единицы выбросов углерода.

Как показала реализация проектов ООН по ограничению выбросов в Буркина Фасо (энергетика для устойчивого развития) и Коста-Рике (торговля сертифицированными излишками CO_2 через Механизм Чистого Развития), минимальная стоимость сокращения выбросов одной тонны углерода составляет \$8,3...\$10. Эксперты Всемирного Банка оценивают среднюю стоимость сокращения выбросов в странах ОЭСР в 23 \$/т, а начальный объем будущего рынка торговли квотами на выбросы после вступления в силу Протокола Киото в \$11,5 млрд в год [77, pp. 101–104]. Для более точных расчетов могут быть использованы результаты исследований Национальной лаборатории UNEP RISO (Дания) в 23 странах [230].

В таблице 4.5 приведены результаты расчетов избыточного количества выбросов CO_2 в странах, являющихся крупнейшими загрязнителями атмосферы. В качестве экологически безопасного базового уровня в расчетах принят среднемировой показатель интенсивности выбросов в 1980 г. $I_W = 102$ т/кв. км; адсорбционная способность хвойных и смешанных лесов принята равной $a_g = 1500$ тонн CO_2 /кв. км; поглощение CO_2 сельскохозяйственными растениями не учитывалось [231, с. 343].

Как видно из табл. 4.5, США, традиционно возглавляющие этот список, подавляющую часть выбросов нейтрализуют в лесах на своей

Таблица 4.5

**Избыточные антропогенные выбросы CO₂
ряда стран в 2000 г.**

Страна	Терри- тория, тыс. кв. км	Пло- щадь суши, тыс. кв. км	Интен- сивность выбросов, т/кв. км	Коэф. лесистости	Избыто- чные выб- росы, млн т
США	9364	9166	598	0,29	657
Китай ¹	9566	9326	295	0,12	168
Россия	17075	16996	84	0,45	-11780 ²
Япония	378	375	3134	0,67	769
Индия	3288	2973	326	0,23	-289
Германия	357	350	2200	0,30	591
Великобритания	245	242	2318	0,08	514
Канада	9971	9221	44	0,35	-5419 ²
Италия	301	294	1423	0,22	301
Южная Корея	99	98	4313	0,62	326
Мексика	1958	1923	217	0,24	-467 ²
Франция	552	546	657	0,27	85
Украина	604	601	568	0,16	137
Польша	313	312	933	0,28	129
Финляндия	338	305	175	0,76	-323 ²
Швеция	450	411	114	0,64	-389 ²
Греция	132	131	684	0,20	38

Примечания: 1. Включая Гонконг и Макао, исключая Тайвань.

2. Адсорбция на данной территории выбросов из других стран.

Рассчитано по источникам: [67, pp. 256–257; 231, с. 343; 237].

территории, и в действительности мировым лидером-загрязнителем является Япония.

Эти данные свидетельствуют о том, что существующие представления об ответственности отдельных стран за выбросы парниковых газов далеко не всегда соответствуют реальному вкладу каждой страны в планетарное загрязнение.

Результаты расчетов позволяют также дать объективный ответ на поставленный экономистами-экологами (Б. Яндл и др.) вопрос: «почему одни энергетические фирмы, торговые ассоциации и целые страны с воодушевлением примкнули к течению Киото – и почему другие рассматривают это соглашение как «протекционистский» инструмент картелизации» [232].

В списке крупнейших производителей антропогенных выбросов CO_2 выделяются Россия, Канада, Бразилия и ряд других стран, которые не только нейтрализуют собственные выбросы благодаря адсорбции углекислого газа в лесных массивах, но и являются очистителями «чужих» выбросов, попадающих на их территорию благодаря циркуляции атмосферы планеты.

Вступление в силу Протокола Киото открывает для России и Украины (потенциально крупнейших в мире продавцов квот на выбросы парниковых газов) и других стран ЧЭС доступ к новому источнику ресурсов экономического роста за счет выполнения обязательств ЕС по сокращению выбросов CO_2 в рамках региональных программ ЕС и ЧЭС, финансируемых в соответствии с киотскими механизмами. Кроме того, страны ЧЭС получают возможность ускорить выполнение национальных программ сокращения выбросов и внедрения механизмов чистого развития совместно со странами ОЭСР.

Россия на своей гигантской покрытой лесами территории адсорбирует почти 50% всех мировых выбросов CO_2 и вправе претендовать на получение десятков миллиардов долларов ежегодно в качестве финансовой компенсации со стороны стран-загрязнителей. Наиболее экологически благополучные страны ЕС – Финляндия и Швеция также имеют возможность продавать свои адсорбционные ресурсы, что может приносить каждой из этих стран ежегодно сотни миллионов долларов.

Что касается Греции, то ей для полной адсорбции собственных антропогенных выбросов двуокиси углерода на своей территории необходимо удвоить площадь зеленых насаждений, доведя коэффициент лесистости до 0,4.

Отметим, что выполнение национальных и международных программ по восстановлению экосистем планеты является производством общественного блага – более чистой и безопасной среды обитания. Как известно, на общественные блага не распространяется принцип исключения, поэтому любая страна будет пользоваться выгодами от реализации программ сокращения выбросов парниковых газов неза-

висимо от того, вносила она финансовый или материальный вклад в эти программы или отказалась участвовать в них [13, с. 586]. Поэтому привлечение всех государств мира к участию в программах изменения климата должно основываться на существенно скорректированных институциональных и экономических принципах Конвенции ООН и Протокола Киото. По нашему мнению, их следует дополнить положениями о возможном введении торговых и иных санкций в отношении стран, в которых рост загрязнений атмосферы представляет угрозу для мирового сообщества. Кроме того, не потеряли своей актуальности выдвинутые на саммите «Рио + 5» ФРГ, Бразилией, ЮАР и Сингапуром инициативы по изменению Устава ООН таким образом, чтобы устойчивость развития и защита среды обитания были признаны в качестве двух новых целей ООН, а также по созданию Верховной организации ООН по окружающей среде, решения которой должны иметь обязательную юридическую силу для всех субъектов международного права. Только официальные документы такого уровня, как Устав ООН, способны обязать все страны мира осуществлять экономическую деятельность в соответствии с экологическими нормами. Заслуживают внимания и такие региональные инициативы, как принятое в апреле 2002 г. министрами охраны окружающей среды стран СНГ решение о разработке Экологической стратегии СНГ и адаптации национального законодательства к требованиям международных и европейских конвенций по защите среды обитания.

Представляется целесообразной также корректировка базового уровня выбросов двуокиси углерода, по которому ведется расчет потенциальных квот на торговлю правами на выбросы. Показатели 1990 г., зафиксированные для Сторон Протокола Киото в качестве базовых, занижают требуемый объем уменьшения выбросов. Даже после достижения предписанных сокращений достигнутый уровень выбросов будет на 12–15% превышать уровень 1980 г. Между тем, именно после 1980 г. были зафиксированы 15 лет с максимальной среднегодовой температурой, а XX век стал самым теплым за последние шесть столетий [77, р. 41]. В 2001 г. впервые на Северном полюсе была обнаружена талая вода, а в 2007 г. в северном полушарии отмечена самая теплая зима за всю историю метеонаблюдений. Ставшие почти ежегодными катастрофические наводнения и засухи во многих странах Европы, Азии и Америки подтверждают устойчивый характер наметившейся тенденции ускорения глобального потепления.

Интенсивная вырубка лесов, разрушение мангровых зарослей и коралловых рифов существенно уменьшили адсорбционный потенциал планеты. За последние десятилетия в 76 странах мира были полностью искоренены девственные леса, а 70% сохранившихся на планете не затронутых хозяйственной деятельностью лесных массивов находится в трех государствах – России, Канаде и Бразилии, причем только Канада проводит восстановление лесонасаждений на больших площадях [76, pp. 290–291; 77, p. 43]. В результате «зеленые легкие планеты» – леса занимают только 30% площади суши, в том числе в Австралии и Океании 9%, в Восточной Азии 12%, в Южной Азии и Африке 25%, в Европе (без СНГ) 28%, в СНГ 39%, в Северной Америке 35% и в Южной Америке 48% [231, с. 415].

Анализ вышеприведенных данных позволяет предположить, что естественный механизм саморегуляции климата на Земле после 1980 г. был серьезно поврежден из-за прогрессирующего накопления в атмосфере избыточного количества CO_2 , не адсорбируемого растениями суши и океана в процессе фотосинтеза. Представляется, что в качестве базового критерия для расчета допустимых уровней загрязнения атмосферы и потенциальных квот на торговлю правами на выбросы должен быть принят среднемировой показатель интенсивности выбросов двуоксида углерода в 1980 г. $I_{EW} = 102$ т/кв. км. Правомерность такого вывода косвенно подтверждается и самим Протоколом Киото, согласно которому крупнейшие загрязнители из группы G7 – США и Япония должны в течение 2008–2012 гг. сократить свои выбросы CO_2 соответственно на 7% и 6% по сравнению с уровнями 1990 г., т. е. достичь указанных в табл. 4.3 показателей 1980 г.

С конца XX века ежегодное превышение объема антропогенных выбросов в мире над относительно безопасным уровнем 1980 г. составляет $(9...11)10^9$ тонн CO_2 , или $(2,5...3) \cdot 10^9$ тонн С (в углеродном эквиваленте). По оценкам экспертов, уже в 1997 г. антропогенное давление на экосистемы Земли более чем на 30% превысило их несущую способность [233].

За тридцать пять лет, прошедших со времени проведения Стокгольмской Конференции по защите среды обитания в 1972 г., было подписано свыше 150 международных экологических договоров и конвенций, соблюдение которых позволило снизить загрязнение морей, повысить уровень защиты животного мира, стабилизировать озоновый слой в атмосфере Земли и решить ряд других острых экологических проблем [77, p. 90]. Вместе с тем, только в 1990-х гг. решение

задачи сохранения среды обитания было поставлено в развитых странах на прочную финансовую основу, а инвестиции в природоохранные технологии и проекты стали рентабельными.

Акцентирование стратегии экономического роста ЕС на развитии природоохранных технологий и введение в странах ЕС «зеленых» налогов на выбросы CO_2 при сжигании ископаемого топлива и его производных (бензин и пр.) привели к значительному сокращению производства энергоемких товаров и услуг. ЕС стал признанным глобальным экологическим лидером. Саммит ЕС в Брюсселе в марте 2007 г. в качестве приоритетной цели определил сокращение к 2020 г. антропогенных выбросов CO_2 на 20% по сравнению с уровнем 1990 г. Однако, как видно из табл. 4.6, выполнить требования Протокола Киото и сократить к 2012 г. выбросы CO_2 на 5,2% по сравнению с уровнем 1990 г. смогут только Бельгия, Дания, Германия и девять постсоциалистических стран – новых членов ЕС, остальным странам придется покупать квоты на выбросы.

Среди всех 39 стран, включенных в «Приложение В» Протокола Киото, выделяются Россия и Украина, где вследствие сокращения производства в период экономического спада в 1990-х гг. объемы фактических выбросов стали меньше установленных уровней 1990 г. В 2000 г. в России объем выбросов CO_2 был меньше разрешенного на 519,3 млн т, а в Украине на 288,3 млн т, и эти страны при сохранении достигнутого уровня имеют квоты на продажу прав на выбросы в количестве соответственно 142 и 79 млн т С в пересчете на твердый углерод (табл. 4.3).

Очевидно, что с 1998 г., когда 4-я панъевропейская конференция «Окружающая среда для Европы» (г. Орхус, Дания) определила приоритет природоохранных программ в восточноевропейском регионе как важнейшую составляющую общеевропейского экологического процесса, проблема снижения уровня антропогенного загрязнения в странах ЧЭС не утратила актуальности.

Экологическое пространство планеты едино, и Запад должен принимать более активное финансовое участие в модернизации производственной базы постсоциалистических и постсоветских стран ЧЭС. В противном случае трансграничный перенос выбросов, количество которых в отсутствие эффективных природоохранных технологий будет увеличиваться по мере восстановления в этих странах дореформенных объемов производства, будет представлять непосредственную угрозу среде обитания развитых стран.

Таблица 4.6

**Динамика антропогенных выбросов CO₂
в странах ЕС**

Страна	Выбросы CO ₂ , Е, млн т		Прирост Е, 2002/1990, %	Среднегодовые темпы прироста Е, %
	1990	2002		
1	2	3	4	5
Австрия	57,4	64,4	12,2	0,96
Бельгия	97,4	92,0	-5,5	-0,48
Болгария	75,3	42,5	-43,6	-4,66
Великобритания	563,3	551,8	-2,0	-0,17
Венгрия	64,1	57,4	-10,5	-0,92
Германия	889,2	847,8	-4,7	-0,40
Греция	72,2	90,5	25,3	1,90
Дания	50,7	47,3	-6,7	-0,58
Ирландия	29,8	42,8	43,6	3,06
Испания	211,7	294,8	39,3	2,79
Италия	398,9	431,7	8,2	0,66
Кипр	4,9	6,4	30,6	2,24
Латвия	13,1	6,4	-51,1	-5,80
Литва	21,4	13,2	-38,3	-3,95
Люксембург	9,0	9,5	5,6	0,45
Мальта	1,7	2,9	70,6	4,55
Нидерланды	138,9	149,5	7,6	0,61
Польша	347,6	295,8	-14,9	-1,34
Португалия	42,3	60,7	43,5	3,05
Румыния	155,1	88,5	-42,9	-4,57
Словакия	43,0	36,7	-14,7	-1,31
Словения	10,7	15,3	43,0	3,02
Финляндия	51,1	62,8	22,9	1,73
Франция	353,2	368,5	4,3	0,35
Чехия	141,7	114,6	-19,1	-1,75
Швеция	48,5	51,7	6,6	0,53
Эстония	21,4	16,6	-22,4	-2,09
ЕС-27	3913,6	3862,1	-1,3	-0,11

Рассчитано по источникам: [67, pp. 288-289; 76, pp. 292-293].

Дальнейшее повышение в странах ЕС налогов на автомобильное горючее и отмена государственных субсидий для энергоемких отраслей (в Германии на сохранение одного рабочего места в угольной промышленности из бюджета выделяется \$79800 [77, р. 91]) могли бы способствовать существенному снижению выбросов парниковых газов, однако, такие меры неизбежно сопряжены с замедлением экономического роста, обострением социальной напряженности и другими нежелательными экономическими и политическими последствиями.

По экспертным оценкам, к 2010 г. потребление электроэнергии в развивающихся странах увеличится на 300%, а в индустриальных странах возрастет на 20% по сравнению с 1990 г. Ожидается, что к середине XXI века объективные экономические потребности приведут к увеличению мирового энергопотребления в 3–3,5 раза [77, р. 101].

Отметим, что предлагаемые некоторыми украинскими экспертами (В. Дюканов и др.) методы решения экологических проблем путем «локализации» производства с ограничением его объема до уровня местного потребления по сути означают возврат к автаркии и натуральному хозяйству и противоречат объективным тенденциям интернационализации как обязательного условия поступательного развития экономики страны [234, с. 8]. Б. Ломборг и другие авторитетные экономисты утверждают, что для беднейших стран мира (а именно им в наибольшей степени угрожают последствия глобального потепления) оказание помощи и открытие индустриальными странами своих рынков принесет большую выгоду, чем проведение активной политики сокращения выбросов парниковых газов [235].

Однако, по нашему мнению, индустриальные страны не будут передавать дорогостоящие энергосберегающие инновационные технологии и оборудование бесплатно, и поэтому страны с низким уровнем доходов будут вынуждены их покупать. В обозримом будущем это неосуществимо, поскольку преодоление бедности надолго останется первостепенной задачей развивающихся стран, поэтому лесоразведение является в настоящее время едва ли не единственным экономически доступным для них методом нейтрализации возрастающего объема выбросов CO₂. Программы сохранения и восстановления лесов пользуются общественной поддержкой в любой стране. Леса являются постоянно действующим адсорбентом двуокиси углерода, регулятором дождевого стока, противозрозионной и противооползневой защитой, возобновляемым источником продуктов питания, рекреационным ресурсом и, наконец, средой обитания для многочислен-

ных животных. Посадка новых лесов на месте вырубленных, а также на территориях бывших промышленных зон, обработанных шахт, рудников, карьеров и других выведенных из хозяйственного оборота и непригодных для сельскохозяйственного использования пустующих землях не ущемляет экономических интересов какой-либо социальной группы или отрасли промышленности в любой стране и создает рабочие места. Квадратный километр леса в тропиках за год адсорбирует 5225 тонн CO_2 , выделяя 3800 тонн кислорода. Для лесов в зоне умеренного климата эти величины составляют соответственно (1500...2200) тонн CO_2 и (1100...1600) тонн O_2 [231, с. 343].

Для адсорбирования 3 млрд тонн CO_2 , ежегодно выбрасываемых странами ЕС-15, достаточно 600 тыс. кв. км лесов, высаженных в Бразилии, Гвинеи и других тропических странах, или 1,5...2 млн кв. км смешанных лесов, высаженных в Греции, России, Франции, Украине и других странах с умеренным климатом. Нейтрализация 25 млрд тонн CO_2 , ежегодно продуцируемых в мире с конца XX столетия, требует восстановления вырубленных и посадки новых лесов на площади $(10...12) \cdot 10^6$ кв. км во всех климатических зонах планеты. Эту работу следует начинать незамедлительно не только ввиду ее гигантского объема. Адсорбирующая функция посаженных в начале XXI века лесов в полной мере начнет проявляться лишь по достижении деревьями зрелого возраста, т. е. через 35–40 лет, когда объем выбросов парниковых газов в мире может утроиться.

Наиболее экологически неблагоприятные страны ЕС – Нидерланды, Люксембург, Бельгия, Германия и Великобритания из-за отсутствия больших пустующих территорий не смогут существенно увеличить адсорбционный потенциал своих зеленых насаждений. Эти страны могли бы обеспечить выполнение части своих обязательств по сокращению выбросов, финансируя программы лесоразведения в странах ЧЭС. Так, в Украине лесистость составляет всего лишь 15,6% (в сопоставимой по территории и более густонаселенной Франции – 27,8%), однако, площадь рубок превышает площадь восстанавливаемых лесов и новых посадок, хотя в Донецком угольном и Криворожском железорудном бассейнах, а также в Северном Причерноморье имеются сотни тысяч гектаров пустующих земель [207, с. 216]. Аналогичное положение в греческой Птолемаиде, российском Нечерноземье и т. д. Между тем, посадки новых лесов в странах ЧЭС уже с 2012 г. могли бы стать для них источником финансовых поступлений

извне как плата за реальную адсорбцию выбросов в соответствии со статьей 4.2а Конвенции ООН по изменению климата [228].

Ввиду заинтересованности стран ЧЭС в снижении экономических издержек при реализации проектов экологического оздоровления бассейнов Дуная, Черного и Каспийского морей представляется целесообразным увеличить финансирование Европейским Союзом лесоразведения в странах ЧЭС, дополнив соответствующие статьи программ PHARE и TACIS [236, pp. 24–25]. ЕС мог бы выполнить часть своих обязательств по Протоколу Киото за счет строительства ветро-энергетических установок (ВЭС) в обладающих значительным ветровым потенциалом регионах Украины (Крым и Северное Причерноморье), России (побережье Азовского и Черного морей, Калмыкия), Болгарии и Румынии (Западное Причерноморье).

Предлагаемая методика определения количества избыточных выбросов позволяет конкретизировать международные соглашения по изменению климата, разрабатываемые в соответствии с принципом «общей, но дифференцированной ответственности», подтвержденным в итоговом документе Всемирного саммита в Йоханнесбурге – «Плане имплементации», а также будет способствовать реализации программ партнерства «Восток – Запад» по совместному решению трансграничных экологических проблем странами ЕС, ЦВЕ, Закавказья и Центральной Азии. В частности, появятся конкретные аргументы для компенсации государствами-загрязнителями вклада России, Украины и других стран ЧЭС в снижение выбросов парниковых газов. В качестве такой компенсации МВФ и другие международные организации могли бы списать со стран – очистителей атмосферы часть внешнего долга пропорционально их квотам на торговлю правами на выбросы по схеме «Debt-for-Nature swaps» – «долги в обмен за природу». С 1987 г. международные организации – доноры в обмен на реализацию экологических программ списали по этой схеме внешние долги развивающихся стран и государств с переходной экономикой на сумму около \$7 млрд [237].

Отметим, что лидером стран ЦВЕ в использовании международных экологических программ для уменьшения внешнего долга является Польша (только Парижский клуб списал \$300 млн за реализацию 250 природоохранных проектов), а среди стран ЧЭС – Болгария и Румыния, списавшие около \$100 млн. Использование польского опыта уменьшения внешнего долга за счет реализации природоохранных программ было бы весьма полезным для стран, имеющих внешнюю

задолженность, поэтому представляется неоправданной пассивность соответствующих ведомств России, Украины и других постсоветских стран ЧЭС, не использующих механизмы «Debt-for-Nature swaps».

По данным Экономической Комиссии ООН для Европы, выброс одной тонны CO₂ при производстве черных металлов, ферросплавов, нефтепродуктов, цемента и минеральных удобрений сопровождается в России и Украине приростом ВВП на \$420, а в Западной Европе – на \$2040. Таким образом, Россия и Украина экспортом этих товаров практически безвозмездно субсидируют выполнение развитыми странами их обязательств по Киотскому Протоколу.

Несмотря на то, что в ходе рыночных реформ был достигнут определенный прогресс в модернизации промышленного оборудования и технологических процессов, экономики Украины и России продолжают оставаться одними из наиболее энергозатратных в мире. Удельный расход энергоресурсов в килограммах нефтяного эквивалента на 1000\$ ВВП по паритету покупательной способности снизился в Украине и России соответственно с 770 и 625 кг в 1990 г. до 500 и 490 кг в 2004 г. За тот же период этот показатель снизился во все мире с 270 до 210 кг, а в странах ЕС–25 с 200 до 160 кг [76, pp. 292–293; 223, pp. II. 333–338].

Выход на мировой рынок торговли правами на выбросы антропогенных газов способен обеспечить Украине, России и другим индустриальным странам ЧЭС ежегодное поступление миллиардов долларов «зеленых инвестиций» в течение первого бюджетного периода Киотского Протокола (2008–2012 гг.). Для этого следует незамедлительно активизировать разработку институциональных основ и механизмов реализации национальных квот (создание реестров выбросов, законодательное регулирование распределения валютных средств между отраслями и предприятиями и пр.). Между тем, в постсоветских странах ЧЭС новому направлению развития международных экономических отношений не уделяется должного внимания (Национальное агентство экологических инвестиций было создано только в Украине в 2007 г.).

Выводы

Анализ особенностей и тенденций изменения внешнеэкономической политики Греции и Украины в контексте интеграционных процессов в ЧЭС приводит к следующим выводам:

- Основой современной модели развития экономики Греции является государственное стимулирование развития инновационных направлений в стратегических отраслях народнохозяйственного комплекса.
- Расширение внешнеторговых связей при углублении производственной специализации и опережающих темпах роста внутреннего рынка является необходимым условием устойчивого социально-экономического развития страны.
- Опыт построения открытой постиндустриальной экономики Греции показал, что в период ликвидации структурных деформаций рост предложения денег, опережающий темпы инфляции, является позитивным фактором экономического развития, а экспортостимулирующее регулирование курса валюты способствует достижению наивысших темпов роста ВВП.
- Производственное сотрудничество между странами региональных интеграционных объединений способствует повышению конкурентоспособности национальных экономик.
- В долгосрочной внешнеторговой стратегии Греции Украина рассматривается как приоритетная страна, экономика которой имеет объективные предпосылки стать одной из самых динамично развивающихся в Европе.
- Включение в систему общеевропейских коммуникаций и участие в реализации международных проектов строительства энергетических и транспортных коридоров и информационных сетей становится главным фактором расширения производственного и торгового сотрудничества стран ЧЭС.
- Механизмы Протокола Киото открывают государствам ЧЭС доступ к новым внешним ресурсам экономического роста за счет продажи развитым странам квот на выбросы антропогенных парниковых газов.
- Глобальный масштаб экологических проблем требует замены традиционных критериев оценки эффективности хозяйствен-

ной деятельности комплексными эколого-экономическими критериями.

- Использование нового метода измерения степени участия страны в антропогенном загрязнении атмосферы для определения квот на торговлю правами на выбросы повысит эффективность международных механизмов изменения климата.

ГЛАВА 5.

БУДУЩЕЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН ПРИЧЕРНОМОРСКОГО БАССЕЙНА В ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОМ КОНТЕКСТЕ: ПОПЫТКА ГЛОБАЛЬНОГО ПРОГНОЗА

5.1. Глобальные трансформации и эволюция внешнеполитической и внешнеэкономической ориентации стран ЧЭС

Дезинтеграция СССР положила начало процессу трансформации ялтинско-потсдамской модели двухполюсного геополитического и геоэкономического устройства. За прекращением противостояния двух принципиально несовместимых мировых социально-экономических систем наступил период формирования новой архитектуры международной безопасности, характеризующийся поисками альтернативы ушедшей в прошлое биполярной модели, когда две сверхдержавы – США и СССР благодаря своей военной мощи в течение полувека обеспечивали «равновесие страха» под угрозой гарантированного взаимного ядерного уничтожения, что в конечном итоге способствовало сохранению мира. В начале 1990-х гг. США остались единственной сверхдержавой, поскольку правопреемница СССР – Россия, сохранив советский ядерный потенциал, утратила возможность масштабного экономического воздействия на мировое развитие.

Сохранение неуравновешенной «монополярности» с гегемонией США при определенных обстоятельствах могло привести к фактической утрате статуса великих держав Великобританией, Китаем, Россией и Францией (при формальном сохранении их постоянного членства в Совете Безопасности ООН), а также лишить реального политического влияния Германию, Японию и других региональных лидеров. В этих условиях достижение Европейским Союзом в 1990-х гг. экономического паритета с США и укрепление Западно-Европейского Союза как воссоздающей европейской интеграции положили начало формированию второго мирового «полюса силы», к которому объективно тяготят европейские страны и многие государства Северной Африки, Ближнего Востока и Латинской Америки.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. постсоциалистические страны ЦВЕ и новые независимые постсоветские государства стремились найти стратегических партнеров, чтобы с их помощью ускорить проведение рыночных реформ и войти в союзы, объединения и блоки развитых государств, ставшие в эпоху глобальных трансформаций основным инструментом обеспечения международной безопасности и устойчивого экономического развития.

Отметим, что в данном исследовании термин «стратегический партнер» употребляется в случае, когда его протоколно-дипломатическое оформление подкреплено действиями сторон. Реальное, а не декларированное, стратегическое партнерство означает укрепление равноправных и взаимовыгодных политических, торгово-экономических, научно-технических и культурных связей между государствами. Показательной является позиция США по отношению к Украине. Неоднократные заверения официального Вашингтона о готовности всемерно содействовать преодолению экономического спада в Украине сопровождались практически полным закрытием американского рынка для украинской стали, сохранением до марта 2005 г. поправки Джексона-Вэника и другими действиями дискриминационного характера, несовместимыми со статусом стратегического партнера. Примером двойных стандартов является позиция США по отношению к стремлению Украины развивать производственно-технические и экономические связи со странами «группы риска». Украина под давлением США была вынуждена отказаться от таких выгодных контрактов, как \$1,5 млрд за строительство железной дороги в Ливии, \$180 млн за поставку турбины в Иран для атомной электростанции в Бушере, не получив взамен обещанных инвестиций и компенсацион-

ных заказов американских компаний [206]. В результате доходы от ливийского контракта получили западные ТНК (с участием и американского капитала), а бушерский заказ перешел к российским предприятиям.

Проанализируем исторические, интегративные и коммуникативные аспекты эволюции внешнеполитической и внешнеэкономической ориентации государств ЧЭС, используя в качестве методологической базы системный подход [115, с. 87–88]. Не устанавливая жестких географических и хронологических рамок пространственно-временного континуума, уделим основное внимание проблемным ситуациям непосредственно в Причерноморском бассейне и прилегающих регионах (прежде всего, в СНГ, членами которого являются шесть стран ЧЭС) и рассматривая в качестве объектных сфер международных интересов взаимодействующих субъектов обеспечение политической стабильности и ускорение экономического развития стран ЧЭС.

В соответствии с Уставом, ЧЭС представляет собой собой неполитическое объединение, однако, решение экономических проблем в регионе сопряжено с необходимостью политического урегулирования конфликтных ситуаций как в самом Причерноморье, так и в соседних субрегионах. Для целей данного исследования выделим доминирующие составляющие спектра международных интересов стран ЧЭС: политическую, экономическую, военно-стратегическую и этноконфессиональную, оставляя в стороне социальные и гуманитарные компоненты. Применим разработанную акад. А. Ангелопулосом (Α. Αγγελόπουλος) методику исследования международных отношений, в соответствии с которой политические и экономические процессы рассматриваются как взаимосвязанные и взаимообусловленные. Развивая идеи Платона и Аристотеля о решающем влиянии принятой в обществе системы ценностей и моральных принципов на выбор способов достижения политических целей, А. Ангелопулос в монографии «Новое направление политики международного развития» показал, что в конце XX века реальное состояние обеспечения гражданских прав и свобод в государствах стало оказывать большее влияние на формирование интеграционных объединений, чем типы политических систем и уровни экономического развития субъектов взаимодействия. Так, в ЕЭС вошли пять конституционных монархий – Бельгия, Великобритания, Дания, Люксембург и Нидерланды, федеративная республика – Германия, две парламентские унитарные республики – Ирландия и Италия, и одна президентская республика – Франция. Все госу-

дарства ЕЭС отличались высокой степенью развития гражданского общества и социальной направленностью экономики [238, с. 90–116].

При анализе международных отношений будем пользоваться классификацией и терминологией, которую предложил Х. Тсарданидис (Χ. Τσαρδανίδης) в монографии «Современная греческая внешняя политика» [239]. Классификация выделяет три направления выбора политических решений, обусловленных комплексным учетом внешнеполитической и внутривнутриполитической ситуации: кризисное, тактическое и стратегическое. Реализация выбранных решений обеспечивает сохранение баланса международных интересов соответственно в кратко-, средне- и долгосрочной перспективе.

Необходимость комплексного учета политических и экономических факторов вызвана тем очевидным обстоятельством, что современная политика большинства государств мира отличается жестким прагматизмом и определяется в первую очередь их экономическими интересами. В 1994 г. на международном Форуме по экономическому сотрудничеству в Черноморском субрегионе главный эксперт Центрального Банка Румынии Д. Даяну, констатируя заметно усиливающийся национальный эгоизм США и Японии, отметил: «Более чем когда-либо внешняя политика означает внешнюю экономическую политику» [240, р. 56].

Устоявшаяся прозападная направленность политических и экономических связей характерна только для двух из двенадцати стран ЧЭС – Греции и Турции, что обусловлено их многолетним членством в НАТО и договорными отношениями с главными политическими и торговыми партнерами – развитыми государствами ОЭСР. В остальных десяти странах ЧЭС продекларированные цели реформ – построение демократического государства и социально ориентированной рыночной экономики остались неизменными, однако, направления развития внешнеполитических и внешнеэкономических связей, зафиксированные в программных документах в начале трансформационного периода, в течение последнего десятилетия существенно изменились.

Расширению международного экономического и политического сотрудничества в Причерноморском бассейне препятствует нестабильность во многих странах ЧЭС, вызванная конфликтами на этнической и конфессиональной почве. Эти конфликты отличаются различной степенью остроты и масштабами влияния на международные отношения. Одни, как локальный гагаузско–молдавский, не представляют угрозы

миру и безопасности на континенте, другие, как в Косово или Нагорном Карабахе, способны перерасти в войну между соседними странами, в которую могут быть втянуты и союзные с конфликтующими сторонами державы. Исторически корни конфликтов в Причерноморском регионе восходят к эпохе «великого переселения народов» и противостояния двух мировых религий – христианства и ислама. Не претендуя на полноту анализа этой многоплановой проблемы, обратим внимание лишь на конфликты, которые в наибольшей степени угрожают территориальной целостности государств и препятствуют развитию добрососедских отношений между странами ЧЭС. Перечислим (в алфавитном порядке) зоны неурегулированных конфликтов, где имело место масштабное применение военной силы: Абхазия, Косово, Курдистан, Нагорный Карабах, Приднестровская Молдавская Республика (ПМР), Чеченская Республика и Южная Осетия.

Рассмотрим эволюцию внешнеполитической и внешнеэкономической ориентации стран Причерноморского бассейна под воздействием региональных, континентальных и глобальных политических и экономических трансформаций. Проанализируем процессы развития новых межгосударственных отношений, расположив страны ЧЭС в порядке убывания территориально-демографического потенциала и более детально рассматривая аспекты внешней политики трех крупнейших государств – России, Турции и Украины, являющихся субрегиональными лидерами, и Греции – самой экономически развитой страны ЧЭС. Особое внимание уделим эволюции внешней политики Украины с учетом ключевого значения этой страны для системы европейской безопасности.

Россия

Геополитическими и геоэкономическими приоритетами России являются возвращение статуса сверхдержавы, закрепление и усиление доминирования в СНГ, формирование стратегических «осей» «Москва – Пекин» и «Москва – Дели» и входение в пятерку крупнейших экономик мира по объему ВВП. Кроме того, Россия стремится поставить под свой контроль европейский, а затем и мировой рынок природного газа путем создания «газового картеля» – аналога ОПЕК. Одним из направлений внешней политики России как федеративного государства с многомиллионным мусульманским населением является укрепление позиций в странах исламского мира и развитие отношений с Турцией для противодействия росту влияния Ирана, Саудов-

ской Аравии и других авторитарных исламских государств в республиках Поволжья и Северного Кавказа.

Оставаясь равновеликой США ядерной державой, Россия стремится использовать преимущества своего евроазиатского геостратегического положения и стать арбитром в конфликтах между западной и другими мировыми цивилизациями. Военный потенциал и внешнеполитический авторитет позволил России стать членом «Большой Восьмерки», небезосновательно называемой неформальным «мировым правительством».

В течение последних пятнадцати лет существенно изменился характер отношений России с НАТО. Регулярные контакты сторон начались в рамках Совета Северо-Атлантического Партнерства, созданного в 1991 г. в качестве механизма диалога и консультаций между НАТО, новыми независимыми государствами и постсоциалистическими странами ЦВЕ. Став в 1992 г. ассоциированным членом Северо-Атлантической Ассамблеи, а в 1994 г. – участником программы НАТО «Партнерство для мира» (ПРМ), Россия в Совете, Ассамблее и на встречах в рамках ПРМ неизменно выступала против расширения НАТО на восток. С конца 1990-х гг., осознав бесперспективность такой политики, Россия стала сотрудничать с альянсом по ключевым проблемам международной безопасности, чему способствовала деятельность Постоянного Совета НАТО – Россия, созданного в 1997 г. [5, pp. 80–86; 24, с. 601–610].

После событий 11 сентября 2001 г. Россия вступила в международную антитеррористическую коалицию, что повысило уровень ее отношений с альянсом. Постоянный Совет «НАТО – Россия» в формате «19 + 1», где Россия располагала совещательным голосом, в 2002 г. был преобразован в «Совет 20-ти», в котором все члены имеют равные права при утверждении общей позиции по проведению миротворческих операций, борьбе с международным терроризмом и распространением оружия массового уничтожения. Участие в коалиции способствовало укреплению позиций России в международной торговле. Несмотря на медленный ход рыночных реформ и сохраняющийся высокий уровень административного вмешательства в экономические процессы, США и ЕС в 2002 г. предоставили России статус страны с рыночной экономикой, а в 2007 г. ОЭСР пригласила Россию войти в свой состав.

Стремясь упрочить свои позиции в Центральной Азии, Россия принимает участие в проектах, осуществляемых совместно с государ-

ствами Экономической Организации Сотрудничества (ЭОС) – регионального объединения в составе Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана и четырех соседних с СНГ стран – Афганистана, Ирана, Пакистана и Турции.

Общность позиций России и Китая, стремящихся создать многополярную геополитическую структуру, обусловила трансформацию неформальной консультативной группы в составе Казахстана, Китая, Кыргызстана, России и Таджикистана («Шанхайской пятерки») в международное объединение – Шанхайскую Организацию Сотрудничества (ШОС), Хартия об образовании которой была подписана в Санкт-Петербурге в 2002 г. Кроме «Шанхайской пятерки», в организацию вошел и Узбекистан. В 2006 г. Иран, имеющий статус наблюдателя, подал заявку на членство в ШОС. В августе 2007 г. на саммите в Бишкеке был подписан Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве ШОС. В работе саммита этой крупнейшей в Азии региональной организации приняли участие также представители Афганистана, Индии, Ирана, Монголии и Пакистана.

Россия противодействует строительству транскаспийского и украинско-польского нефтепроводов и осуществлению проектов TRACECA и «Великий Шелковый путь», в которых заинтересованы остальные страны ЧЭС, поскольку реализация постсоциалистическими и постсоветскими странами ЦВЕ и СНГ проектов диверсификации путей снабжения энергоносителями позволит исключить использование Россией экспорта нефти и газа в качестве инструмента политического и экономического давления, а транспортирование энергоносителей из стран Центральной Азии по обходным маршрутам может лишить Россию возможности диктовать цены и весомой части валютных поступлений за транзит.

Восстановление доминирования на постсоветском пространстве стало одной из задач российской политики сразу же после распада СССР. В начале 1990-х гг. вступление в военно-политический союз с Россией было неявным, но обязательным условием получения странами СНГ российских энергоносителей и других стратегических товаров по льготным ценам на основе специальных соглашений. В 1992 г. Армения, Казахстан, Кыргызстан, Россия, Таджикистан и Узбекистан подписали инициированный Россией Ташкентский договор о коллективной безопасности, к которому вскоре присоединились Азербайджан, Беларусь и Грузия. Однако большинство стран СНГ стремилось уменьшить политическую и экономическую зависимость

от России. Грузия, Молдова и Украина в качестве программных целей провозгласили вступление в ЕС. Азербайджан, Туркменистан и Узбекистан стремились к партнерству с Турцией. В зоне российского влияния оставались только Армения, Беларусь, Кыргызстан, Таджикистан и в меньшей степени Казахстан, которые и подписали в 1999 г. Протокол о продлении Договора о коллективной безопасности [24, с. 596–598].

Акценты внешней политики России в отношении трех стран Закавказья определяются стратегическим значением региона. В июне 1996 г. Россия вместе с Азербайджаном, Арменией и Грузией подписала Декларацию гармонии, мира и сотрудничества между народами Кавказа. Однако ни участие в Ташкентском Договоре, ни продекларированная Россией приверженность принципам уважения суверенитета, территориальной целостности и неизменности существующих границ на практике не гарантировали беспристрастности России по отношению к сторонам межгосударственных конфликтов. Занимая в грузинско-абхазском и грузино-южноосетинском конфликтах просепаратистские позиции, Россия в августе 2008 г. провела на территории собственно Грузии широкомасштабную военную операцию с участием армии, авиации и флота и в нарушение Хельсинкского Акта СБСЕ и резолюций Совета Безопасности ООН признала Абхазию и Южную Осетию независимыми государствами.

Ослабление зависимости от России и поддержка Запада укрепляли позиции противников Договора о коллективной безопасности. На саммите СНГ в Москве 2 апреля 1999 г. был официально закреплён выход Азербайджана, Грузии и Узбекистана из Ташкентского Договора.

Стремление Азербайджана, Грузии, Молдовы и Украины воспрепятствовать реставрации российского доминирования на постсоветском пространстве было одной из причин образования объединения ГУАМ.

Россия является вместе с Францией и США сопредседателем переговорного процесса по Нагорному Карабаху. Россия заинтересована в сохранении своей военной базы и укреплении влияния в Азербайджане, и с 2000 г. стала проводить более сбалансированную политику по отношению к сторонам конфликта в Карабахе, что способствовало снижению уровня напряженности в азербайджано-российских отношениях. В 2001 г. Азербайджан и Россия подписали Договор о принципах безопасности и сотрудничества на Кавказе и Договор по сотрудничеству на Каспии. Вне рамок Договора остались вопросы разграничения Каспийского моря. Россия, поддерживаемая Казахстаном,

настаивает на ограничении экономических зон государств 45-ю милями от береговой линии и согласии всех пяти прибрежных стран на прокладку газо- и нефтепроводов по дну срединной части моря. Остальные три прикаспийских государства выдвигают свои схемы разграничения, от установления 200-мильных зон (Азербайджан и Туркменистан) до общего использования всего моря как внутреннего водного бассейна (Иран).

Особое внимание во внешней политике России уделяется «украинскому направлению». Украина является третьим торговым партнером России после ЕС и Китая по объему двустороннего торгового оборота, но еще большее значение имеет ее геополитическое положение. Ключевая роль Украины в дезинтеграции СССР показала, что России для обретения утраченного статуса сверхдержавы необходимо вернуть Украину в сферу своего влияния. Отметим, что аналитики США подчеркивали геополитическую значимость Украины задолго до восстановления ее суверенитета: «Статус СССР, как великой державы, требует зависимости Украины от Москвы. Без Украины Россия не будет больше мировой державой первой величины. В этом отношении Украина фундаментально отличается от любого другого этноса в Советском Союзе» [241, p. 166].

Среди российской правящей элиты сильны анахроничные представления об исторической миссии Москвы как «собирательницы земель», и приверженцы этой идеи планируют реинтеграцию СССР путем создания федеративного государства двух «братских славянских народов» с последующим «добровольным» присоединением к уже формирующемуся союзу России и Беларуси также Украины и остальных постсоветских государств, за исключением трех бывших советских прибалтийских республик. С российской стороны неоднократно предпринимались попытки использовать экономические затруднения, «крымский вопрос» и проблему базирования Черноморского флота для политического давления на Украину. В результате Россия настояла на сохранении своего военного присутствия в Украине до 2017 г., заключив соглашение о размещении Черноморского флота в Крыму с главной базой в Севастополе.

Объективно Россия заинтересована в восстановлении и расширении кооперационных связей и научно-технического сотрудничества с Украиной в таких сферах, как производство вооружений, ракетной и авиационной техники и в совместном участии в международных проектах по исследованию и освоению космического пространства, что

способствовало бы укреплению позиций на мировых рынках высоких технологий и повышению конкурентоспособности экономик России и Украины, занявших в 2006 г. 43-е и 46-е места среди 55-ти индустриальных стран мира (по рейтингу Международного Института Менеджмента) [242]. Россия и Украина принимают участие в международном консорциуме «Морской Старт», осуществляющем на коммерческой основе запуски телекоммуникационных спутников с плавучей платформы «Одиссей». Совладельцами консорциума являются американская компания «Boeing Commercial Space Company» (40% акций), российский ракетно-космический комплекс «Энергия» (25%), норвежская компания «Quarner Maritime» (20%) и украинское производственно-конструкторское объединение «ПО «Південмаш» / КБ «Південне»» (15%). Перспективным для обеих стран является совместное участие в запусках коммерческих спутников для Алжира, Египта и других африканских стран, а также выход на южноамериканский рынок космических услуг совместно с Аргентиной и Бразилией.

«Молдавскому направлению» во внешней политике России также уделяется внимание, несмотря на малые размеры и невысокий экономический потенциал Молдовы. Невзирая на конституционно закрепленный нейтральный статус Молдовы, Россия затягивает выполнение решений стамбульского (1999 г.) саммита ОБСЕ о выводе военной базы с молдавской территории. Являясь по мандату ОБСЕ (совместно с Украиной) ко-спонсором процесса урегулирования в Приднестровье, никаких санкций в отношении сепаратистов Россия не предпринимала, так как сохранение status quo, равно как и вариант превращения Молдовы в федерацию с признанием Приднестровской Молдавской Республики в качестве равноправного субъекта объективно соответствует стратегическим интересам России.

Существенные изменения произошли и на «прибалтийском» и «балканском» направлениях российской политики. Экономические и политические связи России с Латвией, Литвой и Эстонией, равно как и с Албанией, Болгарией и Румынией заметно ослабли после решения этих государств вступить в ЕС и НАТО, что отразилось на уменьшении их внешнеторгового товарооборота с Россией и привело к прекращению сотрудничества в военно-технической сфере.

Большое внимание во внешней политике России уделялось сохранению влияния в Федеративной Республике Югославии (Сербия и Черногория). Однако утрата реальных возможностей противодействия военной операции НАТО, предпринятой весной 1999 г. для урегу-

лирования конфликта в Косово, привела к невмешательству России в балканскую войну. Россия не оказала военно-технической помощи и не стала рассматривать обращение югославского парламента с просьбой о принятии страны в союз России и Беларуси, ограничившись участием в формировании контингента сил ООН по поддержанию мира в Косово. Ранее Россия во всех конфликтах между новыми государствами на территории бывшей СФРЮ неизменно занимала прорбскую позицию.

Принятое на саммите НАТО в ноябре 2002 г. решение о расширении альянса, членами которого стали три бывшие прибалтийские республики СССР – Латвия, Литва и Эстония, три входивших в ОВД страны – Болгария, Словакия и Румыния, а также Словения, привело к дальнейшему ослаблению российского влияния в Прибалтике, Центральной и Восточной Европе и на Балканах. Поэтому особо приоритетным стало «греческое направление» в политике России, всегда отличавшейся стремлением к укреплению не только традиционно дружественных отношений между странами, но и к расширению политического, экономического и военного сотрудничества. Позиции России и Греции по вопросам безопасности на Балканах, в Средиземноморье и на Ближнем Востоке практически совпадают. Греция стала первым государством НАТО, которому Россия продала военную технику (противоракетные комплексы и пр.).

Турция

Внешняя политика крупнейшей после России страны ЧЭС – Турции, расположенной одновременно в Азии и в Европе, на Балканах, в Средиземноморье и в Причерноморье, на Среднем Востоке и на Кавказе, во многом определяется ее уникальным геополитическим положением. Турция – член НАТО и ассоциированный член ЗЕС, член Совета Европы, ОБСЕ и Организации Исламская Конференция, как светское государство евроатлантической ориентации и стратегический партнер США (статус «Enhanced Partnership») противостоит распространению исламского фундаментализма и укреплению влияния Ирана в Закавказье и Центральной Азии [243]. Расширение связей с черноморскими странами стало одним из приоритетов Анкары после введения санкций ООН против Ирака, бывшего до 1991 г. крупнейшим торговым партнером Турции. После начала реформ в СССР и демократических революций 1989–1990 гг. в ЦВЕ Турция выступила с инициативой Черноморского Экономического Сотрудничества [124].

Анализ «европейского направления» – главного во внешней политике Турции, а также проблем развития партнерских отношений со всеми странами ЕС как одного из условий вступления Турции в Европейский Союз не входит в задачи настоящего исследования. Рассмотрим только эволюцию отношений Турции со странами Причерноморья и государствами, принимающими непосредственное участие в региональных экономических программах ЧЭС. Несмотря на относительно невысокий уровень экономического развития, Турция является финансовым донором 40 государств мира и укрепляет влияние в Азербайджане и других странах СНГ путем участия в реализации совместных экономических проектов для упрочения своих позиций в соперничестве с Ираном за право занять место регионального лидера, утрачиваемое Россией. Только в 1992–1997 гг. турецкие компании инвестировали в строительство через территорию Закавказья, Казахстана и Центральной Азии железнодорожной магистрали Стамбул – Пекин, газопровода Туркменистан – Иран – Турция – Западная Европа и в другие региональные проекты около \$6,5 млрд. Активность турецкого и западного капитала в регионе позволила Ирану и Китаю обвинить Турцию и США «в стремлении к экономической и политической неокolonизации Центральной Азии» [122, р. 9]. Еще в 1992 г. премьер-министр Турции С. Демирель заявил, что Анкара готова взять на себя политическую ответственность за судьбу региона от Адриатики до Великой Китайской стены. Эта инициатива встретила положительный отклик в Азербайджане, Туркменистане и постсоветских странах Центральной Азии, поскольку там видят в Турции реальный противовес влиянию Ирана и исламского фундаментализма в регионе. Мусульманские страны ЧЭС и СНГ перестают рассчитывать на эффективную поддержку России в борьбе с экспансией фундаментализма и начинают ориентироваться на Турцию, что в конечном итоге стратегически не оправдано, так как объективно способствует распространению реакционных идей пантюркизма и ведет к нарушению баланса сил и обострению конфронтации на Балканах, в Закавказье и Центральной Азии [120, с. 54–61].

Турция установила особые отношения с Азербайджаном на основе общих исторических, культурных и лингвистических корней и принимает участие в решении проблемы Нагорного Карабаха в качестве члена Минской группы ОБСЕ. В то же время внешняя политика Турции по отношению к Армении носит откровенно негативный характер. Турция не имеет дипломатических отношений с Арменией,

установила фактическую экономическую блокаду и отказывается признать факт геноцида 1915 г., когда турками были истреблены полтора миллиона армян на территориях, впоследствии отошедших к Турции и Сирии, а также неадекватно реагирует на любые меры по укреплению обороноспособности Армении. Подписание армяно-греческого Соглашения о сотрудничестве в военной сфере дало повод МИД Турции обвинить Армению и Грецию в стремлении дестабилизировать обстановку в Закавказье.

Отношения Турции с Грузией определяются перспективами расширения поставок энергоносителей из Азербайджана через грузинскую территорию и участия в модернизации грузинских вооруженных сил в свете прекращения российско-грузинского военного сотрудничества. Турция рассчитывает также на прогресс в решении проблемы восстановления прав депортированных более полувека назад из Грузии месхетинских турок [120, с. 57].

«Российское направление» является одним из ключевых в политике Турции. За исключением периода «холодной войны», турецко-российские отношения традиционно были добрососедскими со времен К. Атагюрка, когда СССР начал оказывать Турции политическое, экономическое и техническое содействие в становлении независимости и создании индустриальной базы. Стремясь к дальнейшему развитию отношений с Россией, Турция отказалась признать суверенитет Чечни. За последние годы активизировалась инвестиционная деятельность турецких компаний в российских регионах, а российский коммерческий и рекреационный туризм стал одним из важных источников притока валюты в экономику Турции. Турция заинтересована в расширении поставок российского газа и приняла активное участие в строительстве трансъевропейских сухопутных газопроводов из России и крупнейшего в мире подводного трубопровода «Голубой поток». В то же время Турция реализует ряд проектов строительства энергетических и транспортных коридоров в обход России, что способствует росту турецкого влияния в регионе, традиционно считавшемся зоной российских интересов [120, с. 59].

Важное место в политике Турции занимают отношения с Украиной – вторым после России торговым партнером в Причерноморье. Турция принимает участие в решении проблем репатриации в Украину депортированных крымских татар. Интересам Турции отвечает также развитие военно-технического сотрудничества с Украиной как на двусторонней основе, так и в рамках программ НАТО.

Политические и торгово-экономические отношения Турции с постсоциалистическими балканскими странами заметно активизировались с началом рыночных преобразований. По величине товарооборота Румыния стала третьим, а Болгария – четвертым торговым партнером Турции в ЧЭС [210]. Поскольку положение этнических турок, тюркоязычных народов и мусульманских общин во всем мире является одним из факторов, определяющих тактические акценты внешней политики Турции, поддержка тюркоязычного и мусульманского населения в странах Причерноморского бассейна стратегически важны для укрепления позиций Турции в качестве субрегионального лидера [243].

Нельзя не отметить экспансионистскую направленность политики Турции, вооруженные силы которой являются в НАТО вторыми по численности после США. В 1996 г. Турция начала реализацию рассчитанной до 2025 г. программы создания крупнейшего в Средиземноморско-Черноморском бассейне военно-морского флота и планирует в течение 30 лет израсходовать на развитие вооруженных сил \$150 млрд [244].

Особое положение во внешней политике Турции занимает Греция. С точки зрения официальной Анкары, установлению добрососедских отношений препятствует ряд проблем, прежде всего, непризнание Грецией «исключительных» прав Турции в отдельных экономических зонах Эгейского моря, якобы имеющая место дискриминация этнических турок в Западной Фракии и требование Греции прекратить оккупацию Северного Кипра как обязательное условие принятия Турции в ЕС [245].

Украина

Демократический выбор народа Украины определил после восстановления государственной независимости в 1991 г. стратегический курс страны на интеграцию в европейские и евроатлантические структуры. Являясь центром Балтийско-Черноморской и Атлантическо-Кавказской геополитических «осей Европы» и находясь одновременно в двух региональных пространствах – центрально-восточноевропейском и постсоветском, Украина в начале 1990-х гг. избрала стратегию «двухвекторной» внешней политики по двум главным направлениям – «западному» и «восточному». Для упрочения своего суверенитета Украина как своеобразный «мост», соединяющий культурно и цивилизационно разнонаправленные пространства (Запад и Евразия), стремилась установить отношения стратегического парт-

нерства с ЕС и США, сохраняя тесные экономические связи с Россией как крупнейшим торговым партнером и основным поставщиком энергоносителей [246].

Приоритетность «российского направления» в украинской внешней политике обусловлена общностью исторических корней, традиционно дружескими отношениями между двумя славянскими народами, взаимозависимостью народнохозяйственных комплексов и наличием многомиллионных русской диаспоры в Украине и украинской диаспоры в России.

Важной задачей внешней политики стало укрепление отношений стратегического партнерства с Польшей – первой страной, признавшей в 1991 г. независимость Украины и неизменно поддерживающей ее евроинтеграционные устремления. Естественным приоритетным направлением стало и развитие отношений со странами, непосредственно граничащими с Украиной – Беларусью, Словакией, Венгрией, Молдовой и Румынией, а также с черноморскими соседями – Болгарией, Грузией и Турцией. Входя в европейские и евроазиатские политические и экономические структуры, Украина играет важную роль в укреплении международной безопасности, участвуя в миротворческих операциях ООН в бывшей Югославии, на Ближнем Востоке и в Африке. В 1992 г. на Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро Украина выступила с инициативой превращения Черноморского бассейна в безъядерную зону, а в 1995 г. на 50-й юбилейной сессии Генеральной Ассамблеи ООН – с инициативой ликвидации ядерного оружия во всем мире.

Декларация о государственном суверенитете Украины от 16 июня 1990 г. и Акт о провозглашении независимости 24 августа 1991 г. закрепили намерение стать «безъядерным и постоянно нейтральным государством, не принимающим участия в военных блоках», что обусловило отказ Украины от участия в Ташкентском Договоре о коллективной безопасности стран СНГ [100; 101]. Длительное время Украина стремилась проводить внешнюю политику на основе многовекторности при сохранении внеблокового статуса, однако, это фактически изолировало Украину как от процессов евроатлантической интеграции, так и от объединительных процессов в СНГ, что закономерно привело к закреплению страны на периферии как западноевропейских, так и российских стратегических интересов. Медленный ход постсоветской трансформации не позволяет Украине ни приблизиться к Западу политически, ни уменьшить экономическую зависимость от

России. Продекларированный курс на вхождение в полиэтнические политико-экономические структуры Европы с их демократической ориентацией объективно несовместим с тяготением достаточно влиятельных сил в украинском руководстве к вхождению в новый союз «братских народов» под российским правлением (проекты Единого Экономического Пространства и др.). Между тем, политическая обстановка в России, Беларуси и азиатских государствах СНГ, где по сути укрепилась авторитарная форма правления в виде гипертрофированного института президентства при отсутствии прогресса в построении гражданского общества и демократических механизмов разделения властей, вызывает растущую обеспокоенность на Западе [247]. В создавшейся ситуации сохранение аморфной «многовекторности» носит черты кризисного или тактического выбора, и проблема определения стратегического политического курса Украины остается актуальной.

Добровольный отказ Украины от третьего в мире ядерного арсенала, межконтинентальных баллистических ракет и стратегических бомбардировщиков значительно упрочил международную безопасность и получил высокую оценку мирового сообщества. Однако этот беспрецедентный шаг, означавший, кроме получения неоспоримого политического преимущества, еще и экономическую выгоду для Запада вследствие сокращения его гигантских расходов на оборону, не получил адекватной оценки со стороны развитых стран. Размер финансовой помощи, оказанной Украине в качестве компенсации, был несоизмеримо мал по сравнению со стоимостью ликвидируемых ядерных вооружений и средств их доставки. Украина фактически в одиночку была вынуждена нести огромные издержки, связанные с ликвидацией шахтных ракетных пусковых комплексов, конверсией предприятий ВПК, трудоустройством бывших военнослужащих и решением других не менее затратных проблем. США и ЕС не пошли и на оказание Украине косвенной поддержки, отказавшись заключить с ней соглашения о свободной торговле на асимметричной основе и предоставить торговые льготы для ее экспортоориентированных отраслей, от деятельности которых зависит реформирование всего производственного комплекса Украины.

В соответствии с трехсторонним Соглашением, подписанным в 1994 г. после присоединения Украины к Договору о нераспространении ядерного оружия, США и Россия стали гарантами безопасности Украины. Не отказываясь от внеблокового статуса, Украина стала

участником программ НАТО «Партнерство ради мира» (ПРМ) в 1994 г. и «Процесс планирования и оценки» («Planning and Review Process») в 1995 г., а также ряда программ ЗЕС. Признание роли Украины как одного из важнейших факторов стабильности на континенте обусловило подписание в 1997 г. Хартии об особом партнерстве между НАТО и Украиной [5, pp. 87–90].

Стремясь к укреплению сотрудничества с Западно-Европейским Союзом, Украина в 1997 г. заявила о намерении стать ассоциированным членом ЗЕС. Являясь инициатором создания украино-польского миротворческого батальона, а также совместного с Венгрией, Румынией и Словакией инженерного батальона «Тиса», Украина получила статус ассоциированного члена Совета министров обороны государств Юго-Восточной Европы. Подписанное в 2002 г. Соглашение об участии Украины в полицейской миссии ЕС в Боснии и Герцеговине положило начало сотрудничеству с ЕС в сфере внешней политики, безопасности и обороны.

На саммите НАТО в апреле 1999 г. была утверждена стратегическая концепция роли, задач и развития альянса в условиях глобальных геополитических перемен, в которой подчеркивается значение Украины для безопасности в Европе: «Украина занимает особое место в евроатлантической среде безопасности <...>. Альянс продолжает поддерживать суверенитет и независимость, территориальную целостность, демократическое развитие, экономическое процветание Украины и ее статус неядерного государства как ключевые факторы стабильности и безопасности в Центральной и Восточной Европе и Европе в целом» [248, с. 141]. На саммитах НАТО неоднократно отмечался весомый вклад Украины в проведение миротворческих и анти-террористических операций.

Как показали военные действия США и НАТО в Федеративной Республике Югославии и в Ираке, в современном мире безопасность страны может быть гарантирована либо при наличии собственного ядерного арсенала сдерживания, либо при условии ее членства в военном союзе с ядерными державами, либо при оснащении национальной армии новейшим оружием, включая ракетно-космическое. Для Украины была объективно исключена возможность реализации любого из этих трех вариантов. Украина отказалась от своего ядерного оружия, а зафиксированное в Декларации о суверенитете и в Акте независимости намерение стать постоянно нейтральным внеблоковым государством не получило надлежащего международно-правового

оформления. Предоставив на 20 лет свою территорию для размещения Черноморского военного флота России, Украина лишилась возможности получить международно признанный и гарантированный Советом Безопасности ООН статус постоянно нейтрального государства. Экономический кризис 1990-х гг. не позволил осуществить и техническое переоснащение украинских вооруженных сил, несмотря на имеющийся в стране полный комплекс производства ракетных систем и другого высокоточного оружия. В сложившейся ситуации принятое в 2002 г. решение Совета национальной безопасности и обороны Украины о соответствии вступления в НАТО стратегическим интересам государства и необходимости отказа от внеблокового статуса было закономерно обусловленным, и в ноябре 2002 г. Комиссия «Украина – НАТО» утвердила План Действий, открывающий для Украины подготовительный этап процесса присоединения к альянсу.

Принципиальное изменение характера отношений с НАТО может открыть для Украины новые возможности расширения не только экономического, но и военно-технического сотрудничества с государствами ЧЭС – членами НАТО. В 1997 г. политическая неопределенность стратегического выбора Украины была одной из главных причин отказа Турции от заключения контракта на покупку тысячи украинских танков, хотя их тактико-технические параметры не уступали показателям западноевропейских конкурентов, принимавших участие в международном тендере, а в экономическом отношении контракт был исключительно выгоден для Турции.

Главной проблемой внешней политики Украины на «румынском» направлении является отстаивание территориальной целостности страны и ее международно признанных границ. В Заявлении от 5 июля 1991 г. Верховный Совет Украины отверг попытки румынской стороны связать «Пакт Молотова – Риббентропа» и воссоединение исконных украинских земель – Северной Буковины и Придунавья с Украиной и подчеркнул, что существующая граница есть итог послевоенного мирного урегулирования, подтвержденный в Заключительном Акте СБСЕ и других международно-правовых документах [249]. Румыния отказывается также признавать исключительные права Украины на континентальный шельф и экономическую зону вокруг острова Змеиный в Черном море.

Внешняя политика Украины в отношении Молдовы определяется тремя основными факторами: поддержкой суверенитета Молдовы как противовеса великодержавным планам Румынии, наличием трехсот-

тысячной украинской диаспоры и устойчивыми торгово-экономическими связями (третье место по объему товарооборота Украины со странами ЧЭС). Миротворческие усилия Украины способствовали прекращению военных действий во время приднестровского конфликта в 1992 г., а Украина по мандату ОБСЕ стала ко-спонсором процесса мирного урегулирования.

«Кавказское» направление после создания ГУАМ заняло заметное место в украинской внешней политике, несмотря на малый объем товарооборота Украины с Азербайджаном и Грузией, прежде всего, в свете проблем реализации одного из вариантов решения стратегически важной для этих трех стран задачи диверсификации путей транзита энергоносителей. В то же время фактически замороженными остаются политические и экономические отношения Украины с Арменией, поскольку официальный Ереван расценивает украинскую позицию по карабахской проблеме как проазербайджанскую. Создание ГУАМ не привело к существенному повышению эффективности многостороннего политического и торгово-экономического сотрудничества стран-участниц, а крайне ограниченные финансовые возможности Украины препятствуют практической реализации Евро-Азиатского нефтетранспортного коридора и других стратегически важных для этого субрегионального объединения проектов без инвестиционного участия и политической поддержки крупных иностранных государств.

Румыния

Румыния в 1989 г. избрала курс на демократические преобразования, рыночную трансформацию экономики, вступление в ЕС и НАТО. Официальный Бухарест настаивал на игнорировании Парижского мирного договора 1947 г. и не скрывал намерения возродить «Великую Румынию» в границах, установленных Трианонским Договором. «Юнионисты» в румынском руководстве требовали вернуть Румынии Молдову, Черновицкую область Украины и украинское Придунавье, заявляя, что «присоединение Бессарабии и Северной Буковины к СССР в 1940 г. явилось оккупацией и неприкрытым актом агрессии» [120, с. 64].

Демонстрируя отсутствие территориальных претензий к соседним странам, что было обязательным условием для государства – претендента на вступление в ЕС, Румыния на практике выдвигает такие претензии и до сих пор не подписала договор о делимитации гра-

ниц морских экономических зон с Украиной. В 2004 г. Румыния обратилась в Международный Суд ООН в Гааге с иском, в котором оспорила право Украины на континентальный шельф вокруг острова Змеиный.

Греция

Греция среди государств ЧЭС занимает пятое место по территориально-демографическому потенциалу, однако, ее экономическое и политическое влияние в Причерноморском бассейне, как члена ЕС и НАТО, весьма велико. Греция расположена на Балканах и в Восточном Средиземноморье – регионе, где только за последнее десятилетие произошло множество вооруженных конфликтов на почве обострения межэтнических и межконфессиональных противоречий. Будучи самой политически и экономически стабильной страной региона, Греция благодаря своему высокому международному авторитету внесла и продолжает вносить весомый вклад в урегулирование конфликтных ситуаций на Балканах. Внешняя политика Греции по отношению ко всем странам ЧЭС основана на принципах безусловного соблюдения межгосударственных договоров и соглашений, резолюций ООН, ОБСЕ и Совета Европы. Греция исходит из принципиального убеждения, что любые этнические, конфессиональные и социальные конфликты могут быть решены мирным путем [250; 251; 252; 253].

Являясь членом НАТО и ЗЕС, Греция во внешней политике занимает нейтральную позицию по отношению ко всем противоборствующим сторонам как внутренних, так и межгосударственных конфликтов в Причерноморском бассейне, на Балканах и в соседних субрегионах. Это выдвигает Грецию на роль беспристрастного и влиятельного посредника [120, с. 66–67].

Греция рассматривает развитие торгово-экономических связей в Причерноморском бассейне как необходимое условие укрепления международной безопасности и принимает активное участие в интеграционных экономических процессах, считая ЧЭС инструментом ускорения экономического и социального развития стран региона. Кроме того, Греция заинтересована в расширении сотрудничества с причерноморскими странами еще и потому, что в них имеется значительная греческая диаспора. Особое положение Греции в ЧЭС заключается в ее роли связующего звена между ЕС и странами ЧЭС, находящимися на низком или среднем уровне социально-экономического развития. Отношения Греции с государствами ЧЭС, ставшими на путь

демократических преобразований, за последние годы приобретают все более дружественный характер, что положительно сказывается и на развитии двусторонних торгово-экономических и культурных связей, особенно с такими странами, как Армения, Болгария, Грузия, Молдова, Россия, Румыния, Сербия и Украина, связанных с Грецией общей тысячелетней историей распространения христианства [254; 255; 256].

Стремление Греции к укреплению межгосударственных связей в Причерноморье относится и к области военного сотрудничества как в рамках программы ПРМ НАТО, так и в рамках двусторонних отношений. В октябре 1995 г. вступило в силу греческо-российское соглашение о военно-техническом сотрудничестве, предусматривающее взаимодействие оборонных отраслей промышленности двух стран в модернизации вооружений, а также поставки российской военной техники. В 1999–2004 гг. Греция передала Грузии ракетный катер и два сторожевых катера. Греция рассматривает контакты оборонных ведомств стран ЧЭС как одно из средств укрепления доверия между государствами. Поэтому совершенно не обоснованы обвинения со стороны Турции в том, что Греция пытается создать в Причерноморском бассейне некий антитурецкий военный альянс [120, с. 68; 183, р. 8].

Турция является единственным государством Причерноморского бассейна, предъявляющим территориальные претензии к Греции и оспаривающим греческий суверенитет над водным и воздушным пространством в районе Эгейского моря. Стремясь к нормализации двусторонних отношений, Греция неоднократно предлагала решить спорные вопросы на основе принципов международного права путем последовательного, «шаг за шагом», создания атмосферы доверия и открытости. Однако греческие инициативы по мирному урегулированию эгейских проблем не нашли положительного отклика в Анкаре. Политика Турции препятствовала и расширению двусторонних торгово-экономических связей. Темпы роста турецко-греческого товарооборота более чем вдвое отставали от средних темпов роста объема торговли Турции со странами ЧЭС. Не изменилась и позиция Турции в отношении Кипра. Оккупировав 37% территории острова в 1974 г., Турция отказывается выполнять резолюции ООН о выводе войск и проводит политику принудительного изменения демографической ситуации на Кипре, переселив в самопровозглашенную в 1983 г. Турецкую Республику Северного Кипра 80 тысяч турок с материка [120, с. 69–73].

Греция настаивает на ограничении военных флотов государств Средиземноморского и Черноморского бассейнов пределами разумной достаточности для береговой обороны и охраны территориальных вод и экономических зон, рассматривая такие добровольные ограничения в качестве эффективной меры укрепления стабильности в регионе. Однако, учитывая масштабы наращивания военного потенциала Турции, явно превышающие чисто оборонительные нужды, Греция вынуждена укреплять свои военно-морские силы, в том числе и путем приобретения современных кораблей у России и Украины.

Сербия

Определяющее воздействие на изменения внешнеполитической и внешнеэкономической ориентации Сербии оказали внутренние социально-экономические и этноконфессиональные проблемы, возникшие во время авторитарного правления С. Милошевича. В этот период Россия, по сути, была единственной европейской страной, занимавшей просербскую позицию. После завершения военной операции «Союзная сила», подписания 30 июля 1999 г. в Сараево Пакта Стабильности для Юго-Восточной Европы и снятия торговых санкций ООН новое демократическое руководство страны избрало курс на вступление в ЕС и НАТО и восстановление добрососедских отношений со всеми балканскими странами. Сербия и Черногория стала членом ЧЭС и активным участником региональных инициатив (Процесс Сотрудничества в Юго-Восточной Европе, Адриатическо-Ионическая Инициатива и др.) [132]. За 2002–2006 гг. Сербии и Черногории по программе HIPERB было выделено €265 млн для развития региональной транспортной инфраструктуры (строительство совместно с Грецией автомагистрали «Белград – Фессалоники» как части 10-го панъевропейского коридора и пр.). Греция была одним из крупнейших финансовых доноров Сербии и Черногории, предоставив в 2000–2005 гг. безвозмездную помощь на сумму €44 млн. Однако экономическая и политическая изоляция Сербии и Черногории, имевшая место в 1990-х гг., сопровождалась значительным снижением жизненного уровня населения, что стало одной из причин выхода Черногории из союзного государства в 2006 г.

Сербия всегда настаивала на соблюдении резолюции Совета Безопасности ООН № 1244, признающей Косово неотъемлемой частью Сербии. Поэтому провозглашение суверенитета Косово 17 февраля 2008 г. стало для Сербии острой проблемой. После подписа-

ния 29 апреля 2008 г. соглашения о стабилизации и ассоциации с ЕС прозападная ориентация Сербии сталкивается с необходимостью сохранения дружественных отношений с Россией, veto которой сможет воспрепятствовать вступлению Косово в ООН.

Болгария

Болгария после роспуска СЭВ и ОВД и победы демократических партий на первых с 1946 г. свободных выборах в 1991 г. избрала курс на вступление в НАТО и ЕС. Приоритетами политики Болгарии стали поиск стратегических партнеров на Западе при сохранении добрососедских отношений с Россией и нормализация связей с Турцией. Последнее направление определяется не только масштабами торговли с Турцией как крупнейшим партнером в Причерноморье после Греции и России, но и наличием в Болгарии многочисленной мусульманской общины: 9% населения составляют турки и 5% – болгаро-магометане [257]. Являясь учредителем ЧЭС и членом ЕС, Болгария отстаивает в обоих объединениях маршруты транспортных и энергетических коридоров, связывающих Черноморско-Каспийский регион с Европой, которые проходят через ее территорию (автомагистраль «Европейская Ось X», нефтепровод «Бургас – Александрополис» и др.), конкурируя в этом отношении с Румынией и Украиной [120, с. 79].

Азербайджан

Азербайджан возглавляет «пятерку» малых государств ЧЭС, однако, его влияние в Причерноморском бассейне усиливается по мере увеличения объемов экспорта в страны ЧЭС и на мировой рынок нефти из месторождений на шельфе Каспийского моря [258, р. 76–78]. Став независимым государством в 1991 г., Азербайджан проводит политику сближения с США и ЕС и определенного дистанцирования от России. Важным направлением внешней политики является укрепление связей с Турцией и другими исламскими странами. На экономике Азербайджана все еще сказываются последствия трехлетней войны из-за Нагорного Карабаха и внутренних вооруженных конфликтов. Двусторонние переговоры под эгидой ОБСЕ между Азербайджаном и Арменией, начавшиеся после прекращения огня в 1994 г., не привели к урегулированию конфликта, и до сих пор почти 20% азербайджанской территории оккупированы войсками Армении [257]. Главным политическим и экономическим партнером Азербайджана является Турция, с которой его связывают общность языка, религии и культур-

ных традиций. Азербайджанская экономика, в значительной степени зависящая от экспорта нефти, понесла ощутимые потери в 1994–1996 гг., когда во время войны в Чечне была разрушена единственная транспортная сеть, по которой азербайджанская нефть поступала на внешние рынки. Поэтому Азербайджан выступает за строительство альтернативных российскому маршруту транспортных коридоров через территории сопредельных стран – Грузии и Турции и, в меньшей степени, Ирана. В соответствии с рассчитанным на 30-летний период планом развития нефтяной отрасли, Азербайджан заключил соглашение с компаниями из США, Турции и стран Запада о привлечении \$20 млрд прямых инвестиций для освоения месторождений в азербайджанском секторе Каспийского моря [258].

Азербайджан пользуется политической и экономической поддержкой США и Турции, которые рассматривают эту страну как важное звено системы противодействия распространению иранского фундаментализма. Азербайджан открыто не выдвигает к Ирану территориальных претензий, тем не менее, в стратегических планах Баку присутствует проблема присоединения Иранского Азербайджана, где проживает свыше 15 млн этнических азербайджанцев (25% населения Ирана). Принципиально противоположны иранская и азербайджанская позиции по вопросу разграничения Каспийского моря между пятью прибрежными государствами. Иран рассматривает Каспийское море как внутренний водоем, ресурсы которого должны использоваться совместно пятью странами. Азербайджан и Туркменистан рассматривают Каспий как море и опираются на положения международного морского права о 200-мильной экономической зоне. Азербайджан выступает против иранской схемы разграничения Каспия, равно как и против предложений России об ограничении экономических зон 45-ю милями от береговой линии, общем использовании срединной части моря и обязательном согласии всех пяти государств на прокладку трубопроводов по дну моря, рассматривая их как стремление России получить право вето на строительство энергетических коридоров в обход российской территории [120, с. 81–82].

Грузия

Грузия – вторая по величине страна Закавказья – с момента восстановления независимости в 1991 г. столкнулась с угрозой дезинтеграции после провозглашения суверенитета Абхазии и намерения Юго-Осетинской автономной области воссоединиться с входящей в

состав России республикой Северная Осетия – Алания. Недостаточно объективная, по мнению официального Тбилиси, позиция России по отношению к абхазским и осетинским сепаратистам обусловила переориентацию внешней политики Грузии с приоритетного ранее российского направления на укрепление связей со странами СНГ, не вошедшими в Ташкентский договор, партнерство с США и вступление в НАТО. В 1993 г. Грузия и Украина заключили «Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи», а в 2000 г. подписали Декларацию об углублении особых партнерских отношений. Украина была одним из первых государств, с которыми Грузия заключила соглашение о военно-техническом сотрудничестве. Грузия принимает участие в проекте TRACECA и поддерживает инициативу Украины по созданию системы транспортирования каспийской нефти по Черному морю и нефтепроводу «Одесса – Броды» [120, с. 83].

Провозгласив курс на интеграцию в европейские экономические структуры и евроатлантическую систему безопасности, Грузия стремится к укреплению сотрудничества с ЕС и НАТО. Страны НАТО участвуют в реорганизации и переснащении грузинских вооруженных сил. В 1998–2005 гг. Греция и Турция передали Грузии по три катера для сил береговой обороны, Болгария – два малых десантных корабля, США – два сторожевых катера, Великобритания и Германия – по одному.

В августе 2008 г. после российско-грузинского военного конфликта Грузия вышла из СНГ и разорвала дипломатические отношения с Россией, признавшей суверенитет Абхазии и Южной Осетии.

Молдова

Молдова – десятая по величине территориально-демографического потенциала страна ЧЭС – по социально-экономическим показателям занимает последнее место в Европе. Импортируя 99% потребляемых энергоносителей и стремясь к расширению торгово-экономических и политических связей с западными странами и своими ближайшими соседями – Румынией и Украиной, Молдова заинтересована в ослаблении зависимости от России – главного поставщика нефти и газа и одного из основных импортеров молдавских алкогольных напитков, табака, текстиля, электрооборудования и приборов. Становление отношений политического, экономического и военного сотрудничества между Молдовой и другими причерноморскими странами в начале 1990-х гг. носило характер кризисного выбора, при ко-

тором острая экономическая необходимость или стремление к быстрому урегулированию конфликтной ситуации вынуждало прибегнуть к помощи государства, объективно являющегося стратегическим соперником, а не союзником. В 1992 г. Молдова после отказа России предоставить военную технику была вынуждена неофициально прибегнуть к помощи Румынии, хотя в планы Бухареста входило восстановление «Великой Румынии» за счет возврата всех территорий, отошедших к СССР по советско-румынскому Договору 1940 г., включая и часть Молдовы. Народнохозяйственный комплекс Молдовы, некогда самой отсталой из европейских республик СССР, был ослаблен после раскола страны в результате гражданской войны 1992 г., когда в Приднестровье и Гагаузии немолдавское население (свыше полумиллиона этнических русских и украинцев и 175 тысяч гагаузов) выступило против плана включения Молдовы в состав Румынии [120, с. 83–84]. Продолжение социально-экономического кризиса в стране объективно способствует укреплению среди румыноязычного населения Молдовы идей присоединения страны или, в крайнем случае, ее правобережной части (бывшая Бессарабия) к Румынии как способа войти в ЕС.

Армения

Армения – одна из древнейших христианских стран – с трех сторон окружена исламскими государствами: Азербайджаном, Ираном и Турцией. Не восстановив экономику после разрушительного землетрясения 1988 г., Армения была втянута в трехлетнюю войну с Азербайджаном из-за Нагорного Карабаха и подверглась энергетической и торговой блокаде со стороны Азербайджана и Турции. Острый экономический кризис вынудил 600 тысяч армян эмигрировать в Россию, Украину и другие страны [257]. Хотя вступление в 2002 г. в ВТО, растущая торговля с Ираном и возобновление поставок российской электроэнергии через Грузию улучшили экономическую ситуацию в Армении, выход страны из кризиса напрямую связан с урегулированием карабахской проблемы. Между тем, смена курса политического руководства после победы на президентских выборах 1998 г. в Армении премьер-министра непризнанной Нагорно-Карабахской республики осложнила урегулирование армяно-азербайджанского конфликта. С точки зрения официального Еревана, все постсоветские страны ЧЭС, кроме России, занимают проазербайджанские позиции в карабахском конфликте, что привело, в частности, к ухудшению отношений Арме-

нии с четвертым соседним государством – христианской Грузией. Армения укрепляет военно-политическое сотрудничество с Россией и другими участниками Договора о коллективной безопасности СНГ, практически устранившись от развития отношений с США и другими западными странами, считая свои интересы ущемленными со стороны Запада в пользу Азербайджана. Единственным исключением является Греция, с которой в 1997 г. Армения подписала Соглашение о сотрудничестве в военной сфере [120, с. 57; с. 85]. Укреплению армяно-греческих отношений способствует созданный по инициативе Греции клиринговый механизм трехстороннего сотрудничества, в рамках которого часть греческого импорта из Армении оплачивается греческим экспортом в Иран, а взамен иранский газ и нефтепродукты поставляются в Армению. Греция является одним из финансовых доноров Армении в рамках программ помощи GDA/OECD, оказываемой развивающимся демократическим странам Всемирным Банком и ОЭСР [259, р. 34].

Албания

Албания – самое маленькое и по численности населения, и по площади территории государство ЧЭС – недавно была беднейшей страной Европы. Начав трансформацию экономики в 1989 г. и добившись устойчивого роста ВВП на уровне 9% в год, Албания весной 1997 г. пережила социальные потрясения, вызванные крахом финансовых «пирамид», чей долг населению оценивался в 50% ВВП. В ходе народных волнений, сопровождавшихся беспорядками и грабежами, были убиты более 1500 человек. Сотни тысяч жителей Албании бежали в Грецию, Италию и другие соседние страны. Кризис был урегулирован после ввода в страну контингента международных сил, однако, в экономике произошел глубокий, хотя и кратковременный, спад [257]. Политическая и экономическая стабилизация вновь оказалась под угрозой в 1998 г. из-за притока десятков тысяч беженцев из сербского края Косово, где преобладает албанское население. В стратегические планы Тираны входит создание «Великой Албании» за счет присоединения Косово, а также провинции Тетово в бывшей югославской республике Македонии.

5.2. Будущее сотрудничества стран Причерноморского бассейна в общеевропейском контексте

Современные представления об устройстве фундаментального механизма социально-экономического прогресса, подтверждаемые неуклонным ростом масштабов и глубины международного разделения труда, указывают на необходимость перехода от «чисто рыночного» стихийного цивилизационного движения к социально опосредованному организованному развитию глобальной экономики на основе стратегического планирования и координированного управления целенаправленной деятельностью мирового сообщества.

Одной из доминирующих тенденций мирового развития стало усиление экономического и политического влияния интеграционных объединений. Активизация двусторонних и многосторонних производственных и торговых связей стран ЧЭС после институционального оформления инициативы Черноморского экономического сотрудничества подтвердила важную роль новой организации в обеспечении мира и стабильности на континенте. В апреле 2007 г. Европейская Комиссия в документе «Черноморская синергия – новая инициатива регионального сотрудничества» отметила значение ЧЭС как одного из важнейших региональных партнеров ЕС [260].

Повышение конкурентоспособности национальных экономик государств-участников ЧЭС требует разработки согласованной стратегии их взаимодействия на базе прогнозирования направлений развития политических, экономических и этноконфессиональных процессов в Причерноморском бассейне.

В Уставе ЧЭС определены задачи регионального сотрудничества как части интеграционного процесса в Европе и принципы деятельности организации, однако, ее цели оговорены лишь в общих чертах, что препятствует концентрации ресурсов государств-участников на перспективных направлениях [127]. Между тем, для любого организованного сообщества целеполагание и разработка концепции развития являются обязательными начальными этапами составления прогнозных сценариев и формирования на их основе рациональной стратегии управления, а научное предвидение перспектив как отдельных

стран, так и их интеграционных объединений стало особо актуальным в условиях глобализации [51, с. 11].

Рассматривая пути расширения и углубления сотрудничества стран ЧЭС, подчеркнем, что линейная экстраполяция текущего состояния любой экономической организации на достаточно отдаленное будущее является ошибочной. Не поддающиеся учету субъективные факторы играют в развитии интеграционных процессов не менее важную роль, чем объективно обусловленные глобальные экономические закономерности. Для социально-экономических систем характерно появление в процессе их развития тенденций перехода в новое качество при возникновении соответствующих возможностей. Поэтому современное состояние ЧЭС как комплекса взаимосвязанных полиструктурных политических, экономических и социальных систем, каждая из которых зависит от изменения внешних и внутренних условий существования, не может однозначно определять вероятные изменения форм и уровня сотрудничества причерноморских стран в XXI веке [261].

Следует отметить, что для прогнозирования развития интеграционных организаций как макроэкономических систем неприменимо использование аппарата теории вероятностей и математической статистики, N-мерного имитационного моделирования и других методов прогнозирования, достаточно эффективных для предвидения поведения технологических или микроэкономических комплексов при изменении конечного числа известных количественных параметров. Причинность социально-экономических процессов, имеющих объективный характер, не тождественна их необходимости и не приводит к обязательной реализации всех тенденций развития совокупности национальных экономик, состоящей из множества меняющихся внутренних структурных элементов и внешних связей.

Одной из особенностей мировых цивилизационных процессов со второй половины XX века стало появление практически мгновенных (в историческом масштабе) геополитических и геоэкономических изменений изломоподобного или скачкообразного характера, предсказать которые с помощью методов количественного прогнозирования наука оказалась не в состоянии. Не говоря о таком непредвиденном событии планетарного масштаба, как распад СССР, достаточно упомянуть внезапные глобальные нефтяные и финансовые кризисы в последней трети XX века или качественное изменение производственной базы экономик развитых стран после перехо-

да к информационным технологиям. В силу существенной нелинейности, объективно присущей социально-экономическим процессам, разработка стратегии развития международного сотрудничества в постиндустриальную эпоху требует целостного системного анализа массивов информации практически по всем направлениям человеческой деятельности [262].

Современная глобалистика как новая междисциплинарная наука, синтезирующая достижения теории и практики политической, экономической, социальной и экологической глобалистики, рекомендует разрабатывать стратегии развития на базе методологических принципов качественного прогнозирования. Особо перспективным представляется интегрированный коммуникативно-управленческий подход к созданию полипроблемных моделей для изучения вариантов «поведения» национальных экономик как структурных звеньев региональных и глобальных социально-экономических систем с помощью методов балльных, индексных и сравнительных экспертных оценок [262, с. 33–35].

Принимая системный подход в качестве теоретической и методологической основы прогнозирования направлений и форм межгосударственного сотрудничества в Причерноморском бассейне, подчеркнем, что стоящие перед странами региона задачи могут быть решены лишь при условии четкого определения целей, общих для ЧЭС и каждого из двенадцати государств – участников, а выбор инструментов и методов достижения поставленных целей должен основываться на индексе человеческого развития и других комплексных социально-экономических и экологических критериях эффективности [263].

Экономика региона ЧЭС представляет собой сложную динамичную систему, изменения которой, как и всего мирового хозяйства, при кажущейся хаотичности подчиняются объективным законам. Недостаточная изученность причинно-следственных связей между множеством экзогенных и эндогенных политических, социальных, экологических и других не менее значимых факторов и их влияния на интеграционные процессы в государствах с различным уровнем социально-экономического развития не позволяет осуществлять точное прогнозирование направлений и форм сотрудничества в Причерноморском регионе, однако, объективно обусловленная взаимосвязь политических и экономических процессов дает возможность составить наиболее вероятный среднесрочный прогнозный сценарий с учетом

доминирующих тенденций перехода стран ЧЭС от политики обособления и конфликтов к интеграции и сотрудничеству [264].

Составление прогнозов международного сотрудничества как составной части стратегии развития страны требует решения комплекса интеллектуально-кибернетических проблем, изучение которых началось лишь недавно и еще не привело к разработке методик, позволяющих получить однозначный достоверный результат. Даже менее сложная задача прогнозирования развития отдельной отрасли народного хозяйства страны на среднесрочную (12–15 лет) перспективу относится к числу неструктурированных проблем, для решения которых могут применяться только эвристические методы, использующие индивидуальные и коллективные экспертные оценки на основе интуиции и опыта специалистов [115, с. 106–107]. Применяемые в Rand Corporation и других ведущих мировых центрах прогнозирования качественные методы (Delphos, Saaty и др.) основываются на поиске достоверного объективного решения путем математической и логической обработки субъективных оценок независимых экспертов. В данном исследовании представлена авторская попытка составления ориентировочного среднесрочного экспертного прогноза сотрудничества стран ЧЭС, в котором возможные события и их последовательность обозначены лишь в общих чертах.

Все постсоциалистические и постсоветские страны ЧЭС, кроме России, избрали курс на вступление в ЕС. В соответствии с Договором Европейского Союза, государство – претендент на членство в ЕС не может быть участником другого таможенного или экономического союза, поэтому в среднесрочной перспективе максимальным уровнем интеграции внутри ЧЭС может быть только зона свободной торговли (ЗСТ). Обеспечение совместимости национальных и международных институциональных основ торгово-экономических отношений в Причерноморском бассейне остается актуальной проблемой. Отношения стран ЧЭС как объединения с рыночными и переходными экономиками могут строиться только на основе объективных законов, общих для любой формы хозяйствования. Внешняя торговля, валютно-расчетные отношения, иностранное инвестирование, производственное кооперирование и другие формы экономических отношений являются одновременно объектами и специфического национального, и международного регулирования.

Различная степень рыночного развития обусловила доминирование национального аспекта в межгосударственных отношениях, и су-

ществующие в странах ЧЭС системы управления оказывают определяющее влияние на формирование механизма международных экономических связей. Одновременно и национальные институциональные основы подвергаются воздействию международных форм экономических отношений, поскольку только гармонизация национальных методов и инструментов регулирования внешнеэкономических связей с интернациональными способна обеспечить стране максимальные преимущества от участия в международном разделении труда. Однако в постсоциалистических и постсоветских странах ЧЭС приближение к международным нормам носит разноскоростной характер, особенно по таким направлениям, как законодательное обеспечение конкуренции, регулирование естественных монополий, внедрение международных стандартов на товары и услуги и т. д.

Указанные причины исключают трансформацию ЧЭС к 2015 г. в интеграционное объединение на институциональном уровне ЕЭС начала 1970-х гг. (создание межправительственного координирующего органа для проведения общей таможенной политики в отношении третьих стран и функционирование региональной ЗСТ без изъятий и ограничений). В дополнение к спонтанной «горизонтальной интеграции» при создании многонациональных компаний и расширению торгово-экономических, гуманитарных и культурных связей в рамках еврорегионов и других форм трансграничного сотрудничества, подобная трансформация требует инициированной на межправительственном уровне «вертикальной интеграции» путем установления кооперационно-партнерских отношений между национальными финансово-промышленными группами в ключевых отраслях экономики (прежде всего, энергетика и транспорт) и проведения единой экспортной политики для повышения конкурентоспособности причерноморских стран на европейских и мировых рынках. Обязательными условиями такой трансформации является урегулирование конфликтов в Причерноморье, а также распространение процесса дальнейшего расширения ЕС не только на Турцию, но и на другие страны ЧЭС (как минимум, путем предоставления ассоциированного членства). В противном случае неизбежно появление новых препятствий для углубления интеграции (введение новыми членами ЕС более строгого визового режима в отношении прочих стран ЧЭС, выход из двусторонних соглашений о свободной торговле и др.). Расширение участия ЕС в создании инновационно-информационной производственной базы в странах ЧЭС ускорило бы созда-

ние панъевропейского экономического пространства. Однако, несмотря на включение Украины и других постсоветских стран ЧЭС в число «друзей и партнеров», в последние годы уровень их политических отношений с ЕС, по сути, снижается [265, р. 293–307].

Дальнейшее институциональное развитие ЧЭС требует также заключения Договора, регламентирующего цели и направления экономической интеграции. В дополнение к зафиксированным в действующем Уставе ЧЭС положениям, в таком договоре должны быть сформулированы актуальные для всех государств-участников экономические задачи, для решения которых имеются объективные предпосылки. С учетом общей заинтересованности в нормализации обстановки в многочисленных очагах сепаратизма в причерноморских странах и недопущении перерастания локальных конфликтов в открытую конфронтацию государств такой Договор должен определить институциональные основы и механизмы обеспечения прав граждан государств-участников на всей территории ЧЭС. Превращение эпизодически проводящихся встреч двенадцати глав государств и правительств в консультативный политический орган ЧЭС – Черноморский Совет, работающий на регулярной основе (по типу Европейского Совета) также ускорило бы решение экономических и политических проблем Причерноморского бассейна. Подчеркнем, что речь идет не о копировании институциональных основ, структуры и механизмов ЕС, а о творческом применении полувекового опыта западноевропейской интеграции с учетом объективных особенностей стран ЧЭС. Опыт ЕС позволяет предположить, что создание такого Совета в качестве высшего института ЧЭС для разработки стратегии развития организации и утверждения обязательных для стран-участниц решений по ключевым вопросам экономического сотрудничества способствовало бы углублению черноморской интеграции. Целесообразным представляется и преобразование Делового совета ЧЭС в Черноморскую Комиссию (по типу Комиссии ЕС) как межгосударственный орган координации экономической политики стран ЧЭС.

Неурегулированные межгосударственные конфликты и различия в степени либерализации внешней торговли делают проблематичным создание в ближайшем будущем региональной ЗСТ, охватывающей все страны ЧЭС и соединенной как с западноевропейским, так и российско-центральноазиатским экономическим пространствами, не-

смотря на то, что образование такой зоны объективно соответствует стратегическим интересам всех стран ЧЭС, ЕС и СНГ.

В каждой из шести постсоветских стран ЧЭС современное состояние трансформирующихся народнохозяйственных комплексов препятствует передаче надгосударственным институтам части суверенных полномочий в сфере управления национальной экономикой, поскольку сохранение за государством всего спектра средств контроля и регулирования экономических процессов объективно необходимо для защиты национальных интересов в условиях усиливающейся конкуренции на мировых рынках. В настоящее время превращение ЧЭС в объединение с надгосударственными органами не входит в число стратегических целей ни в одной из постсоветских стран, поскольку принятие связывающих обязательств исключает возможность произвольного изменения экономической политики в конъюнктурных интересах бизнес-элит. Кроме того, российская правящая элита противится созданию интеграционных группировок с участием постсоветских государств, в которых России не будет гарантировано доминирующее положение.

ЧЭС является единственным объединением на восточноевропейском и постсоветском пространстве, выраженная аполитичность которого способствует укреплению безопасности всего континента благодаря расширению экономических связей между государствами с разновекторными политическими устремлениями [128; 132]. В переплетении политических и экономических интересов стран ЧЭС конфессиональная ориентация или этническая принадлежность титульных наций перестала играть определяющую роль, поэтому исключено появление в регионе договорно оформленной христианской «оси» «Греция – Болгария – Сербия – Румыния – Молдова – Украина – Россия – Грузия – Армения», противостоящей исламской «оси» «Турция – Азербайджан – Албания», равно как и образование славянского «ядра» «Россия – Украина – Болгария – Сербия» или романского «центра» «Румыния – Молдова». ЧЭС функционирует и как вспомогательный механизм, дополняющий ОБСЕ и другие общеевропейские институты и обеспечивающий членам организации возможность конструктивного участия в урегулировании субрегиональных конфликтов. Кроме того, в настоящее время появились объективные предпосылки для реализации выдвинутой в начале 1990-х годов идеи Балтийско–Черноморского Сотрудничества путем создания нового ре-

гионального экономического объединения с участием балтийских, центрально-европейских и черноморских стран [103, с. 19].

Обеспечение доступа к энергетическим ресурсам и транспортным коридорам становится все более важным фактором формирования и развития политико-экономических союзов. «Энергетическая политика для Европы», принятая Европейским Советом и Европейским Парламентом в январе 2007 г., определила сотрудничество со странами Причерноморского бассейна в сфере производства, транспортирования и распределения энергии в качестве одного из приоритетов ЕС в первой четверти XXI века [266].

Исходя из сохранения в обозримом будущем российского экономического доминирования в ЧЭС, следует ожидать расширения сотрудничества причерноморских стран с Россией в реализации проектов, направленных на укрепление энергетической и экологической безопасности в регионе. Азербайджан и Россия обладают экспортными ресурсами нефти и газа, а остальные страны ЧЭС располагают значительным транзитным потенциалом, поэтому нельзя исключить обострения конкуренции между ними, а также возникновения экономических противоречий между энергоизбыточными и энергодефицитными странами.

Рост заинтересованности бизнес-элит во всех двенадцати государствах ЧЭС в углублении интеграционного сотрудничества на принципах взаимной выгоды и оптимального распределения финансовых, материальных, трудовых и интеллектуальных ресурсов способствует реализации потенциала Черноморско-Каспийского региона как «Персидского Залива XXI века» и одного из наиболее перспективных источников энергоносителей для европейских стран.

Велик и стратегический потенциал ЧЭС как организации, способной в силу своей политической незаангажированности стать не только торговым «мостом» и межконтинентальным транспортным «коридором», но и одним из механизмов интенсификации диалога между Европой и Ближним Востоком для нормализации ситуации в «проблемных» государствах южной периферии Причерноморского региона – Ираке, Иране и Ливии.

ЧЭС как региональная организация становится все более влиятельным фактором укрепления экономической безопасности и политической стабильности на континенте, что было неоднократно отмечено как в официальных заявлениях высших руководителей всех двенадцати государств-участников, так и в публикациях независимых ис-

следователей – экспертов в области экономики, политики и юриспруденции, работающих в ведущих национальных и международных исследовательских центрах европейских стран и США [25; 205; 266; 267; 268].

Пятнадцатилетний опыт развития международного экономического и политического сотрудничества в рамках Черноморской инициативы позволяет прийти к заключению, что в XXI веке роль ЧЭС в строительстве новой Европы будет возрастать.

5.3. Новая стратегия ЕС и перспективы европейской и глобальной интеграции

Обострение глобальных социально-экономических и экологических проблем, угрожающих самому существованию человечества, обусловило переход развитых стран от характерных для второй половины XX века индивидуальных стратегий борьбы за мировое или региональное лидерство (США против СССР, США против Японии и пр.) к стратегиям совместного развития в рамках интеграционных организаций континентального масштаба.

В обозримой перспективе базовыми единицами общественной организации останутся этноконфессиональные сообщества, однако, интенсификация процессов интернационализации и возрастание роли ТНК объективно приводят к тому, что национальные государства перестают быть основными структурными элементами мирового хозяйства, что создает предпосылки для построения основ глобальной экономической интеграции. Углубление региональной интеграции (от создания зоны свободной торговли до таможенного союза с последующим образованием общего рынка, а затем и экономического союза) способствует переходу интернационализации в полисистемную стадию.

Являясь наиболее развитым и единственным в мире объединением системно интегрированных национальных экономик, ЕС формирует внешние экономические связи, исходя из приоритета наднациональных интересов. Для укрепления своих позиций на глобальном рынке ЕС стремится реализовать стратегию экономического развития на первую четверть XXI века, в основе которой лежит «Повестка дня», утвержденная на саммите ЕС в Лиссабоне в июне 2000 г.

Лиссабонская стратегия исходит из осознаваемой в большинстве стран мира необходимости изменить существующий экономический порядок, остановить глобальное подчинение интересов человечества погоне за сиюминутной прибылью в ущерб социальной справедливости и среде обитания, углубить социально-рыночные принципы экономической политики и превратить «общество потребления» в общество накопления интеллектуальных и духовных ценностей. Основой стратегии ЕС является концепция прямой зависимости между умень-

шением глобального экономического неравенства и укреплением мира и безопасности на планете. В настоящее время на долю ЕС приходится 60% официальной мировой помощи на цели развития, и только по линии Европейской Комиссии развивающимся странам и государствам с переходной экономикой ежегодно выделяется свыше 7 млрд евро в рамках договоров и конвенций о сотрудничестве с региональными интеграционными группировками и отдельными странами.

В соответствии с Лиссабонской стратегией экономика расширенного ЕС должна к 2010 г. стать самой конкурентоспособной в мире благодаря стимулированию инвестиций в научные исследования и человеческий капитал, созданию новых рабочих мест, укреплению внутреннего рынка и снижению налогов на инновационные производства наряду с совершенствованием систем социального обеспечения, здравоохранения и защиты окружающей среды. В 2006–2007 гг. ЕС превзошел своего главного торгового партнера и конкурента – США по объему ВВП в 1,1 раза, а по объему товарного экспорта за пределы ЕС в 1,13 раза. Продолжая оставаться безусловным лидером экологического оздоровления мировой экономики, ЕС в марте 2007 г. принял решение к 2020 г. снизить объемы выбросов парниковых газов на 20% по сравнению с 1990 г. и довести до 25% долю возобновляемых источников в общем энергопотреблении Союза.

Расширение усилило геополитические и геоэкономические позиции ЕС и укрепило основы формирующейся многополярной системы мирового устройства. Роль ЕС как антикризисного стабилизатора глобальной экономики вновь проявилась в сентябре 2008 г., когда благодаря действиям Европейского Центрального Банка и Банка Англии совместно с ФРС США и центральными банками Канады, Швейцарии и Японии удалось предотвратить превращение ипотечного кризиса в США в глобальный кризис фондовых рынков.

Однако ЕС по-прежнему отстает от США по темпам роста производительности труда (1,5% в год против 2% в США) и созданию благоприятных условий для предпринимательской деятельности. Как показано в совместном исследовании Всемирного Банка и Международной Финансовой Корпорации, в «десятку» рейтинга по привлекательности бизнес-климата (среди 181 экономики) вошли только Дания, Великобритания и Ирландия, уступив первенство Сингапуру, Новой Зеландии, США и Гонконгу [270]. Одной из причин такого отставания является отсутствие необходимых для достижения целей Лиссабонской стратегии реформ в сфере модернизации экономики и конку-

рентного законодательства, которые не были проведены из-за того, что некоторые страны ЕС в угоду своим узким интересам протекционистского характера неоднократно пользовались в Совете министров ЕС правом вето.

Преодолению возникшего в ЕС институционального кризиса будет способствовать вступление в силу Лиссабонского Договора, подписанного 18 октября 2007 г., в который вошли принципиальные изменения и дополнения к учредительным договорам ЕС. Договор четко разграничивает распределение полномочий между Союзом и государствами – членами, предоставляя ЕС исключительную компетенцию в сфере проведения торговой, монетарной и таможенной политики и установления единых правил конкуренции, а также предусматривает переход с 2014 г. к процедуре принятия решений по этим вопросам в Совете министров ЕС квалифицированным большинством голосов, что исключит возможность превалирования интересов отдельных стран над интересами всего интеграционного объединения и будет способствовать повышению эффективности деятельности ЕС.

Ратификация Лиссабонского Договора во всех 27 государствах ЕС также откроет путь для дальнейшего расширения Союза, прежде всего за счет принятия Хорватии, а затем и других бывших союзных республик СФРЮ и Албании. В более отдаленном будущем наиболее вероятными кандидатами на вступление в ЕС могут стать Украина и Грузия.

Важное место в новой стратегии ЕС уделяется развитию отношений с соседними государствами, особенно в вопросах укрепления общеевропейской безопасности, расширения экономического сотрудничества, создания единой континентальной энергетической инфраструктуры и совместной борьбы с международным терроризмом, организованной преступностью и нелегальной миграцией. В марте 2003 г. в ЕС был принят базовый документ, согласно которому в «дружественное кольцо ближайших соседей» вошли Беларусь, Молдова, Россия и Украина, а также Алжир, Египет, Израиль, Иордания, Ливан, Ливия, Марокко, Палестинская автономия, Сирия и Тунис [133].

В настоящее время наблюдается устойчивая тенденция изменения географической структуры внешней торговли ЕС. Хотя США, Китай, Швейцария, Норвегия, Япония и Турция по-прежнему входят в число семи основных торговых партнеров ЕС, при росте объемов товарооборота Союза со всеми регионами мира быстро увеличивается доля стран СНГ, прежде всего, России и Украины. Благодаря высоким

темпам послереформенного восстановления постсоветских экономик в 2000–2007 гг. среднегодовые темпы роста экспорта ЕС в СНГ составили 20%, а импорта ЕС из СНГ 15%, причем в экспорте ЕС доля СНГ достигла 9% (второе место после США с 23%), а импорте ЕС доля СНГ достигла 13% (второе место после Китая с 14%).

После окончания срока действия Соглашений о Партнерстве и Сотрудничестве с Россией и Украиной ЕС планирует заключить с этими странами «усиленные» соглашения, предусматривающие взаимную либерализацию торговых режимов для обеспечения роста объемов двустороннего товарооборота и создания ЗСТ «ЕС – Россия» и «ЕС – Украина». В частности, на состоявшемся 9 сентября 2008 г. саммите «Украина – ЕС» было отмечено, что уже в 2009 г. может быть подписано Соглашение о привилегированном партнерстве и ассоциации Украины с ЕС.

Заключенные ЕС договоры («Соглашения о стабилизации и ассоциации», «Автономные торговые меры» и др.) с Албанией, Б. Ю. Р. Македонией, Сербией, Хорватией и Черногорией направлены не только на расширение международных экономических связей, но и на подготовку этих западнобалканских стран к последующему вступлению в ЕС. Близки к подписанию аналогичные соглашения с Боснией и Герцеговиной.

Региональная интеграция, усиливая рыночную унификацию экономик государств-участников и стран-претендентов на вступление, приобретает континентальные масштабы, что объективно ускоряет процесс глобализации, несмотря на сохранение в ЕС определенной доли протекционизма в отношении конкурирующих интеграционных группировок (NAFTA, ASEAN и др.) и третьих стран (Китай, Украина, Япония и др.). Одной из приоритетных целей ЕС является укрепление торгово-экономических отношений со странами Америки, Африки и Азии и создание трансконтинентальных торговых объединений. Подписанное в декабре 1995 г. в Мадриде Соглашение о свободе торговли ЕС с государствами Общего Рынка Южного Конуса (MERCOSUR) – Аргентиной, Бразилией, Парагваем и Уругваем и Соглашение о свободе торговли между ЕС и Мексикой, подписанное в Лиссабоне в марте 2000 г. создают предпосылки для образования трансатлантической ЗСТ, связывая между собой североамериканскую страну – члена NAFTA, пять стран Южной Америки (в июле 2006 г. в MERCOSUR вступила Венесуэла) и европейских участников Догово-

ра Порту о Едином Европейском Экономическом Пространстве (ЕС плюс ЕАСТ) от 2 мая 1992 г.

В развитие начатого в 1995 г. «Барселонского процесса», целью которого было расширение сотрудничества ЕС с североафриканскими и азиатскими странами средиземноморского бассейна, 13 июля 2008 г. в Париже на саммите 43 государств был подписан договор об образовании Союза для Средиземноморья (Union for Mediterranean), в рамках которого в среднесрочной перспективе планируется создать обширную европейско-средиземноморскую зону свободной торговли. Членами новой международной экономической организации стали 27 стран ЕС и все средиземноморские государства Северной Африки, Балкан и Ближнего Востока, за исключением Ливии.

Объективно неизбежное углубление международного экономического сотрудничества в качестве наиболее вероятного направления трансформации структуры мировой экономики определяет превращение доминировавшей в последней четверти XX века триады «США – ЕС – Япония» в триаду взаимосвязанных экономик Европейского Союза, NAFTA и Организации Азиатско-Тихоокеанского Сотрудничества (АТЭС), каждая из которых объединит страны близкого цивилизационного типа (по С. Хантингтону). Эта триада уже в первой трети XXI века завершит набирающий силу процесс формирования нового глобального рынка с тремя основными континентальными рынками – европейским, северо-американским и азиатско-тихоокеанским.

Выводы

Международное сотрудничество двенадцати членов ЧЭС способствует ускорению экономического развития стран Причерноморского бассейна, сближению их политических позиций и укреплению безопасности в регионе и на континенте в контексте общеевропейских и глобальных трансформаций.

В среднесрочной перспективе наиболее вероятным представляется расширение сотрудничества причерноморских стран при сохранении существующей архитектуры ЧЭС как региональной экономической организации без надгосударственных органов управления.

Углубление экономической интеграции требует согласованных действий причерноморских стран по следующим приоритетным направлениям:

- унификация транспортных и таможенных процедур для ускорения международных грузовых и пассажирских перевозок;
- гармонизация национальной законодательной и нормативной базы экономических отношений в соответствии с принципами ВТО и стандартами ЕС для создания зоны свободной торговли как первого этапа перехода к режиму свободного передвижения товаров, услуг, капитала и рабочей силы в Причерноморском бассейне;
- разработка межгосударственных программ интенсификации совместного использования материально-технических ресурсов, капитала и рабочей силы стран ЧЭС для реализации крупномасштабных экономических проектов в Причерноморском бассейне и соседних субрегионах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современные международные отношения формируются в условиях глобализации экономики и возрастающей взаимозависимости всех стран и регионов мира. Влияние кардинальных изменений геополитического и геоэкономического устройства после распада мировой социалистической системы на процессы интеграции стали объектом изучения науки лишь в конце XX века. Это определяет недостаточную полноту и некомплексный характер проведенных до настоящего времени исследований проблем развития народнохозяйственных комплексов Греции, Украины и других стран Организации Черноморского экономического сотрудничества в условиях распространения западноевропейской интеграции на постсоциалистические страны и новые независимые государства Центральной и Восточной Европы. Исследование глобальных стратегий торгово-экономического сотрудничества стран Причерноморского бассейна, выполненное в рамках данной работы, позволяет сделать следующие выводы:

- Процессы европейской интеграции являются структурообразующими в формировании экономического и политического сотрудничества всех стран континента и построении новой системы коллективной безопасности. В постсоциалистических и постсоветских странах Центральной и Восточной Европы внеинтеграционная стратегия развития приводит к торжеству демократических преобразований и рыночных реформ.
- Европейский Союз достиг наивысшего среди всех интеграционных организаций мира институционального уровня, став объединением 27 суверенных стран в форме надгосударственного образования, принципиально отличающегося от всех существующих типов (нация – государство; федерация; конфедерация и пр.). Расширение ЕС ускоряет экономический рост за счет увеличения количества эндогенных факторов саморазвития интеграционной группировки и синергии культур

и технологий объединяющихся стран, обладающих общими целями и цивилизационными характеристиками, и является объективно обусловленным результатом развития политико-экономической структуры континентального масштаба в глобальном механизме организации социально и экологически направленной хозяйственной деятельности. Стратегия «открытого регионализма» ЕС направлена на построение нового мирового экономического порядка и создание благоприятных условий международной торговли для равноправной интеграции постсоциалистических, постсоветских и развивающихся стран в мировую экономику.

- Исторически сложившиеся принципиальные отличия в обеспеченности материальными, энергетическими, финансовыми и людскими ресурсами обуславливают различный характер реакции экономических систем ЕС и США на изменения внешних условий хозяйственной деятельности. ЕС стал антикризисным стабилизатором мировой экономики благодаря достижению паритета с США по величине ВВП, а образование Экономического и Валютного Союза и введение евро укрепило финансовые основы формирующейся многополярной структуры мирового хозяйства.
- На современном этапе развития мирового хозяйства лидерство ЕС во внешней торговле и единая согласованная позиция 27 стран-членов на переговорах в ВТО определяют ведущую роль ЕС как главного фактора либерализации мировой торговой политики.
- Усиление геоэкономических и геополитических позиций ЕС как глобального стабилизирующего фактора и наиболее развитой совокупности социально и экологически ориентированных общественных производств объективно требует его дальнейшего расширения, поэтому в перспективе неизбежно включение в ЕС Украины, Молдовы, балканских и кавказских стран ЧЭС как неотъемлемых частей европейского цивилизационного пространства.
- Глобализация усиливает влияние международных организаций и объединений на регулирование межстрановых потоков товаров, капитала, рабочей силы, технологии и информации и одновременно повышает роль государственного управления при выборе национальных приоритетов развития и создании

оптимальных условий для эффективной реализации экономического потенциала страны. Интеграционные объединения становятся основными структурными элементами мировой экономики, а расширение и углубление региональной и субрегиональной интеграции представляет собой один из промежуточных этапов исторически длительного процесса формирования единого глобального экономического комплекса.

- Трансформация экономик стран Причерноморского бассейна привела к позитивным изменениям общей структуры ВВП, соответствующим объективным закономерностям мирового развития. Вместе с тем, в постсоветских странах ЧЭС вследствие субъективных ошибок в проведении реформ произошел кризисный спад ВВП и сформировалась экспортрасширяющая модель экономического роста при сокращении внутреннего рынка и ухудшении структуры товарного производства.
- Минимизация экономических потерь в ходе рыночной трансформации требует синхронного и комплексного обеспечения либерализации цен, финансовой стабилизации и стимулирования национального производства. Альтернативная стратегия проведения градуалистских реформ, основанная на квазимонетаристских представлениях о приоритете достижения финансовой стабилизации как обязательного условия последующего экономического роста, неизбежно приводит к гиперинфляции, массовой безработице и падению жизненного уровня населения.
- Укрепление экономической безопасности постсоциалистических и постсоветских стран ЧЭС требует перехода от пассивной модели «догоняющего развития» к активному государственному стимулированию импортозамещающих и экспортных инновационных производств в сочетании с увеличением объемов внешней торговли при опережающем развитии внутреннего рынка. Рост внутреннего потребления и диверсификация экспорта являются необходимыми предпосылками укрепления конкурентных позиций страны на мировом рынке. Сохранение многократного разрыва между интернациональной и национальной стоимостью труда при дальнейшем увеличении экспорта ресурсозатратных товаров с малой глубиной переработки может привести к реализации модели «разоряющего роста» в постсоциалистических и постсоветских

странах ЧЭС и закреплению за ними стратегически бесперспективных низкотехнологичных и экологически проблемных секторов глобальной экономики.

- Инфляция является объективно неизбежным следствием структурной неуравновешенности экономики и на стадии интенсивной системной трансформации не препятствует динамичному росту ВВП.
- Монетаристские методы антиинфляционного регулирования имеют ограниченную применимость в переходных экономиках постсоветских стран ЧЭС, а использование девальвационного ресурса для преодоления спада ВВП носит кратковременный характер и после становления рыночных механизмов регулирования внешней торговли и денежно-кредитных отношений не может служить инструментом длительного экономического роста.
- Определение рентабельности внешней торговли с учетом доли импортной составляющей в цене экспортного товара и различий в темпах изменения цен и обменного курса дает возможность устанавливать оптимальные параметры валютного регулирования. Зависимость между коэффициентом покрытия импорта экспортом и отношением индексов инфляции и девальвации в странах – торговых партнерах позволяет оценивать влияние корректировки обменного курса на условия торговли.
- Несогласованность экономического законодательства ЕС и постсоветских стран ЧЭС препятствует созданию международных консорциумов по строительству и эксплуатации континентальных систем транзита энергоносителей, телекоммуникационных сетей и транспортных коридоров. Расширение использования пространства ЧЭС как транзитной транспортно-коммуникационной зоны является одним из наиболее доступных источников финансовых ресурсов для развития экономики региона.
- Опыт построения открытой рыночной экономики Греции, интегрированной в европейскую и глобальную системы международного разделения труда, показал, что вхождение страны с низким начальным уровнем конкурентоспособности в интеграционное объединение способствует эффективной реализации всех факторов экономического роста, а конкурентные

преимущества в отдельных секторах экономики наиболее полно реализуют предприятия, интегрировавшиеся в производственные и маркетинговые сети ТНК. В период ликвидации структурных деформаций внутреннего рынка рост предложения денег, опережающий темпы инфляции, способствует экономическому развитию, а оперативное регулирование курса национальной валюты в соответствии с изменениями цен обеспечивает наивысшие темпы роста внешнеторгового оборота. Греческий опыт создания транснациональных консорциумов для реализации экономических проектов международного масштаба, а также практика установления отношений партнерства между предприятиями стран – участниц интеграционного объединения для координации производственных программ с целью исключения внутриотраслевой конкуренции между ними на мировых рынках может быть использован в странах ЧЭС.

- Экономика Украины, располагающей богатыми природными ресурсами, аэрокосмическим, энергетическим, машиностроительным и горнометаллургическим комплексами и развитой системой образования и научных исследований, имеет объективные предпосылки стать после завершения рыночной трансформации одной из наиболее динамичных в Европе.
- Товарооборот между Украиной и ЕС носит ярко выраженный межотраслевой характер, что свидетельствует о низком уровне реальной интеграции украинской экономики в экономику ЕС.
- Предложенная методика определения избыточных антропогенных загрязнений атмосферы показывает перспективность международной торговли квотами на выбросы двуоксида углерода как дополнительного источника валюты для модернизации экономик постсоциалистических и постсоветских стран ЧЭС.
- ЕС, ЧЭС и другие объединения в Европе и на постсоветском пространстве представляют собой субъективные проявления единой сущности объективного закона интернационализации экономики. ЧЭС играет важную роль в развитии стран-участниц, способствуя повышению эффективности использования факторных преимуществ национальных экономик в системе международного разделения труда. Стратегии разви-

тия сотрудничества направлены на повышение конкурентоспособности стран ЧЭС, модернизацию производственной базы и рост торгового оборота при сокращении доли товаров сырьевой группы и увеличении доли машин и оборудования. Углубление микроинтеграции на уровне многонациональных корпораций и финансово-промышленных групп является наиболее реальным путем развития региональной интеграции для создания в будущем экономической системы макроуровня с институционализированными межгосударственными органами управления соответствующими отраслями национальных экономик стран ЧЭС.

- Уникальное геополитическое положение в центре Балтийско-Черноморской «оси Европы» определяет ключевую роль Украины в экономическом развитии и укреплении безопасности в Причерноморском бассейне и прилегающих субрегионах.
- Государственная целевая поддержка наукоемких производств, стимулирование внутреннего спроса, диверсификация экспорта и улучшение инвестиционного климата являются необходимыми предпосылками равноправной интеграции стран ЧЭС в мировую экономику.
- Совершенствование стратегического управления экономикой, укрепление системно-регуляторной функции государства и создание стабильной институциональной среды позволят Украине перейти к информационно-инновационной модели роста с эндогенным типом развития.
- Дальнейшее углубление международного экономического сотрудничества требует смещения акцентов научных исследований в сферу решения методологических проблем оптимизации совместного использования материальных, энергетических, трудовых и финансовых ресурсов для обеспечения устойчивого роста экономик стран Причерноморского бассейна в глобальной конкурентной среде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Действующее международное право. Документы в 2-х т. М.: Междунар. отношения, 2002., Т. 2. – 512 с.
2. The Treaty on European Union (Lisbon). – Luxembourg, Office for Official Publications of the European Communities, 2007. – 250 p.
3. Копійка В. В.; Шинкаренко Т. І. Європейський Союз: заснування і етапи становлення. – К.: Видавничий Дім «Ін Юре», 2001. – 448 с.
4. Europe from A to Z. Guide to European Integration / Institute of European Politics. Ed. W. Weidenfeld, W. Wessels. – Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2000. – 264 p.
5. NATO Handbook. NATO Office of Information and Press. Brussels, Belgium, 2001. – 530 p.
6. Посельский В. Європейський Союз: інституційні основи європейської інтеграції. – К.: Смолоскип, 2002. – 168 с.
7. Eurostat Yearbook. A Statistical Eye on Europe. Data 1988–1998. /CEC. – Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities. Edition 2000. – 533p.
8. Viner J. Studies in the Theory of International Trade. – New York, 1937.
9. Viner J. The Custom Union Issue: Carnegie Endowment for International Peace. – New York, 1950.
10. Киреев А. П. Международная экономика. В 2-х ч. – Ч. 1. Международная микроэкономика: движение товаров и факторов производства. Учебное пособие для вузов. – М.: Междунар. отношения, 1999. – 416 с.
11. Бураковський І. Теорія міжнародної торгівлі. – К.: Основи, 1996. – 241 с.

12. The Treaty on European Economic Community / United Nations Treaty Series. – N. Y., 1958, vol.298, № 4300–4302.
13. Макконнел К. Р., Брю С. Л. Экономикс: принципы, проблемы и политика. Пер. с англ. 11-го изд. – К.: Хагар – Демос, 1993. – 785 с.
14. 2000 Broad economic policy guidelines. Convergence report 2000 /European Economy, № 70, 2000. European Commission Directorate-General for Economic and Financial Affairs. – Luxembourg, 2001. – 401p.
15. Крушинський В. Ю. Британська Європа чи європейська Британія. Великобританія в європейських інтеграційних процесах: Монографія. – К.: Видавничо-поліграфічний центр «Київський університет», 2003. – 214 с.
16. Κωνσταντινίδης Σ. ΕΟΚ – Χώρες – κρατικού εμπορίου της Ανατολικής Ευρώπης. – Θεσσαλονίκη, 1987.
17. The Single European Act. A Government Information Booklet. – Dublin, CEC, 1987, May. – 62 p.
18. Всеобъемлющая международная безопасность: справочник /Сост. Клименко А. П., Кузнецов В. И. – М.: Междунар. отношения, 1990. – 326 с.
19. European Council. Dublin 25 and 26 June 1990 / CEC, CH 60/1/90. – 19 p.
20. Accords politiques centre les etats membres et l'URSS. – Bruxelles, 30 Nov.1990. – 27 p.
21. Borchardt K.-D. European Integration. The origins and growth of the European Union. – CEC. – Luxembourg, 1995. – 115 p.
22. The Treaty on European Union (Maastricht). CEC. – Luxembourg, Office for Official Publications of the European Communities, 1992.
23. L'Europe de la defense. Edition de l'espace europeen. – Paris, 1990. – 340 p.
24. Действующее международное право. – М.: Междунар. отношения, 2002 г., Т.1. – 768 с.
25. The BSEC at Fifteen: Key Documents, 1992–2007. Compiled by I. Stribis & D. Karabelas (revised edition). – Athens, International Centre for Black Sea Studies, 2007. – 344 p.

26. Krugman P. New Theories of Trade among Industrial Countries // *American Economic Review, Papers and Proceedings* 73, № 2 (May 1983). – P. 343–347.
27. Krugman P. Economic Integration in Europe: Some Conceptual Issues // *Efficiency, Stability and Equity: A Strategy for the Evolution of the Economic Systems of European Community*. – N. Y.: Oxford University Press, 1987. – P. 117–140.
28. Balassa B. Trade Creation and Trade Diversion in the European Common Market: An Appraisal of the Evidence // *The Manchester School of Economic and Social Studies* 42, № 2 (June 1974). – P. 93–135.
29. Balassa B. Intra-Industry Specialisation: a Cross-Country Analysis // *European Economic Review* 30. – 1986, February, № 1. – P. 27–42.
30. Lipsey R. G. The Theory of Customs Unions: a General Survey // *The Economic Journal*, 70, № 279 (September 1960). – P. 496–513.
31. Lloyd P. J. 3x3 Theory of Customs Unions // *Journal of International Economics*, № 1/2 (February 1982). – P. 41–63.
32. Grubel G. H. and Lloyd P. J. *Intra-Industry Trade: The Theory and Measurement of International Trade in Differentiated Products*. – New York, J. Wiley and Sons, 1975.
33. Grable H., Hughes K., Landesman M. *The Implication of Eastward Enlargement for EU Integration, Convergence and Competitiveness // The Economic Challenge for Europe*. Edward Elgar. – 1999.
34. Ellison D. *The Eastern Enlargement: A New or a Multi – Speed Europe? // Frameworks for Industrial Policy in Central and Eastern Europe*. – Ashgate. – 1999.
35. Nicolaidis E., Kyrkilis D., *Export Competition between Central and Eastern European Countries in the EU Market // Integration and Transition in Europe: The Economic Geography of Interaction*. – Routledge. – 2000.
36. Dunning J. *American Investment in British Manufacturing*. – L.: Oxford University Press, 1958.

37. Dunning J. *Multinational Enterprises and the Global Economy*. Wokingham, England: Addison Westley, 1993.
38. Buckley P., Casson M. *The Future of the Multinational Enterprises*. – L.: Oxford University Press. – 1976.
39. Vernon R. *The Product Cycle Hypothesis in a New International Environment* // *Oxford Bulletin of Economic and Statistics* 41, № 4 (November 1979.) – P. 255–267.
40. Corden M. W. *The Theory of Protection*. L.: Oxford University Press. – 1971.
41. Corden M. W. *Protection, Growth and Trade*. N. Y., Irwin Press. – 1985.
42. Lucas R. E. *On the Mechanism of Economic Development* // *Journal of Monetary Economics*. – 1988, № 22. – P. 3–42.
43. Stockey N. L. *Human Capital, Product Quality and Growth* // *Quarterly Journal of Economics*. – 1991, № 106. – P. 578–616.
44. Bhagwati J. (ed.). *Taxing the Brain Drain: a Proposal*. – Vol. 1–2. – Amsterdam, 1976.
45. Verspagen B. *A Global Perspective on Technology and Economic Performance*. // *Innovation and Structural Change in Post-Socialist Countries: A Quantative Approach*. Kluwer Academic Publishers. – 1999.
46. Mundell R. A. *Capital Mobility and Stabilisation Policy under Fixed and Flexible Exchange Rates* // *Canadian Journal of Economic and Political Science*, № 29, 1963. – P. 475–485.
47. Mundell R. A. «Do Exchange Rates Work?: Another View» // *American Economic Review*, 1991.
48. Mundell R. A. *EMU and the International Monetary System: a Transatlantic Perspective* // *Oesterreichische National Bank Working Paper (Austria)*. – 1993, July, № 13. – P. 1–41.
49. *Западноевропейская интеграция: Политические акценты* / Барановский В. С., Маклейн Д. Д., Мельников Д. Е и др. – М.: Наука, 1985. – 336 с.
50. *Европейское Сообщество: Проблемы единого рынка, экономического и политического союза*. – М.: Издательство АН СССР, 1989. – 268 с.

51. Белорус О., Скаленко А. Антикризисный потенциал переходной экономики // *Економічний часопис*. – 1997. – № 8. – С. 9–12.
52. Білорус О. Г., Лук'яненко Д. Г., М. О. Гончаренко та ін. Глобальні трансформації і стратегії розвитку: Колективна монографія – К.: Ін-т світової економіки і міжнародних відносин НАН України, 1998. – 429 с.
53. Михалопулос К., Тарр Д. Краткий обзор перемен со времени обретения независимости // *Внешняя торговля в новых независимых государствах*. – Вашингтон: Всемирный Банк/ПРООН, вып.13, 1995. – С. 1–27.
54. Михалопулос К., Тарр Д. Рекомендации в области торговой политики // *Внешняя торговля в новых независимых государствах*. – Вашингтон: Всемирный Банк/ПРООН, вып.13, 1995. – С. 243–261.
55. Αγγελόπουλος Α. Κρίσιμα προβλήματα της διεθνούς οικονομίας και οικονομική πολιτική. – Αθήνα, Εκδόσεις Παλαζήση, 1996.
56. Μπαμπανάσης Σ. Οι επιχειρήσεις στην Ανατολική Ευρώπη. Μορφές, οργάνωση, διοίκηση επιχειρήσεων, μικτές επιχειρήσεις. – Αθήνα, Εκδόσεις Παλαζήση, 1995. – 504 σ.
57. Balcerowicz L., Gelb A. Macropolicies in Transition to a Market Economy: A Three-Year Perspective // *Conference on developing economies*. World Bank, Washington D. C., 28–29 April 1994.
58. Brada J. Regional Integration in Eastern Europe. Prospects for Integration within the Region and with the European Community // *Conference on New Dimensions of Regional Integration*. World Bank, Wash. D. C., 2–3 April 1992.
59. Геєць В. Економіка України: моделі реформування, зміна структури та прогноз розвитку. – К.: Інститут Держуправління і самоврядування при КМ України, 1993. – 113 с.
60. Корнаї Я. Шлях до вільної економіки: відхід від соціалістичної системи – угорський приклад: Пер. з англ. Під заг. ред. В. Д. Сікори. – К.: Наукова думка, 1991. – 138 с.

61. Lavigne M. *The Economics of Transition. From Socialist Economy to Market Economy.* – L.: MacMillan Press, 1995.
62. Liargovas P., Chionis D. *Economic Cooperation between the European Union and the Transition Economies of Central European Initiative Countries // Post-Communist Economies, vol.13, № 1, 2001. – P. 55–70.*
63. Пахомов Ю. М., Лук'яненко Д. Г., Губський Б. В. *Національні економіки в глобальному конкурентному середовищі.* – К.: Україна, 1997. – 237 с.
64. Ungerer W. *European Perspectives and Central Europe // Studio diplomatica, vol.44, № 4. – Brussels. – 1991. – 42p.*
65. Schipke A., Taylor A. *The Economics of Transformation. Theory and Practice in the New Market Economies.* – Berlin – Heidelberg, Springer Verlag, 1994. – 202 p.
66. *World Development Report 2007. Development and the Next Generation. The International Bank for Reconstruction and Development/The World Bank. Washington D. C., 2006. – 317 p.*
67. *World Development Report 2005. A Better Investment Climate for Everyone. The International Bank for Reconstruction and Development/The World Bank. Washington D. C., 2004. – 271 p.*
68. Leamer E. *Sources of International Comparative Advantage: Theory and Evidence.* – Cambridge, Mass., M. I. T. Press, 1984.
69. Atlas R. D., Treaster J. B. *Big Investors Plot Their Return to the Markets // International Herald Tribune, Tuesday, September 25, 2001. – P. 14.*
70. Rich T. *Down the Tubes // Newsweek, vol. CXXXVIII, No 14, October 1, 2001. – P. 42–43.*
71. Edgecliffe-Johnson A. *Demand for business flights «to halve» // Financial Times, Tuesday, September 25, 2001. – P. 2.*
72. Dombey D. *EU seeks unity on aid // Financial Times, Tuesday, September 25, 2001. – P. 2.*
73. *The Treaty on European Union (Amsterdam).* – Luxembourg, Office for Official Publications of the European Communities, 1997. – 375 p.

74. Treaty of Amsterdam: what has changed in Europe. CEC. – Luxembourg, Office for Official Publications of the European Communities, 1999. – 30 p.
75. Europe...Questions and Answers. How does the European Union work /CEC. – Luxembourg, Office for Official Publications of the European Communities, 1998. – 30 p.
76. World Development Report 2000/2001. Attacking Poverty. – The World Bank, New York, Oxford University Press, 2001. – 335 p.
77. World Development Report 1999/2000. Entering the 21st Century. The World Bank. – New York, Oxford University Press, 2000. – 300 p.
78. T. Allen, M. Ashbrook. EU external trade in 2000 /Statistics in Focus, External Trade, Theme 6 – 3/2001, Eurostat. – Luxembourg, 2001.
79. Камински Б. Состояние торговли и доступ на рынки ОЭСР //Внешняя торговля в новых независимых государствах. – Вашингтон, Всемирный Банк/ПРООН, вып.13, 1995. – С. 227–242.
80. Угода про Партнерство та Співробітництво. Повний текст Угоди, підписаної між Європейським Союзом та Україною в Люксембурзі 14 червня 1994 року. – К.; 1995. – 90 с.
81. Киреев А. П. Международная экономика. В 2-х ч. – Ч. II. Международная макроэкономика: открытая экономика и макроэкономическое программирование. – М.: Междунар. отношения, 1999. – 488 с.
82. Обзор экономического положения Европы в 1993–1994 гг. /ЕЭК ООН, Нью-Йорк – Женева, 1994.
83. Global Economic Prospects and the Developing Countries. The World Bank. Oxford University Press, Inc. New York, 2002.
84. 84.World Development Report 2002: Building Institution for Markets. The World Bank. Oxford University Press, Inc. New York, 2002.
85. Allen T. European Union Trade with Mexico /Statistics in Focus, External Trade, Theme 6 – 12/2000, Eurostat, Luxembourg, 2001.

86. Сборник международных договоров СССР /Министерство иностранных дел СССР. – М.: Междунар. отношения, 1991.
87. Заявление Комитета Министров обороны государств-участников Варшавского Договора //Вестник Министерства иностранных дел СССР, № 4(38), 1 марта 1989 г. – С. 28–36.
88. Assemblée de l'Union Occidentale. Doc. PE 1116. The Hague, November 1987. – 17 p.
89. Kramer S. Ph. Western Europe Eastern Question // World Today, London, 1991, vol.47, № 12. – P. 212–214.
90. Fontaine P. Europe in 10 points /European Commission, Office for Official Publications of the European Communities. – Luxembourg, 1998. – 62 p.
91. Disarmament aperiodic review by the U. N. Vol. XIII, № 4, 1990.
92. Μπαμπανάσης Σ. Η πανευρωπαϊκή συνεργασία: ΕΟΚ και Ανατολικές χώρες. Επιθεώρηση των Ευρωπαϊκών Κοινοτήτων. – Θεσσαλονίκη Παρατηρητής, 1990, № 7. – Σ. 74–100.
93. Общеввропейская встреча в верхах. Париж, 19–21 ноября 1990 г. – М.: Политиздат, 1991. – 216 с.
94. Кашлев Ю. Б. Общеввропейский процесс: Вчера, сегодня, завтра. – М.: Междунар. отношения, 1990. – 132 с.
95. Безопасность России: XXI век. М.: Междунар. отношения, 2000.
96. СССР в цифрах в 1985 г.: Крат. стат. сб. /ЦСУ СССР. – М.: Финансы и статистика, 1986. – 195 с.
97. Déclaration on the Baltic Referenda. Brussels / CEC, 4 March 1991. – 30 p.
98. Ройен К. Восточноевропейские потрясения // Международная жизнь, 1991, № 7, с. 91–95; № 9, с. 85–88.
99. Roper J. Yugoslavia and European Security // Review of International Affairs. – Belgrade, 1992, vol.43, № 1002.
100. Декларація про державний суверенітет України // Відомості Верховної Ради Української РСР. – 1990. – № 31.

101. Акт про проголошення незалежності України 24 серпня 1991 року // Відомості Верховної Ради Української РСР. 17.09.1991.
102. Declaration on the Ukraine Referenda. Brussels, Commission of European Communities, 2 December 1991. – 36 p.
103. Сискос Е. Европейское Сообщество и проблемы интеграции Украины в общеевропейские структуры: Автореф. дис... канд. истор. наук: 07.00.03. / Киевск. Университет им. Т. Шевченко. – Киев, 1992. – 20 с.
104. Заявление о создании Содружества Независимых Государств // Москва. Дипломатический Вестник. – № 1. – 13 января 1992 г.
105. Сискос Е. Европейский Союз и трансформация экономики Украины. – К.: Институт мировой экономики и международных отношений, 1997. – 245 с.
106. The EU Policies and Central and Eastern European Countries. Brussels, Commission of European Communities, 1994. – 201 p.
107. Moghian D. Pandemonium Ethnicity. International Politics. N. Y., – Oxford, 1994. – 208 p.
108. Mink A. Monetarial theorie de Acôtè de l'essentiel //Review de deux mondes. № 12, 1991. – P. 17–18.
109. Радіонова І. Ф. Макроекономіка та економічна політика. – К.: Таксон, 1996. – 240 с.
110. Black Sea Energy Reviews / Black Sea Regional Energy Centre, Sofia. – 2001.
111. Декларація про майбутнє Союзу / Ніщський договір та розширення ЄС. Міністерство юстиції України. Центр порівн. права. – К.: Логос, 2001. – Додаток 23.
112. Mankiw N. G. Macroeconomics. – N. Y.: Harvard University World Publishers. – 1993. – 712 p.
113. Білорус О. Г., Скаленко О. К. Системно-інформаційний вимір глобальних економічних процесів // Глобалізація і безпека розвитку: Монографія / О. Г. Білорус, Д. Г. Лук'яненко та ін. – К.: КНЕУ, 2001. – 733 с. – С. 608–654.
114. Huntington S. P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. – New York: Simon and Shuster, 1996. – 368 p.

115. Бор М. З. Основы экономических исследований. Логика, методология, организация, методика. – М.: Издательство «ДИС», 1998. – 144 с.
116. Глобалізація і безпека розвитку: Монографія / О. Г. Білорус, Д. Г. Лук'яненко та ін.; Керівник авт. колективу і наук. ред. О. Г. Білорус. – К.: КНЕУ, 2001. – 733 с.
117. Авдокушин Е. Ф. Экономические интеграционные процессы стран СНГ //Международные экономические отношения. – М.: Юристь, 1999. – С. 348–365.
118. Нэш Дж. Институциональная политика в области развития экспорта //Внешняя торговля в новых независимых государствах. – Вашингтон: Всемирный Банк/ПРООН, вып.13, 1995. – С. 203–219.
119. Грос Д. Генезис и гибель проекта создания Межгосударственного банка // Внешняя торговля в новых независимых государствах. – Вашингтон: Всемирный Банк/ПРООН, вып.13, 1995. – С. 220–225.
120. Σίσκος Ε. Η Οικονομική Συνεργασία του Ευξείνου Πόντου και η Περιφερειακή Οικονομική Ολοκλήρωση των Χωρών της Κοινοπολιτείας Ανεξαρτήτων Κρατών. – Αθήνα, Εκδόσεις Παλαζήση, 2001. – 287 σ.
121. ГУУАМ як міжнародна організація: проект чи реальність?: Матеріали Круглого столу (Київ, 27 лют. 2001 р.) / Нац. ін-т пробл. міжнар. безпеки, Фонд Фрідріха Еберта. – К.: НШМБ, 2001. – 80 с.
122. Adams J. S. The CIS States: Going Global // Post Soviet Prospects, vol. V, № 1, March 1997.
123. Tarr D. The Terms-of-Trade Effects of Moving to World Prices in Countries of the Former Soviet Union //Journal of Comparative Economics, № 18, 1994.
124. Duyugu Sezer. Black Sea Economic Co-operation Project: Anarchy, the Demise of Bipolarity, and the Turkish Call on the Regional Players to Co-operate rather than Defect //European Security in the 1990s: Problems of South-East Europe. – P. 155–161.

125. Yaman Baskurt. Regional Cooperation Will Create New Opportunities // Turkey: Economy, Vol. 4, № 6, May 1991. – P. 38–39.
126. Okan Üçer. The Black Sea Economic Cooperation Region // Turkey: Economy, Vol. 4, № 6, May 1991. – P. 40.
127. Устав Организации Черноморского экономического сотрудничества // Дипломатический вестник. – № 7. – Июль 1998 г. – М.: МИД Российской Федерации.
128. The Wider Black Sea Area Region in the New European Architecture. Proceedings of a Regional Parliamentary Conference, Hellenic Parliament, 8 April 2005. – Athens, 2005.
129. Λιβιεράτου Α. Ποιός κατέχει τους υδρογονάνθρακες της γης // Περιοδικό Οικονομική Επιλογή. – 1998, Μάρτιος. – Σ. 64–66.
130. A World Free of Poverty. Countries at a Glance (Selected Country). The World Bank Group, 1996–2007.
131. BSEC – EU Interaction: The BSEC Approach. Official BSEC document // Black Sea Monitor, Issue № 3, March 2007. – Athens, International Centre for Black Sea Studies. – 37 p.
132. Scientific and Technological Cooperation in the Black Sea Region. Policy Issues and Research Topics. International Centre for Black Sea Studies. – Athens, 2007. – 56 p.
133. A Community Initiative «Wider Europe – Neighbourhood: A New Framework for Relations with our Eastern and Southern Neighbours». – Luxembourg, Office for Official Publications of the European Communities, 2004.
134. Украина и проблемы безопасности транспортных коридоров в Черноморско-Каспийском регионе: Материалы I Международной научно-практической конференции / Национальный институт украинско-российских отношений, Фонд Фридриха Эберта; Редкол.: С. И. Пирожков (гл. ред.) и др. – К., 1999. – 220 с.
135. Долан Э. Дж., Кэмпбелл К. Д., Кэмпбелл Р. Дж. Деньги, банковское дело и денежно-кредитная политика / Пер. с англ. В. Лукашевича и др.; Под общ. ред. В. Лукашевича. – Л.: Профико, 1991. – 448 с.

136. Eurostat Yearbook. A Statistical Eye on Europe. Data 1999–2000. /СЕС. – Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities. Edition 2001. – 433p.
137. World Development Indicators 1998 CD-ROM, World Bank.
138. Ле Галл Ф., Хаврилишин О. Украина: направления развития торговой и валютной систем еще не определены //Внешняя торговля в новых независимых государствах. – Вашингтон: Всемирный Банк/ПРООН, вып.13, 1995. – С. 65–84.
139. A Decade of Transition // Regional Monitoring Report 2001, № 8. Florence: UNICEF Innocenti Research Center. – 2001.
140. СССР в цифрах в 1990 г.: Крат. стат. сб. /ЦСУ СССР. – М.: Финансы и статистика, 1991. – 212 с.
141. Belka M., Krajewski S. and Pinto B. Transforming State Enterprises in Poland: Evidence of Adjustment by Manufacturing Firms // Brooking Paper on Economic Activity. – 1993, № 1. – P. 213–261.
142. Webster L. Private Sector Manufacturing in Poland: A Survey of Firms // IBRD, Industry Development Section, 1992.
143. Кораблин С. Ползучая привязка // Бизнес, № 41 (248), 13 октября 1997 г. – С. 26–27.
144. Мировая экономика / Под ред. проф. А. С. Булатова. – М.: Экономистъ, 2003. – 734 с.
145. Bruno M. Stabilisation and Reform in Eastern Europe: A preliminary Examination // IMF – IBRD Joint Conference on Economic Decline in Eastern Europe. June 4–5, 1992, Washington D. C.
146. Илларионов А. В России шоковой терапии не было / Известия, № 19, 01.02.1994. – С. 2.
147. Білорус О., Лук'яненко Д., Вітер І. Глобальні економічні трансформації і міжнародна економічна безпека. // Глобалізація і безпека розвитку: Монографія / О. Г. Білорус, Д. Г. Лук'яненко та ін. – К.: КНЕУ, 2001. – 733с. – С. 313–414.
148. Ханссон А. Политико-экономический анализ макроэкономики и внешнеторговой политики Эстонии // Внешняя

- торговля в новых независимых государствах. – Вашингтон: Всемирный Банк/ПРООН, вып.13, 1995. – С. 130–136.
149. Хансен Дж., Сорса П. Эстония: сияющая звезда Балтии // Внешняя торговля в новых независимых государствах. Вашингтон: Всемирный Банк/ПРООН, вып.13, 1995. С. 113–129.
150. Контракт, № 13, 15 сентября 1991. – С. 61.
151. Белорус О. Г. Механизм народнохозяйственной интеграции. – К.: Наукова думка, 1990. – 279 с.
152. Пахомов Ю. Н. и др. Механизм рыночной экономики в современных условиях. – К.: УкрНииНТЭИ, 1991. – 49 с.
153. Будкин В. С., Назимова Н. К., Шепелюк Г. А. Опыт перехода восточноевропейских стран к рыночной экономике. – К.: УкрНииНТЭИ, 1992. – 86 с.
154. Геєць В. М. Вибір шляхів до ринку // Перехідна економіка. – К.: Вища школа, 2003. – С. 45–60.
155. Мельничук В. Ми не маємо поки що власної стратегії економічних перетворень // Голос України, 17.02.1993. – С. 7.
156. Ukrainian Economic Trends. Tacis, Ukrainian-European Policy and Legal Advice Centre, СЕС, Brussels, August 1999. – 36 p.
157. Пинзеник В. Макроэкономическая стабилизация в Украине: итоги и проблемы первого года // Вопросы экономики. – 1996, № 2. – С. 89–96.
158. Коновалов В. Торговая политика России // Внешняя торговля в новых независимых государствах. – Вашингтон: Всемирный Банк/ПРООН, вып.13, 1995. – С. 29–51.
159. Гайдар Е. Новый курс // Известия, 10 февраля 1994 г., № 26. – С. 1–4.
160. Sidenko V. The shocks and traps of post-communist economic transformations // Political Thought (Політична думка, Київ) – 1997. – № 4. – Р. 64–78.
161. Гуревич А. Экономика и политика в эпоху диктатуры отраслевых лобби // Бизнес, № 13 (168), 9 апреля 1996 г. – С. 9.

162. Основные направления кредитно-денежного регулирования в России на 1993 год. Известия, 27 марта 1993 г.
163. Fallows J. Looking at the Sun. The Rise of New East Asian Economic and Political System. New York, Pantheon Books, 1994. – 307 p.
164. Ющенко В. Банковская система Украины в 1996 г. // Бизнес. – 1997. – № 8. – С. 16–17.
165. Черняк В. Стереотипи економічної політики потрібно ламати // Економічний часопис. – 1997. – № 1. – С. 7–11.
166. Transition Report. The European Bank for Reconstruction and Development, April 1997. Pantheon Books, 1997. – 307 p.
167. Лисицкий В. Гривня, экспорт–импорт, инфляция // Бизнес. – № 40 (247). – 6 октября 1997 г. – С. 29.
168. Вавуракис Г. Особенности оценки эффективности иностранных инвестиционных проектов в Украине // Економічний часопис. – 1998. – № 8. – С. 15–16.
169. Ενδοκοινοτικό και εξωτερικό εμπόριο. Ειδική ενημερωτική έκδοση. Εθνική Στατιστική Υπηρεσία της Ελλάδος. Γ. Γ. ΕΣΥΕ. – Αθήνα, 1996–2006.
170. World Development Report 1997. The State in a Changing World. – World Bank. New York: Oxford University Press.
171. World Development Report 2006. Equity and Development. A Copublication of The World Bank and Oxford University Press. Washington D. C., 2005. – 320 p.
172. World Economic Situation and Prospects 2006. United Nations publication № E.06.II.C.2, New York, 2006. – 162 p.
173. Геєць В. М. Монетарна політика в умовах ринкової трансформації // Перехідна економіка. – К.: Вища шк., 2003. – С. 326–337.
174. Герчикова И. Н. Международное коммерческое дело: Учебник для вузов. – М.: Банки и биржи, ЮНИТИ, 1996. – 501 с.
175. International Iron and Steel Institute 2001 Yearbook.

176. Strange S. Who are EU? Ambiguities in the Concept of Competitiveness //Journal of Common Market Studies. – 1998, Vol.36, № 1. – P. 101–113.
177. World Development Report 1998/99. The World Bank. Washington D. C., 2000. – 300 p.
178. World Economic Forum. Global Competitiveness Reports. Geneva, September 2005; October 2007.
179. Plaskovitis I. External borders of the EEC: The case of the Greek regions bordering non-member countries. – EKEM, Athens, 1990, № 6. – 18 p.
180. Tzen Yannis. H. E. P. O.: The main lever for export promotion and foreign exchange inflows //Greek Economy. International Greek Magazine for Trade and Investment, Issue 19–20/1997. – P. 170–176.
181. Papandreou G. A. Prospects for the Development of Trade Relations and Co-operation between Greek enterprises and those of Eastern European, Balkan and Black Sea countries // Greek Exporters Trade & Economic Bulletin. Eastern Europe & Balkans. Athens, Publishing Comp. «European», 2002. – 240 p. – P. 10–11.
182. Greece – Eastern Europe & Balkans: Best Prospects & Leading Sectors for Trade Cooperation //Greek Exporters Trade & Economic Bulletin. Eastern Europe & Balkans. Athens, Publishing Comp. «European», 2002. – 240 p. – P. 16–66.
183. Business with Russia. Monthly magazine, Athens, February. – 1996.
184. The World Bank Atlas, 1996. World Bank, Washington D. C., 1996.
185. Устинов И. Н. Мировая торговля: статистическо-энциклопедический справочник. – М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2002. – 848 с.
186. Внешняя торговля в СНГ. М.: Финансы и статистика. 1997–2001 гг.
187. Deardorff A. Testing Trade Theories and Predicting Trade Flows //Handbook of International Economics. Elsevier Science Publishers, 1984. – P. 467–517.

188. Piazzolo D. Trade Integration between Eastern and Western Europe: Policies Follow the Market //Journal of Economic Integration. – 1997, Vol.12, № 3. – P. 259–297.
189. Ενημερωτικό σημείωμα των διμερών οικονομικών σχέσεων Ελλάδοσ – Ουκρανίασ. – Αθήνα, Υπουργείο Εθνικήσ Οικονομίασ, 2003.
190. Державний комітет статистики України (www.ukrstat.gov.ua).
191. Global Economic Prospects and the Developing Countries. The World Bank. Oxford University Press, Inc. New York, 2001.
192. Γεσць В. Ιντεγρácii через спеціалізацію // Політика і час. – 1994. – № 4.
193. The First Ten Years. Analysis and Lessons for Eastern Europe and the Former Soviet Union. World Bank, 2002.
194. Білорус О., Пахомов Ю. Регулятивні механізми глобальної економіки. // Глобалізація і безпека розвитку: Монографія / О. Г. Білорус, Д. Г. Лук'яненко та ін. – К.: КНЕУ, 2001. – 733 с. – С. 521–539.
195. Tsoukalis L. The New European Economy. The Politics and Economics of Integration. 2-nd revised edition. – N. Y., Oxford, 1993. – 380 p.
196. Piazzolo D. The Significance of EU Integration for Transition Countries //Integration and Transition in Europe: The Economic Geography of Interaction. – Routledge. – 2000.
197. Baldwin R., Francois J., Portes R. The Costs and Benefits of Eastern Enlargement: The Impact of the EU and Central Europe //Economic Policy. – 1997, Vol.24. – P. 127–176.
198. Сіденко В., Панфілова Т., Романюк П. Протекціонізм чи вільна торгівля? Зарубіжний досвід державного регулювання зовнішньоекономічної діяльності і політика України // Політика і час. – 1996. – № 10.
199. Будкін В., Сіденко В., Новіцький В., Бураковський І., Малколм Н. Україна і ЄС: лібералізація співробітництва // Політична думка. – № 2. – К., 1995. – С. 27–39.
200. Rules of Procedures of the BSEC, adopted at the Second Meeting of the Ministers of Foreign Affairs, held in Istanbul on

- the 17 June 1993. BS/FM/ R(93)1 Attachment I to Annex IV, Article 20.
201. Stribis I. Decision-Making in the BSEC. A Creative Cartography of Governance. – Athens, International Centre for Black Sea Studies, Xenophon Paper № 1, July 2006. – 116 p.
  202. Declaration on the Establishment of the Parliamentary Assembly of the Black Sea Economic Cooperation. Istanbul, 26 February 1993.
  203. Rules of Procedures of PABSEC, 1993. Istanbul, June 1994.
  204. Recommendations adopted by the Eight Meeting of the Ministers of Foreign Affairs, held in Moscow on 25 October 1996, Annex IV to BS /FM/ R (96)2 (point 60).
  205. Black Sea Economic Cooperation: Fifteen Years of Regional Activity 1992–2007. Views by Foreign Ministers & Heads of BSEC Institutions. (Eds. Celac S., Borou O.) – Athens, International Centre for Black Sea Studies, 2007. – 104 p.
  206. The Banks in the Balkans. Special Guide. HAEMUS S. A., Editing-Analysis: P. Steriotis. – Athens, 2000. – 128 p.
  207. Статистичний щорічник України за 2002 р. – К.: Видавництво «Консультант», 2003. – 664 с.
  208. Tarianik A. Economic and Market Tendencies in Ukraine: Experience and Prospects of Development // Proceeding of the 1st International Fur Congress. Greek Fur Center S. A. – Macedonia Research Center, – Kozani, 1998. – P. 19–24.
  209. Siskos E. Protectionism and Prospect of Development in Countries of the Black Sea Economic Cooperation (BSEC) for Export of Greek Fur Products//Proceeding of the 1st International Fur Congress. Greek Fur Center S. A. – Macedonia Research Center, 1998. – P. 29–33.
  210. Βαλντέν Σ. Το εμπόριο της Ελλάδας με τις χώρες της Μαύρης Θάλασσας. Κ. Ε. Ε. Μ. – Αθήνα. Οκτώβριος 1995. – 44 σ.
  211. Φακιολάς Τ. Η Ευρωπαϊκή Κοινότητα και η ένταξη της Ελλάδας (Διεθνής ρόλος και οι σχέσεις με τις Ανατολικές χώρες). – Αθήνα, Εκδόσεις Παπαζήση, 1993. – 500 σ.

212. Οικονομικά Μεγέθη της Ελληνικής Οικονομίας. Ειδική ενημερωτική έκδοση. Εθνική Στατιστική Υπηρεσία της Ελλάδος. – Πειραιάς, 2006. – 19 σ.
213. Δείκτης Τιμών Καταναλωτή. Ειδική ενημερωτική έκδοση. Εθνική Στατιστική Υπηρεσία της Ελλάδος. – Πειραιάς, 2006. – 29 σ.
214. Statistical Series of Greek Exports 1945 –1994. – Athens: Export Research Centre, Panhellenic Exporters Association, 1995. – 121 p.
215. Greece in figures / National Statistic Service of Greece. Athens, 2003. – 29 p.
216. Barcellan R. Greece: the twelfth Member of the euro-zone // Statistics in focus. Economy and Finance (Theme 2 – 2/2001). National Accounts. – Eurostat, KS-NJ-01-002-EN-I, European Communities, 2001. – 6 p.
217. The New Athens International Airport at Spata//Greek Economy. International Greek Magazine for Trade and Investment, Issue 14–15/1996. – P. 64–66.
218. Η Ελλάδα με αριθμούς. Εθνική Στατιστική Υπηρεσία της Ελλάδος. Γ. Γ. ΕΣΥΕ. – Αθήνα, 2007. – 31 σ.
219. Short-term Energy Outlook for the European Union. 1999 Annual Energy Review. Black Sea Regional Energy Centre, Sofia. – 2000.
220. Tsounis N. Testing the Heckscher-Ohlin Theory in the Trade between Greece and the E. U. //Rivista Internazionale di Scienze Economiche e Commerciali (RISEC), Milano, Volume 47 (2000), № 2. – P. 295–315.
221. Білорус О. Г., Павловський М. А. Стратегічний вибір України на початку третього тисячоліття: захист національних інтересів, безпека розвитку і конкурентоспроможність // Глобалізація і безпека розвитку: Монографія / О. Г. Білорус, Д. Г. Лук'яненко та ін. – К.: КНЕУ, 2001. – 733 с. – С. 708–721.
222. Forecast International Defence Marketing Service. New York, November 2001.

223. Energy Balances of Non-OECD Countries, 2003–2004. 2006 Edition. OECD/IEA, Paris, 2006.
224. Ukraine. Standard & Poor's Full Analysis. Rating Direct Publication Date August 30, 2006. – 17 p.
225. The European Energy Charter. The Hague, 1991/United Nations Treaty Series. – New York, 1992.
226. The European Energy Charter Treaty. Signed in Lisbon on 17 December 1994 /United Nations Treaty Series. – New York, 1995.
227. European Energy to 2020: A Scenario Approach Environment. CEC. – Luxembourg, Office for Official Publications of the European Communities. – 1996.
228. The United Nations Framework Convention on Climate Change /UNEP, New York, 1992.
229. Kyoto Protocol to Rio Climate Change Convention / UNEP, New York, 1997.
230. Szlavik J., Föle M., Palvolgyi T.: Economics of greenhouse gas mitigation (Country study). UNEP–RISO, 1999.
231. Кучерявий В. П. Екологія. – Львів: Світ, 2000. – 500 с.
232. Yandle B. After Kyoto: A Global Scramble for Advantage. (http://www.independent.org/tii/content/pubs/review/TIR41_yandle.html).
233. Wackernagel M. et al. Ecological Footprints of Nations: Report to the «Rio + 5 Forum», 1997.
234. Дюканов В. Стійкий розвиток в умовах глобалізації: чи має Україна шанс? // Економічний часопис. – 1997, № 8. – С. 3–8.
235. Lomborg B. The Skeptical Environmentalist. Cambridge, 2000.
236. The European Union and the Environment. CEC. – Luxembourg, Office for Official Publications of the European Communities, 1997. – 36 p.
237. The World State 2001. Environment Working Paper. The World Bank, Washington, D. C., 2002.
238. Αγγελόπουλος Α. Για μία νέα πολιτική διεθνής ανάπτυξης. Αθήνα.: Εκδόσεις Παπαζήση, 1977.

239. Τσαρδανίδησ Χ. κ. α. Σύγχρονη Ελληνική Εξωτερική Πολιτική. Τόμοσ Α. – Αθήνα, Εκδόσεισ Σάκκουλα, 1992.
240. International Forum on Economical Cooperation in Black Sea Region. Thessaloniki, 24–26 November, 1994. – Athens: Greek Centre of European Research, December 1994. – 90 p.
241. The Last Empire. Nationality and the Soviet Future. N. Y, Ed. Conquest, 1986.
242. World Competitiveness Yearbook 2007. – Losanne, IMD, 2007.
243. The Goals and Principles of Turkish Foreign Policy // Turkey, the Ministry of Foreign Affairs. <http://www.mfa.gov.tr/GRUPP/princip.htm>.
244. Καραϊωσηφίδη Φ. Γ. Κυριαρχούμε ακόμα στη Θάλασσα // Επιλογή, Ιανουάριοσ 1998. – Σ. 51–55.
245. Kurop M. Greece and Turkey: Can They Mend Fences // Foreign Affairs, Vol.77(1), 1998. – P. 7–12.
246. Про основні напрямки зовнішньої політики України. Постанова Верховної Ради України від 02 липня 1993 р. // Україна на міжнародній арені. Збірник документів і матеріалів (1991–1995 рр.). У 2-х кн. – К.: Юрінком Інтер, 1998. Кн.1. – С. 37–53.
247. Danielyan E. Post-Soviet «Super-President» versus Democratic Transition // Prism, 26.02.1999, № 4, Part 2. – P. 34–56.
248. Білорус О. Г. Нова глобальна роль НАТО і політизація діяльності НАТО. //Глобалізація і безпека розвитку: Монографія / О. Г. Білорус, Д. Г. Лук'яненко та ін. – К.: КНЕУ, 2001. – 733 с. – С. 134–145.
249. Ведомости Верховного Совета УССР. № 36, 3 ноября 1991 г. – С. 475.
250. Kranidiotis Y. Greek Foreign Policy: An Overall Approach. [<http://hri.org./MFA/press/speech/dgap.htm>].
251. Fakiolas E. Greece in the New Balkans: A Neo-Realist Approach // European Security, Vol.6, № 4, winter 1997. – P. 110–145.
252. Shiffet R. The Southern European Cooperation Initiative: Its Origins and its Development // Mediterranean Quarterly, Vol. 9, № 4, 1998. – P. 1–13.

253. Tsardanidis C., Karafotakis E. Greece's Economic Diplomacy towards the Balkan Countries. Perceptions // Journal of International Affairs, Vol.5, № 3, September – November 2000. – P. 81–84.
254. Salavrakos D. The Geo-Economic Role of Greece in the BSEC Area //The New Geopolitics of Eurasia and Mediterranean. Τ. II. – Athens, 2001. – P. 161–167.
255. Μαλκίδης Θ. Οικονομία και Κοινωνία στον Παρευξείνιο Χώρο. – Αθήνα, Εκδόσεις Γόρδιος, 2002.
256. Malkidis T. (ed). Aspects of South-Eastern Europe and Black Sea after the Cold War. – Athens, Gordios Publications, 2006.
257. Country Overviews. The World Bank Group Home Search Up One Level. [http://worldbank.org/html/extdr/offrep/eca/\(name\)cb.htm](http://worldbank.org/html/extdr/offrep/eca/(name)cb.htm).
258. Λιβιεράτου Α. Δ. Η πορεία προς Ανατολάς // Περιοδικό Οικονομική Επιλογή. – 1998, Ιανουάριος. – Σελ. 76–78.
259. Giannoulis P. Bilateral Economic Relations, an Overview//Greek Exporters. Eastern Europe & Balkans. Trade & Economic Bulletin 2002. – P. 34–35.
260. Black Sea Synergy – A New Regional Cooperation Initiative. [COM (2007) 160 final, Brussels, 11 April 2007.
261. Καραγιάννη Μ. Η ΟΣΕΠ (Οικονομική Συνεργασία Ευξείνου Πόντου) στον 21-ο αιώνα: Προκλήσεις και Προοπτικές. – Αθήνα, Εκδόσεις ΕΚΟΜΕ, 2002.
262. Білорус О., Лук'яненко Д. Сучасні концепції та парадигми глобалістики і глобалізації політичного, економічного та соціального розвитку //Глобалізація і безпека розвитку: Монографія / О. Г. Білорус, Д. Г. Лук'яненко та ін. – К.: КНЕУ, 2001. – 733 с. – С. 12–53.
263. Human Development Report 2001. Making New Technologies Work for Human Development / UNDP, N. Y.: Oxford University Press, 2001. – 264 p.
264. Petrakos G. Fragmentation and Conflict or Integration and Cooperation in the Balkans? Options and Strategies of Development for the 21st Century //Defensor Pacis, vol.3, 1999. – P. 77–92.

265. European Council Common Strategy on Ukraine // The EU and Ukraine. Neighbours, Friends, Partners. Federal Trust for Education and Research. 2002. – P. 293–307.
266. An Energy Policy for Europe. Communication from the Commission to the European Council and the European Parliament. SEC (2007) 12, COM (2007) 1 final. Brussels, 10.1.2007.
267. Europe's Black Sea Dimensions /Adams T. D., Emerson M., Mee L. D. and Vahl M. – Brussels, Centre for European Policy Research and International Centre for Black Sea Studies, 2002.
268. Unfolding the Black Sea Economic Cooperation. Views from the Region /Safaryan S., Nuriyev E., Lessenski M. and others. – Athens, International Centre for Black Sea Studies, Xenophon Paper № 2, July 2007. – 166 p.
269. Lesser I. Global Trends, Regional Consequences: Wider Strategic Influences on the Black Sea. – Athens, International Centre for Black Sea Studies, Xenophon Paper № 4, November 2007. – 52 p.
270. Doing Business – 2009. World Bank and International Financial Corporation, September 2008 (www.doingbusiness.org).

ОБ АВТОРЕ: ЕВАНГЕЛОС СИСКОС

Евангелос Сискос родился в 1964 г. в городе Кастория, Греция.

В 1984–89 гг. получил высшее образование в Киевском государственном университете им. Т. Шевченко, в 1990–92 гг. учился в аспирантуре Института международных отношений КГУ.

Кандидат исторических наук – PhD (1993 г.).

В 1991–93 гг. работал советником по инвестициям и торговле в представительстве нефтяной транснациональной компании «Группа Вардиояннисов» в Киеве. В 1993–1995 гг. служил в Военно-Морском флоте Греции. В 1996–98 гг. учился в аспирантуре Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) НАН Украины.

Кандидат экономических наук – PhD (1998 г.).

С 1997 г. – на преподавательской и научной работе в Технологическом Институте (TEI) Западной Македонии, Греция, с 1998 г. докторант ИМЭМО. В 2002–2007 гг. – заведующий Отделением международной торговли и с 2007 г. профессор TEI.

Координатор международных программ Европейского Союза TEMPUS/TACIS и INTERREG в TEI и университетах Албании, Бельгии, Великобритании, Испании и Украины.

Автор трёх монографий и 30-ти статей, опубликованных в научных журналах стран ЕС и СНГ.

НБ ПНУС

746853

Евангелос СИСКУС

**ГЛОБАЛЬНЫЕ
СТРАТЕГИИ
ЕВРОПЕЙСКОЙ
ИНТЕГРАЦИИ**

Монография

Evangelos SISKOS

**GLOBAL
STRATEGIES
OF EUROPEAN
INTEGRATION**

Monograph

ISBN 978-966-308-273-8

Монография посвящена исследованию европейской интеграции и ее влияния на экономические отношения стран Организации Черноморского экономического сотрудничества (ЧЭС). Обоснованы концептуальные подходы к качественному и количественному анализу развития Европейского Союза (ЕС), раскрыта его роль как антикризисного стабилизатора глобальной экономики и показана необходимость дальнейшего расширения ЕС с принятием восточноевропейских, балканских и кавказских стран и прежде всего Украины. Предложены новые методы оценки национального производственного и торгового потенциала, определены основные направления оптимизации экономической политики стран ЧЭС в глобальной конкурентной среде. Особое внимание уделено трансформациям в сфере международной энергетической и экологической безопасности.

This monograph is devoted to studies of European integration and its influence on economic interaction between the Organization of Black Sea Economic cooperation (BSEC) member-states. Conceptual approaches to qualitative and quantitative analysis of the European Union (EU) development process are suggested; EU role as anticrises stabilizer of global economy are substantiated and necessity of the EU further enlargement with accession of East-European, Balkans and Caucasus countries and Ukraine first of all are shown. New methods for estimation of national productive and trade potential are proposed; main trends of BSEC countries economic policy optimisation in the global competition environment were analysed. A particular attention is given to transformations in sphere of the international energy and ecological security.

Підписано до друку 6.11.2008 р. Формат 60x80/16.
Папір офсетний. Друк офсетний. Гарнітура Times.
Умовно-друк. арк. 23,32. Облік.-вид. арк. 26,27.
Зам. № 148. Тираж 500 екз.

Віддруковано в ТОВ "Гал-Друк" м. Тернопіль